

Челябинское областная писательская организация РФ

Ю ж н ы й У р а л № 1 1 (4 2)

Литературный альманах

Челябинск

2015/2016

*Издаётся на бюджетные средства
Челябинской области.*

*Персональную ответственность
за опубликованные материалы несут авторы.
Ответственный за выпуск Михаил Рудковский.*

Ответственный за выпуск Олег Павлов
Редакторы и составители: Олег Павлов, Михаил Рудковский
Главный редактор Владимир Курбатов

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

К 80-летию Челябинской областной писательской организации

Очерк

Отделения Союза писателей России существуют во всех регионах Российской Федерации; в его составе более восьми тысяч членов. Челябинская областная писательская организация образована в декабре 1934 года. И, конечно же, не на пустом месте.

К этому времени наш край уже был известен такими мастерами слова, как Ф. М. Решетников, Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. Г. Туркин, Н. Г. Гарин-Михайловский, А. Завалишин.

В советское время Урал стал одним из «новых центров литературного движения» (Н. Пиксанов, «Областные литературы и литературное областничество»; Литературная энциклопедия, 1934). С опорой на опыт старших, дореволюционных товарищей, но и с учётом задач новой эпохи повели за собой молодые таланты уже заявившие о себе писатели: Всеволод Иванов, Лидия Сейфуллина, Юрий Либединский, Валериан Правдухин и другие.

Самой ранней литературной ячейкой в Челябинске стала ассоциация поэтов и прозаиков, организованная в 1920 году поэтом И. Шуваловым — уполномоченным Пролеткульта, приехавшим из Петрограда. По его инициативе ещё в 1921 году в Челябинске состоялся первый съезд пролетарских писателей. Ассоциация выпустила литературный сборник «Огниво», в котором представили свои произведения В. Правдухин, Ю. Либединский, Н. Бутров, Д. Попов и другие. При редакции газеты «Златоустовский рабочий» возникло одно из старейших на Урале литературных объединений «Мартен». Официальной датой его рождения принято считать 13 февраля 1927 года, хотя первая литературная страница литкружковцев была помещена в газете-предшественнице «Пролетарская мысль» 18 октября 1925 года. Первый руководитель «Мартена» известный уральский поэт Н. А. Куштум (Санников), делегат 1-го съезда писателей СССР, член СП с 1934 года. Первые литкружковцы Мария Ершова, Сергей Колосницын, Сергей Иванов, Михаил Львов, Павел Петунин, Виктор Савин, Петр Трегубенков, Федор Тарханеев, Виктор Губарев, Николай Куштум, Борис Ручьев, Виталий Василевский, Григорий Васильковский впоследствии стали авторами многих книг.

Казалось, писатели возникают ниоткуда. Но их породила сама жизнь — яркая, трудная, но манящая новизной и грандиозными целями. Так, в 1930-х годах, в станице Еткульской проходил производственную практику будущий зоотехник Сергей Чекмарёв. Молодой человек с головой окунулся в дела местных комсомольцев, проводил лекции, организовал читку газет в избах-читальнях. А ещё он вёл подробный дневник и писал стихи, благодаря которым и сегодня остается примером служения Родине.

В начале 1930-х годов после известного призыва «ударников в литературу» на Урале стали насаждаться рапповские организации; крупнейшими из них были МагАПП и ЧАПП. После открытого выступления свердловских писателей против линии РАППа в литературе, послужившего поводом для постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 года рапповские организации в Челябинске и Магнитогорске распались.

В 1934 году в Челябинске была создана литературная ассоциация «Перевал». В неё вошли В. Ветров, Г. Вольный, Э. Лесков, Д. Кожевников. Испытания временем она не выдержала, как и футуристы, заявившие о себе в журнале «Сдвиг».

Огромную роль в становлении Союза писателей страны и всего литературного процесса сыграл I Всесоюзный съезд советских писателей. В преддверии его в краях и областях были созданы оргкомитеты, сплотившие литературные силы на местах. В Свердловске 18 июля 1934 года состоялся Всеуральский съезд писателей, в работе которого приняли участие В. Инбер, В. Гусев, Н. Дементьев, А. Прокофьев, Б. Корнилов, Я. Смеляков. В своём выступлении В. Гусев отметил творчество Куштума, Реута, Троицкого, Татьяничевой, Губарева, Ворошилова. Особенно высокую оценку получило творчество Ручьева, который, как отметил В. Гусев, «разрезает действительность по вертикали, вглубь».

На I Всесоюзном съезде писателей Максим Горький вручил членские билеты молодым литераторам Магнитки — А. Авдеенко, Б. Ручьеву, М. Люгарину, Н. Куштуму.

После съезда группа творческой молодёжи в Челябинске (В. Светозаров, Б. Зданович, Б. Ручьев, В. Губарев, М. Львов, Я. Вохменцев, Б. Ицын, М. Гроссман) развернула работу по созданию местной писательской организации. Им помогали более опытные В. Кузнецов и Л. Преображенская. Организационно отделение Союза писателей оформилось в 1935 году — после утверждения в столице.

Тогда же в Челябинске открылось отделение Уральского государственного издательства. Это заметно активизировало литературный процесс. Одним из первых директоров издательства стала Людмила Татьяничева. В 1944 году увидела свет первая книга Л. Татьяничевой — «Верность». Её по достоинству оценили читатели и критика. В том же году она возглавила Челябинское отделение Союза писателей СССР.

При содействии Л. Татьяничевой в короткие сроки, всего за тринадцать дней, была набрана книга «Дорога» фронтовика — офицера связи Уральского добровольческого танкового корпуса Михаила Львова. Комбриг Челябинской танковой бригады генерал М. Г. Фомичёв вспоминал

после войны: «Стихи нашего фронтового товарища хорошо знали уральцы. Они печатались в армейской газете „Доброволец“. Вырезки со стихами Львова из газеты мы находили в карманах гимнастёрки погибших солдат и офицеров...»

Первыми руководителями Челябинской писательской организации были В. Светозаров, Б. Ицын, М. Гроссман, Я. Вохменцев... Поначалу в этой должности они надолго не задерживались: звал фронт. Двадцать лет возглавляла южноуральских писателей Людмила Татьяничева. В дальнейшем не один срок руководили писательской организацией М. Аношкин, А. Шмаков, К. Скворцов...

При краеведе Александре Шмакове была заметно активизирована общественная деятельность челябинских писателей. При организации был создан литературный музей, секции критиков и литературоведов. Были учреждены Всеуральские Бирюковские литературные чтения.

Урал никогда не был изолирован от большой литературы страны. По словам Л. Татьяничевой, в 1930-е годы он стал «магнитным полем притяжения» для многих известных писателей. В «Урале Русь отражена» — эти крылатые слова поэтессы свидетельствуют не только о грандиозных преобразованиях в стране, но и созидательной атмосфере нашего края. К нам приезжали и подолгу работали Владимир Маяковский, Борис Пастернак, Константин Паустовский, Демьян Бедный, Борис Горбатов, Аркадий Гайдар, Николай Погодин и многие другие известные советские писатели. Литераторов всей страны притягивала Магнитка. На ударные стройки Урала они приезжали сюда за вдохновением. Л. Арагон, Э. Триоле, С. Стандэ, В. Броневский в своих публицистических и художественных произведениях отразили атмосферу тех памятных лет. Поэма Луи Арагона «Ура, Урал!» и ныне считается одним из лучших произведений о создателях челябинского тракторостроения.

В 1982 году в Южно-Уральском книжном издательстве вышли книги «Урал воюет» и «Урал грозный» Александра Золотова. В них собраны произведения главная тема которых — Урал и уральцы в годы Великой Отечественной войны: сказы П. Бажова, киносценарий С. Герасимова, рассказы Л. Кассиля, очерки А. Суркова, А. Первенцева, Ф. Гладкова, М. Шагинян, В. Пановой, Л. Славина, А. Караваевой, Е. Фёдорова, М. Карима, стихи Б. Ручьёва, Л. Татьяничевой, М. Львова, С. Орлова, Я. Кярнена, лауреата Ленинской премии Ю. Смула, которому в годы войны довелось трудиться на строительстве оборонного завода в Чебаркуле...

В начале 1950-х годов на Южный Урал приезжал Александр Фадеев, возглавлявший в то время Союз писателей СССР. Задумав эпопею о людях Магнитки, он поселился у знатного металлурга В. Захарова. Заезжал и в Челябинск: здесь вместе с Л. Татьяничевой принял участие в областном слёте молодых стахановцев. Создать роман о металлургах Фадеев не успел, но его дневниковые записки были изданы и поныне представляют интерес как читателям, так и писателям.

После войны литературное движение на Южном Урале оживилось. Настойчивые усилия Людмилы Татьяничевой по возвращению в Челябинскую область людей, обладавших литературным талантом, дали свои плоды. Демобилизовались фронтовики М. П. Аношкин, М. С. Гроссман, Я. Т. Вохменцев, А. И. Дементьев, М. Д. Львов, В. Д. Оглоблин, А. Н. Лозневой, В. П. Баканов. В середине 1950-х годов были реабилитированы Б. А. Ручьёв, М. М. Люгарин, С. И. Черепанов. Эти люди составили костяк писательской организации на долгие годы. Пополнили их ряды С. Мелешин, Н. Воронов, П. Смычагин.

Мощно заработало Южно-Уральское книжное издательство, и читатели не только нашей области, но и всего Советского Союза получили возможность познакомиться с новыми произведениями челябинских писателей.

Появились и новые имена. В полный голос заявили о себе поэты и прозаики послевоенного поколения: А. Ф. Бархолоенко, В. А. Богданов, Р. Ш. Валеев, Л. П. Гальцева, Н. И. Година, Н. П. Голощапов, Н. М. Егоров, С. В. Мелешин, В. Н. Миронов, К. А. Мустафин, С. К. Петров, З. Е. Прокопьева, Б. Ш. Рафиков, К. В. Скворцов, В. В. Сорокин, Т. Д. Тимохина и другие.

В 1970-х годах появляется очередная группа молодёжи в лице поэтов Р. А. Дышаленковой, А. В. Куницына, А. Б. Павлова, Г. М. Суздалева, А. Б. Садыкова, В. В. Тряпши и прозаиков В. А. Карпова, Т. А. Набатниковой, В. В. Курносенко, Г. Н. Скобликова, К. А. Шишова.

В 1980-х годах Челябинская писательская организация, когда ею руководил Константин Скворцов, выросла до тридцати человек. Ряды писателей пополнили В. Суслов, В. Машковцев, М. Шанбатув, В. Киселёва, Н. Ягодинцева, Л. Кулешова. В 90-х годах пришли В. Курносенко, Т. Тайганова, А. Сиразетдинов.

Качественно новый период начался в 1990-е годы: сборником стихов «Время есть» мощно заявил о себе Сергей Семянников. Впервые на Урале он издал книгу на собственные деньги. Ранее он стал лауреатом «Литературной газеты», публиковался в «Новом мире», в альманахах и сборниках. Позднее С. Л. Семянников в течение четырёх лет — с 2001 по 2004 годы возглавлял областную писательскую организацию, сменив в этой должности покинувшего область Г. М. Суздалева. После него обязанности руководителя исполнял Ким Макаров — известный на Урале и в Сибири поэт и прозаик; дважды избирался на должность председателя писательской организации Анатолий Белозёрцев, после которого руководителем был избран Олег Павлов — нынешний руководитель.

С 1990-х лет существенно ограничилась государственная поддержка творческих союзов, в том числе и Союза писателей. Это касается не только почти полного отсутствия финансирования издательской деятельности, но и отмена поддержки жизненно важных расходов, тогда как возможностей коммерческой деятельности у писательской организации фактически нет.

Тем не менее, работа продолжается. Прежде всего это пропаганда и агитация литературы, способствование популярности творчества южноуральских авторов и поддержка талантливой молодёжи.

У Челябинского отделения Союза писателей России есть такой опыт, сложились многолетние традиции. Речь идёт о работе литературных объединений, студий, групп. В настоящее время в области более тридцати литобъединений: практически в каждом городе, а в крупных — не по одному..

Уже упоминалось литературное объединение «Мартен» города Златоуста. Оно живёт и ныне, и успешно работает, насколько можно сегодня успешно вести такую деятельность. Из «Мартена» вышли представители пополнения новой волны — уже XXI века: Владимир Курбатов, Олег Павлов, Александр Козлов, Юрий Колесников, Юрий Тоскалёв, Сергей Бухарин, Надежда Аншукова, Анна Абаимова. Самое непосредственное отношение (как руководители) к литературному объединению «Мартен» имеют Владимир Черноземцев и Николай Верзаков, которые долгое время работали в соавторстве. В 2027 году «Мартен» будет отмечать своё столетие.

Между тем, в области есть ещё одно литобъединение такого возраста; даже на год старше — «Степь» в Троицке. Выходцы из «Степи» — прозаик Рустам Валеев и поэт Александр Куницын.

С литературной группы начиналась история Магнитогорского отделения Союза писателей России. Ныне это мощное крыло Челябинской писательской организации. С Магнитогорском навсегда ассоциированы имена М. Люгарина, Б. Ручьёва, Н. Воронова, В. Машковцева. Р. Дышаленковой, А. Павлова и других.

В настоящее время отделения Челябинской областной писательской организации работают в трёх городах области: в Манитогорске, Златоусте и Снежинске.

Литературный процесс Челябинска тоже не исчерпывается писательской организацией Союза. Отдельную славу заработали заводские литобъединения — тракторное и металлургическое. Литературная группа ЧТЗ возникла ещё в период строительства предприятия. У её истоков стояли С. Черепанов, Н. Глебов, К. Реут, Т. Тюрин, М. Львов, В. Кузнецов, братья Вохменцевы Василий и Яков. Десятки лет литературным объединением ЧТЗ бессменно руководил заслуженный работник культуры РФ Е.Г. Ховив. А в последние годы ему помогла вести занятия воспитанница этого объединения поэт Н. Ваторопина. Здесь приобщались к творчеству поэты: В. Киселёва, И. Лимонова, К. Рубинский, Н. Пикулева, И. Аргутина; прозаики: М. Багрецова, В. Сапожников, Е. Романенко. С конца 1980-х годов литературное объединение ЧТЗ носит имя нашего знаменитого земляка Михаила Львова.

Богатая история у литобъединения металлургического завода (ныне — комбинат). Более двадцати его воспитанников приняты в Союз писателей. Творчество поэтов Валентина Сорокина

и Вячеслава Богданова известно на всю страну. Богданов рано ушёл из жизни, но поэзия его живёт. Его творчество высоко оценивали Василий Фёдоров, Егор Исаев, Виктор Боков. А Валентин Сорокин, многие годы проработавший проректором Литературного института, является одним из сопредседателей Союза писателей России. Он и сейчас много пишет, откликаясь на актуальные вызовы жизни. Из «Металлурга» в большую литературу вышли и другие самобытные поэты: И. Картаполов, А. Головин, Н. Валяев, Г. Комаров, А. Куницын, Г. Суздальев, В. Тряпша, В. Носков, М. Шанбатуев... А также прозаики: Н. Голощапов, М. Колягин, Н. Новосёлов, З. Прокопьева, Н. Егоров, И. Сюмкин.

Воспитанниками литературного объединения «Экспресс», работающего при Южно-Уральской железной дороге, стали члены Союза российских писателей Н. Рябина, К. Шишов, Ю. Седов, В. Окунев. К слову, воспитанник этого коллектива, поэт, член Союза писателей России Сергей Борисов получил Первую Южно-Уральскую литературную премию.

Эта премия, инициатором которой стала поэт Н.А. Ягодинцева, при поддержке Общественно-правового движения «За возрождение Урала» присуждается с 2012 года за лучшие литературные достижения и не обязательно членам Союза писателей. В номинации «проза» ее первым лауреатом стал наш представитель Олег Павлов, а первым лауреатом в номинации «поэзия» — поэт и переводчик Сергей Борисов.

Заметный вклад в литературный процесс области, в пропаганду литературы и подготовку новых литературных кадров вносят и другие литературные объединения: в Миассе, Еманжелинске, Трёхгорном, Снежинске, Озёрске, Южноуральске... Литературные группы есть даже в небольших населённых пунктах области, а в районном центре Париж до недавнего времени вел занятия литературного объединения «Светунец» Виталий Савченков. Он — воспитанник литературного клуба «Светунец», организованного в 1978 году при Челябинской областной писательской организации Геннадием Суздальевым. В этом клубе воспитаны многие члены Союза писателей России. В 90-х годах прошлого века клуб прекратил своё существование, но был возрождён в 2003 году Олегом Павловым, и вновь продолжает готовить новые писательские кадры.

Осенью 2014 года на конференции представительной была учреждена Ассоциация литературных объединений области «Литера Артель». Её возглавил Олег Павлов. Ассоциация призвана координировать литературную работу, оказывать помощь в проведении мероприятий и решении частных вопросов. «Только что она вместе с писательской организацией и другими общественными движениями провела Фестиваль «Возвращение поэта», посвященный 105-летию Сергея Чекмарева. Мероприятия фестиваля прошли в селах Еткульского района, в Челябинске, в Каргалах и в городе Сибее (Башкортостан). В конце 2015 года проведен литературный конкурс «Литера Артель»,

следом — литературный семинар, на очереди выпуск газеты. Проектируется ответвление Ассоциации — литературные объединения селян (ЛОСЬ), премия имени С. Чекмарёва и многое другое. Вместе — мы сила!

Когда меняется время, меняется и его наполнение. Как нет книг без писателя, так и нет писателя без книг. Эту прописную истину нет-нет да и приходится вспоминать. Если в прошлые годы книги и журналы выходили за государственный счёт, то ныне основная масса литературы выходит в свет за счёт самих авторов, иногда — спонсоров. Мы рады и единственному бюджетному альманаху в год. Это реалии.

Но и в этих реалиях Челябинская писательская организация активно участвует в культурном процессе области посредством выступлений в образовательных учреждениях и трудовых коллективах, в городских и районных мероприятиях, областных фестивалях. Важными событиями становятся презентации изданных книг и журналов, которые выпускаются на средства авторов. Есть уже периодические издания, издающиеся на коммерческих условиях: альманахи «Звёздный голос»,

«Светунец», «Талисман». Без активного вклада писателей это дело не обходится. Надо по достоинству оценить работу О. Павлова, М. Рудковского, А. Сиразитдинова, В. Курбатова.

Челябинская писательская организация — одна из крупнейших в России. Наши писатели работают во всех жанрах, в том числе и в таком трудном и актуальном, как публицистика. Наша писательская организация входит в учреждённую в 2000 году Ассоциацию писательских союзов Урала, Поволжья, Западной Сибири и Алтая и таким образом принимает участие в выработке совместных решений по актуальным вызовам времени, встающим перед страной.

Безусловно, прав был А. А. Шмаков, утверждая в одной из своих работ, что «ныне навсегда исчезло деление на периферийных и столичных писателей. Есть художники слова, живущие в различных городах России, создающие общерусскую отечественную литературу».

Анатолий БЕЛОЗЁРЦЕВ
Владимир КУРБАТОВ
Олег ПАВЛОВ

О ПОВЫШЕНИИ РОЛИ ПИСАТЕЛЕЙ В ОБЩЕСТВЕ

Писатель, событие, факт: пресс-конференция

Посвященная Году литературы пресс-конференция с активом региональной организации Союза писателей России прошла в администрации губернатора Челябинской области. Разговор шёл и о планах работы в свете 80-летия областной писательской организации. С сообщениями о проделанной работе перед представителями СМИ выступили председатель правления регионального отделения Союза писателей России поэт Олег Павлов, кандидат культурологии поэт Нина Ягодинцева, а также поэт и драматург Константин Рубинский.

Отмечалось, что несмотря на финансовые трудности, писатели стараются не останавливать издательской деятельности. Регулярно выходят в свет альманахи «Звёздный голос», «Светунец», а также брендовый — «Южный Урал», краеведческий — «Старица». Эти издания дают возможность публиковаться не только членам Союза писателей, но и потенциальным поэтам и прозаикам, занимающимся в поэтическом клубе литературной студии «Вдохновение», литературном объединении «Талисман» и объединении детских писателей.

Что конкретно было сделано писателями в 2015 году, названном Годом литературы?

Писательская организация ежегодно проводит конкурс «Прекрасен наш союз» среди писателей всех рангов в нашей области. Итоги конкурса прошедшего года уже подведены. Кроме того, состоялись конкурсы детского творчества, посвящённые: писателю и педагогу Янушу Корчаку; писателю и лётчику Антуану де С. Экзюпери; юбилею М. Ю. Лермонтова; теме семьи...

70-летие Великой Победы — самое важное событие 2015 года. Этой даже также был посвящён творческий конкурс среди школьников. Этой дате был посвящён литературный фестиваль «Поклонимся великим тем годам!», в ходе которого в городах области и в Челябинске прошли литературные праздники. Фестиваль завершился праздником, который состоялся 30 мая в Камерном театре.

Писательская организация стремится расширить спектр деятельности. В ноябре прошедшего года на совместной конференции писателей и представителей литературных объединений области при Союзе писателей области была учреждена Ассоциация литературных объединений и литераторов «Литера Артель», призванная объединить самодеятельное литературное движение в области. Предполагается проведение совместных мероприятий, в том числе конкурсов и издания газеты. Одно из таких мероприятий состоялось 26–27 сентября в Еманжелинке и Челябинске; оно было посвящено 105-летию Сергей Чекмарёва.

О. Павлов рассказал о том, что при писательской организации создан театр-студия «Словече», перед которым ставится задача подготовки спектаклей по произведениям классиков и писателей Южного Урала.

При поддержке и участии писателей творческая группа «Толк» из Катав-Ивановска сняла художественный фильм «Уральский болид „Надежда“». Очередной проект — фильм по повести О. Павлова «Дом в Оболонске, или Поэма о чёрной смородине».

ПАВЛИК

1

Молодые годы я провёл в небольшом городке, который запомнился пространным собачьим лаем среди ночных раскидистых и низких кварталов. И лягушачьи хоры столь же пространно потопляли городок, накатываясь от речных заводей. Можно представить, как весело бывало Павлику Черноскутову, когда он шёл после свиданий с форштадтской красоткой Люсей. Впрочем, и сам я тоже хаживал, обуреваемый ночными хорами. В шалопайстве и буйных дурачествах я мало уступал городским проказникам, пока наконец не устроился выпускающим в районную газету и не обрёл известную взрослому серьёзность. А Павлик работал печатником в типографии, так что приятельство с ним сложилось вполне естественным естественным образом.

Пока корректоры подчищали последние огрехи на газетных полосах, а линотипистка исправляла ошибки, мы с Павликом выходили на двор покурить. Не скажу, чтобы мы презирали свою работу, но мало о ней говорили. Куда приятней было услышать франтоватый стук форменных ботинок на твёрдом тротуаре, а затем увидеть в широком створе ворот прямую фигурку курсанта авиаучилища. По исчезновении курсанта перед взором ещё какую-то минуту оставались вибрации этой волнующей фигурки. Картинный молодец, он имел завидную будущность! Его ждали Ереван, Ленинград, Ташкент, Алма-Ата, любой другой город с большим аэропортом. Парня могли заслать и в Заполярье или же иное дикое место, да ведь и заработки там нельзя сравнить с нашими.

Впрочем, не одни только курсанты занимали наше воображение. Вот, например, дантист. В белом халате, в белом колпаке, озолачивает рот какому-нибудь спекулянту и никогда не остаётся в накладе. Хорош и фотограф. У него мастерская, на окнах трепыхаются занавески, и сам он в иную минутку весело трепыхнётся и высунет голову наружу, чтобы поглядеть на собственный автомобиль с краю мостовой. Закончит работу и поедет на речку, к старым дачам...

Особая статья — бильярдная в городском саду, где главная фигура маркёр Анатолий Николаич Зорин, бывший когда-то драматическим актёром: пыхающая дымными вздохами трубка в зубах, крючковатый нос, красивые жесты и грациозный влажный выговор. Знать, собственная театральная судьба Анатолия Николаича не была вполне успешной, иначе сарказма в нём было бы поменьше. О, с каким

ядом он прохаживался насчёт Любови Орловой, которая, по его мнению, и в подмётки не годилась Мэри Пикфорд! Особенно выразительно было то, как этот сухой, шилозадый старичок вихляньем показывал никчёмность прославленной советской артистки. Его вульгарные жесты, речь, взоры, которые он бросал на собеседника, не выглядели пошлыми только потому, что были доведены до изумительного артистизма. Да и просто он был добр и отзывчив и, понимая нашу страсть к бильярду, не отказывал нам в уроках на сей счёт. Мы с Павликом играли неплохо, однако нам было далеко до настоящих мастеров, которые съезжались в городок на тайные состязания. Некоторым из них выпадали такие куши, что страшно было и помечтать. О фарте мечтали мы с Павликом, о фарте, кому же хочется прозябать в бедности!

Свободные вечера мы проводили в городском саду и немножко проказничали, пили пиво на веранде летнего ресторанчика, волочились за девушками, ну и драки тоже случались. И, может, я держался-то своего приятеля потому, что у него были знакомые среди блатных — верная подмога в критических ситуациях. Нельзя жить в маленьком городе и не знать с воришками и хулиганами, если даже сам ты из благополучной семьи. В этом просматривался известный шик, который ложился в тон всему поведению Павлика Черноскутова, включая сюда и его заливчатские манеры волокиты. Недаром любила его форштадтская красотка Люся и после танцев, уже запоздно, уходила с Павликом на городское кладбище. Туда я ни за что бы не пошёл ни с какой красоткой, ну, так ведь и не мне досталась Люся. И Люся не моя, и в жизни, которую я представлял в будущем, не я геройствовал, а Павлик Черноскутов.

В те города, где большие аэропорты, явится и Павлик. Крупно сыграет на бильярде и вовремя смотается от милиции. Затеет какое-нибудь рискованное дело с подпольной мануфактурной фабрикой, с цыганами пересечёт китайскую границу и, отметившись в Кульдже, вернётся обратно в Россию. Может быть, обворует банк. Или откроет собственную фотографию, или в Ташкенте будет промышлять золотишком, на досуге вставляя золотые зубы тамошним богатым аборигенам... Эти воображаемые картины вовсе не представлялись мне преступными по причине их наивности и, смею сказать, одухотворённости. Ведь если бы Павлик и приобрёл богатство, то всё оно было бы брошено к ногам красавицы Люси.

Что же сказать о самой Люсе? Что я помню? Горящие светом плечики, и на плечиках узкие прохладные тесёмки, поддерживающие исключительной красоты ситцевый сарафан, который она шила у Кузнечихи, знаменитой тем, что была внебрачной дочерью «французского доктора», жившего когда-то в городке. Это добавляло пикантности и портнихе, и заказчице. Впрочем, и в самой Люсе, в плоти её, просматривалось нечто тоже чуждедальнее. У неё была узкая стройная фигурка, а рыжина её пышных волос была сравнима только с красным осенним листом и тою подсветкой в воздухе, которую даёт листопадная осень. (Жители слободы были коренасты и темноволосы).

И Павлик её любил, иначе не стал бы представлять важному человеку — Анатолию Николаичу Зорину. И вот как сейчас вижу: маркёр с букетиком лиловых цветов стоит с краю веранды, а к нему идёт Павлик, потягивая за руку медлительную, с томными глазами Люсю.

— Пиво привезли... свежее! — крикнул официант, выглянув из дверей рестораника.

Люся засмеялась, взяла букет и, уткнувшись в него носом, нежно заурчала. Затем спросила, как называются такие чудные цветы.

— Гелиотроп, — ответил старик и скоренько поспешил к ресторанной двери.

Павлик был необычайно рад. Вытягивая шею и озираясь, он шёл от веранды — высматривал Люсю поверх голов и не замечал надменным взором, что милая пошагивает рядом.

— Гелиотроп! — он засмеялся тихо и счастливо, как выздоравливающей больной. — Я такого названия и не слышал никогда.

И правда, гелиотропы у нас не росли, откуда только и по какой прихоти ума вспомнился маркёру гелиотроп, может, из какой-нибудь книги или давнего разговора, или какого-нибудь тоже давнего сна, когда он гастролировал в тех местах, где произрастало волшебное растение.

2

Между тем время не стояло на месте, я вскоре уехал из городка и стал жить в Челябинске. Но каждое лето наезживал в родимое обиталище, где оставались моя матушка и мой брат. Иной раз о Павлике я даже не вспоминал. Нет, приятелей не забываешь совсем, но вспоминаются они не сами по себе, а так, в связке с каким-нибудь случаем или от скуки.

Однажды, уже скучая своим пребыванием в городке, я вышел посидеть на лавочке. Наступал июньский спокойный вечер, а мне вспоминались шумные, яркие дни и вечера детства. Я думал о том, что в городке не осталось никого, с кем я когда-то учился, играл на улице. Никого! Словно люди только и делают, что уезжают из городка. Кем же городок жив и отчего в нём население не убывает?

Вечерний туман тащился от реки, заглушая редкие звуки из дворов, и в эту минуту я вдруг услышал блекотание козы. Кто-то от угла, сердито и тихо пошикивая, тянула на верёвочке строптивую животину. Взлаяла соседская собака. Человек с козоту стал перед нашей

калиткой, я взгляделся и узнал в нём Павлика.

— А-а, — сказал Павлик, скорее досадуя, нежели радуясь встрече. — Твой брат хотел козу купить.

От радости, от неожиданности случая я ничего не успел ответить, как вышла из калитки матушка и пристально сощурилась на моего приятеля. Коза жалобно бекнула и немножко подалась к старухе, как будто они были знакомы.

— Уж больно худа, — сказала матушка.

— Ну, худовата, что ж! — грубо ответил Павлик,

— И кричит, и вымя у неё распёрло, — продолжала матушка. — У неё, знать, козлятки.

— Где это вы козляток видите?

Я был сердит на матушку, она мешала встрече, мешала моей радости, совершая при этом нечто, на мой взгляд, непозволительное, стыдное, уличая Павлика в чём-то нехорошем. Я давно уже не грубил матери, такое случалось, только когда я был мальчиком. И вот теперь мне хотелось ей наглубить.

Между тем, коза не переставала дёргаться и блекотать, Павлик озирался по сторонам, а матушка никак не уходила и не давала мне поговорить с Павликом. В конце концов то ли нечаянно, то ли с намерением Павлик упустил козу из рук и сам потрусил за нею, и что-то мне прокричал, однако я не расслышал.

— Родители культурные, а сыночек вон какой, — сказала матушка и повернула к калитке.

— Какой? Что ты мелешь? — Но мне совсем не хотелось услышать, какой именно сыночек у бывших типографских мастеров.

Из соседнего двора выбежали мальчишки-погодки и, весело крича, устремились, было, на берег, но тут же повернули обратно и скрылись во дворе. Опять всё вокруг замерло, опять тишина, словно теперь мальчуганам и пошалить нельзя, как прежде мы шаливали. Я пошёл в дом, стал ходить по комнатам. Из тайного местечка извлёк бутылку с водкой и, повертев в руке, сунул под подушку. Полчаса спустя я с этой бутылкой опять вышел со двора. На берегу маячила одинокая фигура. Сердце моё забило, бутылка булькнула от моих успешных шагов.

— А-а, — сказал Павлик. — Я, честно говоря, не надеялся... Тепловата, — небрежно отметил он, глотнув из горлышка, и напомнил мне капризно-го и манерного хозяина бильярдной.

Я спросил Павлика о старике.

— Маркёр? Где ж ему быть? Умер. — Спокойными словами он словно оповестил, что смерти нет. Кончена смерть, сказал в своё время Иван Ильич. Её нет больше.

Мы пили... и очень скоро мне стало скучно с Павликом. Наша с ним молодость потерялась, её заглушила поздняя темнота, и в этой крошечной темноте только наши бледные лица, сведённые близко, порождали слабый ночной полусвет. Но и в этой мгле и неизбежной скудости, которую оставляет нам жизнь, можно, оказывается, разглядеть живоносный блеск.

Была исключительно красивая ночь, рассказывал Павлик. Лягушки квакали, собаки брехали что твой оркестр... Он забыл ещё помянуть, как постукивали поезда в степном восприимчивом просторе, и сонный городок слышал всегда, как

размельчённые эти звуки остукивают каждый домишко и бренчат по стёклам. Внимая ночи, Павлик не спал и всё глядел в высокое окошко, забранное железной решёткой, а утром был сам не свой. На прогулке днём он посматривал на молоденького надзирателя и думал, что и тот, по всей вероятности, не спал минувшую ночь, милуясь вдвоём, и теперь казался сонным и невнимательным к арестантам.

Двигаясь вдоль решётчатой ограды, Павлик поотстал от кучи, затем неслышно перемахнул забор и в первый момент забежал за большую акацию с краю тротуара, а через минуту, сдерживаясь, чтобы не побежать, шёл быстрыми шагами на Кооперативную. Люся повисла у него на шее и задрывала ногами. «Я подумал: устрою ей праздник!» — рассказывал Павлик. В зелёном селе, на берегу большого озера, жила его тётушка. Туда и направились...

Раскуривая сигарету, Павлик прервал повествование. И молчал ещё минуты две. Уж не придумывал ли на ходу какие-нибудь особенные подробности к поездке в деревню? Вот, например, откуда-то взялся автомобиль, гружённый углём. Люся и Павлик сели в кузов и, пока тряслись по разбитым улицам, угольная пыль так намазалась на их лица, что милиционер на выезде из города принял беглецов за угольщиков. Потом они ехали, распевая песни, а поглядев друг на друга, принимались хохотать: уж больно смешны были чумазые лица.

Тётушка встретила молодых людей приветливо и тут же сообщила, что у неё истоплена баня, и дала им берёзовых веников. Павлик не только не скрыл обстоятельств своего неожиданного появления, но прямо сказал тётушке, что его ищут и очень возможно, что преследователи вот-вот наскочат и возьмут в осаду баньку. Охи-вздохи старухи были так забавны, что Люся и Павлик хохотали, как безумные. Когда, напарившись, они вышли из бани, то увидели: старуха сидит возле порога, и в руке у неё палка.

Павлик рассказывал, рассказывал... Нагромождением подробностей он словно возводил нечто таинственное, но на самом деле только рассеивал тайну, ничего из памятного не оставляя

в сокровенности. Восток светлел. Умирала ночь, и Павлик как будто умирал с этой ночью и торопился с исповедью... Прокосной дорожкой среди камышей он и Люся продвигались по озеру, чтобы затем пуститься вплавь по тёплой и густой озёрной воде. Люся дурачилась, вопила: «Ой, тону, тону!» — и он навскид подхватывал её с затылка и ухитрялся впиться губами в сочные и тёплые губы.

Накупавшись, пошагали в обход деревни. Посевы перемежались томными ввечеру колками, и хотелось молчать, как эти приуставшие тихие деревца. И вдруг на опушке как привиделось, Люся воскликнула: «Лошади!» Но это были не лошади, а лосиха с дитём. И стояла она, большая, отзолоченная закатным солнцем, а жеребёнок жался к ней, о чем-то задумываясь — наверно, о том, какую вкусную травку он ел сегодня в тенистой чаще и как напугался, когда забежал в чащу нечаянный ветер. Люся не хотела уходить и любовалась лосями, а Павлик целовал её в сочные губы, забавляясь её долгими вздохами после каждого поцелуя. Лосиха перхала, покачивала большой головой. «Наверно, ей Люська не нравилась», — со смехом вспоминал теперь Павлик, но было видно, что так он говорит потому, что сам он Люсю любил отчаянно, любил горячо.

— Сено копнили. Старуха сама-то накосила, а тут помощники приехали... — Павлик не оставлял воспоминаний, но в голосе уже сказывалась усталость,

В прежние годы мне казалось, что Павлик так широк и решителен в замыслах, что ему доступно многое — грандиозный успех, деньги и нечто большее, нежели деньги, а роскошь настоящая, звучная, как название — гелиотроп. И гордость, которую мы видели у старого маркёра. И риск, достойный великого бильярдиста.

Но что такое гелиотроп? Кустарник, растущий на грубых и сорных местах. Или наш кумир — отставной актёр? Он был нищ и одинок... Однако они — и цветок, и люди — всё же знали роскошь жизни. Вероятно, знал и Павлик. А то, что теперь он был потрепан, утомлён и нищ, разве не есть всего лишь плата, обязательная для всех?

Ким МАКАРОВ

Рассказы

АТАКА

Он бежал уже мёртвым... Взвод брал высоту, и немцы по наступающим стрелковый и миномётный огонь. Впереди Алексея — политрук с наганом в руке и прыгающей планшеткой на заднице, хохол Сопижко с толстым загорелым затылком и цыганистый Пётр Ильич, буслай и хохотун, кобком катился перед ним... Но вот он... как запылся... упал...

«Гав-гав-гав...» — нехотя, лениво затылком пулемёт. Взвод уткнулся в землю. Алексей инстинктивно тоже хотел упасть за каменистую бровку, но лишь на мгновение остановился — чтобы выдохнуть из простреленной груди тяжёлый сгусток крови... Он знал что убит и что уже нкиакие пули не страшны ему, и ещё знал что во второй раз ему не подняться с земли...

Пули цвилькали по бульжникам и как-то несурово вспомнилось: «Майка жена доила, и струйки молока по ведёрку: дзинь-дзынь...»

...и упал луч на землю и рассёк мир пополам: на чёрное и белое. На теневой стороне — поле боя — убитые, раненные, искорёженная минами горка, дым чёрный по земле стелется, полынь серая, глина, камни; на солнечной — зелень-зелено, и по травушке кони ходят, жеребята тонкими ногами взбрыкивают, в догонялки играют... коровы... телята... И над всем этим луговым миром — жаворонок колокольчиком...

Промельк этот лишь на мгновение остановил Алексея. «Ага, вот ты где! — увидел он вдруг серую лобастую лысину дота, — гнездо осинное...» Он чуть повернул в сторону — на чёрную, хрюкающую зло амбразуру. «Врёшь — не возьмёшь!» — по-чапаевски сказал он себе и сильнее сжал автомат на груди и — уже большим шагом — пошёл прямо.

Пулемёт вдруг замолчал: немцы то ли растерялись, то ли удивились — русский солдат в шапке-ушанке с красной звёздочкой, в длинной шинели,

был неуязвим, как привидение. Он шёл во весь рост, не торопясь, чуть покачиваясь из стороны в сторону.

«Та-та-та!» — злее залаяла амбразура. «На-на-на!» — плевался прицельно горячим свинцом пулемёт. Но Алексей уже был рядом. «Гад! Вошь фашистская!» — выругался Алексей и всем телом упал на амбразуру.

Ещё он слышал «Ура!, мат-перемат русский, родной... в немецкой траншее. Ещё он видел политрука с прыгающей планшеткой на... Подумал: «Спелась песенка...» Сказал громко: «Наше дело правое...», — и закрыл глаза.

И никто не знал, что он «смертью смерть поправ».

Дивизионное командование представило Алексея к званию Героя, фронтное — подтвердило, а в Москве какой-то чиновный генерал, просматривая наградные листы, сказал: «Что-то у нас много героев развелось...», и Алексей был награждён орденом Великой Отечественной войны первой степени, посмертно.

БЫЛОЕ

Вспоминает Борис Гвоздév...

— Нас тысяч десять было в лагере... Да, не в пионерском.

— Десять тысяч! Так это целая дивизия!

— Сейчас говорят, за лето сорок первого полмиллиона наших в плен попало. А как ты думаешь?! На тебя танк прёт, а ты с одной винтовкой... Тут хочешь не хочешь — хенде хох... Были, конечно: али в ярости боя, али психи... с одним штуком, по-русски рванув рубаху на груди, бросались на зверя будто какого... Ну, грязь с мясом ошмётками летит от траков...

— Страшно.

— Не то слово! Тут, скажу тебе, не только руки поднимаешь, но и ноги.

— Гэбэшник, когда проходил проверку, назвал меня предателем Родины, мол, судить тебя надо... Его бы власть — так мыть бы мне золотишко на Колыме. Какой я предатель... В плен попал не по своей воле. То, что нас окружили, командиры виноваты! Опять: патронов пять... Вот и повоюй... Да-а, пригнали нас, как скот, в чистое поле, огородили колючей проволокой, поставили три вышки с пулемётами какая тебе крыша... Небо голое. Холод наш, жара... но тепло было. Эстония страна холодная, дождливая. Бог миловал — ладошкой прикрыл, лето стояло сухое... И все удобства... Какие тебе уборные? Ни туалетов, ни клозетов... В углу одном — яма, отхожее место, стало быть. И то подойти не просто — всегда занято, с войною «очко» без очков ищешь... о малой нужде пока протолкнёшься... хуже «колючки».

Борис щурит глаза, будто увидеть хочет, заново получше рассмотреть своё былое. И словно видит...

— Я молодой ещё был, девятнадцать глупых лет, и норова и силёнки не занимать...

Убегу, — думаю. Всё равно убегу... Двух-трёх товарищей надо бы да компас достать... Ищу земляков, слоняюсь по лагерю, спрашиваю: «Нет ли кого с Омска...» Смотрю, один мужичонка обувку латает: кирзу и ботинки. Шило, нитки суровые — всё, как у сапожника настоящего. И очередь нуждающихся...

— Подрабатывал?

— Ты что! Какие деньги! Пока есть дело, человек живёт смело! Разговорились, познакомились... Хохол с Украины... Тут волна какая-то пошла по толпе, народ забеспокоился... первый раз за три дня еду привезли: баланда из квашеной капусты, из брюквы и ещё из какой-то хреновины, кольраби прозывается... Хлеба грамм сто из ячменно-ржаной муки, наполовину со жмыхом. На другой день — животы в беремья и к отхожему месту: понесло... Немцы на вышках: «Гут! Гут!» Смеются. Наземная охрана — в основном эстонцы, народ смурной, злой. Бабы, правда, как бабы наши. Жалели, видно, нас: то картошки варёной, то печёной брюквы кинут через плетень. От поноса меня и Евгения Танечкина, нового моего знакомого, Бог миловал. Тут ещё бауэры, стало быть, — местные кулаки пронюхали, что за какую-то мзду можно отобрать на батрачество в своё хозяйство молодых мужиков. Меня приглянула толстая немка Эльза... У них на свинарнике работал: убирал и чистил, мыл пол, стены, окошки... и чушек тоже. У них, у немчуры, главное — ордунг: порядок. Да, порядок во всём и чистота. Не отнимешь этого. В свинарнике, как в казарме воинской... И скажи ты на милость, свиньи у них какие культурные! В уголок ходят по большой нужде... еду всякую есть не будут, как мы баланду...

— А Танечкин?

— А Женя Танечкин оказался у эстонцев в работниках. Почти рядом — через два-три

поместья. Потом, через полтора года мы с ним бежали... удачно...К нашим партизанам попали... Но это другой рассказ. Извини, устал да и поздно уже: перепёлка не кричит и заря свяла совсем. Пойду теперь помирать.

— Извини, не понял...

— Так ведь... как уснул, так помер, считай. А утром проснёшься — радость. Опять живой. Опять воскресе... И жить сильно-сильно охота! Да-а, так и милуемся с жизнью...

Валерий МЯКУШКО

Отрывок из повести

ВЗОРВАННОЕ ВРЕМЯ

В тот воскресный летний день Василий поднялся на рассвете, намереваясь отправиться за город натаскивать шаловливого щенка Дружка, чтоб к началу охотничьего сезона иметь подготовленную собаку. Не успел он ещё одеться, как вдруг резко зазвонил телефон — по выдаваемым телефонисткой один за другим нервным длинным звонкам на вызов абонента в столь ранний час выходного дня стало понятно, что произошло что-то серьёзное.

— Слушаю! — стараясь говорить негромко, чтоб не разбудить жену и маленьких детей, ответил он.

— Василий Константинович! — раздался тревожный голос телефонистки. — Начальник Управления приказал немедленно прибыть в узел связи.

Через пятнадцать минут встревоженный Василий взбежал по невысоким ступенькам в здание узла. Прежде чем пройти в свой кабинет, он заглянул к дежурным телефонисткам — нет ли ещё каких-либо новостей.

— Немцы бомбили Житомир и Киев!

— Откуда вы такое взяли? — посмотрел он строго на взволнованных и слегка бледных после ночной смены телефонисток; то что междугородние телефонисты обмениваются между собой новостями, быстро и хорошо обо всём информированы, он знал и несколько не сомневался в правдивости их сообщения, но всё же хотел проверить — уж не провокация ли, о возможности которой в последнее время всегда предупреждали, призывая к бдительности. — Откуда знаете?

— Из Винницы сообщили!

Звонком из областного Управления вскоре подтвердили — началась война с Германией и вступает в действие мобилизационный план, в соответствии с которым Василий выставил вооружённую охрану узла — дежурившего ездового почты Остапчука с винтовкой. Ещё включил радио, но пока никаких сообщений о войне не было, что-то неопределённое брнчали на роле и скрипке.

Через некоторое время возле охранника возник какой-то шум; выйдя, Василий увидел невысокого человека с нашивками комбрига на петлицах, сдерживаемого несколько

смущённым противостоянием с таким высоким чином, но добросовестно выполнявшим обязанности часового Остапчуком.

— В чём дело? — набросился на Василия возмущённый комбриг. — Вы что, — кивнул он в сторону охранника, с появлением начальника отступившего от него, — с ума здесь походили? Я с поезда на короткое время сошёл и попасть к вам на переговорный пункт не могу.

— А Вы что, не знаете?... — спросил Василий, препровождая в свой кабинет сдвинувшего на бритый затылок фуражку комбрига, оказавшегося здесь, по-видимому, проездом. — Война началась.

— Что?! — недоумённо и подозрительно оглянулся тот, сдвигая на затылок фуражку и присаживаясь без приглашения.

Тут по радио послышался голос диктора центральной радиостудии страны Левитана:

— Внимание, говорит Москва! — Василий добавил громкость. — Передаём сообщение правительства СССР. Граждане Советского Союза! Сегодня, в четыре часа утра без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну... — Эти произнесённые медленнее обычного тревожные слова не укладывались в голове, несмотря на простоту их и ясность: началась большая война. — ... Атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбёжке со своих самолётов наши города... — Василий, забыв про посетителя, застыл у репродуктора. — ... На всём протяжении границы от Баренцева до Чёрного моря идут ожесточённые бои...

Лицо комбрига вытянулось, и он, забыв попрощаться, покинул кабинет и поспешил к вокзалу.

В это время раздался взрывы со стороны товарной станции — враг не мог оставить без внимания крупный железнодорожный узел, — и через некоторое время позвонила очень обеспокоенная Мария:

— Ходили смотреть. Видела, как бомбы падают...

— Вам что — жить надоело? — прикрикнул он...

Казалось, было то совсем недавно. К полыхавшим уже повсюду в мире войнам привыкли, прихода войны многие ждали, хотя и не так быстро, так что особенно волноваться не

следовало, даже если бомбили некоторые города в глубине страны — могучая Красная Армия должна была очень быстро проучить как следует агрессора и вышвырнуть его вон.

Но потом события стали развиваться совершенно непонятным образом — Красная Армия отступала, оставляя один город за другим, даже такие крупные, как столица Белоруссии Минск, о чём узнавали не сразу. Ходили слухи (за распространение слухов презирали, наказывали, но всё же люди прислушивались), что в первый же день войны наши понесли большие потери, и теперь нечем противостоять лавине проникающих глубоко в тыл танков и самолётов врага. Это подтверждалось тем, что немцы с некоторых пор всё чаще напоминали о себе и жмеринчанам бомбёжкой переполненного войсками и военной техникой железнодорожного узла; горожане с тревогой слушали, как размеренно рвались бомбы в районе товарной станции, как нервно и беспомощно — то поодиночке, то все сразу, — отстреливались расположенные там немногочисленные зенитные орудия.

Потом Василия вызвали в райком партии, где озабоченный и задёрганный инструктор спросил его:

— Жена, дети... Кто там у тебя из родственников ещё есть? Отец и мать? Младший брат и сестра? Эвакуировать надо — немцы с семьями совпартработников расправляются. Во Львове, как только вошли, резню самую настоящую устроили. На балконах домов людей вешали! Так что оставаться здесь никак нельзя. Ещё сестра одна здесь? — Василий назвал приехавшую из Молдавии с детьми в отпуск Ольгу. — Вот тебе на всех посадочные талоны — и быстро отправляй их отсюда. Только без паники! Что с собой брать можно? Только самое необходимое.

Сначала уехали Мария с Ольгой и детьми, следом за ними отец с матерью, Петром и Лизой. Взяли немного одежды, одеяла, горшки для маленьких детей... По чемодану и что влезло туда, всё остальное оставалось дома с Василием, так что особенно не переживали, надеясь на быстрое возвращение.

Но немцы приближались, город покинул располагавшийся в нём штаб дивизии. Вдруг из

райкома дали приказ — уничтожить аппаратуру связи.

— Не могу! — ответил Василий. — Через нас проходят связи войсковых частей, нельзя их обрывать.

— Если так, то на вас распоряжение о ликвидации материальной части пока не распространяется. С трудящимися рассчитались полностью?

— Да! Всем выдали трудовые книжки, зарплату и выходное пособие.

Это был последний разговор с райкомом. Власть в городе перешла к военному коменданту, и в узле связи появился его представитель, ровесник Василия и коллега — недавно призванный в армию связист.

— Как там дела на фронте? — поинтересовался у него Василий; что немцы близко, он уже знал — выходившие на устранение обрывов связи монтеры докладывали, что провода оборваны взрывами бомб и снарядов.

— Неважные! Танковая группа немцев провалилась у Проскурова и здорово потеснила нашу 12-ю армию. А у 18-й на Днестре дела ещё хуже. Но на помощь, говорят, из тыла целая дивизия подходит.

Ждали и надеялись, как вдруг последовал звонок из пригородного села Станиславчика:

— Здесь немцы! — раздался взволнованный голос начальника почтового отделения, и связь прекратилась.

Немцы в семи километрах и юго-восточнее города, почти в тылу? В это невозможно было поверить! Ведь до сих пор оставалась какая-то надежда на контрудар наших сил и поворот событий.

Представителя комендатуры в это время близости не оказалось, и Василий позвонил самому коменданту.

— Да! — подтвердил тот возбуждённо и скороговоркой добавил: — Немедленно ликвидируйте узел!

Василий бросил трубку и выскочил в коридор, вбежал в аппаратную, схватил приготовленный для этого случая железный стержень, открыл панель приборной стойки и, вздохнув и слегка зажмурившись, с размаху ударил по стеклянным колбам радиоламп...

Анатолий СТОЛЯРОВ

Рассказ

«МУЖИЧОК» С СЕДЫМИ УСАМИ

В декабре 1965 года я получил письмо от родного дяди с приглашением погостить в Анапе, где он жил. Настроение отличное, я знал гостеприимство семьи дяди Васи

и прихватил с собой диплом с красными корками об окончании секретного факультета ДПА (ныне — аэрокосмический) Челябинского политехнического института и фотографию

мраморной доски, на которой золотыми буквами светится моё имя и годы учёбы в вузе.

С двумя варёными курицами и булкой хлеба, что, несмотря на мои бурные протесты, засунула в мой чемодан мама, я расправился очень быстро и потом пожалел, что не взял больше. Оставалась лишь банка солёных огурцов-корнишончиков, но с чем их есть? И я решил их отвезти дяде Васе, а сам стал ходить в вагон-ресторан, но заказывал очень скромно. Судя по времени года, ресторан пустовал, как и весь южный поезд, а стайка молоденьких официанток в кокетливых кокошниках собиралась в одном углу, у стойки бара, распивали чай, похихикивали, с интересом поглядывая в мою сторону: уж явно не соответствовал мой скромный рацион новомодной причёске и щегольскому чешскому костюму, купленному по случаю на последнюю повышенную стипендию.

Одна из официанток, волоокая, белолицая, крутобедрая хохлушка пожалела меня:

— Может вам ещё что-нибудь принести?

Выдерживая форс сибарита, с отчаянием в душе я отодвинул недоеденные макароны и уж совсем по-фанфаронски добавил:

— I do not, miss! Thank you! Как у вас говорят: «Диета — залог здоровья!» Вы посмотрите, как я строен! — Я встал из-за стола и сделал девушке полупоклон.

Хохлушка растерянно похлопала, похлопала своими длинными ресницами, зарделась и смущённо отошла к стойке. Хотя с тех самых пор, я заметил, как ощутимо прибавилась моя порция макарон, и не единожды находил под ними котлеты. А официантки ещё чаще стали поглядывать на себя в зеркало, поправлять причёски и подкрашивать губки.

Я заметил, как за моей игрой в самодовольного нахала с интересом подглядывает ещё один постоянный клиент ресторана — невзрачный мужичок с доброй улыбкой. Седые волосы чуть дыбарём, седые простецкие усы, ему бы соломенную шляпу-брыль на голову и... точь-в-точь колхозный пасечник! Мужичок всегда садился за соседний столик, напротив меня, но его всегда надёжно прикрывала могучая спина, туго обтянутая пиджаком из отличного английского шевиота.

Однажды мужичок высунулся из-за этой глыбы и озорно подмигнул мне: «Дескать, что скучаешь, человек?»

Я ответил ему тем же. Мы ещё раз перемигнулись. А потом мужичок отодвинул своего сопровождающего и, поманив пальцем, указал на место с ним рядом.

Я взял недоеденные макароны, компот и пересел за соседний столик.

Мужик-глыба угрюмо смерил меня взглядом.

— Ладно, не кипятись, Иван, видишь, студент тощ, а мир посмотреть хочет.

Немедленно подскочила волоокая официантка:

— Чего желаете заказать?

— Щи по-флотски, чтобы ложка в них стояла, котлеты по-полтавски, бульбаши, чтобы в масле шкворчали...

— Так они ж на диете,— девушка робко глянула на меня и зарделась.

— Сегодня диета отменяется,— рубанул рукой мужичок.

— А у меня банка малосольных корнишончиков есть,— встрял я.

— Так что ж ты, хлопче, молчал, как рыба об лёд, а ну, швидче тащи,— премию мою обмоем и твой краснокоричневый диплом. А ты, милая, не журишь,— сказал он волоокой,— вижу, парень он гарный, только вид на себя напускает. Вот бы пара из вас получилась! Пригласите на свадьбу старика? А?

Официантка окончательно потерялась, закрыла лицо крахмальным фартучком и побежала на кухню, стуча каблучками, только замелькали стройные белые её икры.

Горилка из армейской фляжки обжигала горло, корнишончики отдавали чесноком, хреновым листом и зверобоем, были твёрды и хрустели словно первые льдинки. Недаром на них навалился Иван-глыба. Он уже не был угрюм, с его большого потного лица никак не сходила улыбка.

После второй рюмки невзрачный мужичок спросил меня.

— А ты кем будешь, добродий*?

Я хвастливо вытащил диплом «с отличием» и фото мраморной доски.

— Значит, тебя Столяровым Анатолием Васильевичем кличут. Выходит, добре ты на инженера учился, уважаю за то! А меня просто зови Михаилом Александровичем. А что ты там писал в блокнотике за столиком?

Я замялся.

— Поди, рассказ, какой? А ну, покажь.

Он нахохлился, словно прицелился и как-то очень быстро прочитал мой рассказ.

— Ну что ж, добре, будешь работать, толк будет. Давай ещё по одной — за знакомство наше короткое и за прощание, завтра моя станция. А дивчину эту, советую, не забывай, вижу, любишь ей. Ой, и хороши же бы детки у вас пошли!

Я долго не мог заснуть, ворочался на жёсткой плацкартной полке и не мог вспомнить: где, ну где я видел этого седого мужичка с доброй улыбкой, с волосами чуть дыбарём, с седыми простецкими усами, с мягким хохлацким говорком? Лишь под утро забылся.

Разбудила проводница. Она прошла по вагону, громко выкрикивая:

— Миллерово! Станция Миллерово! Готовьтесь к выходу!

Молнией пронзила мысль: «Так это же Шолохов! Где-то рядом его станица Вешенская! Михаил Александрович Шолохов! И возвращается он из Стокгольма после вручения ему Нобелевской премии! Про это же все газеты писали...»

Я глянул на перрон: тысячи ликующих людей, духовой оркестр, и чёрные «Волги», «Волги»... Военное оцепление с трудом удерживает эту массу... Поезд замедлил ход.

Я кинулся в тамбур. Проводница опускала лестницу, но не правую по ходу движения,

* Здесь: добрый человек.

к перрону, а левую. Мы спешно пожали друг другу руки, а Шолохов вынул из нагрудного кармана авторучку:

— Думаю, ты захочешь дальше писать, Анатолий,— но тогда пиши не для угоды времени, пиши для людей!

Они спрыгнули с высокой подножки, захрустели гравием. Громадный Иван взял громадный чемодан, и они заторопились через пути, к заснеженной лесопосадке, где их ждал, пофыркивая, задёрванный обыкновенный колхозный «газик».

...Та, подаренная Шолоховым авторучка, оказалась счастливой. Ею написана моя большая

первая книга «Мы живы, пацаны!» И у неё сложилась счастливая судьба,— весь солидный её тираж за короткое время разошёлся по рукам читателей. Она стала победительницей двух престижных литературных премий.

Ну а волоокая, что сулил мне Шолохов в невесты? Её звали Любава. Тогда в Анапе мы обменялись адресами и обещали писать друг другу, а потом обязательно встретиться. И писали... На двенадцать её писем я ответил одним...

Вот потому и не встретились. Видно, судьба такая.

Александр РОМАНОВ

Рассказы

ЦЕНА ВОПРОСА

Долгое общение с Жорой Лариным и его семейством в лице дочери и внучки позволяло нам обмениваться рассказами, содержащими житейский опыт и кое-какую басню, как сказал бы поэт, намёк, добрым молодцам урок. Думаю, не только молодцам, а и красным девицам тоже. Эти наши беседы — совсем не то, что печатные рассказы.

Хотя уроки мало кто извлекает даже из ударов собственной судьбы. Что там напечатанные рассказы? Мало ведь кто из сочинителей рассказывает пережитое им самим. Ладно бы ещё услышанное. Всё больше высосанное из пальца. Своеобразное соревнование: кто сочинит позаквыристей. Сочинение же нашего брата сочинителя (особенно сестры сочинительницы) сводится к составлению картинок из стандартных кубиков.

Впрочем, тот же поэт сказал: сказка ложь. Тут сочинители в своём праве. Ври покрасивее!

Мы в наших беседах не имели нужды обмениваться выдуманностями историями. Говорили между собой только о пережитом лично или, по крайней мере, людьми, которых достаточно знали. Собираюсь пересказать то, что слышал от Татьяны. Впрочем, эта история обсуждалась в городе, и высказано было много разных мнений.

— Вы, наверное, помните,— сказала Татьяна,— была в городе юристка, нотариус. И все восхищались, как она, человек с ограниченными возможностями, добилась таких успехов, каких добивался мало кто с неограниченными.

Да, я о ней слышал. Она была, что называется, колясочница. Не знаю уж, каким недугом страдала, может быть, у неё были парализованы ноги или вообще вся нижняя часть туловища, но ходит она не могла. Передвигалась исключительно на коляске. У её коляски было

устройство, позволявшее подниматься и опускаться по ступенькам. Иначе бы она так и оставалась в квартире постоянно. Все ведь знают, как и что у нас приспособлено для таких, как она. Если где и сделают отлогие спуски, то часто больше для отмазки, чтобы начальство отстало: сделали, как могли, могли бы лучше — сделали бы лучше. Но если бы сами сели в коляску и проехали по этому спуску, то вряд ли бы он показался достаточно удобным. А она всю жизнь ездила по таким спускам и медленно, при помощи рычагов, поднималась и спускалась по заплёванным лестницам подъезда, и видела мир с такой стороны, с какой он большинством из нас не наблюдаем.

Однако она не склонна была смириться со своей участью. При телесной немощи в ней разрасталась ярость духа. Она негодовала на своё состояние. Почему другие живут, а она должна довольствоваться существованием на пенсию по инвалидности и кое-каким перемещением в пространстве? Почему мир устроен так несправедливо? А ведь известно, кому в конечном счёте адресован упрёк в несправедливом устройстве мира. Она не скажет: послал Господь испытание, а скажет: Бог сделал мир неправильно. Можно было бы сделать и получше. Тем самым она упрекала Творца. Себя ставила умнее Того, Кто сделал небо и землю, море и всё, что в них. Это её не смущало. Ропот в ней нарастал. Она постепенно формулировала для себя, чего хочет. Ей нужен был успех. Но не какой-то мнимый успех, к примеру, стихотворца, которого сильно похвалили, которому громко похлопали на вечере поэзии, но которому, при этом, не заплатили ни копейки. Настоящий успех, в её понятии, выражался исключительно в деньгах. Только это она признавала. Притом, не вообще в каких-нибудь

днягах. А в достаточно больших. Только это понимает и признаёт простой народ. А ей не надо было признания кого-то ещё, кроме народа, кого народ не знает и чьих мнений не разделяет. Ей надо было, чтобы народ, при её появлении, не глядел на неё с жалостью и не отворачивался смущённо, а смотрел бы на неё с восхищением, даже с завистью: вот чего смогла добиться! Она знала, что это не утопия и не утешительная мечта. Это было реально, возможно, достижимо. У неё был идеал: Рузвельт, президент Североамериканских Соединённых Штатов. Паралитик в коляске, как она, на которого с восхищением и завистью смотрели не только здоровые соседи, но и весь мир! Судьбы мира решал этот человек в коляске. Она не претендует на весь мир, но ведь что-то же может она решать, а не только самостоятельно съездить в магазин. Людям свойственно придумывать для других, чего тем достаточно, а чего нет. Для здоровых людей было бы довольно и того, чтоб она хотя бы сама себя обслуживала. И за это её бы хвалили. Но ей этого не довольно. Её это не устраивает. Им же не довольно того, что они едят и ходят в туалет без посторонней помощи. Им же чего-то ещё надо. И ей надо.

И кроме всего прочего, ей нужен был ребёнок. Она сознавала себя женщиной и говорила себе, что настоящая женщина должна иметь ребёнка. Пока у неё не будет ребёнка, она не сможет себя чувствовать полноценной, настоящей женщиной. Наверное, больше всего она жаждала полноценности, в чём бы та ни выражалась. С первой мечтой другие, может быть, и согласились бы. Но если бы она поделилась с кем-нибудь второй, на неё, пожалуй, посмотрели бы как на сумасшедшую. Здоровые и даже красивые тётки не могут найти себе мужика, а ты вон что вообразила, прикованная к коляске! Но она вообразила и расставаться с этой мыслью не собиралась.

Она решила, что для достижения её целей ей прежде всего нужно образование. Лучше всего юридическое. Сказал же в какой-то книге какой-то герой-мафиозничек, что один адвокат в галстучке отнимет больше денег, чем семь ребят с револьверами. Или десять, она уж точно не помнила. Главное: принцип. Надо стать адвокатом или нотариусом, заняться оформлением многомиллионных сделок, от каждой из которых и тебе перепадёт. И для этого не обязательно бегать на здоровых ногах. Оформлять бумаги можно и сидя в коляске. Но прежде всего нужно образование. А ведь это легко сказать. На бюджет в институт не пробьёшься, а на платное с её-то пенсией по инвалидности?

— И как она решила вопрос? — поинтересовался я.

— Она закончила юридическую академию. Вы же помните: были академии.

Я вспомнил, что в девяностые годы появилось множество разных академий: юридических, психологических, магических, массажных, в которых после двух недель занятий, или двух месяцев, выдавали такие

раззолоченные дипломы, каких не видывали в старейших и престижнейших университетах мира. Владелец такого диплома, согласно надписи в нём, имел право заключать сделки, выступать в суде, привораживать, колдовать, преподавать, лечить больных и занимать, если позволят обстоятельства, пост премьер-министра. Пока всё это шарлатанство не раскусили, юристы с подобными дипломами и с подобным академическим образованием несколько лет занимались юридической практикой, в частности, оформляя сделки купли-продажи, дарения, наследования и т. п. Поступить в академию было не сложно и учиться не обременительно, только плати. Образование было сами понимаете какое, но деньги ведь за него брали реальные. Бизнес! Новое явление в демократической России! Никто ничего не знал, и понять не мог, хорошо это или плохо. Даже само государство не сразу смогло понять, что головы надо отрывать за такой бизнес. Государству в то время было не до этого. Всё было шатким, могло рухнуть или круто поменяться в любую минуту. Президент говорил одно, Верховный Совет другое, никто никого не слушал и не признавал. Угроза реставрации социализма и коммунизма вовсе даже не была мнимой. Кто станет обращать внимание на какие-то самодельные дипломы? Это были детские шалости по сравнению с тем, что творилось в Кремле и доме правительства. Зато наша героиня получила, по крайней мере по видимости, юридическое образование, необходимое для начала воплощения мечты. У неё был диплом с золотыми буквами, с гербовой печатью.

— Но ведь для этого всё равно нужны были какие-то деньги,— сказал я.— Где она их нашла?

— Да уж нашла,— многозначительно усмехнулась Татьяна и поправила криво сидящие очки.

Она начала оформлять документы собственности на движимое и недвижимое имущество. Выправила в городской администрации бумаги на право заниматься частной практикой и открыла собственную нотариальную контору. У неё появилась своя клиентура. Деньги у неё появились, и смешно стало получать пенсию по инвалидности. Такая это была забавная, незначительная прибавка к тому, что она начала зарабатывать.

Ею стали восхищаться, видя в ней человека, способного одолеть недуг и, вопреки всему, занять заметное место в обществе. Вы слышали, есть нотариус такая-то, с детства прикованная к коляске, а теперь она получила образование, открыла свою нотариальную контору, и дела у неё идут, лучше не надо. Пока мы перебиваемся кое-как в нынешние трудные времена, она идёт в гору! Вот что значит сила духа!

Она, в самом деле, стала одеваться, заботиться о своей внешности, что раньше в её положении казалось ей ненужным. Съездила за границу, в Германию и во Францию, и привезла оттуда рассказы о том, как там заботятся

об инвалидах, и какой резкий контраст между тем, что там, и тем, что мы наблюдаем здесь у себя. И что, в самом деле, то, что там, не производит впечатления чего-то невероятно трудного и почти невыполнимого. Напротив, кажется чем-то простым, естественным и выполнимым в жизни, стоит только захотеть. Мы сами должны что-то сделать, чтобы наши власти этого захотели, говорила она. Её лейтмотивом было не брюзжание на кого-то, кто должен сделать, чтобы ей стало хорошо, а поиск путей и способов: что я сама могу сделать. Какими путями мы сами пойдём, чтобы достигнуть такой-то цели. Не кто-то, а я сама, мы сами.

Слух о её беременности распространился вскоре между женщинами города. Те, которым в личной жизни не везло, говорили: вот что могут деньги, не находя иного объяснения случившемуся. Все гадали: кто бы мог быть отцом? Ведь одно дело — успехи в деловой области, а совсем другое — в зачатии ребёнка. Надо же, чтобы кто-то согласился лечь с ней и сумел выполнить свою часть задачи. Ведь это совсем не то, что лечь с привлекательной женщиной, к которой душа и тело сами тянутся. Ведь это надо в себе преодолеть некоторое сопротивление. И если ум можно убедить, то другие части организма действуют безрассудно. Их не уговоришь. А без них ничего не выйдет. Женщины обменивались между собой этими соображениями. А между тем, факт оставался фактом: нотариус-инвалид была беременна. Высказывались уже предположения об искусственном оплодотворении. Пытались уже подъехать к врачам-гинекологам, но те либо сами ничего не знали, либо строго хранили врачебную тайну и не хотели её нарушать ради праздного любопытства женского сообщества. И вот наша успешная бизнес-леди сделалась матерью.

Теперь все её планы воплотились. Оставалось жить, раскручивать дело и выводить ребёнка в люди. В городских газетах её воспевали. Однажды она выступала по телевизору и, если в двух словах изложить смысл её выступления, учила людей, как нужно правильно жить. И вдруг гром среди ясного неба.

В сводках Управления внутренних дел это выглядело так: «Такого-то числа такого-то месяца в такое-то время в квартире такой-то по улице такой-то обнаружен труп женщины (ф. и. о.) с признаками насильственной смерти. Там же обнаружен труп ребёнка, также с признаками насильственной смерти». Сводки, такой уж это жанр, описывают только грубый факт насильственной смерти в самом лаконичном виде.

В протоколах, не известных широким массам, содержались леденящие душу подробности. На теле блестящего, успешного нотариуса имелись следы пыток. Ребёнка, видимо, тоже мучили. Чего хотели изверги от неё, неизвестно. Денег? Каких-то документов на спорное имущество? Все сошлись во мнении, что убийство связано с профессиональной деятельностью потерпевшей. Так катастрофой прервался

полёт, вызывавший много завистливых толков.

— А что там было в самом деле, Таня? — спросил я.

Татьяна усмехнулась и поправила криво сидящие очки.

— То, что люди видели, была правда. Но не вся. Видимая поверхность.

Люди восхищались успехами, но не знали, что за кулисами. Одна банда, занимавшаяся хищениями чужой собственности, но не желавшая, чтобы всё выглядело как разбой и грабёж, а желавшая своим делам придать вид законности, решила, что ей нужен собственный юрист. Такое было в девяностые годы. Чтобы сделки с недвижимостью были нотариально оформлены и в любом суде можно было бы заявить, что никакие формальности при этом не нарушены. Суду ведь нужна не истина, а доказательства. Главное: соблюдение юридических формальностей. Можно проиграть дело из-за какой-нибудь не там поставленной запятой. И нужен юрист, который знает, где ставить запятые.

Покупать готового юриста дорого, да и нет полной уверенности, что он всё будет делать как надо (им, разумеется). И тогда-то им встретила калека, желавшая сделать карьеру и получить юридическое образование. Чего же лучше? Обоюдовыгодная сделка! Она рыпаться не будет, и если всем будет обязана им, то не станет слишком щепетильна, когда придётся оформлять изъятие квартиры у какого-нибудь спившегося старика или выжившей из ума старухи. Они помогут воплощению её мечты. А ведь за всё надо платить. Они помогут, она отработает.

Выслушав их предложение помочь ей, калек с детства, она согласилась. Не всё ведь сразу ей так вот прямо и высказали. А зачем отказываться, когда люди предлагают помощь? Ведь никто больше ничего не предлагал. Ни государство, ни партии какие-нибудь. Ни благотворительные общества. Одни нашлись отзывчивые души — бандиты.

— Душу чёрту продала, так это раньше называлось, — сказала Татьяна.

Они оплатили её юридическое образование в академии. Которая, кстати, в то время действовала легально и выдавала дипломы, которых никто не оспаривал. И вот её благодетели стали ей приносить бумаги для оформления. Подтверждать их право собственности на разную недвижимость. Иногда она говорила, что сделка сомнительна, на что ей возражали: да ладно! Мы тебе помогли, теперь ты нам. Главное: бумаги составь, а дальше мы сами. Она чувствовала, что её используют, но при этом думала: надо самой использовать эту силу. Раз они требуют от неё исполнения того, что она сама считает не вполне законным, то пусть и они ей помогут в воплощении её мечты. Однажды она им сказала, что хочет ребёнка.

И на их контрвопрос, где мы тебе возьмём ребёнка, она сказала, что хочет не какого-то ребёнка вообще, а своего собственного. Бандиты призадумались и решили метнуть жребий. Добровольного охотника стать отцом

её ребёнка не нашлось. Тот, кому выпал жребий, пришёл к ней, крепко выпил, пытался и её угостить, и спал с ней. И она зачала. Так и эта её мечта исполнилась при помощи той же банды. Пусть злая сила помогает мне, думала она, но ведь в противном случае вообще бы никто не помог. И она оформляла сомнительные сделки, чувствуя в глубине души, что рано или поздно это может обернуться неприятностями. Однажды к ней явились представители конкурентов тех, кто ей оказывал помощь и содействие, и заявили, что если она оформит их право собственности на то-то и на то-то, то ей придётся горько об этом пожалеть. Потом пришли свои и сказали, что нужно оформить это право. Она рассказала о визите непрошенных гостей. Её покровители нахмурились и переглянулись, но ей сказали, чтобы она не беспокоилась. Мы решим этот вопрос, сказали они. Но по выражению их лиц видно было, что этот вопрос для них не так прост. Тогда впервые у неё в душе зашевелился страх. Настоящий страх, которого до этого она не чувствовала. Но также она почувствовала и то, что, в сущности, у неё нет выбора. Она уже глубоко увязла. Что бы она ни думала о сделке, она не могла отказать её оформить. Она может только оформить и ждать, куда её вынесет кривая да нелёгкая.

Она почувствовала себя в ловушке. Ей двигала тёмная сила, которую она хотела использовать в своих интересах. Это как если бы она хотела подчинить себе силу течения реки, а течение подхватило её и понесло неведомо куда. Она вспомнила древний соблазн продать душу сатане, чтобы тот выполнял желания. Но ведь он в самом деле их выполнял. Всё, что она хотела, у неё теперь было. Даже ребёнок, который есть не у каждой здоровой тётки. И вот теперь, когда всё есть, хотелось бы только одного: чтобы отстал сатана, оставил в покое. Он ведь сделал своё дело, ей он больше не нужен!

Но ему нужна её душа, в которой теперь поселился страх. Он не отстаёт. Она не могла понять природы своего страха. Это был не конкретный страх, вызванный какой-то угрозой извне. Это был мистический тайный страх, рассеянный повсюду. Казалось бы, нет никаких признаков внешнего неблагополучия. А в ней жила постоянная внутренняя тревога, ничем внешне не мотивированная. Поскольку это не было связано с явной угрозой, она и не пыталась анализировать, что бы ей могло угрожать. Она думала о другом: заработала душевное расстройство. Боялась, как бы оно не перешло в серьёзное заболевание.

Прежде много веков люди в таких случаях обращались к священнослужителям той веры, в которой были рождены. Православные к попам, католики к патерам и ксёндзам, евреи к раввинам, мусульмане к муллам, жители степей и тундры к шаманам. Но она не принадлежала души ни к какой вере. Мы же помним, как она негодовала на несправедливое устройство мира. А кто его устроил? Если Он есть, Он должен быть

справедливым. А если всё, по моим понятиям, несправедливо, значит — Его нет? Так ведь мы часто рассуждаем, не она одна. Если Бог есть, то Он не допустит того, чего я не хочу. А если допускает, то, значит, Его и нет вовсе. Что это за Бог, если он не выполняет моих желаний? А раз не выполняет, обращаюсь к иным силам, лишь бы добиться того, чего я хочу. В сознании самых широких масс Бог есть исполнитель произвольных человеческих желаний. Самые широкие массы подходят и к духовным вопросам как материалисты — практически: зачем нужно то-то и то-то, если от этого для меня лично нет прямой осязаемой материальной выгоды?

Она пошла к психологам. А психологи были такие же, как она: с золотыми дипломами, полученными после двух недель занятий в самодельной академии. Притом, учиться на психологов шли, как правило, люди с собственными нерешёнными проблемами. Врачу, исцелился сам!

— Какие у неё были желания? — сказал я, открывая отчасти возникшие у меня сомнения.

— Как какие? — удивилась Татьяна.— Я же говорила: добиться положения в обществе, сделать карьеру, родить ребёнка.

— Родить ребёнка естественно. Что же касается положения, вам не кажется, что это гордыня, тщеславие?

— Так ведь и все хотят того же?

— Но ведь если все, это же не отменяет сути. Значит, все страдают гордыней и тщеславием, только и всего.

— Все хотят успеха.

— Вот и я про то.

Несомненно, она хотела того, что признаваемо всеми. Именно поэтому и готова была добиваться своей цели любой ценой. А цена оказалась слишком высокой. Цена человеческой души. Двух человеческих душ. И душа желанного ребёнка пошла на алтарь гордыни.

Очень не хотелось судить, потому что: не судите, да не судимы будете. Но я не мог понять, сужу или нет, рассуждая о трагическом событии. Разве такие происшествия даются не для того, чтобы извлечь из них какую-то суть? Значит, нужно различие между понятиями «судить» и «рассуждать»? А как узнать, что есть истина? Если бы был какой-то знак свыше... Но люди все века просят такого знака. Покажи нам знамение, и мы поверим. Всевышний сказал через пророка Мухаммеда: Я дал вам Тору, Я дал вам Евангелие, вы не поверили. Теперь Я даю вам Коран, и вы опять говорите: что-то мы сомневаемся. А Спас сказал: род лукавый и прелюбодейный! Вы ищете знамения? Не будет вам знамения, кроме... ну, вы же читали Евангелие.

По-вашему,— сказала Татьяна,— ей надо было век сидеть в инвалидной коляске и не рыпаться?

— Я не знаю, что надо было. Я только вижу, что она желаемое только подержала в руках, очень недолго, и вижу, чем за это заплатила.

ВСПОМИНАЯ АВЛА ПЕРСИЯ

Татьяна предупредила, что к ней может прийти подружка, оппозиционерка. Я давно хотел узнать, за что они, господа оппозиционеры, ненавидят действующего господина президента. Подружка ходит в толпе себе подобных с испанскими тряпками на палках вслед какому-то хмырю, которого уличили в воровстве, но которому это, как говорится, в глаза божья роса. И сторонников его сей факт не смущает. Мы же всё равно пойдём за ним, потому что нам он нравится. А кто нынче не ворует? Это ведь ещё как посмотреть.

Татьяна показала мне его фото в интернете. У него тусклые глаза. Их достаточно, конечно, чтобы различать окружающие предметы. Но, по моему мнению, глаза вождей всегда что-то излучают. Пусть одиозных вождей, пусть злодейскую идею. А в вождей, глаза которых ничего не излучают, не верю. Такие глаза — не глаза вождей. Хотя вполне годятся для наёмных работников.

Сама Татьяна иронически смотрит на эти дела. Её интересы более естественны для молодой женщины, чем носить тряпки на палках и выкрикивать хором по команде лозунги.

Я давно хотел узнать, за что господа оппозиционеры ненавидят действующего господина президента. Ведь должна же быть какая-то причина. Узнать из первых уст, а не посредством кого-то.

За что его ненавидят враги России, ясен пень. Он им ставит палки в колёса. Даёт по носу тем, которые размечтались, будто они хозяева земли. Забывают, что на земле есть ещё Россия со своими интересами, которые тоже надо уважать. Но ведь оппозиционеры, кажется, не враги? Они-то, вроде, из наших, которые только ищут свои пути, чтобы действовать на благо России? Ведущие к процветанию и могуществу Родины, а не к её унижению и падению на радость не наших? Иначе, какой толк в оппозиции? Тогда она уже и не оппозиция никакая, а натуральный внутренний враг, которого надо уничтожать, как хирург раковую опухоль, ради спасения всего организма, не спрашивая о правах отдельно взятых раковых клеток.

Из того, что я видел и читал в СМИ, я вывел для себя один рациональный тезис (говорено было много, просто я для себя вывел один): оппозиция против коррупции. Но ведь и действующий господин президент против коррупции? Любая высшая власть, в любом веке, не дожидаясь мнения оппозиции, первая против коррупции. Это не зависит от общественного строя. И от эпохи не зависит. Коррупция подъедает изнутри любой строй в любую эпоху. Историки нашли коррупцию в Древнем Египте за три тысячелетия до рождества Спасителя. Вряд ли фараон был в восторге от древнеегипетских взяточников и казнокрадов. И вряд ли ему нужны были митинги оппозиции, чтобы понять, что это зло, и бороться с ним. Турецкий султан действовал сурово и просто: садил на кол коррумпированных чиновников. Разве эти

меры, способные ужаснуть любого человека, и коррупционера в том числе, уничтожили явление? Не одного конкретного разоблачённого негодяя, к радости простого народа, а явление вообще, как таковое? Проклятых взяточников и казнокрадов одним разом и на веки веков? Или оппозиционеры считают, что только они одни понимают, что к чему, и потому выступают против коррупции, а действующий господин президент за неё? Они одни всё понимают, а кроме них никто ничего не понимает, все идиоты, зомбированное стадо. И в этом стаде никто не способен мыслить самостоятельно. «Мыслить самостоятельно» означает: мыслить, как они, только это может называться мыслью. Конечно, есть такие люди, которым лестно сознавать свою исключительность, пусть даже мнимую. Когда душу гложет изнутри комплекс неполноценности, такое сознание немного утешает.

А ещё есть у меня мысль, нигде не вычитанная, а выведенная из наблюдений самой жизни: чаще бывает так, что нечестные люди борются со взяточниками и взяточники со взяточниками, чтобы самим занять их место. Сидит некий коррупционер, а подобный борец из кожи вон лезет, чтобы его разоблачить. Это ведь тоже борьба с отдельно взятым коррупционером, который коррупционер настоящий, вне всяких сомнений, и тюрьма по нему плачет. Но какой знак поставить деятельности такого борца? Что пользы обществу, если на место одного съедет другой, да ещё хуже прежнего? И вообще, по моим наблюдениям всегда стоят за правду чаще всего не те люди, и не там, где нужно, и не с теми целями, о которых говорится вслух. Когда злорадно раскрывают чужие тайны, вспомните православный взгляд на это: где нет любви — там ложь. Даже если факты соответствуют действительности.

— У неё невезуха,— сказала Татьяна.

— У кого? — не понял я.

— У Янки, которая придёт.

После паузы:

— Ей не везёт по жизни. Её используют.

— Кто?

— Да все, кому не лень. Не знаю, что в ней такого, но у неё будто на лбу написано: используй меня.

— В чём это проявляется?

— То есть?

— Ну-у... В сексуальных домогательствах, что ли?

— Если бы,— усмехнулась Татьяна,— речь шла только об удовлетворении естественных потребностей! Но и в этом тоже. Желаящих переспать с ней — сколько угодно. А жениться — хоть бы одна сволочь. И она не может понять, в чём дело. И никто не может. Но если бы ограничивалось только этим! Последний её хмырь забрал у неё все деньги, якобы на развитие бизнеса в залог их будущего счастья, и свалил. Ни его, ни денег.

— Этим объясняется её оппозиционность режиму?

Татьяна в ответ только усмехнулась.

— Во всём виноват режим? — продолжал я.— Действующая власть и лично господин президент? При другом режиме в её личной жизни всё бы образовалось как нельзя лучше? И она мечтает поменять этот? Изменить мир, в котором всё так несправедливо?

— Может, даже и так. Власть и лично господин президент должны оградить её от подобных ситуаций.

— А своя голова?

— Шура! Да кто же станет обвинять в своих несчастьях собственную голову? Каждый уверен, что всё делает правильно. Виноваты всегда другие. Кто тебя не понимает. Кто мешает нарочно или, хотя бы, нечаянно.

Пришла подружка, сухая, нервная, нигде не находящая себе места, чтобы остановиться хоть на минуту. Взгляд у неё перескакивал с предмета на предмет, ни на чём не задерживаясь.

— Как ваш митинг? — спросила Татьяна.

— По набережной ходили, вот и весь митинг. А ты думаешь, он был на площади? Ха-ха-ха! — Она не посмеялась, а произнесла это грустным тоном по слогам.— Организаторов забрали в полицейскую машину ещё до начала. Вот и весь митинг.

— Шура хотел у тебя что-то спросить.

— Что же?

Она бросила на меня беглый взгляд искоса и отвернулась. Кажется, она вообще не любила смотреть в лицо тому, с кем говорила.

— Мне интересно, против чего ваше движение?

— Это бесполезно объяснять.

— Почему? Когда у человека убеждения, он их как-то формулирует, хотя бы для себя. Объяснять, не объяснять, но просто высказать.

— Это как вера в Бога. Если я атеистка, а вы верующий, то вы можете привести сто доводов в пользу существования Бога, но меня они не переубедят. А вам любого одного достаточно, чтобы верить. Какая же польза в словах?

— Мне всегда казалось, что человеку свойственна потребность высказаться.

— У меня нет такой потребности.

— Довольно странно. Ведь не просто же так вы вливаетесь в ряды протестующих?

Татьяна сказала:

— Он сам вливался. Был на баррикадах в девяносто первом.

Яна хмыкнула:

— Меня тогда и на свете не было.

— Но ты же слышала про те события? Танки шли по Москве. Это не ваша полицейская машина.

— Краем уха, может, слышала. К чему это?

Я сказал:

— О том, что мной двигало, я мог бы доложить в двух словах. Если есть убеждения...

— Да какие убеждения! Оглянитесь вокруг, что творится!

Я вертел головой и тарачил глаза во все стороны, но так ничего и не увидел.

— Не утрируйте, пожалуйста! Кругом коррупция, произвол. Выборы происходят с чудовищными нарушениями, уму не постижимо!

Хотите, дам ссылки. Сами посмотрите в Интернете.

Яна достала из сумочки флэшку в виде изящного брелка и подала Татьяне. Та вставила её в свой ноутбук. Мы принялись бродить по Интернету.

«...а их знакомая была членом избирательной комиссии, и она ещё до выборов написала о готовящихся фальсификациях...»

Яна сказала:

— Обратите внимание, я даю ссылки только на материалы знакомых мне людей. У меня нет других знакомых наблюдателей, которые сказали бы: «А у нас не было нарушений».

Я сказал:

— А вас не смущает, что выборов ещё не было, следовательно, нарушений просто быть не могло по определению, поскольку нарушения возникают в процессе, а она уже написала о нарушениях.

Яна только раздражённо махнула рукой, будто отмахиваясь от назойливой мухи, мнение которой ей не интересно. Мы стали читать дальше.

«...а как же суды? А как же видеорекамеры на участках? Ну, хотите, я и об этом напишу. О результатах судов по участкам, где на видео зафиксированы вбросы бюллетеней...»

— Касательно вбросов. Я был членом избирательной комиссии и с трудом могу себе вообразить вброс бюллетеней. Это только кто не знает, подумает, будто можно бросить в урну пачку бюллетеней, и у такой-то партии или такого-то кандидата добавится сто голосов. Система подсчёта такова, что даже если обнаружится один лишний бюллетень, потом вся команда до семи потов будет пересчитывать, чтобы цифры сошлись.

«...была я наблюдателем на выборах (в таком-то районе на таком-то участке). Наблюдателей было несколько, один от Яблока, два от КПРФ, два от СР, и по одному от Едра и ЛДПР. Зачем Едру и ЛДПР наблюдатели? У меня создалось впечатление, что эти два наблюдателя нужны для того, чтобы мешать остальным: они были явно знакомы с членами комиссии, а во всех наших спорах занимали противоположную сторону, пытались сказать нам, что всё в порядке, и нарушений нет...»

— Ну да,— заметил я.— Зачем ещё какие-то наблюдатели, кроме нас? Мы — единственно честные наблюдатели. Остальные только мешают.

Яна брызнула на меня сердитым взглядом. Мы продолжали читать в Интернете.

«...что касается работы наблюдателя — для меня это оказалось безумно тяжело. Я не могу столько часов непрерывно противодействовать нарушениям, противостоять натиску то членов комиссии, то недовольных граждан...»

Значит, и гражданам не нравилась позиция людей, которые «всегда стоят за правду»?

«...половина наблюдателей как-то быстро ушла, т. к. время уже было позднее, а оставшиеся не проявляли особого интереса к подсчётам, за исключением меня и ещё одной женщины,

наблюдателя от Яблока. И нам очень не нравилось, как идёт подсчёт голосов: все партии распределяют по пачкам и считают все члены комиссии одновременно, каждому по одной партии. А нам за всеми не уследить!..»

Понятно, почему им «очень не нравилось». В этом, наверное, вся суть недовольства: надо ведь, чтобы непременно было по-нашему, и никак иначе. Когда наше мнение единственно правильное, но этого никто не понимает и не признаёт — это безумно тяжело.

«Да и в законе сказано, что считают каждую партию по очереди, а листы перекладывают так, чтобы было видно галочку в бюллетене. Но когда мы им об этом сказали, мы нажили себе врага на этот вечер. Сколько мы услышали неприятных слов, проклятий, ругани, но бюллетени начали пересчитывать по очереди в присутствии наблюдателей, перекладывая их правильно...»

И комментарии:

«Ты здоровская!

Молодец!!!

Спасибо! А копия протокола у вас есть?

Да, копия есть, и вот уже на днях должны быть поданы заявления в прокуратуру, если уже не подали. Там много аналогичных фальсификаций обнаружено...»

Я сказал:

— Яна, в чём же фальсификации? В том, что на одном столе перекладывали бумажки галочкой вверх, а на другом галочкой вниз?

Яна не удостоила ответом такое глупое заявление.

«Успеха!

Спасибо! Ты просто герой. Особенно потому, что до конца».

«...наблюдатели, похоже, все будут подставные. Пока прямых доказательств тому нет, такое ощущение.

Урны весьма шаткие и хлипкие, разваливаются, опечатывать их собираются пластилином...»

Я опечатывал пластилином свой самолёт зимой после окончания полётов. Никто у нас не говорил, будто это — чудовищная фальсификация. Обыкновенная печать. Далее читаем:

«...возможно, часть этого процесса — результат обычной халатности и бардака, а не злого умысла. Но для реализации злых умыслов такой бардак создаёт благоприятную почву...»

Комментарии:

«Мрак.

Держись и удачи завтра!

Ты крутейший молодец».

В подсознании зашевелилось нечто вроде: за что же, не боясь греха... хвалят они друг друга?

И вот ещё комментарий. Пишет такая же оппозиционерка, заранее настроенная на ожидаемые подвохи:

«Клёво, держись. Я сегодня отработала весь день, ничего подобного у меня не было. У нас бегают по школе наблюдатели с голосовскими методичками, прозрачные урны, я сегодня заставила перенастраивать камеры (один угол было не видно), и на выездное всего восемь завялок. Буду мониторить завтрашние подвохи. Ты мой мужик!

Капец(((

Респект и поддержка!

Держись!!! Главное помни, что ты всё правильно делаешь и большая молодец.

Мысленно с тобой...»

Другой читаем комментарий.

«...это был даже не фарс. Это какое-то адское глумление над здравым смыслом. Наблюдатели в принципе не могли видеть отметки на бюллетенях, им запрещалось не только подходить к столу с бюллетенями, но даже просто вставать со стула.

Вокруг меня было одиннадцать членов комиссии и столько же наблюдателей, и всем было плевать на грубейшие нарушения Закона о выборах...»

Я сказал:

— Грубейшие нарушения — это, следовательно, на одном столе бумажки клали галочкой вверх, а на другом — галочкой вниз? Это, конечно, нечто вопиющее. Даже не фарс. Какое-то адское глумление над здравым смыслом.

Яна наградила меня испепеляющим взглядом.

Продолжаем читать:

«Мне сочувствовали, надо мной посмеивались. Вместе с наблюдателями превратились в зомби журналисты. А может быть, они просто что-то поняли лучше и раньше меня. Доверенное лицо (имя кандидата) просто вывели с полицией. Вот ни за что...»

Комментарии:

«...жаль, что у твоего телефона такая плохая запись звука на видео. Слышны голоса, а кто что говорит — не ясно. Из отснятых тобой видео понятны только последние, где показано, как далеко наблюдатели от столов комиссии. А видео со скандалами можно интерпретировать как угодно...»

Это пишут сами оппозиционеры. Благо, и среди них есть люди, способные смотреть объективно. Я-де и рад бы нарушениям, да ведь ничего нет, кроме ощущений!

«...ну, и самое главное, я и в декабре это поняла, и сейчас нахожу тому подтверждение: наша оппозиция — действительно такое малое количество людей, что мы противостоям не президенту, мы противостоям целому обществу. Обществу таких, которых всё устраивает, равнодушных и недалёких людей, или заблуждающихся и напичканных пропагандой из телевизора...»

Я сказал:

— А мне что делать, Яна, если я вот такой? Да, я равнодушный, недалёкий, заблуждающийся, напичканный пропагандой из телевизора. И что? Я не способен мыслить? Если думаю не так, то уже не способен думать вообще? Я прочёл ваши ссылки, но так и не нашёл ответа на свой вопрос: за что же вы, всё-таки, ненавидите действующего господина президента? Не за то же, в самом деле, что листы где-то перекладывали галочками вверх, а где-то галочками вниз?

— Вы не поняли простых вещей. Вы не внимательно читали. Где конкретика? Где возражения по существу? А к метафизическим спорам с

идейными противниками при нынешнем режиме я не расположена.

И Яна, дёрнувшись, повернулась и ушла от дискуссии. И хлопнула дверью. Я посмотрел на Татьяну и пожал плечами.

— Но чему я мог возразить конкретно? Я там не был. Может, где-то бумажки клали так. А может, не так. Чему тут возражать по существу? Это же не идейное положение, по которому можно спорить.

— Вы ждёте, чтобы она приняла вызов? С её-то неуверенностью?

— Но ведь она считает себя оппозиционеркой?

— Ходить в толпе и кричать по команде — вот и вся её оппозиционность.

— Но это, извините, скорее выплеск эмоций, нежели идейная позиция.

— Вы же думать не умеете. Они вот кричат по команде и уверены, будто думают своей головой.

— Таня,— сказал я.— Хотите стать несчастной, но чтобы уж наверняка, без вариантов? Будьте всем недовольной.

— Но я не хочу быть несчастной! Это вы придумали?

— Нет. Вычитал в одной умной книжке. Но я с

этим согласен. Это как бы словесное выражение того, что я всегда чувствовал.

Тут мне вспомнился стих Авла Персия: *o quantum est in rebus inane*. И я сказал Тане:

— Стих есть латинский, Таня: о сколько в мире пустого! Сколько людей, неудачи которых от их собственных свойств, но они уверены, будто страдают от существующего режима и президента, и если сменить режим и президента, то и у них дела пойдут. Но ведь они-то останутся теми же! Их свойства останутся с ними. Себя-то они не думают менять, они не понимают, зачем это нужно. И дела у них будут идти так же при любом режиме. Сколько дел, по сути пустых, но которые вовлечённым в них кажутся важными! Они будто делают нечто великое, и даже проявляют геройство. И ничего нет смешного: это тоже своего рода геройство — глядеть, кладут бумажки галочками вверх или вниз. Это ведь противостояние! Беда, когда люди страдают комплексом неполноценности. А так хотелось бы чувствовать себя выдающимися личностями и героями. Тем более, что для этого не надо лезть под пули и под танк. Достаточно поскандальить с тётками, недовольными, что им мешают работать.

Наталья КРУПИНА

Рассказы

РЕКЛАМНОЕ ЧУДО

Малыш не верил в чудеса! Ему было всего девять лет, но он уже давно считал себя взрослым. У Малыша была очень серьёзная мечта. Он даже копил деньги, чтобы однажды эта мечта сбылась. У мамы он денег не просил. Но если она давала ему немного денег на обед, сдачу он опускал в коробку с буквой «П».

В сентябре он бережно положил туда пятьсот рублей, которые заработал в деревне на прополке свёклы. А ещё он мыл машины. И когда водители совали ему мятые десятки, он так же складывал свой заработок в коробку с буквой «П». Прошло лето, потом осень. Близилось Рождество. Возле магазинов серебрились украшенные гирляндами деревья, с рекламных щитов улыбались розовощёкие дети с рождественскими подарками в руках.

Малыш шёл по городу, останавливаясь взглядом на ярких плакатах, громадных рекламных растяжках, приглашающих горожан за подарками в магазины. Наконец он подошёл к невысокому зданию, бросил взгляд на яркую вывеску: рекламное бюро «Исполнение желаний», и потянул ручку двери на себя. В комнате находилось четверо. Начальник рекламного бюро Василий Гаврилович, менеджер Николай, секретарь Ирочка и уборщица Капитолина

Сергеевна. Они бурно обсуждали текст, который нужно было разместить на рождественском рекламном щите. Заказчик попросил написать что-нибудь праздничное, чувствительное и доброе. Чтобы, как сказал он, хотя бы несколько человек в городе почувствовали себя нужными и счастливыми.

— Что тебе мальчик? — раздражённо спросил Василий Гаврилович, оторвавшись от испанского листка бумаги.

— Я хочу заказать рекламу.

— Какую ещё рекламу?

— На щите. У меня есть деньги. Вот,— Малыш опрокинул над столом свою коробку с большой буквой «П», нарисованной красным фломастером. На стол выпало несколько бумажных купюр и обрушился целый водопад мелочи. Несколько монет упало на пол.

— Мальчик. Детский мир дальше, собери свои деньги и купи там себе игрушку. Ты мешаешь нам работать,— строго сказал Николай.

— Я хочу заказать рекламу,— упрямо покачал головой тот.— На щите. Который возле моста. Там ездит много автомобилей. И все увидят надпись.

— Знаешь что...— сердито начал Василий Гаврилович, но его тут же перебила Капитолина

Петровна.— Подожди, Вася. Вдруг у него что-то важно! А какую рекламу ты хочешь заказать, Малыш?

— Вот,— он протянул женщине лист бумаги. Капитолина Петровна прочитала текст, помолчала, потом передала листок Василию Гавриловичу, тот пробежал написанное глазами и так же молча протянул записку Ирочке. Николай подошёл к девушке и заглянул через плечо.

— Это... это ты сам придумал?— тихо спросил Василий Гаврилович.— Или тебя мама прислала?

— Сам. Я и деньги заработал сам.

— Но, Малыш, рекламные баннеры стоят очень дорого,— сказала Ирочка.

— Значит, ничего нельзя сделать?— Глаза малыша внезапно стали большими и блестящими. В них как в синем зеркале отразилась комната, стол, и даже начальник рекламного бюро Василий Гаврилович.

— Ну-ну, только не плачь, Мы что-нибудь придумаем!

— Иди домой. А то, наверное, тебя уже ищет мама. А деньги заberi. Хорошо?— Николай сгрёб мелочь и бумажки со стола и высыпал в коробку.

— Вы точно обещаете?!— уже подойдя к двери, оглянулся Малыш.

— Честное слово начальника!— сказал Василий Гаврилович.

Дверь закрылась. В комнате воцарилась тишина.

— Вот так-то,— нарушил молчание Николай.— Мальчик решил сам исполнить своё желание. Денег накопил.

— Ну-ка дай мне текст!— Капитолина Сергеевна, отставила швабру в сторону и, взяв листок в руки, громко прочитала: «С рождеством, папа! Я тебя жду!» Бедный малыш! Я ведь тоже без отца росла. Он пропал без вести.

Мама его с войны всю жизнь ждала. И я тоже... даже сейчас жду.

— А я с отцом в ссоре,— вздохнул Василий Гаврилович.— Он не хотел, чтобы я становился рекламным агентом. А я не хотел быть врачом. Вот, уже семь лет мы не разговариваем.

— А от нас папа ушёл,— тихо сказала Ирочка.— Давно.

— А что если...— нерешительно произнёс Николай.

— Вы знаете...— задумчиво протянул Василий Гаврилович.

— Мне кажется...— подняла глаза Ирочка

— Правильно! Хороший получится баннер!— заключила Капитолина Сергеевна.— Снежинок только побольше и звёздочек... Она взяла швабру и вышла из кабинета.

...Весь день накануне Рождества Малыш провёл на улице. Несколько раз он подходил к большому блестящему щиту, на котором было изображено морозное окно с протаянной детской ладошкой. На щите было написано «С Рождеством, папа! Я жду тебя!». Малыш по хозяйски стряхивал снег, налипший на щите, и вглядывался в проносящиеся мимо машины. Домой он вернулся замёрзший и покрытый снегом.

А чудо всё-таки произошло! И не одно, а сразу несколько. Начальник рекламного бюро Василий Гаврилович помирился со своим отцом. Он приехал к нему домой и молча обнял его. И тот тоже обнял своего сына. Ирине впервые за много лет позвонил её папа и предложил отметить Рождество вместе. А Малыш... А Малыш загадал своё желание и лёг спать. Он знал, что утром в двери его квартиры обязательно позвонят. Он знал, кто будет стоять на пороге. Он улыбался во сне.

А по дороге мимо щита всё летели и летели автомобили. И у многих водителей щемило сердце... и менялись планы на завтра! Чего только не бывает в Рождество!

ПОДАРОК ОТ СНЕГУРОЧКИ

С белого на белое падал прозрачный снег, заботливо заполняя собой пространство между небом и землёй. До Нового года оставалось шесть часов.

Неподалёку от ворот двухэтажного коттеджа остановилась тёмно-синяя «газель». Из кабины вышел хмурый Дед Мороз и озабоченно охлопал себя по бокам руками в красных рукавицах. Найдя, наконец, пачку «Явы» и щелчком выбив из неё сигарету, он приподнял рукой капроновые усы и жадно закурил.

Немолодая, усталая Снегурочка, выходя из «газели», оступилась и уселась в сугроб. Огорчённо помянув дворников и многоснежную зиму, она поднялась и стала вытряхивать снег из белых полусапожек.

Последняя ёлка. Через час они переоденутся в «гражданскую» одежду и отправятся каждый к себе домой, пулять в потолок пробками

от шампанского и наслаждаться традиционным «оливье». И, конечно, раздавать новогодние подарки.

Марго любила дарить подарки! Ирина— её старшая сестра— уверяла подруг, что Марго ясновидящая. Стоило Ирине открыть для себя в «Этуали» умопомрачительно «вкусные» и столь же умопомрачительно дорогие духи, как Марго тут же дарила ей именно эту линию. Едва Виктор— Ирнин муж— задумывался о смене «одежки» в салоне автомобиля,— он тут же получал в подарок чехословацкие чехлы на сиденья. А о Диньке и говорить нечего. Как только у любимого племянника возникало желание заняться в новом году фотоделом (программированием, дайвингом, велоспортом) тот находил под ёлкой фотоаппарат, снаряжение для подводного плавания или ноутбук.

А вот себе самой Марго подарки никогда не покупала. Нет — одежду, обувь она приобретала по мере необходимости, а вот выбрать себе новогодний «настоящий» подарок — как-то не получалось. Хотелось себя порадовать чем-то необычным, волшебным. Чуда хотелось! А в магазинах чудесами не торговали. Ни в секондхэндах, ни в дорогих бутиках. И она бы опять ничего себе не купила, если бы случайно не увидела на центральном рынке... пингвинов.

Игрушку продавала старушка в такой же древней как она сама, траченной молью карачулевой шубе. Рядом с кружевными салфетками, хрустальными салатницами и потемневшей чеканкой на прилавке стояло чудо. Стекланный шар, внутри которого, держа друг друга за крылья, застыли три пингвина. Стоило встряхнуть безделушку, как над пингвинами начинал кружить мелкий серебристый снег, медленно и волшебным образом опадая на черно-белые фигурки.

Не веря своим глазам, Марго схватила пингвинов и выложила за них всё, что было в кошельке, озадачив старушку своей щедростью. Затем она заглянула в магазин «Подарки» и попросила упаковать пингвинов в нарядную коробку. Марго улыбнулась, представив, как спрячет свой подарок под ёлку, а с последним ударом курантов достанет, медленно снимет с коробки цветную фольгу... Иринке и Толику скажет, что устала, а сама устроится в Динькиной комнате у окна. И устроит снежную бурю в пингвиньем царстве. И негромко скажет: «Жили-были три пингвина. Пик. Пак. Пок».

Она помнила всё. Она снова и снова проживала тот самый год от августа до марта, словно вращаясь на карусели, которую карусельщик завёл, а остановить не может. Театральное училище. Четвёртый курс. Пингвины. Игорь.

Точно такую же игрушку много лет назад ей подарил Игорёк Яровец. Первая и последняя любовь белокурой Ритки Королёвой, которую с его лёгкой руки все в училище стали называть Королева Марго.

У Игорька была ангельская внешность. Синие глаза, с чуть припухшими железками нижних век, приподнятые уголки губ — словно начало улыбки у Джоконды. Тонкий нос. Белая кожа. И — шрам на подбородке. Белый — в виде летящей ласточки — шрам придавал его лицу выражение детской чистоты и незащитности.

Когда на чьём-то дне рождения Игорь впервые поцеловал Марго, она едва не потеряла сознание от счастья. Стали встречаться, потом сняли квартиру на окраине города.

А на Новый год он подарил ей пингвинов. Назвали их Пик, Пак, Пок — по именам героев детской книжки. Самый красивый был Пик — Игорёк, второй — с белым хохолком — Пак — это она, Марго, а третий... Третий — Пок — их будущий сын. Будущий — в далёком, очень далёком будущем, не сейчас... Так они и жили.

Через три месяца, в марте Марго сказала Игорьку, что беременна. Думала — обрадуется. А он испугался.

— С ума сошла? Мне ребёнок не нужен. Через месяц у Григорьева прослушивание

в мастерской. Я точно пройду! А ребёнок — это твои проблемы. Решай их сама. Думай!

Она поплакала, подумала. А потом отправилась делать аборт. Не в больницу. Какая больница? Прописка временная, в общежитии. Направление обязательно брать в медпункте у Розы Моисеевны — старой девы с ослиным лицом. Сегодня возьмёшь — завтра всё училище, включая сторожа, будет знать, что Королёва «залетела» от Яровца.

Марго знала, что у Алки Шигаевой есть знакомая медсестра, которая делает аборт за небольшие деньги. С Алкой и поехали на квартиру медички. По дороге Марго узнала, что медсестра — и не медсестра вовсе, а обычная санитарка в кожвендиспансере. Впрочем, какая разница — лишь бы своё дело знала.

Приехали, зашли. Квартира у Раисы оказалось маленькой, заставленной банками с помидорами и огурцами. В кухне за столом сидела девочка лет пятнадцати и мазала грязные ногти дешёвым лаком.

— Это дочка Раисы Васильевны, — шепнула Алка. — Поверишь, девице пятнадцать, а мамашка ей уже три аборта сделала. Видишь, жива-здоровая. Так что тебе и подавно не стоит волноваться.

Раиса протёрла засаленной тряпкой кухонный стол и скомандовала: «Раздевайся и ложись»

Марго растерянно уселась на холодную клеёнку. Клеёнка была липкой и пахла селёдкой.

— Не бойся, никаких чисток не будет — всего лишь клизмочка с водкой, — успокоила её Раиса, набрала в большую резиновую грушу прозрачной жидкости из трёхлитровой банки и подошла к столу.

Пока Алка вела Марго к автобусу, боль была терпимая, но потом живот и поясница заболели так, словно все внутри страшно и безжалостно кромсали садовыми ножницами. Дома, лёжа на кровати, Марго корчилась от нечеловеческой боли, едва сдерживаясь, чтобы не закричать во весь голос. От боли рвала под собой простыню. Удивлялась потом, как не сошла с ума, как не умерла от заражения крови.

На четвёртый день, бледная до синевы, отправилась в училище, получила взбучку от режиссёра за пропуски и от хореографа — за то, что отказалась заниматься у станка.

Игорёк с их съёмной квартиры съехал, долгое время обходил Марго стороной, потом неожиданно женился на дочке главного режиссёра драмы — анемичной бледной трагистки — Элке Мартушевич, и после дипломного спектакля, устроился к труппе в театр.

А у Марго в душе осталась болезненная пробоина, словно её, душу, прошило шершавым ядром с пиратского корабля.

От воспоминаний она сбежала на Алтай к бабушке. Устроилась во дворец культуры режиссёром театральной студии, время от времени подрабатывала на ёлках. Пингвины где-то потерялись, а Игорёк так и остался её первой и последней любовью. А что потом в жизни было? Посиделки с незамужними подругами, редкие походы в кино, воспоминания. И надежда...

Потом она вернулась в родной город, к сестре. Бывший однокурсник Юрик Мирошниченко предложил ей поработать Бабой-Ягой на корпоративных вечеринках и Снегурочкой на детских ёлках. Марго согласилась. Через несколько месяцев появились постоянные клиенты.

Один из них — Кирилл Сергеевич — владелец рекламного бюро — попросил Марго и Юрика приехать тридцать первого декабря в шесть вечера к дочери, романтической барышне тринадцати лет, которая всё ещё верила в Деда Мороза. Марго согласилась сразу. Торопиться ей было некуда — сестра обычно накрывала праздничный стол сама, а подарки Марго ещё с утра положила под ёлку. Юрик сначала отнекивался, но когда Кирилл Сергеевич озвучил сумму за полчаса работы, немедленно согласился.

...Марго вытряхнула снег из сапога, поправила съехавший на лоб парик и поплелась к коттеджу. Юрик подхватил посох и мешок с подарками и потопал следом, оставляя на тонкой простыне свежего снега косолапые следы. Вдоль дорожки выстроились облезлые дощатые киоски, в которых предлагали пиво, крабовые чипсы и похожую на плоские бурые деревяшки воблу.

...Марго редко подавала нищим, — только старушкам, и только у церкви. И не задержалась возле пьяного бомжа с разбитой губой, который пристроился на железном ящике у одного из киосков. У ног попрошайки стояла коробка с мелочью. Из рукава замызганного пуховика демонстративно выглядывала культия.

Марго уже подошла к воротам коттеджа. Юра замешкался, наклонился к бомжу, о чём-то спросил, затем протянул мелкую купюру.

— С ума сошёл, — напустилась на партнёра Марго, когда тот, наконец, подошёл к воротам. — Мы опаздываем, а ты с бомжами любезничаешь.

— Да ты что, мать, Игорька не узнала?

— Какого Игорька?

— Яровца.

Марго будто с размаху в солнечное сплетение ударили. Ей даже показалось, что она на мгновение потеряла сознание. А дальше... Дальше она автоматически двигалась, автоматически проговаривала свой текст, отвечала на комплименты Кирилла Сергеевича, улыбалась дежурной улыбкой. Когда шли обратно, заглянула в лицо бомжу и содрогнулась от жалости и боли. Тот протянул к Марго культяпку и привычно завёл: «Подайте ветерану военных действий!»

Марго заметила на груди инвалида табличку с надписью: «Подайте раненому в АВГАНИСТАНЕ».

— Он что воевал? — спросила она у Юрика, безуспешно пытаясь вытащить трясущейся рукой сигарету из его пачки.

— Это ты о табличке с «Авганистаном»? Бутафория чистой воды, — Юрик ловко вставил между капроновыми усами и бородой две сигареты, прикурил, заслонив руками от ветра, одну протянул Марго.

— Руку по-пьянке отморозил, ампутировали. Вот, побирается теперь. Живёт у какой-то бабы...

— Дочки Мартушевича?

— Бог с тобой. Элка его через два года из папиных апартаментов выгнала! Он же в театре никого своим вниманием не обделял, даже древних клюшек из массовки. Потом когда Мартушевич его из драмы выкинул, он в кукольный устроился. И всё по-новой. В общем, оставил биологический след в искусстве.

— Какой ужас!

— Из кукольного его тоже попросили. И больше ни в один театр не брали — Элкин папа постарался — осерчал на зятя-кобеля. Ладно, поехали, меня дома семейство ждёт. Марго, эй, ты меня вообще слышишь?

Марго вспомнила, как на практике в камерном театре Игорёк играл Орфея в пьесе Тенесси Уильямса «Орфей спускается в ад». Талантливо играл. Страстно. Страшно. Как в финале, прижимая к груди мокрые от слёз букеты, выплёскивались неудержимой волной на сцену женщины. Как старались, будто бы случайно, прикоснуться к этому ангелу с полуулыбкой Джоконды и «ласточкой» на подбородке. Как медленно уходил он со сцены, оставляя залу свою утомлённую, обаятельно-порочную улыбку. И как она, Марго, прижималась к нему всем телом и жадно впитывала матрицу его бешеного успеха. И целовала его в «ласточку» на подбородке, ощущая себя избранной, счастливейшей из женщин ...

— Юрик, подожди меня в машине, — неожиданно попросила партнёра Марго, взяла сумку и направилась к калеке.

Прохождение с удивлением оглядывались на Снегурочку, которая опустила в грязный снег перед калекой-бомжем. У Снегурочки были мокрые глаза — должно быть, от быстро тающего снега. Тушь поплыла, предательски заполняя все невидимые до сих пор морщины.

Марго с жадностью всматривалась в когда-то любимые глаза. В сизые со стукотом подсохшей крови губы, впалые щёки с неопрятной бурой щетиной. Ничего не осталось от блистательного Игорька Яровца. Ничего. Только глаза, — синие с жёстким прищуром остались прежними.

Марго с трудом проглотила горький комок, так некстати образовавшийся в горле, и хрипло сказала: «Здравствуй, Игорь. Это я, ... королева Марго!»

Бомж сплюнул жёлтую струйку слюны сквозь зубы, и, пытаясь сфокусировать взгляд на женщине, пробормотал: «Верка, ты что ли, б...? На бутылку дай, с...!»

Марго, помедлив минуту, поставила перед ним яркую коробку и прошептала: «С Новым годом, Пик!»

Инвалид прижал культёй коробку к животу и принялся раздирать здоровой рукой цветную фольгу. Достав шар с пингвинами, он с недоумением уставился на игрушку. Перевёл взгляд на Марго, затем выругался и со злобой запустил игрушкой в стену киоска. Брызнули в стороны осколки тонкого стекла. В дверях киоска показалась толстуха в мохеровой шапке.

— Я тебя, козёл вонючий, ща в ментовку сдам, — прокуренным голосом заорала тётка. — Опять куролесишь? Мало тебе, пьянь,

в прошлый раз пацаны навешали? Ещё хочешь? Ща устрою. Коля, Коль!!!

Бомж с готовностью ответил ларёчнице грязной площадной бранью. Где-то залаяли потревоженные собаки. словно по команде зажглись фонари, осветив странную, непридуманную мизансцену...

Марго поднялась и решительно отряхнула холдную грязную кашу с колен. Медленно падал снег, стыдливо закрашивая белой краской

ларёк, тётку, бомжа, бурую слякоть на дороге.

— Марго, ты что, остаёшься? — нетерпеливо крикнул Юрик.

Закрыв глаза, она подставила снегу лицо, и с удивлением почувствовала, как исчезает многолетняя саднящая брешь в её душе.

— Свободна! — поймав языком невесомую ментоловую снежинку, подумала Рита Королёва и поспешила к синей «газели». До Нового года оставалось пять часов.

Вероника ЧЕРНЫХ

Рассказ

ХРИЗАНТЕМЫ

Начали морщиться сугробы на газонах. Задышала весна. Не в полную силу — лишь лёгким дуновением, мимолётной лаской. Асфальт, пыльно-серый снег, мокрые голые ветки. Канун Женского дня уныл и монохромен. Ни одного яркого пятна — кроме, пожалуй, рекламных вывесок. Вся яркость жила за дымчатыми стёклами цветочных киосков: охапки белых шариков хризантем, розовых помпонов пионов, балетных пачек гвоздик и пышных юбок роз. Хочется пчелой или шмелём погрузиться в сердцевину ароматных прохладных лепестков и жить в них вечно...

Тенгиз как раз считал выручку, когда заметил за стеклом своего цветочного киоска грустное лицо женщины, одетой неказисто, но аккуратно. Она стояла неподвижно. Если бы не потеющее от её дыхания стекло, Тенгизу показалось бы, что под мелким весенним дождём застыла восковая фигура из музея мадам Тюссо. С какой жадностью смотрит она на цветы! И глаза у неё такие... самозабвенные. Синие-синие. Такие синие глаза у такой грустной женщины! Плохо. Очень плохо. Весна должна начинаться с женской улыбки... ведь в женщине весны так много, так навечно, что кажется, весна летает по земле всё время, бесконечно. Так сказал Зураб из соседнего цветочного киоска. Настоящий поэт!

Тенгиз нагнулся к окошечку.

— Девушка, ты что грустная такая? Весна на улице. Нечего грустить. Скоро солнышко снег растопит, и будет совсем хорошо.

Женщина улыбнулась губами.

— Ничего, всё нормально, — сообщила она ему, — я весёлая, я просто налюбоваться не могу вашими цветами.

Он тоже расплылся в улыбке:

— Хорошие цветы, да?

— Да. Удивительные, — согласилась она нежно. — Такие необыкновенные!

Тенгиз засунул деньги в кассу, снова глянул наружу и заметил, что женщина поёжилась.

— Замёрзла? — спросил он.

— Нет, не очень, — сказала она. — Просто жалко, что аромат через стекло не чувствуется.

— Слушай, дорогая, иди-ка сюда, я тебе дам понюхать всё, что увидишь в моих вазах, — сказал Тенгиз, повернулся к двери и распахнул её.

— Можно? — удивилась она.

— Ну конечно, я же приглашаю тебя!

Она со стеснением зашла к нему. Тенгиз указал ей на маленькую узенькую скамеечку рядом с печкой, и она села рядом с вазой с хризантемами, где каждая — ворох острых белых иголочек.

— Спасибо, — услышал он её шёпот и увидел, как она прячет лицо в ладонях.

Она что, плачет?

— Эй, девушка, — мягко окликнул он гостью. — Сейчас же перестань плакать и грустить, от твоих слёз завянут все мои цветы! Слушай, если ты улыбнёшься, я дам тебе пион, а если рассмеёшься — дам тебе хризантему.

Женщина подняла голову, посмотрела на него и недоверчиво рассмеялась. Но Тенгиз серьёзен. Сказал — выполняй, это свято для грузина. Тенгиз выбрал из фиолетовых пионов самый яркий, с едва раскрывшимся бутонем и протянул ей. Бутон коснулся её покрасневшего носика. Она вдохнула и улыбнулась. Тенгиз молча вытянул из снопа хризантем одну белую с роскошной бахромой.

— Возьми, дорогая, ты заслужила награду, понимаешь?

— Я только понюхаю, — сказала она тихо, прижав прохладный стебель.

— Нюхай, сколько захочешь, они теперь твои, — сообщил Тенгиз и кинул быстрый взгляд на соседей.

Зураб смотрел на него через стекло и делал какие-то знаки.

— Слушай, дорогая, мне надо отлучиться, ты посидишь тут? Я скоро приду.

Жест Зураба предупредил: кого ты к себе в ларёк пустил?! А вдруг это воровка? Тенгиз снова внимательно посмотрел на женщину.

Она прижимала к себе пион и хризантему. Ну, какая из неё воровка? Хотя народ разный ходит, можно и проверить.

— Конечно, я посторожу, — кивнула «девица-красавица».

— А если клиент постучит — скажи, мол, сейчас хозяин прибежит, а сама не продавай, ты же цен не знаешь, — наставлял Тенгиз.

— Да, хорошо.

— Ну, Бог с тобою, — сказал Тенгиз, перекрестил её и вышел.

Брр, как холодно в проклятых северных странах! Когда, наконец, придёт то благословенное время, когда самолёт увезёт его в родной Сухуми? Зря он послушался брата и сбежал от войны, от голода, от опасности... и от солнца, моря, родины. Вот теперь сидит он тут в киоске, мёрзнет и тоскует по родным местам, родному языку, родным людям. А там и дышится по-другому!

Тенгиз заговорился с Зурабом, и поэтому не сразу заметил, как женщина вышла из его киоска, держа в руке пион и хризантему, и пошла по улице медленным задумчивым шагом. Тенгиз видел, как она остановилась возле лотка с пирожками, достала какую-то мелочь, посчитала и, вздохнув, положила деньги обратно. Оглянувшись. Спohватившись, поспешила обратно, забежала в цветочный киоск.

Тенгиз махнул Зурабу и вернулся к своим цветам.

— Всё нормально, дорогая? — спросил он.

— Да, — ответила она. — Правда, никто ничего не купил. Такие смешные — не хотят купить такое чудо! Я бы всю комнату цветами заставила, пусть живут. И я с ними живу. Прямо здорово у вас!

— Это мало ещё цветов! — рассмеялся Тенгиз. — У нас в Сухуми какой сад, какой сад, ах, что за сад у меня дома, красавица!

Он запнулся. Да, что за сад — если только его

7 марта 1989, 3, 31 марта, 1, 2 сентября 1998,

16 февраля 2008, 14 января 2015

не разбомбили и не разграбили азербайджанцы или свои, грузины-мародёры, которых было полно...

Женщина вздохнула:

— Спасибо вам. Прямо весной пахнуло. Вот, возьмите цветы обратно, они не повяли.

Удивлённый Тенгиз зафыркал.

— Зачем они мне? Они твои.

— У меня нет денег, чтобы заплатить за такую роскошь, — твёрдо сказала она. — Я просто не могу их купить. Я тут цены увидела... Нет, я могу только посмотреть на них через стекло. А вы мне дали их в руки, разрешили побыть с ними. Настоящая весна, честное слово! И жизнь вроде бы не так уж плоха...

Тенгиз молча вытащил из ваз все пионы и хризантемы и сунул их в руки женщине.

— Бери.

Она испуганно отшатнулась:

— Здесь же на сотни тысяч!

— Бери, я дарю их тебе ради Христа. Понимаешь? Бери, бери, красавица, да не забудь поместить их в воду, а?

Женщина недоверчиво прижала охапку цветов к груди.

— Спасибо. Спасибо...

Синие-синие очи повлажнели. Что ни говори, а приятно, что частичка Сухумских садов уходит из киоска молчаливая, но со светом в глазах...

Женщина шла по улице окружённая ореолом радужного живого чуда. Куда исчезла её аккуратная неказистость? Спряталась в море цветов?

Тенгиз сорвался с места и выскочил из ларька.

— Эй! — закричал он ей вслед, и она оглянулась на него. — Приходи ещё, я буду здесь, пока ты не придёшь! Придёшь?

— Приду-у! — откликнулось в ответ из охапки хризантем и пионов.

Откликнулось. По мокрой серой улице светлая женщина несла в руках весеннее солнце.

Наталья ЛЕВИТИНА

Рассказ

ШАПОЧКА С ПОМПОНОМ

Накануне новогодних праздников позвонила дочка. Связь была ужасной — в телефонной трубке что-то шуршало, каждая произнесённая фраза отзывалась эхом, словно разговор происходил в горном ущелье. Можно подумать, дочь звонила не из Франции, а с Чукотки. Ольга поспешила сообщить, что у них всё хорошо, всё в порядке.

— Вы получили посылку к папиному Дню рождения?

— Да, Юлечка, конечно!

— Папе понравился подарок?

— Да, доча, понравился!

— Его любимый цвет, правда? Я специально выбирала! А Эдик к вам не забегал? Ему тоже посылку отправила. Но я уже целый месяц с ним не разговаривала.

— Не забегал. Чего ему забегать, если тебя здесь нет? Доченька, как же мы по тебе соскучились!

С трудом — сквозь помехи и раскатистое эхо — вырвав у Юли информацию о её жите-бытье на чужбине, прокричав слова любви, Ольга разочарованно нажала кнопку отбоя.

— Что за ерунда! — расстроено пробормотала она. — Даже с ребёнком толком не поговоришь! Европа называется!

Несколько месяцев назад девятнадцатилетняя Юля нашла через интернет работу во Франции.

— Мне надо подтянуть французский, — твёрдо заявила она, пресекая родительские вопли. — Я уже большая, хватит со мной нянчиться.

Большая!

Ольга никак не могла осознать этот странный факт и смириться с ним. Ведь ещё вчера дочка в ползунках ковыляла по квартире, заваливаясь вбок на каждом повороте. Куда подевалось почти два десятка лет? Каким образом они спрессовались в одно мгновение — как всплеск темноты под закрытыми веками?

Почему время летит так быстро?

...Через подругу, уже проложившую путь в Европу, Юля познакомилась с владельцем гостиницы в каком-то французском захолустье — в окрестностях города Бордо. Подруга отработала в отеле пять месяцев и осталась довольна: подучила язык, привезла обратно немного денег, да ещё и похудела на пять килограммов.

Устроиться на работу за границей было не так-то просто, требовалось найти юридическую лазейку, а потом собрать кучу документов. Но владелец гостиницы прилагал огромные усилия, чтобы дать возможность трудолюбивым российским студенткам отполировать лингвистические навыки, вкалывая по семьдесят часов в неделю.

Гостиница представляла собой средневековый замок, шато, обшарпанный, но монументальный, с каменными стенами, тронутыми плесенью. Дочь исполняла роль «подай-принеси-убери», то есть была и горничной, и официанткой в одном лице.

Труд, безусловно, был рабским. С шести утра Юлька накрывала столы к завтраку, потом убирала комнаты, меняла бельё. Высота потолков в номерах достигала четырёх метров, в углах и на потолочных карнизах то и дело появлялась паутина. Хозяин замка давно зарекомендовал себя ярким паутинофобом. Идею организовать в замке пространство, свободное от паутины, он воплощал в жизнь силами двух горничных, одной из которых была хрупкая Юля. Каждый день труженица скиталась по комнатам и коридорам, волоча за собой стремянку и мощный пылесос. Обнаружив очаг безобразия, девушка лезла наверх и чистила углы. Так как длины шланга не хватало, чтобы достать до потолка, приходилось поднимать пылесос на стремянку. Не удивительно, что Юлина предшественница похудела на пять килограммов. Видимо, Юлю ждала та же участь.

Ольгу не покидала мысль, что после трудового дня, заполненного подобной акробатикой, у её малышки вряд ли остаются силы на изучение французских глаголов. Но родной голосок

в трубке звучал весело и звонко, Юля не жаловалась на усталость и не собиралась сворачивать эксперимент.

Родители переживали, что дочку жестоко эксплуатируют. Их семья далеко не бедствовала, они вполне могли подарить Юле тур во Францию или оплатить год учёбы. Но упрямая девчонка выбрала независимость. Она сама организовала поездку, не нанеся даже минимального ущерба банковскому счёту отца, и очень гордилась своей самостоятельностью.

Несомненный плюс — культуру другой страны Юля узнавала изнутри, она знакомилась с привычками и замашками обычных французов. Для студентки языкового вуза, а впрочем, для любого путешественника, это был увлекательный и бесценный опыт...

Мобильники в окрестных осях замка сигнал не ловили, интернет отсутствовал. Паутинофобия владельца проявлялась и здесь: всемирную виртуальную паутину он тоже не любил. Возможность уединения преподносилась хозяином как один из козырей отеля. Сюда приезжали постояльцы, мечтающие о бегстве от надоедливой окружающей информации потоков. Но Юлины родители возмущались и негодовали — им хотелось видеть и слышать дочку каждый день, а не раз в две недели. Маркетинговая изюминка гостиницы — отсутствие связи с внешним миром — воспринималась ими как сущий анахронизм.

Чтобы пообщаться, Юля добиралась пешком или на попутках до ближайшей деревушки и звонила по карточке с почты. Иногда связь была отвратительной, иногда — безупречной.

* * *

В конце ноября Юлин отец — Артём Николаевич — праздновал день рождения. Дочка прислала из Франции трикотажный комплект: шапку с зазорным помпоном, «ушами» и завязками, и к ней шарф. Всё это — яркого синего цвета с белыми оленями и снежинками.

— И ты будешь это носить? — с сомнением произнесла Ольга, рассматривая подарок.

— Да, — твёрдо заявил Артём Николаевич. — Дочура прислала. Из Франции, — со значением напомнил он.

— Но как-то это... Несерьёзно! Ты солидный мужик.

Ольга внимательно посмотрела на супруга. Последние полгода их отношения разладились, отъезд дочери усилил диссонанс.

— Ты уже не мальчик — в шапочке с помпоном рассекать. Да ещё и с белым оленем на темечке.

Ольга подумала, что надеть эту шапку на её мужа — то же самое, что украсить стратегический бом бардировщик роз овыми шариками и блестящими лентами.

Тупость!

— Наверное, так сейчас вся Европа ходит, — парировал муж. — Наша Юля-то в моде разбирается. Французам можно, а мне нет?

У Артёма Николаевича и на секунду не возникло мысли проигнорировать подарок

любимой дочери. Даже если б в посылке оказалась набедренная повязка, он не раздумывая напялил бы её на себя, упиваясь мыслью, что подарок выбран любимым существом, его маленькой крошкой.

— Бедняжка совсем упахалась,— задумчиво пробормотала Ольга.

Она мяла в руках пушистый трикотаж, рассматривала оленей. Видимо, ребёнок заработался до такой степени, что даже забыл, что любимым цветом отца является вовсе не синий, а зелёный.

Артём Николаевич — мужчина простой и далёкий от претензий на утончённость — всё же твёрдо знал, что его любимый цвет — зелёный. Вернее, даже изумрудный.

Когда-то давно, когда их роман с Ольгой только начинался, юная возлюбленная заметила, что в сочетании с одеждой зелёного цвета, глаза Артёма начинают сиять, как два изумруда. Замечание отпечаталось в памяти. Сначала Артём Николаевич выбирал всё зелёное, чтобы сделать приятное невесте, потом дошёл привычку до автоматизма. В магазинах, если продавец предлагала ему две рубашки, он безошибочным жестом указывал на зелёную. Так дрессированный морж в цирке из двух карточек выбирает одну, правильную.

По большому счёту Артёму Николаевичу было глубоко наплевать, оттеняет ли одежда зелёный цвет его глаз, заставляет ли их пылать изумрудами. У него других забот хватало. Главное — хорошо выбрит и чисто одет. Но за двадцать лет все вокруг привыкли считать, что он-таки помещан на зелёном цвете. Поэтому большая часть подарков, адресованных Артёму Николаевичу, была выдержана в зелёной гамме...

И вот — недоразумение! — шапочка синего цвета. Очевидно, Юля решила сменить колористическую ориентацию папули.

— А что? — задумалась Ольга. — Возможно, дочь и права. Годы идут, надо меняться.

* * *

В первый же день холодов, когда закружились в воздухе снежинки, весело возвещая о начале зимы, Артём Николаевич решительно напялил на голову дочкин подарок, намотал на шею шарф и осмотрел себя в зеркале.

В зеркале отражался, до конца не уместившись в рамку, солидный, квадратный мужчина, с шеей и плечами боксёра-тяжеловеса. Небольшой живот, образовавшийся к сорокапятилетию, скрывался в данный момент под кожаной курткой на пушистой меховой подстёжке. Выражение лица Артёма Николаевича обычно мало располагало к диалогу. Он был человеком сдержанным, суровым, часто грешил безапелляционностью суждений. Мощная челюсть, плотно сжатые губы, нахмуренные брови. А если опустить взгляд вниз и рассмотреть его кулачищи, то и вовсе становилось страшно.

Но сегодня всё это сумрачное великолепие венчалось задорной синей шапочкой с белыми оленями и снежинками. Мягкие «ушки»,

подбитые флисом, облегли твёрдое, словно высеченное из гранита, лицо. Свисали по бокам завязки, бодро топорщился помпон.

— Хм-м-м,— удовлетворённо хмыкнул Артём Николаевич. — Чудесно.

Едва выйдя из дома, окунувшись в морозный влажный воздух, он сразу оценил подарок дочери. Шапка оказалась очень тёплой. Умеет Юлька выбирать! Свитер, купленный ею к 23 февраля, тоже греет лучше всех других джемперов...

Артём Николаевич подёргал завязки, спуская «уши» пониже. Ему казалось, что это любимая дочурка, его гордость, умница и красавица, прижимает сейчас мягкие ладони к его щекам. Довольная улыбка — редкая гостья на суровой физиономии Артёма Николаевича — озарила его лицо.

* * *

Как обычно Артём Николаевич первым же делом наткнулся на желчного Трофимыча. Являясь талантливым мастером, кузовщик в то же время был чрезвычайно склочной и обидчивой личностью. Ему нравилось жаловаться директору на коллег, клиентов и весь белый свет. Он вгрызался в печень начальника, требуя справедливости.

Артём Николаевич тихо выматерился уже тогда, когда увидел за шлагбаумом тощую фигуру Трофимыча. Едва директор припарковал джип, мастер был тут как тут. Он перегородил путь Артёму Николаевичу и начал манифестацию. Ему, видите ли, неправильно начислили зарплату за прошлый месяц. Он ожидал получить на десятку больше.

Директор знал, что идти на поводу у этого злыдня нельзя — вообще сядет на шею. Но и слишком жёстко давать отпор не следует — может расстроиться и с горя запить. И тогда цех встанет без его золотых рук. Необходимо сохранить баланс: поставить мастера на место, но и не обидеть.

Артём Николаевич овладел этим искусством в совершенстве.

— Трофимыч, ты уже всех задолбал своими наездами. Теперь бухгалтерия виновата. Что опять не так? — злобно прорычал он, опуская, однако, десяток нецензурных выражений, вертевшихся на языке.

Директор ожидал всплеска эмоций. Сейчас Трофимыч, как обычно, понесётся вскачь, прыска слюной и истекая ядом. Припомнит все прошлые обиды и пригрозит, что уйдёт к конкурентам. Но мастер почему-то смотрел на начальника и глупо улыбался.

— Чё лыбишься-то? — с подозрением поинтересовался Артём Николаевич. — Чего замыслил, изверг?

— Да так... Шапочка у вас прикольная. Такая балдёжная.

— А то,— моментально оттаял директор и улыбнулся.— Доча мне подарила.

— Юля?

— Ну да. Из Франции прислала.

— Круто!

— Трофимыч, ты бы шёл работать. Цех забит под завязку.

— Да я и собирался, Артём Николаевич.

— Вот и топай!

* * *

Во второй половине дня в кабинет заглянул заместитель.

— Опять гримза нарисовалась.

— Экология?

— Да, она. И похоже у неё ПМС — кидается на людей. От штрафа точно не отвертимся. Что делать, Артём Николаевич?

— Где она сейчас?

— По территории шастает, падла.

Проверяющие посещали предприятие с заданным постоянством. Но инспектор Анна Геннадьевна, в отличие от коллег, не вымогала взятку. Она всего лишь добросовестно выполняла свои функции, так как являлась истинным борцом за чистоту окружающей среды. Непонятно, почему Гринпис до сих пор не наградил её медалью. Анна Геннадьевна, как радиация, проникала в любую щель и везде видела нарушения.

Глухо выругавшись, директор схватил куртку, нахлобучил шапку и выскочил из кабинета. Проверяющую он засёк на подступах к сточному отверстию. Прошлый раз люк замаскировали бухгалтерской «тойотой», но вредная дамочка всё-таки его узрела и приказала отогнать автомобиль. И вот теперь ринулась туда же. Её просто влекло к этой неблагонадёжной в химическом отношении дыре. Вероятно, дама питала нездоровую страсть к канализационным люкам. Сейчас она собиралась взять пробы.

— Здравствуйте, Анна Геннадьевна! — пробасил директор, скалистым утёсом вырастая за спиной женщины.

— Здравствуй, — коротко бросила инспектор, не поворачивая головы. — Я уже вручила предписание вашему заместителю. Кроме того, в пробах, взятых на прошлой неделе, обнаружилось многократное превышение норм содержания вредных веществ. Я выписываю вам штраф.

Дама деловито царапала авторучкой в папке, проставляя галочки в окошках таблицы и делая заметки. Анна Геннадьевна испытывала удовлетворение каждый раз, когда удавалось приструнить этого твердолобого громилу. Он казался ей неотёсанным чурбаном — странно, что у него хватало ума руководить крупным транспортным предприятием, включающим в себя автобазу, два автосервиса и моечный комплекс. Нарушений всегда находилась уйма. Анна Геннадьевна, конечно, понимала, что соблюсти заоблачные предписания и завышенные требования фирма может только в одном-единственном случае: если полностью остановит работу. Только у мёртвого ничего не болит.

— Я же вам объяснял, — закипая, но всё ещё сдерживаясь, прорычал Артём Николаевич. — В этот люк стекает вода с моечного комплекса. Вся грязь, которую мы смываем с автомобилей, сливается сюда. Почему мы должны нести

ответственность за чужое... уймхм... за чужую грязь? Если, например, кто-то на джипе прокатился по закрытой территории химзавода, а потом заехал к нам помыться? Естественно, в нашей канализации вы обнаружите всю таблицу Менделеева! Но мы-то не виноваты!

— Знаете ли, — начала было Анна Геннадьевна, отрывая, наконец, взгляд от бумаг. Но фразу женщина не закончила. Встретившись глазами с противником, она почему-то осеклась и несколько мгновений удивлённо рассматривала директора.

Тот громоздился перед ней необъятной тушей и выглядел мрачным. Весть о грядущем штрафе его расстроила.

Внезапно лицо Анны Геннадьевны разгладилось, улыбка проскользнула на губах. Через секунду женщина утратила всю свою деловитость и сосредоточенность: она смотрела на директора и улыбалась во весь рот.

— Что? — не понял Артём Николаевич.

— Ничего! — выдавила инспектор.

— Почему вы улыбаетесь?

— Просто так, — прыснула Анна Геннадьевна.

Её непонятное веселье было заразительным — директор тоже улыбнулся. Он вдруг понял, что злобной инспекторше не так уж много лет, всего-то в районе тридцати пяти. И чёлочка у неё симпатичная, и ножки очень даже ничего.

Анна Геннадьевна, в свою очередь, удивилась, какие зелёные глаза у этого грубого и неповоротливого монстра. Она внезапно подумала, что за внешней неотёсанностью, возможно, скрывается добрая и нежная душа. А вдруг он никакой не чурбан, а большой плюшевый мишка в шапочке с помпоном?

— Ладно, — сказала инспектор. — На этот раз прощаю, — решительным жестом она свернула бумаги и закрыла папку. — Но вы всё-таки сделайте что-нибудь, хорошо? Сточные воды отравляют землю, на которой будут жить наши дети, нуки! Понимаете?

— Понимаю! — обрадовался Артём Николаевич. Он не знал, почему инспекторша вдруг сменила гнев на милость, но перспектива избежать солидного взыскания окрылила директора. — Мы постараемся, Анна Геннадьевна.

— А я к вам ещё заеду! — пригрозила дама, продолжая улыбаться.

— Безусловно!

* * *

В конце января в одном из департаментов администрации рассматривался вопрос о предоставлении грантов на развитие мелкого и среднего бизнеса.

Руководитель департамента, Валерий Данилович, задумчиво перебирал досье претендентов. Рядом мельтешил помощник... Бизнесмены предоставили подробную аргументацию, объясняющую, почему грант надо дать именно их компании. Пару месяцев назад Валерий Данилович, особо не размышляя, применил бы для решения вопроса «откатную» технологию и выделил бы гранты самым

«благодарным». Но губернатор закручивал гайки в рамках правительственной борьбы с «откатами», и чиновник остерегался действовать по старинке. Поэтому судьба солидных грантов должна была решиться другим способом — не менее старым и добрым — методом тыка.

Валерий Данилович уже выбрал наугад досье четырёх кандидатов и теперь собирался выудить из кучи заявок последнего — пятого — счастливчика. Он произносил вслух названия компаний и небрежно отбрасывал папки в сторону.

— Ой, а вот эту конторку мы знаем, Валерий Данилович, — вдруг ухватился за очередное досье помощник. — Директор там такой... смешной.

— Да? Ну-ка, напомни.

— Помните, на зимних праздниках мы открывали ледовый городок в сорок восьмом микрорайоне? Там ещё присутствовало несколько бизнесменов. Помните здорового мужика, размером с «БелАЗ», в дурацкой шапке с помпоном и завязками? Его трудно было не заметить.

— Помню! — обрадованно воскликнул Валерий Данилович. — Да, обратил внимание... Уж больно эта шапочка мне понравилась.

— Очень симпатичная, да. Такая милая! — быстро переобулся помощник.

— Мне нравится, когда человек пренебрегает условностями, когда он раскрепощён и умеет отнестись к себе с иронией. Не люблю я пафоса, не люблю всех этих снобских заморочек...

— Да, вы абсолютно правы! — горячо закивал помощник.

— Вот давай ему и поможем модернизировать бизнес.

— Отличный выбор, Валерий Данилович!

Таким образом, судьба последнего гранта была решена.

* * *

В феврале компанию опять посетила итальянская делегация. Первый раз итальянцы приезжали осенью, в самый разгар золотого и жаркого бабьего лета.

Сейчас температурные условия были менее благоприятными. Итальянцы успевали окоченеть, пробегаая пять метров от машины до двери, а потом долго не могли согреться. Тридцать градусов мороза с мокрым ветром — для них это было пыткой.

Маурицио Пьетри опять подумал о том, что вряд ли им удастся подписать контракт. Директор предприятия вводил его в ступор, господин Пьетри терялся рядом с этим неповоротливым и мрачным русским медведем. Разве можно с таким договориться? Это совершенно не реально!

А сотрудничество — если бы дельце выгорело — обещало быть взаимовыгодным. У итальянцев — новейшее оборудование. У Артёма Николаевича — средства. Но осенью стороны так и не смогли прийти к общему знаменателю, переговоры зашли в тупик. И вот вторая попытка.

Синьор Пьетри, дрожа от холода, задал вопрос:

— А вы случайно не увлекаетесь горными лыжами?

Итальянец внимательно рассматривал потенциального партнёра. Рядом пританцовывала замёрзшая переводчица. А директор предприятия излучал жар, как доменная печь.

— М-м-м... Немного, — согласился Артём Николаевич. — А как вы угадали?

— Просто у вас шапка такая... Спортивная! Вот я и решил, — протучал зубами итальянец.

Артём Николаевич удивился подобной логике. У него ещё в шкафу, например, висела куртка с олимпийской символикой. Но ведь это не означает, что он, Артём, входит в олимпийскую сборную по синхронному плаванию!.. Ну да ладно... Итальяшка, что с него взять. Вон, весь посинел от холода.

Они сели в машину и отправились в путь. Салон не прогрелся, синьор Маурицио никак не мог оттаять после пятиминутного пребывания на улице.

— Дочка эту шапку подарила мне на день рождения, — на всякий случай объяснил Артём Николаевич.

— Правда? Отличная шапочка. А сколько лет вашей дочери? Как её зовут? Моей Анжеле восемнадцать. Её страсть — путешествия. Она сейчас в Америке...

— А моя Юлия — во Франции. И тоже очень любит путешествовать!

Итальянский и русский папаши начали увлечённо рассказывать друг другу о своих кроvinочках, по которым безумно скучали в разлуке. Впервые общение коснулось личных тем.

...Через неделю синьор Маурицио вернулся в родную страну с подписанным контрактом. Несмотря на заработанный бронхит, он был вероятно доволен результатом поездки.

* * *

Сломаться посреди забитого машинами проспекта, в двух шагах от перекрёстка — что может быть ужаснее?

Поколебавшись минуту, Ольга позвонила мужу.

Она вдруг представила, что вызовет не Артёма, а своего прекрасного и многословного любовника, и усмехнулась. Обращаться за помощью к Вадиму было бы глупо. Да, конечно, он обязательно примчится, но разве сумеет помочь?

Полгода назад у Ольги появился друг, представлявший собой полную противоположность её сдержанному, скупому на проявление эмоций мужу. Вадим очаровал бы любую женщину — с его эффектными эскападами, хорошо поставленной речью, эрудицией и галантностью. Он всегда устраивал такой переполох вокруг возлюбленной, что та ощущала себя звездой экрана.

Именно этого Ольге не хватало в отношениях с мужем — красивых слов и жестов. Артём был нескороаемым сейфом — крепким, надёжным

и непробиваемым. В сорок лет, цепляясь за остатки ускользящей красоты и молодости, Ольга находила отдушину в экзальтированном поклонении Вадима. Молодой любовник ею восторгался, он пел дифирамбы...

Но забрать сломавшуюся машину с проспекта не смог бы.

Последний месяц Вадим всё более настойчиво требовал от подруги решительных действий. Он хотел, чтобы Ольга ушла от мужа и переехала к нему.

— Вас уже ничего не связывает! — пылко утверждал он. — Дочь выросла, она теперь так и будет без конца путешествовать. А тебе что делать? Коротать вечера с этим медведем?..

Ольга сидела в салоне и через лобовое стекло смотрела, как муж паркует впереди свой автомобиль, роется под капотом, присоединяет трос. Мимо проносились, а потом замирали перед красным светофором машины. Один раз у Ольги остановилось дыхание: лихач на раздолбанной серой «десятке», перестраиваясь в другой ряд, едва не зацепил Артёма.

Муж послал вслед энергичное проклятье. В шапке, подаренной дочерью, он выглядел смешно и несуразно. Но он с ней не расставался, разве что в ванной не мылся.

Внезапно сердце Ольги полоснуло горячей жалостью. Ощущение собственной вины было таким острым и невыносимым, что перехватило горло, а на глазах навернулись слёзы. Как глубоко заблуждается Вадим, утверждая, что с мужем её больше ничего не связывает. Да что он понимает, молокосос! Их связывает всё — целая жизнь, вся их история, воспоминания, моменты радости и грусти, заботы и переживания, проблемы, восторг и нежность...

Муж постучал в окно, и она опустила стекло. В салон ворвался морозный бензиновый воздух и шум оживлённой улицы.

— Ну что ты, испугалась? — ласково пробормотал Артём Николаевич, увидев, что жена сидит, вжавшись в сиденье, и едва не плачет. — Всё нормально. Давай, поехали. Притормаживай, чтобы трос всё время был натянут.

Он протянул внутрь тяжёлую лапу и ободряюще похлопал жену по плечу.

...Вечером, увидев на телефоне восемь непринятых звонков от Вадима, Ольга позвонила любовнику.

— Знаешь, я всё обдумала, — произнесла она. — Нам придётся расстаться.

— Ерунда! — воскликнул Вадим. — Нет, это не возможно! Мы с тобой...

— Поговорим об этом завтра. Не обижайся, я всё тебе объясню. А сейчас я очень устала.

И, не вдаваясь в подробности, Ольга выключила телефон.

* * *

В западной культуре существует особый календарь, придуманный для того, чтобы томибельное ожидание Рождества не превратилось для нетерпеливых детей в сущее наказание. Каждый день ребёнок открывает в календаре

пронумерованное окошко и получает маленький подарок — шоколадку или мини-игрушку. Так он постепенно приближается к заветной дате — католическому Рождеству.

У Артёма Николаевича не было специального «календаря ожидания», он просто ежедневно зачёркивал числа красным маркером. Дочка возвращалась в конце марта. До её приезда оставалось всего пять дней, и настроение у истосковавшегося отца было праздничным.

Но не только приезд Юли радовал Артёма Николаевича. Последнее время судьба благоволила к нему настолько, что в пору было удивиться или даже испугаться: не последует ли за этой ярко-белой полосой ужасная чёрная?

Но психика Артёма Николаевича (к его счастью) была организована достаточно просто. Он радовался удаче и не искал ни в чём подвоха. В последние месяцы всё шло как по маслу: его предприятие получило огромную бюджетную субсидию на развитие бизнеса и создание новых рабочих мест; был подписан выгодный контракт с итальянцами; наладились отношения с женой — закончился ледниковый период, и чувства вспыхнули вновь. Ольга и он словно опять превратились в двадцатилетних...

Артём Николаевич подозревал, что причиной головокружительных успехов является его шапочка с помпоном. Головной убор превратился в талисман директора. Удивительно, какими милыми становились все вокруг и как ловко устраивались дела, стоило натянуть на макушку дочкин презент!

На улице таяло, капало и звенело. Солнце перекачивалось золотым шаром по окнам, лужам, стёклам автомобилей... Неподалёку от супермаркета, где он затарился продуктами, Артём Николаевич столкнулся с Юлиным парнем.

— Привет, Эдик, сто лет не виделись!

— Здравствуйте, Артём Николаевич!

Мужчины обменялись дружеским рукопожатием. Эдик, внешне — очаровательный и непутёвый шалопай, не способный и слова сказать серьёзно, на самом деле, был не менее целеустремлённой и сознательной личностью, чем Юля. Парнишка нравился Артёму Николаевичу, дети хорошо подходили друг другу. Лет через десять, думал Артём Николаевич, когда пацан подрастёт и твёрдо встанет на ноги, вполне можно будет доверить ему своё единственное сокровище.

Шея голубоглазого красавчика была в три слоя обмотана роскошным кашне изумрудного цвета.

— Симпатичный шарф, — похвалил Артём Николаевич, привычно реагируя на цвет изделия.

— Юля прислала из Франции.

— А мне шапку.

— Суперская шапочка, — кивнул Эдик после некоторой паузы. — Помпон такой... зачётный.

Будущие тещь и зять несколько мгновений задумчиво рассматривали друг на друга Юлины подарки. Первым паузу нарушил Эдик.

— Артём Николаевич, а можно я вам

на хвост упаду, когда вы в аэропорт поедете Юлию встречать? У меня машина сломалась.

— Безусловно. А машину почему не притащишь в ремонт?

— Да неудобно вас напрягать.

— Какие глупости, обязательно приезжай.

— Спасибо.

— Ну, бывай, Эдик!

— До встречи!

И мужчины разошлись в разные стороны. Артём Николаевич слегка сдвинул на затылок любимую шапку — в ней уже было жарковато, но он упорно не желал покидать дом без дочкиного подарка.

Владимир НАТАНСОН

Рассказ

ВЫЙТИ ИЗ КОМЫ

Пока жил, я любил её, я помню. Память — вообще единственное, что со мной осталось, больше ничего. Ни зрения, ни запахов, даже тела нет. Оно лежит на больничной койке без меня, я его не чувствую. Да, ещё слух сохранился.

Я слышу, что жена здесь, это не волнует — ёна не любила меня. Не научилась любить, не встретился ей такой человек. А встретился я. Так у нас и шло: я её любил, она со мной жила. Жила честно — я был сыт, одет и согрет.

Сегодня жена привела с собой ребёнка — девочку лет пяти, судя по их разговору. Понятно, что это моя дочь. Я должен её помнить, но не помню. Девочка любопытная:

— Мама, а почему папа на работу не встаёт, раньше он вставал.

— Папа болеет, ему нельзя на работу.

— Когда болеют, можно телевизор смотреть или сказки слушать. Давай ему сказку прочитаем, ту, что в автобусе читали.

— Давай ты ему Расскажи, а мне нужно с доктором поговорить, он сейчас зайдёт.

Девочка охотно начинает рассказывать:

— Жила одна женщина, и у неё совсем не было детей. А ей нужен был ребёночек, хоть маленький. Тогда она пошла к колдунье в магазин и купила за двенадцать рублей семечко от ячменя... Мама, а почему у этой тёти не было ребёночка? У всех же есть.

— Ну, не у всех. Ещё ведь муж нужен.

— Какой муж?

— Ну как твой папа, а для меня он муж. Без папы детей не бывает.

— А пока мой папа болеет, ты будешь к колдунье ходить за детьми?

Девочка старательно пересказывает мне книжку про Дюймовочку, легко подменяя непонятные ей подробности другими, из своей жизни. Вот крот у неё оказался в норковой шубке — наверняка мать жаловалась кому-то, что я не покупаю ей.

— Мама, слепой крот же не может работать, а как он купил норковую шубу? Наш папа работал, и то не смог купить.

— Папа купил бы, только он заболел.

— А колдунья шубы не даёт, одних детей?

Я вспомнил, как вёз Свету в больницу — роды начались неожиданно, она мучилась ещё в машине, в голове остались острая жажда и чувство вины. После этого воспоминаний нет — может, потом зацепиться было не за что?

Я вспоминаю эту женщину — всё, что осталось от любви: чуть хриловатый голос, рыжие волосы, простенькие рассуждения. Её мне не жалко, она сможет жить одна, потом найдёт другого мужчину. Но о девочке будет заботиться, как и обо мне заботилась, в этом я уверен. Девочку она, наверное, даже любит. Или нет?

Как я всё-таки попал сюда? И когда?

Девочка отвлекла меня, я не слышал, как вошёл врач.

— Здравствуйте, Светлана Сергеевна, — голос у него приятный, мягкий.

— Добрый день, Борис Григорьевич, я просто пришла посмотреть, — может, что-то изменилось.

— Но ведь мы вчера с вами всё обсудили, вы же поняли меня...

— Конечно, доктор, только...

Вдруг женщина вскрикивает:

— Надя, Надя, что ты, к папе нельзя!

Наверное, девочка карабкалась ко мне на постель, может быть, я разрешал ей, пока жил. И снова:

— Так что же будет, доктор?

Теперь он отвечает с оттенком раздражения:

— Прошло уже шесть дней, Светлана Сергеевна, но мы пока продолжаем лечение. А вы бы лучше шли домой. Нужно беречь силы, они вам скоро понадобятся.

Мне вполне понятно, что он имеет в виду. И ей понятно, но она робко пытается возразить:

— Доктор, а мне рассказывали, что иногда...

Сколько раз он это слышал в своей палате интенсивной терапии!

— Светлана Сергеевна, я же не настаиваю, но вы должны быть готовы.

Дверь скрипнула, кто-то ушёл. Только врач, или все? Нет, не все:

— Мама, а когда папа выздоровеет, он здесь останется или к нам домой пойдёт? А то как мы без него будем верхнюю раму закрывать?

— Я и сама не знаю, Надюша.

— А ты жарь целую курицу с корочкой, чтобы ему хватило, а я ему мандаринку оставлю: я видела, он брал из кулёка, когда никого не было.

— Пойдём домой, поздно уже, скоро спать.

Снова голоса:

— Наш папа лучше закрывал, у него тапочки, ему газетку не надо было подкладывать на подоконник!

Девочка говорит с нажимом, убеждает мать.

— Конечно, папа лучше, но ведь дядя Федя тоже закрыл верхнюю раму. И даже сам, мы его не просили.

— Не надо было закрывать, когда его не просили! Я всегда сама посылала папу, и тогда он закрывал.

Значит, это у нас игра была такая, она мне поручала, и я закрывал что-то. Радовалась, наверное, что я её слушаю.

Кстати, я вспомнил этого Федю: сосед по лестничной клетке, мы с ним здоровались. Крупный, краснолицый, пьёт нечасто. Работает охранником. Может, он и лучше её подводит. Незамысловатый. Девочка опять прорывается:

— Может, папу надо разбудить? Помнишь, он один раз на работу проспал, ты его тогда разбудила.

Зачем жена её сюда приводит? Наверное, не хочет оставлять дома одну. Заботливая, этого у неё не отнять. И о Феде будет заботиться.

Теперь голоса рядом, у изголовья, врач объясняет терпеливо:

— Нет, Светлана Сергеевна, положительной динамики не наблюдается, к сожалению.

— Что же будет?

— Мы ведь с вами подробно обсудили это, добавить нечего...

Она пока не может согласиться:

— А может случиться так...

Ей трудно подобрать непривычные слова, он помогает:

— Бывает, конечно, что функции организма восстанавливаются после таких сроков, но это крайне редко. Так что вам нужно быть готовой. Когда придут родственники мужа?

Жена молчит, ещё не может согласиться.

Дверь скрипучая, слышно, если кто-то заходит. Опять голос девочки:

— Мама, помнишь, когда я болела, ты мне дорогое лекарство покупала? Там немного осталось в бутылочке, давай его папе накапаем?

Интересно, ей жалко именно меня, или она добрая?

Доктора девочка раздражает, мешает говорить о важном, у него слегка напрягается голос:

— Вы должны согласиться, Светлана Сергеевна. К тому же выводу и комиссия пришла.

— Нет, Борис Григорьевич, я не могу, у него руки тёплые— вы потрогайте.

— Я вам уже не один раз объяснил: это аппаратура поддерживает организм.

Не знает он мою Свету, на неё чем сильнее давишь, тем крепче упирается:

— Почему это я должна? А кто будет моего ребёнка кормить?

Бедная моя, всё ведь это напрасно. Врач не злой человек, но у него сроки.

— Ну что же, это ваш выбор. Только придётся это оплачивать. За каждый последующий день.

Теперь Света молчит.

А доктор продолжает, будто и не было возражений:

— Вот и хорошо. Вы сможете завтра собраться? Я подготовлю документы к двум часам. Теперь я пойду, а вы можете побыть с ним.

Я её не виню— она такая. Деньги у неё есть, на шубу копили. Если бы доктор обещал меня оживить, она бы заплатила. А без гарантии она денег не даст— практичная.

Вот так незатейливо эти двое назначили мне смерть.

А я ведь уже встречался с ней раньше.

Один раз в детстве, когда ремонтировали наш дом, и мальчишки катались на крюке лебёдки. Каждый по очереди брался руками за крюк, другие включали лебёдку и поднимали его до четвёртого этажа, потом опускали. Пацаны тогда были сильные и тощие, руки спокойно выдерживали тяжесть тела. Но я всегда очень боялся высоты, только скрывал это. Потерял сознание от страха уже на спуске, ниже третьего этажа— но свалился неудачно, напоролся животом на торчавший из мульды рифлёный арматурный прут. Время было простое, друзья стянули меня с железяки, сосед-милиционер отвёз в больницу на мотоцикле. Когда я оказался на операционном столе, жизни во мне оставалось немного.

Спасла меня немолодая женщина-хирург, выхаживала как родного. Да ещё мама, приносила куриный бульон и масло— продукты практически недоступные: после моего возвращения дома не оказалось многих знакомых вещей. Особенно было жалко роскошный немецкий туалетный несесер, конечно, она им не пользовалась, но мы любили перебирать отделанные перламутром щёточки и флаконы.

В тот раз я метался на больничной койке от жизни к смерти несколько дней, а следующий случай был краткий, как хлопок ладоней: мы с женой решили купить арбуз на рынке. Торговец, крупный узбек в голубой футболке на тугом животе, смотрел

на неё влажными глазами, похохатывал:
— Что, дорого? Когда закроюсь, приходи в ларёк — даром получишь.

То, что я стою рядом с этой женщиной, только добавляло остроты в его развлечение. Он был в полтора раза тяжелее меня и держал в руке большой нож — только что разрезал арбуз, половинки ещё качались на прилавке. Дальше всё случилось одновременно: левой рукой я подхватил половину арбуза и шмякнул мякотью ему в лицо. В правой руке у меня оказалась килограммовая гирия с весов. Торговец, ещё ничего не видя, вслепую метнул вперёд руку с ножом, но Света рванула меня в сторону — успела. Другой узбек, пожилой, в полосатом халате, держал этого парня за руки и быстро кричал мне:

— Уходи, пожаласта, уходи. Нам не нада, мы искандал не хотим. Уходи!

Жена утащила меня, только уворот базара я смог разжать руку — гирия весомо тукнулась в асфальт.

Один раз меня спас врач, другой раз жена. Теперь и врач, и жена согласились на мою смерть.

В палате снова заговорили, девочка:

— Нет, я не хочу его, папа тоже тебя целовал, я сама видела. И он меня никогда не выгонял!

Я сразу представил, как она сейчас выглядит: глазами уткнулась в пол, губки надуты.

— Дядя Федя тебя не выгнал, просто проводил в кухню.

— Нет, выгнал, он дверь запер, я попробовала. Mamochka, давай нашего папу разбудим, он лучше.

Вся в мать, тоже практичная. Другой ребёнок просто сказал бы, что папа хороший, а эта сравнивает с Федей.

Ну что же, она такая, моя Света: если бы я вернулся, жила бы со мной, днём кормила бы, ночью для виду постанывала — образцовая жена. Когда меня отключат, она будет делать всё то же для этого напористого Феде: мужа нет дома всего неделю, а он уже лезет целоваться, спешит место занять. Только любить она не будет — ни его, ни меня.

А эта девочка, дочка, как она всё-таки выглядит?

С этой мыслью я ушёл от них туда, где было только время, плотное, как глубокая вода. Непостижимое ощущение — свободно двигаться в замерших давних воспоминаниях, выбирать любое, чувствовать, как согласно и едва ощутимо вздрагивает масса всего, что с ним связано. Я думал о девочке, и в ответ мне, теперь уже невозможные без дочери, страгивались воспоминания о Светлане, медленнее, из вечности в вечность, сквозь меня плыли её зелёные

глаза, высокие скулы, рыжие волосы — бесстрастно, неторопливо. Уплывали дальше и оставались во мне. Здесь не рождали желания ни губы, ни кожа, ни запах... Но я никогда не ощущал их так полно.

Дверь скрипнула, слышались шаги нескольких человек. Они подавленно молчали, нельзя было узнать, кто пришёл.

— Надя, эти клетка на полу не чтобы прыгать. Стой спокойно, мне сейчас нужно будет важные бумаги подписывать.

— А как же ты будешь подписывать, раньше все важные бумаги папа сам подписывал, а теперь он ведь не сможет?

— Папа не будет подписывать.

— А кто будет, дядя Федя? Я не хочу.

Совсем неожиданно девочка горько расплакалась. Ребёнок не капризничал, она так сопротивлялась. Поняла — сейчас они подпишут, и главным в её доме станет не папа, а этот дядя Федя.

Врач распорядился:

— Настя, отведите ребёнка и побудьте с ней, мы скоро закончим.

Но девочка уже рыдала во весь голос, её не могли увести — вцепилась во что-то. Все эти родственники молчали как рыбы холодные, она одна боролась за меня. Отчаянно, из последних силёнок!

Нет, я не могу уйти сейчас, это бесспорно. Мой ребёнок спасает меня, а я его бросаю? Да не будет мне покоя ни в каком мире, если я её брошу. Я остаюсь! Я должен!

Великолепно работает мысль без тела — решение пришло моментально: чтобы остаться, нужно точно знать, что ты здесь нужен. И я уже это знал, я видел, как сажая её на плечи, как мы идём в зоопарк, и как она утром залезает к нам с матерью в постель... А потом она вырастет, и встретит свою первую любовь, обязательно встретит, не как её мать. Должно же ей что-то от меня передаться. Может быть, и передалось — мне нестерпимо захотелось её увидеть. Так нестерпимо, что глаза открылись.

Увидел только белый потолок. Зато тут же услышал звонкий радостный голосок:

— Мама, мамочка, готовь завтрак скорее, наш папа уже проснулся, ему скоро на работу!

— Надя, перестань! — я просто почувствовал, как она с досадой дёрнула ребёнка за руку.

Кровать качнулась, на миг я встретил знакомые зелёные глаза, и вдруг Света рванулась, как когда-то на базаре, выхватила из рук врача документы и прижала к себе — боялась, что тот всё равно станет отключать, раз уже подписано. Это искренне у неё получилось, подумать не успела. Дорогая ты моя!

Врач моментально перестроился, послышались команды, меня куда-то подключали, кололи, вокруг возбуждённо говорило одновременно много людей. Всё это было

06.12.2015

Ольга ЕГОРОВА

Рассказ

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА

Звонок прозвучал в тишине воскресного утра настойчиво и тревожно. «Кто бы это мог быть?» — подумала Лена. Дети ещё спят, муж с вечера уехал на дачу. Она и сама собиралась встать через полчаса, настряпать детям пирожков и рвануть к мужу. Елена не любила ранних и ночных звонков, понимая, что они не сулят ничего хорошего. Опустив ноги с кровати и сняв трубку, она услышала короткие гудки. Слава богу, ошиблись номером, вздохнула облегчённо. Но телефон затрезвонил вновь...

В трубке долго молчали, а затем она как будто выпала из реальности: перед глазами замелькали разноцветные шары, в голове поплыла давно забытая мелодия, перехватило дыхание.

— Здравствуй, Ёлка, — в трубке звучал забываемый, с тёплой хрипотцой любимый голос.

— Ну, вот я и вернулся.

— Глебушка, — пронеслось в голове. — Как, откуда, почему?

Язык не слушался. Она издала не то хрип, не то всхлип.

Река памяти унесла её на 30 лет назад...

Впервые она увидела его во дворе своего дома ранней осенью. Высокий, стройный парень весело перепрыгивал лужи, приближаясь к ней. Густая золотистая чёлка. Голубые лучистые глаза смотрят доверчиво и радостно.

— Здравствуйте, я ваш новый сосед. Зовут — Глеб.

Он протянул ей навстречу крепкую, мужскую ладонь.

— Здравсте, Настя! — Засмеялись в ответ Славка с Жоркой, два друга старшеклассника, её свита.

Алёнка растерялась и не назвала своего имени в ответ. Он пожал плечами и скрылся за дверью подъезда.

Во второй раз они столкнулись в школе. Их 8-й «в» ввалился на урок немецкого языка с гиканем и улюлюканьем. Предстояло два часа приятного времяпровождения с молодой и не очень строгой учительницей. На последней парте сидел он и что-то строчил в тетради, отрабатывая пропуски. Увидев Лену, подвинулся и откинул крышку парты. С этого момента и началась их любовь.

неинтересно, я только хотел увидеть. Меня повернули на бок, и я оказался нос к носу с любопытной девчачьей мордочкой: рыжие волосы, скуластенькое лицо — вылитая мать. Но глаза не зелёные, серые у неё были глаза. Мои.

Они почти не расставались, выбирая каждую свободную минутку, чтобы побыть вместе. Он был старше на два года, через год, окончив школу, поступил в военное училище. Военные дисциплины требовали полной отдачи сил, увольнительные давали редко. Каждая встреча была маленьким праздником. Хотелось многое рассказать и обсудить, поделиться новостями и просто помолчать, ощущая друг друга рядом.

Родители в эти отношения не вмешивались, понимая, что всё может измениться в одну минуту. Лишь раскланивались при встрече. Да и семьи были совершенно разные, как небо и земля — вряд ли им было бы интересно совместное общение. Глеб был родом из семьи военных. Его отец, выйдя в отставку, преподавал военное дело в местном техникуме. Мама нигде не работала, занималась домашним хозяйством и садом. В доме царила стерильная чистота и строгая военная дисциплина. Родителями Елены были молодые, бесшабашные интеллигенты. В их доме часто собирались шумные, весёлые кампании. Окна и двери балкона распахивались настежь, из квартиры раздавались звуки пианино, громкий весёлый смех. В семье царил культ чтения и преклонения перед искусством, зачастую в ущерб чистоте и порядку. Уклад одной семьи никак не вязался с укладом другой, поэтому представить, что они когда-нибудь породнятся, было трудно.

Объединяла семьи только дружба детей. Но отношение родителей друг к другу переносилось и на отношение к детям. Родители Глеба считали Елену легкомысленной, что не являлось положительным качеством офицерской жены. Родители Елены уважали выбор дочери, но втайне сочувствовали ей, потому что хорошо понимали — вряд ли ей пригодится будущая профессия, и хочешь-не хочешь — придётся смириться с участью домохозяйки. Ни с той, ни с другой стороны, брак не был особенно желанным. Если бы не взаимные чувства детей... Их притягивала друг к другу несокрушимая сила, которой нечего было противопоставить. Но всё-таки побороться стоило. Во главу угла

родителями был поставлен юный возраст невесты и её дальнейшее образование...

Любая ситуация требует логического завершения. Лена заканчивала школу. Необходимо было выбирать профессию. Родители врачи обрадовались бы — выбери дочь медицинский институт. Но дочь настояла на институте культуры. Прельщал срок обучения — четыре года. Глеб окончил училище, распределился на север. Лене оставалось учиться ещё два года. На семейном совете решили, что свадьбу будут играть на последнем курсе, осенью 1980 года.

Звонок раздался ранним декабрьским утром, в день её рождения.

— Ёлка, милая, поздравляю с днём рождения, приеду после Нового года в отпуск. Жди. Целую, как только я могу. Обнимаю, как только я умею. Очень скучаю. Привезу тебе настоящие пимы из оленьей шкуры и обручальное колечко с александритом.

Камень вдовы — мелькнула мысль и исчезла в суете праздничных приготовлений.

Они, счастливые и влюблённые, и подумать тогда не могли, что маховик судьбы уже запущен — судьба отсчитывает их последние счастливые минуты.

...В отпуск он не приехал. Через родителей передал, что отпуск откладывается, его отправляют в длительную командировку, когда вернётся — не знает. А потом долгое, убивающее молчание и серые, затяжные будни. Институт она закончила на автопилоте, по инерции сдавая сессии.

Спасали встречи с родными Глеба. Ранней весной 80-го в гости впервые пришла его мама. Осторожно переступив порог и оглядевшись, она достала из сумочки толстую пачку фотографий. С первого фото на Алёнку глядел огромный сибирский кот, который сидел рядом с улыбающимся малышом. Лена долго вглядывалась в лицо ребёнка, узнавая любимые черты. И вдруг слезы полились градом. Они долго плакали, обнявшись, в тишине пустой квартиры, а потом мама рассказывала: как Глеб рос, как она спасала его от детской болезни на глухой сибирской заставе, как он завалил экзамены в институт, чтобы поступить в военное училище.

— Ты только не забывай его, дочка. Жди. Он любит тебя и обязательно вернётся. Ведь он не погиб. Пропал без вести — это не приговор.

С этого момента они стали ближе, роднее. Лена почти ежедневно бывала у родителей Глеба, рассказывала об учёбе, узнавала новости.

В институте молодые люди оказывали ей знаки внимания, часто приглашая в кино, на танцы, на концерты. И удивлённо отходили.

— Она, что, замужем или в монашки записалась? — спрашивали они друг друга, получив в ответ решительный отказ.

Подруги ругали её, говорили, что ждать бесполезно: её подвиг никто не оценит, с войны редко возвращаются пропавшие без вести.

— Если он жив — значит, предатель: смел веру, стреляет в наших солдат. Таким нет оправдания и прощения.

Она молчала и ждала, каждую свободную минуту бежала в уже ставший родным дом.

Её родителям это очень не нравилось. Сначала они переживали вместе с дочерью, затем стали убеждать, что время лечит и нужно думать о будущем. В конце концов, поняв тщетность своих усилий, решили сменить место жительства. На берегу Чёрного моря был приобретён саманный домик с небольшим участком земли, и родители уехали на Украину обустроить новый быт. Через год построили дом, в котором самой лучшей комнатой была комната дочери.

Жизнь как бы началась с чистого листа. Новый город, новая работа, новые друзья, новые краски и запахи, чудесная природа, морской, напоенный ароматами воздух. Всё это создавало ощущение иной реальности, в которой нет места боли и тяжёлым воспоминаниям. Превью жизнь стала постепенно отдаляться, как бы выцветать в воспоминаниях. Только иногда снился Глеб. Он стоял на противоположном берегу бурной горной реки и звал её. Река бурлила, как кипяток, но не было брода, и не было сил броситься вплавь. Лена просыпалась мгновенно, как от ожога. Ощущение было полное: после этих снов долго жгло и тянуло в левой стороне груди. Со временем такие сны приходили всё реже. Через пять лет она вышла замуж.

В июле этого года, в самый разгар курортного сезона, она увидела на участке соседей высокого светловолосого мужчину. Он стоял к ней спиной, подняв руки к солнцу. Во всей его фигуре была такая любовь к жизни, такое жизнеутверждающее начало, что она впервые за долгие годы захотела познакомиться. Потом она поняла, почему Егор сразу запал ей в душу. Чем-то неуловимым, может быть ржаным цветом волос и улыбчивыми, лучистыми глазами он походил на Глеба. На крыльцо дома вышла соседка Галя.

— Радость какая, — братишка приехал, — сообщила она.

Егор повернулся к Лене, оценивающе осмотрел её всю с ног до головы, поклонился.

— Здравствуйте, сударыня. Что вы делаете сегодня вечером?

Он был старше Лены на десять лет. Выпускник Ленинградского института железнодорожного транспорта, он распределился в курортный Симферополь и занимал достаточно высокий пост. В его жизни всё уже сложилось и устоялось: карьера, достаток, необременительные отношения с женщинами. До встречи с Леной он не испытывал стремления к жизненным переменам. Слишком много красивых женщин было вокруг. Но с их первой встречи понял, что его жизнь делает крутой вираж — это именно та женщина, которую он хочет видеть рядом всегда.

Свадьба была весёлой и шумной. Гуляли три дня: сначала в приморском ресторане, затем в доме невесты, на третий день уплыли в море — на острова.

Вереница торжественных событий запомнилась Елене пряным запахом цветов и фруктов, суетой и приятной усталостью. Отношения

с мужем оказались такими же праздничными и приятными. Большая, ухоженная квартира, достаток и отсутствие житейских трудностей делали каждый день сладко ленивым, утонченно изнеженным. Муж не хотел, чтобы Лена работала, и она, со всей страстью молодости, взялась за себя: лучшая портниха, лучший парикмахер, магазины и санатории — всё было к её услугам. Через два года появились дети, дочь и сын — двойняшки. Теперь предметом её страсти стали они. Отношения с мужем были ровными, не затрагивали душу — она просто позволяла себя любить.

Детям было три года, когда, включив телевизор, она увидела окончание той войны, которая забрала у неё Глеба. Советские войска уходили из Афганистана, унося в сердцах боль потерь и растерянность перед меняющимся миром, в который трудно будет вписаться. А мир действительно менялся. В стране шумела перестройка.

— Перестройка, перестрелка, перекличка, — шутили бывалые мужики.

Шутка оказалась «не в бровь, а в глаз». Согласно народной мудрости, вместе с перестройкой в странах социалистического лагеря и национальных республиках ширилось движение за независимость, которое сопровождалось массовыми беспорядками и вооружёнными конфликтами. А затем, единая родина — Советский Союз — прекратил своё существование. Непокорно стало и в Крыму: сотнями, репрессированные в годы Великой отечественной войны, крымские татары возвращались на «землю отцов», самовольно занимая территории. При подъезде к Симферополю появились целые городки маленьких домиков. Подняли голову украинские националисты — «бандеровцы». Всё чаще слышалось: «Кацапы, вон из Украины!» На работе у мужа начались проблемы.

В конце 2000-х мужу предложили преподавательскую работу в России. Лена с семьёй вернулась в родной город. Дети учились в старших классах, перемена страны и школы сказала на успеваемости. Для того, чтобы поправить положение, Лена устроилась на работу в лицей, где учились дети.

Не отпускали воспоминания. Всё здесь оставалось родным и близким, с детства знакомым, но, в то же время всё было немного другим. Большинство одноклассников и однокашников разъехались, а с теми, кто остались, близких отношений никогда не было.

В первые дни по приезду она позвонила в двери знакомой квартиры, но в ней уже давно жили чужие люди. О судьбе бывших хозяев сообщила соседка с первого этажа, Мария Павловна.

— Леночка, тебя и не узнать, какая нездешняя стала, — воскликнула она, увидев Лену. — А Мария Денисовна после твоего отъезда тосковала сильно. Сокрушалась, что не осталось у неё родной кровиночки — внука или внучки от тебя. Всё плакала. Потом сильно болела, голубка. Умерла два года назад. Вячеслав Иванович сильно сдал, не мог здесь оставаться. В прошлом году поменял квартиру. Живёт в областном центре.

Они ещё немного поговорили о старых знакомых, о семье Лены, о планах на будущее. Уже прощаясь, Мария Павловна всплеснула руками.

— Да, что же я? О самом главном то не сказала. Видела на днях почтальона.

Письмо им принесли по старому адресу, из Австралии. Сообщила ему новый адрес. Если нужно, заходи — и тебе запишу.

Лена, поблагодарив её, попрощалась. Про себя подумала: «Зачем беречь сердечную рану. Изменить ничего нельзя». Дома ждали сын и дочь, скоро муж вернётся после занятий. Лена поспешила домой. Домашние заботы, новый коллектив, поиски репетиторов для детей — всё это засасывало, не позволяло думать о чём-то ещё...

Выпавшая из рук трубка вернула к действительности.

— Глеб, жду тебя на нашем месте, — единственное, что удалось вытолкнуть из пересохшего горла.

Памятное место находилось в старом городском парке в самой его глубине. Там когда-то стояла концертная ракушка. В девяностые годы ракушку убрали, а нового ничего не построили. Но тополиная и кленовая аллеи были на своём месте. И нынешнее поколение молодых, как они прежде, сбегало с уроков, чтобы окунуться здесь во взрослую жизнь. При посещении этого уголка у Лены всегда возникала полная иллюзия возвращения в юность. Торопливо шагая вглубь парка, она увидела в начале аллеи высокую мужскую фигуру. В молодости она могла узнать Глеба на большом расстоянии даже в толпе людей и в пасмурную погоду. Узнавала сердцем, будто в груди находился какой-то специальный прибор-определитель. Приближающийся человек не вызывал подобной реакции: высокая сухощавая фигура слегка сутулилась, прихрамывающая походка, более светлый оттенок волос.

— Нет, не он, — с облегчением подумала Лена

Но, когда его походка стала более напряжённой, и встречный стал слегка косолапить, сгибая колени внутрь, сердце отозвалось давно забытой, щемящей нотой — он. Она остановилась, с тревогой вглядываясь в неуловимо знакомое лицо. Внимательный взгляд, снежный отлив густых волос, слегка рассеянная улыбка и другая форма носа.

— Вот почему не узнала: седина и нос перебит, — поняла Лена.

— Здравствуй, Ёлка. Ты стала ещё краше, — Глеб наклонился и поцеловал ей руку. — Давай пройдемся по нашим местам.

Они молча пошли вглубь парка. Неловкость первых минут стала проходить, возвращая их в общую реальность. Вот поваленный ствол берёзы, сидя на котором они впервые поцеловались. А здесь он рассказал ей о поступлении в училище. Вот здесь она запнулась и расцарапала колено, а он перевязывал его своим носовым платком. А вот на этом месте они дали наивную клятву о том, что никогда не расстанутся. «Человек предполагает, а Бог располагает», — пословица, которую так любила её бабушка, заставила её грустно улыбнуться. Наверное, Глеб думал о том же.

— Больно понимать, что жизнь прошла

в разлуке. Ещё больше, что в твоей жизни я уже никогда не займу прежнего места. Ты хоть иногда вспоминала, думала, что я жив? Чувствовала, что я вернусь? — Он немного помолчал и, не получив ответа, продолжил. — О тебе в общих чертах знаю всё. О себе рассказывать больно. Был тяжело ранен — чудом остался жив. Попал в плен — западный журналист помог уехать в Австралию. Скитался,

пытался выжить и не потерять себя. Самое главное: своим там не стал, и здесь уже не стану. Это не моя страна, то есть с этой страной я не знаком. Приехал попрощаться с отцом, раньше не мог, не пускали. Вся жизнь — боль, стыд, тоска...

В «инете» узнал, что таких, как я — недобитых, пропавших без вести, около трёхсот. Триста загубленных жизнью и душ.

Елена (Лёка) Егорова

Рассказы из цикла «Моё время»

МОЛОДОЙ СТАРИК

Сколько лет я живу на земле? Десять, Двадцать, Сорок. Что значат числа или возраст? Я живу очень долго, потому что чувствую так. Как понять эту фразу: «Он выглядит молодо». То есть, я старик, но с юношеским лицом? Или я подросток, следовательно, молод. Никогда не понимал в этом людей, никогда не мог уяснить для себя те истины, которые для всех были аксиомами. Я живу очень долго, ощущаю очень много, но я не взрослый и не молодой, не старик и не ребёнок. Я просто живу, я просто есть, я просто человеческое существо с таким же набором потребностей, что и у других. «Каждый знает, сколько ему лет». Я вижу только числа в паспорте, но насколько достоверна эта информация? Я родился в таком-то году, но почему никто не берёт в расчёт, что моя душа могла жить до зачатия. Пусть в атомах, но она познавала мир. И после моей физической, материальной смерти, я буду жить, потому что чувствую так. Не нужно приписывать это к какой-то религии, которой я придерживаюсь. Моя религия, моя вера — это бог, единый для всех, живущий внутри каждого. Это не значит, что я верю во что-то, что можно назвать реинкарнацией. Люди любят давать всему названия и термины. Я же верю, что есть нечто такое, что не требует обозначений. Это возраст, это наша жизнь до и после жизни земной, жизни физической. Разница лишь в том, что я не выдумываю названия, я ощущаю такие состояния.

Что скажет вам число 23? Что объяснит вам, не имеющим представления о том, что останется после вас, слово «реинкарнация»? Я верю лишь в то, что мы после смерти становимся миром. Растворяемся в нём. Никто из нас не умирает. И с фразой «пока человека помнят — он жив» я бы поспорил. Если я умру, и меня забудут, я исчезну? Совсем и навсегда??? Это абсурдно. Я живу всегда. Живу вечно. В разных формах, в разных телах, в разных субстанциях. Я усваиваю информацию из всего, что окружает меня, что находится в моём сознании, в том, что рождено

действительностью, но отображается в моём мозгу искажённо.

Вернёмся к возрасту. Интересный вопрос, конечно. Я ощущаю объяснение его, но в действительности мне трудно объяснить, что же это такое. Ну, например, для мужчины, которому по паспорту 50 лет, я молодой человек. Для малыша, который задул пять свечек на своём праздничном торте, я взрослый мужчина. Для своих родителей — я всегда ребёнок. Я один и тот же, но мой возраст колеблется в зависимости от восприятия каждого отдельного человека. Если женщина на шестидесяти лет сделает пластическую операцию, муж скажет, что она скинула двадцать лет, и это она посчитает за комплимент, так как сорок лет для её шестидесяти — молодость. Стоит ли продолжать? Так разве важно то, сколько лет ты топчешь землю, чтобы ощутить, что ты долго живёшь? Может, это зависит исключительно от человека, от его сущности, души, восприятия и многих других внутренних качеств. Мой отец считает себя ребёнком, хотя ему шестьдесят. Я говорю, что так оно и есть, потому что важно не то, кто и что про тебя говорит или знает, важно то, как ты себя ощущаешь сам.

Это не может нравиться — знание того, что ты очень долго живёшь. Но почему это должно мешать жить дальше? Ну, живёшь ты долго — духовно, так ты можешь прожить ещё столько же, а потом ещё и ещё. А после смерти материализоваться в другой человеческой личности и прожить новую земную жизнь. Это ничего не значит, вот что я хочу донести. Абсолютно ничего. Главное — восприятие. Главное — ощущать.

Знаете, я как-то раз, благодаря одному хорошему человеку, посмотрел фрагмент под названием «Ощущать» из фильма Ивана Вырыпаева «Короткое замыкание» — то, как раз, о чём я вам толкую. Так вот, там парень Митя высказал такую идею, что век взаимопонимания закончился, сейчас только ощущать нужно. И всё. Потому что ты всё равно ничего не поймёшь до конца из всего, что тебя окружает.

Так вот, я думаю, если не ощущать, то получается, и жить ты не сможешь, в смысле, полноценно жить. Ну что ты почувствуешь, проживая свою жизнь в век разума. Ты пытаешься всё контролировать, не выпускать из поля зрения; пытаешься всё успевать, звонить людям тогда, когда у тебя написано им позвонить, говорить то, что тебя заставляют говорить, идти туда, куда тебе велено идти. И что ты из всего этого способен понять? Что твоя душа говорит тебе каждым вечером об этом всём? Ты чем-то удовлетворил свою духовную жажду? Ты бегал, суетился, устал, очень устал. А что ты ощутил? Ты ничего не ощутил, потому что тебе не приказали

ощущать, потому что у тебя не написано в записной книжке «почувствуй свою жизнь, почувствуй лучи солнца, проникающие сквозь солнцезащитные очки, дыхание мимо проходящей девушки, движение вверх в лифте, страх замкнутого пространства и глоток воздуха, когда двери лифта открываются, почувствуй биение своего сердца, тембр голоса собеседника, счастлив он сегодня, а может, его что-то тревожит? Спроси его, помоги ему. Давно ли ты смотрел на небо? Давно ли ты был частицей неба, атомами, свободно передвигающимися в пространстве. Давно ли ты был частью мира? Не забыл ли ты, что ты и есть мир?!»

ГОЛОД

Вот оно моё время. По сути, войны в прошлом, голод в прошлом, газеты пестрят иллюзией бесконечной радости, «жёлтая пресса» перемывает снова и снова чужие косточки, а это ведь значит, что на неё есть спрос.

Внешняя оболочка прогресса, но общество не видит, не замечает своей сердцевины, своей бесчувственности и довольно заметной хронической «несчастливости».

Голода нет. Про него не говорят, не пишут, не обсуждают, обходят стороной. Но ужасные картины реальности, словно дрелью просверливают глубокие раны в общечеловеческой гуманности.

Неважно, в какой части страны это происходит, или же в какой стране, но это есть. Не искоренилось, как все мы привыкли думать. И будет, пока не заметят эти «язвы» и «коросты» внутри, в сердцевине общества. Назовём эту масштабную проблему «голодом».

Не могу назвать это существо человеком. Но биологически оно — человек. Когда увидела его в первый раз, стоящего и протягивающего кусочек своего тельца — грязную крохотную ладошку, у меня пропал дар речи. Не буду говорить, что в эти минуты разворачивается в человеческом сознании. Неподальёку сидела его мама. Какое дорогое, бесценное слово — мама, даже для этого тельца. Ведь, ради неё — мамы, ради своего кусочка хлеба вечером, маленькое существо считает своим долгом протягивать этот грязный маленький комочек, в который, если повезёт сегодня, поместятся как можно больше монет. Это больно. Ведь ребёнок, а он в первую очередь ребёнок, совершенно не знает, что есть иной мир, иная жизнь. Он считает, что живёт вполне нормально. Что эти грязные улицы — дом. А «унижение и оскорбление» его маленького существа и маленькой семьи — и есть жизнь.

Однажды это существо обняло меня за ногу. Просто подошло и обхватило мою ногу, то ли от того, что не хотело отпустить без большего награждения за его «работу», то ли от того, что ему очень хотелось кушать, а больше хотелось накормить свою маму и того грудного, что был замотан в некогда белую, а теперь в почти

чёрную с серыми разводами тряпицу. Оно восклицало что-то на своём языке и смотрело (нет, не глазами) кристаллами какой-то уникальной чистоты мне в глаза. Кристаллы. Полные наивности и вместе с тем боли.

Они не русские, полагаю, приезжие из Средней Азии. Это семейство каждый день выходило на одно и то же место. Редко, когда их не было, и я уже даже немного побаивалась в такие моменты, неужели что-то случилось с тем человеком, с его мамой, с его братиком или сестрёнкой. Но они возвращались. Теперь их нет здесь. Но что убыло в одном, прибудет в другом.

Я помню много случаев, связанных с этим и многими другими детьми. Помню, как этот малыш застыл при виде самого обычного мороженого в руках другого малыша, прогуливающегося с мамой. Помню десятки (но их сотни) глаз-кристаллов. В сердце остались, застыли их слёзы, их добрые, испуганные взгляды, их маленькие ручки, голодные, усталые лица. Я помню, как самоотверженно, без усталости, они ходили и в жару, и в холод на свою жизненно необходимую «работёнку», считая её чем-то великим, чем-то стоящим. Я явственно представляю, как какой-нибудь малыш сегодня «заработал» столько, что может позволить себе молоко и самую дешёвую колбасу, и как он, счастливый, забывший все горечи жизни, бежит сквозь шумный базар к маме, чтобы та поела, чтобы ещё день прожить, чтобы ночью было к кому приткнуться, чтобы кто-то любил тебя.

Всё это похоже на рассказ Достоевского, в котором он писал, что, хоть история и выдуманная, он уверен — где-нибудь так и было.

Непреренно было. И никуда, никуда не делось. Это происходит в моё время. В наше время. Хочется верить, очень хочется верить в «мальчика у Христа на ёлке». Но знаешь, читатель, во что верю я, — в то, что когда-нибудь не придётся дожидаться этой «ёлки». Она будет у каждого ребёнка, у каждого человека. В моё время.

А пока я сижу тут, зашивая себя иголкой, представляя, как все мы встретимся у Христа на ёлке.

НЕМНОГО О ВЕЧНОМ

Поэт идёт домой зимой без шапки, голова у поэта гудит. Его встречают прохожие собаки, они сочувствуют тому, что он поэт. Но поэт несёт мир в груди, как большой лиловый шар, а может ослепительно синий, либо другого какого цвета, и он пылает. Мало кто видит это чудо, мало способных видеть при наличии зрения. Шарф обволакивает простуженное горло снаружи, но поэт не перестанет кричать в глотку этого мира, а значит, гланды будут воспалены всегда. Но это совсем не беспокоит нашего человека.

Он родился, всего лишь, в 90-х. И жил, пока не начал существовать с того момента, как приключилась с ним жажда к слову. Сейчас он счастлив только пару мгновений, когда ему удаётся жить. А вообще, он любит и ненавидит с равной силой — всё, что связывает его с действительностью. Он знает, что носит в себе нечто, какой-то совсем иной иллюзорный мир, и понимает, что разочарования

будут преследовать его. Поэт — лишь орудие в этом мире, губка, которую выжимают тут и там. Слово управляет им, как вера управляет верующими, ведя его за собой.

У поэта на завтрак мысли, в меню на день — мучительные мысли, пограммно, программно. Ему не дано исключить мысли из рациона. Ещё немного, и поэта принесёт домой ветер и снег на подошве ботинок. Дома его ждут: стул, стол, кровать, много вещей, за которыми тщательно законсервирована пустота. Один ботинок останется в коридоре. Другой — пройдёт вместе с поэтом до зала, а может, и зайдёт в сам зал, снимется под столом. И ещё долго будет находиться там, наблюдая за словопотоком бестелесного, бескровного света души.

Кровь в ладонях, кровь внутри, кровь везде.
Кровь по венам и в кожной узде.
Но в душе только крови нет,
Бестелесный, бескровный свет.

Галина ФЁДОРОВА-КОСАРЕВА

Современная сказка

ВСТРЕЧА КЛОНОВ

Сбор клонов МТУ4 для обмена опытом был назначен на этот раз в холодном, заваленном снегом уральском городе. Куда приятнее было бы собраться на берегу тёплого моря под пальмами на каком-нибудь тропическом острове, где россияне давно стали завсегдатаями, или хоть в снова нашенском Крыму. И зачем эти менеджеры с их чистенькими крылышками придумали встречу зимой, да ещё в провинции, так их раз так, ничего не соображают! Для чего они снова свистают всех наверх! Чего хотят, никак не могу понять! Наверное, на этот раз собирают родственников в этом холодильнике для контраста! Чтоб тепло встречи согрело окружающий мир. Ледяной мир! Растопило сердца!

Ладно, хоть нашли нормальное место встречи, как давно заведено, в новом ресторане на углу улиц Декабристов и 8 марта. На этот раз выбрано для посиделок питейное заведение, названное по-простецки, по-русски «Пальчики оближешь!» Приятно-таки пообщаться с единокровными, можно сказать, людьми в тепле и уюте. Однако единокровные что-то задерживаются. Я пришёл первым. Заказал пока чаю. Разглядываю интерьер с лубочными картинками, богатый шведский стол, размещённый на некоем подобии телеги с колёсами, столики... Слушаю русские народные песни. Антураж соответствует названию.

А за окном стеной ветер, холодина. Может, самолёты не летают. И поезда задерживаются. Однако раз назначено, всё состоится. У нас не бывает, чтобы мероприятие сорвалось. Нонсенс!

Я, можно сказать, на нашем собрании на правах хозяина — живу в этом замороженном городе, такую карту вытащил себе ещё до рождения, трудностей насоздавал и преодолеваю. Хоть то хорошо, что мне не надо было сюда на поезде тащиться или на самолёте лететь по свистку наших ангелов-начальников.

Сию, ожидаю. Уже не в первый раз собираемся. Должны прибыть три Петра. Пётр Москвич. Пётр Камчадал. Пётр Путешественник. И я, значит, четвёртый. Пётр Уральский. Все мы родились в один день, в один час. Живём вот как-то не совсем одинаково.

Раз мне дано время, значит, для чего-то оно дано. Надо подготовить сообщение. Отчёт. Мне все было недосуг подумать, суета сует и всяческая суета...

Да и что думать. Счастлив вполне. Получаю третье высшее образование. Люблю учиться! Это единственное, что у меня хорошо получается. Ну, не считая того, что мои девушки все, как одна, мной довольны. И студентка-журналистка Анюта, и медсестра Марина, и бизнес-вумен Тамара. Понимают, серьёзные отношения — это сказочка не про нас. Прибегают, убегают,

радуются жизни. Родительская квартира вполне меня устраивает. Отец с матерью пашут на северах, дай бог им долгой жизни. Регулярно присылают деньги. Ну, а я таки чуть-чуть подрабатываю. То по одной своей специальности, юриспруденции, то по другой, экономической... Документы в суд, записку о финансовом состоянии и так далее... Хватает на бензин, на то, на сё... Так что всё нормально.

А вот, кажется, и мои звёздные братья идут. Конечно, это они! Двое, как гренадёры, только Путешественник тощий и рыжебородый, Камчадал чуть пониже, крепче костью, а третий, наш Москвич, вообще мал и пузат. Все трое из массовой всегда выделяются. А я вот, увы — человек толпы, мне только в шпионы надо было идти. Неприметный, обычный, среднего роста, таких миллионы. Хотя... Девушки мои так, кажется, не считают. Говорят, есть харизма. Да и у моих тёзок, наверное, харизма имеется. Сейчас и послушаю, чем будут хвастаться. Каждый раз, как встречаемся, всё удивляюсь. Надо же, по одному лекалу скроены, а внешне совсем непохожи. Но, видимо, клонированы не физические тела, а астрально-ментальные организмы. Вот и отличия такие разительные.

Обнимания. Восклициания. Наконец, уселись, заказ сделали. Сидим. Молчим. Знаем, наши ангелы, что эту встречу устроили, незримо присутствуют, наблюдают. У них свои начальники имеются. От них тоже чего-то ждут. Конечно, такие деньги на командировки потрачены. Наверное, с них немалый спрос будет. Чего-то они от нас хотят. Чтоб мы, наверное, больше о душе думали... Но мы-то ещё люди молодые. Ещё все успеем! И погрешим, и покаемся...

— Начинаем собрание. Все клоны МТУ4 в сборе. Первым докладывает Пётр Москвич. — Мягкий мужской голос прозвучал в моей голове. Наверное, в головах моих сотрапезников тоже, потому что все как-то подтянулись, а наш Москвич застыл с куском хлеба, поднесённым ко рту. Потом медленно положил его на стол и сказал:

— А я что... У меня всё в порядке. Два высших образования. Живу в коттедже у моей милой Аллочка. Вожу её на машине на работу. Она бизнес-леди у меня. Такая энергичная, умная! Добрая. У неё сеть химчисток. А ещё я её собачку гулять вывожу. Такса Виола. Удивительное создание!

Неплохо толстячок устроился!

— А обеды тоже ты готовишь, полы моешь? — это Камчадал уточняет.

— Зачем, нет! Есть прислуга. У меня же научная, можно сказать, деятельность. В свободное время разрабатываю тему Аллочкиной родословной. Занимаюсь иногда в архивах. Она надеется отыскать у себя дворянские корни.

— И как? Течёт в твоей Аллочке голубая кровь?

— Ну, не знаю, не знаю... Дело длинное.

— На всю жизнь поисков хватит? — уже открыто хохочет Камчадал. И чего он привязался к бедному пузатику.

— Отставить! — командный голос в голове.

— Ладно, забудем, — уже миролюбиво произносит Камчадал, однако тут уж вступает Путешественник:

— А как насчёт постели?

— Всё в порядке, братья. Всё в порядке. Можете быть спокойны. Аллочка вполне довольна.

— А вот сейчас мы её и спросим, — конечно, это голос невидимого нам Председателя, так сказать, нашего собрания.

Я жду, что сейчас впорхнёт ангельское создание, скрасит наш мужской коллектив. Нет, где там, девушка появляется только в нашем воображении. На табуреточке сидит, где-то в одной из своих тесных химчисток. Отчитывает какую-то работницу. Недовольна, что мы её отвлекаем от важных текущих дел.

— Пётр? Ну что Пётр? Временное решение. Не знаю, гнать его немедленно или дальше терпеть! Нет, водитель он классный, умница, настаивает, чтобы я иногда отдохала, брала выходные, и тогда возит меня по Подмосквовью, по дворянским гнёздам. Например, съездили мы в усадьбу художника Поленова на Оке. Живописцы известные туда наезжали, гостили Левитан, Коровин... На древнее городище в городок Верею. В Мелихово, к Чехову... Всё Пётр знает, рассказывает интересно. Да, родословную мне составляет. И собачка моя Виолочка Петрушу обожает. Но всерьёз выходить за него замуж? Нет-нет! Жениха стоящего пока не наша, хоть в передачу «Давай поженимся!» обращайся! Ладно, некогда мне с вами тут рассусоливать, работа у меня!

Видение исчезло. Коротышка наш Москвич потирал руки.

— Я ж говорил, вполне довольна. И нет ничего постоянного временных решений. Погодите, она со мной ещё и под венец пойдёт. У неё в роду одни крестьяне, а у меня и дворянская веточка имеется. Ради того, чтоб дать детям эту капельку голубой крови, как миленькая, под венец пойдёт. Вот увидите!

И снова голос Председателя нашего собрания:

— Тогда тебе предстоит большая работа. И её родословную до ума доводить, и свою выстраивать. По архивам поездить, но усадьбы не отменяются. Это хорошая инициатива. Обращение к истории, к силе предков — соединение хвоста и головы змеи — прошлого и будущего — мы приветствуем. Продолжайте исследования.

Итак, Петечка Москвич отчитался и заработал, можно сказать, отличную отметку. Счастливцев! Умеет легко, с удовольствием, жить и ещё одобрение высших сил получать!

Выпили мы дружно за Петра Москвича и закусили. Председатель нас не торопит, понимает, что человеческое тело, чтоб быть счастливым или хоть готовым к отчёту, должно хорошо подкрепиться. Салатики, колбаска, то, сё.

Следующим начал отчёт Петр-путешественник.

— Почитал книжку одной американки или англичанки по имени Лиз. Не помню уж точно её фамилии, но очень хорошая книжка. Кино по ней сняли. Называется «Есть, молиться, любить». И я, как и Лизавета, героиня этого

романа, надумал посетить Индию. Но в целом в Индии мне не понравилось. Нищая страна. Всё же я попал в ашрам. Но в ашраме мне тоже не понравилось.

— Почему? — спросили мы в голос.

— Потому что в три часа ночи надо вставать на молитву! Это не для меня. Я поспать люблю.

— Ой, как я тебя понимаю, — и эту фразу мы все произнесли практически в голос.

Все мы любили поспать... Это точно.

— А где ты живёшь постоянно? И куда ты поедешь теперь?

— Отвечаю по порядку. Я ж питерский. Поеду на этот раз, наверное, в Италию. Сниму квартиру и буду учить итальянский язык. Как героиня того романа. А почему бы и нет?

— Слушай, а на какие шиши ты катаешься по миру? — не выдержал я. Нет, я не позавидовал ему, и всё же...

— Сдаю в аренду дачу на Финском заливе. Заодно и свою квартиру на Васильевском острове.

— А когда приезжаешь, где живёшь?

— Приезжаю редко. Друзей навалом, одноклассники, однокурсники... Да и чего приезжать, я ж не один, а с подругой верной Екатериной катаюсь. У неё заботливые предки, отец академик, что ли, дочку любят, деньгами снабжают. Когда и у них останавливаемся, если по дому Катя соскучится.

— Внимание. Даём рекомендации: повторяю: вы свободны совершенно. Сами делаете свой выбор. А мы только даём советы. Вы можете ими и не воспользоваться. Но в ваших же интересах прислушаться к нашим словам. Итак, после Италии, где хорошо бы основательно выучить итальянский язык и повторить английский, рекомендуем посетить, наконец, святыни России, города Золотого кольца, например. Надо получше своё, родное, знать. Используйте опыт Петра Москвича. А то вы всё за бугор глядите. Продолжаем заседание. Следующий, пожалуйста.

Следующий — Петя с Камчатки. Отслужил на Тихом во флоте, там и остался. Работает с вулканологами. Работы в экспедиции всегда много, что принести, что унести, где попилить, покопать... На все руки мастер. Понятно, такие люди нужны. И компьютер когда починить, и снег убрать... Молодец! Это я так думаю, на него глядячи. Но он-то, оказывается, думает совсем иначе.

— Послушал я вас сейчас и понял, какой я дурак. Нет! Всё! Дудки! Вы оба вон как хорошо устроились в жизни, а я что, рыжий? Ну да, рыжий, так что! Хуже всех, что ли! Уезжаю я с Дальнего Востока. Прекрасно, что эта командировка подвернулась. Больше уж и не вернусь, такое я решение принял!...

Мы все даже привстали от неожиданности. Привыкли, свой человек есть на Камчатке, рыбку привозит свеженькую... И вдруг такое заявление!

Жёсткий голос Председателя:

— И кто это тебе позволит так перекроить

жизнь?! Скажите, пожалуйста, он решил!

Камчадал наш крепкий орешек. О-го-го! Он и не собирается отступить:

— А что! Сами говорите, мы свободны в своём выборе. А вы, учителя наши, защитники, лишь помогаете нам всю ситуацию увидеть, и я не обязан ни перед кем отчитываться!!

Мы все застыли, что-то сейчас будет! Бунт на корабле! Но голос Председателя звучит даже мягче, чем обычно:

— Да, конечно, у всех вас есть право выбора. Однако объясни, почему ты принимаешь решение уехать с Камчатки.

— Работы непомерно много. Учиться не получается. Зарплату задерживают. Дороговизна! Бензин у нас в два раза больше стоит, чем тут. Я вон посмотрел на заправках. Я там оставался, чтоб вулканы изучать, красоту впитывать. Море, горы, гейзеры... Я же стихи пишу! И кто там их может оценить? Мне нужно найти родные души, нужно общение с творческими людьми... Всё! Вы считаете, что я должен там остаться. А я не останусь! Обойдусь без ваших рекомендаций. Я на Большой земле! Ура! Братаны, кто протянет мне руку помощи? У кого можно первое время перекантоваться?

За столиком повисло напряжённое молчание. Такого поворота никто не ожидал, разве что наши невидимые Учителя, которые всё наперёд знают. Но и они пока молчат. Ждут, что мы скажем. Опять испытание. Однако раздался спокойный, как будто и не было только что бунта на корабле, совершенно спокойный голос Председателя:

— Камчадал хочет покинуть Дальний Восток. Он поэт. И ему необходимо перебраться в город высокой культуры, где он найдёт издателей, ценителей. Подумайте, кто чем может ему помочь. Я не тороплю никого с ответом. Пока продолжим. Пожалуйста, последний доклад.

Так, дошла очередь и до меня. Ну, я отрапортовал быстро. Живу — не тужу. Два вуза за плечами. И третью специальность получаю. Есть и работа, и девушки, а деньгами родители с севера помогают. Всё в порядке.

Однако наших наставников мой отчёт не удовлетворил. К другим не придирались. Ко мне придирались:

— Твоя девушка в положении. Ждёт ребёнка. Твои действия?

Вот это неожиданность! Которая из них? Самая сладкая, любимая, Анютка, ещё студентка, ей не до пелёнок. Учится... Нет, конечно, не она. А жаль! Ещё одна моя пассия Тамара, много лет уж встречаемся, она карьеру строит, строго следит за тем, чтобы не залететь... Неужели Маринка, медичка, должна соображать! Нет, дурочка, как есть влюблённая дурочка...

— И это Марина?

— Молодец, не ошибся.

— И какой срок? Она же молчит как рыба. Как партизанка.

— Пятый месяц. Уж должен был понять. Итак, твои действия?

— Ну, не знаю.

— Подумай!

— Чё, жениться, что ли, надо?

— И не просто жениться, а по-церковному обряду обвенчаться! Пора!

Вот начальнички, духовные руководители, обязательно надо поставить подопечных в сложную ситуацию. А мои единокровные улыбаются, радуются. Только что откровенно не хочут, вполне довольны моим сложным положением. Им-то ничего такого не говорят, они свободой наслаждаются, а я должен демографическую ситуацию в стране выправлять. Ничего, их тоже когда-нибудь коснётся такая катавасия.

Первым откликнулся Москвич.

— Женись, Петька, мы все на свадьбу приедем!

— Свадьбы не будет. Тихонько в ЗАГС ходим.

Ничего себе заявочки! Да я, оказывается, сразу, с ходу принял ситуацию, как она есть, и решение, вот оно, готово. Уже в ЗАГС повёл свою красотку.

— А если девушка несогласная будет. Мало ли как случается! — это бунтарь наш продолжает спор. Меня на возражения Председателю подбивает. Нет, я уже понял, что мне давно пора в тихую гавань:

— Как это она замуж не пойдёт? Пойдёт!

— Ну и ладненько,— миролюбиво заключил Председатель и продолжил: — А теперь вернёмся к просьбе нашего друга с Камчатки. Итак, кто готов ему помочь?

И снова Пётр, хранитель коттеджа в Москве, выступает, защищая себя и коттедж от возможных посягательств:

— Я пас. Аллочка меня не поймёт, если я гостя привезу. Дизайнер ей нужен, да, сад облагородить она хотела, но, как я понимаю, Камчадал эту должность не потянет. А моих друзей содержать она точно не будет. Ещё и меня взащей прогонит! Извини, Петя! Я не могу тебя принять!

Путешественник тоже *чешет репу*.

— Простите меня, други. Не могу рисковать. Жизнь, можно сказать, искусно построена и находится в хрупком равновесии. Чуть что — и рухнет. Да, Катя меня любит, её родители меня терпят, да, мы путешествуем, но я не могу привести с собой ещё одного альфонса...

— Попрошу меня не оскорблять! Это вы живёте за чужой счёт, бабы вас содержат или родители. А я пашу как папа Карло!

— Ну так и паши дальше. Чего это ты тогда на материк собрался? Мне тоже тебя принимать негде,— это уже я не выдержал. Всех нас этот турист оскорбил. В лучших, можно сказать, чувствах.

— Мотивируй отказ,— это мне предлагает невидимый Председатель. Интересно, как они там сидят, четыре наших ангела и ведущий, или один из ангелов председательствует? Что у них на столе? Небось, нектар, медовуха... Однако я должен мотивировать:

— Мне сейчас жениться надо. Пелёнки пойдут, подгузники... Горшки и прочее... Маринка медсестра, знаю я их, медиков. Они-то первые два месяца и своих-то родственников к ребёнку не подпустят, а я тут чужого мужика приведу. Тем более Поэта.

— Да, вот вам и сердечное тепло встречи. Ни один из твоих небесных братьев не готов тебе предоставить кров. И какое решение ты примешь, Петро с Камчатки?

— Я остаюсь в любом случае. Небольшой золотой запас есть, как-нибудь выплыву. Я ж мужик нормальный, не как эти неженки-эрудиты... Работу себе найду. И учиться пойду заочно. Или на вечерний. Мне не хватает знаний.

— Помощи у ангелов не просишь? — вопрос Председателя на засыпку. Поэт трёт себе бороду. Он один с небольшой бородкой среди нас, бранных. Думает. Говорит очень медленно, смиренно:

— Всегда прошу помощи у Богоматери и Господа нашего Иисуса Христа. Учиться мне надо обязательно. Вон как друзья мои продвинулись. Боже, помоги!

— Значит, получишь помощь. И немедленно.

Интересно, какую такую помощь наш друг может получить немедленно? Мы тут выплывай самостоятельно — а ему помощь!

— Всем всегда помогаем,— одёрнул меня невидимый наставник. Но я уже слушал его вполуха. Поскольку глаза мои были прикованы к ногам девушки, топавшей по паркету прямо к нашему столику... Какие это были ножки! В красных туфельках, на высоких каблучках. Стройненькие... И это нежное создание берёт стул и присаживается прямёхонько к нам.

— Я из службы спасения. Здравствуйте. Для Поэта приготовлен номер в отеле «Высоцкий». Всё оплачено. Пойдёмте, я на машине.— Девушка на нас и не смотрит, не замечает, видит одного только рыжего великана. А он, как телок, поднимается и пошёл. Пошёл. Я ещё успел крикнуть:

— Ко мне в гости заходите!

Петро всё же оглянулся, кивнул, рукой помаhal на прощание. Всё. Ушли.

Первым расхохотался Москвич. Потом Пётр питерский, Путешествующий. Им хорошо, у них всё схвачено, все к их услугам. Могут и посмеяться над тем, как легко красотка увела нашего Камчадала. Ну а мне не до смеха. Я тут ишачу, бьюсь, а некоторым подарочки сами собой летят с неба на блюдечке с голубой каёмочкой. Да у них, наставников наших, всё было приготовлено. Всё предусмотрено. Они обо всём знали. И бунт Камчадала, кажется, тоже входил в программу встречи.

— Можно вопрос Председателю? За что Петро с Камчатки получает такие бонусы?

— Да он просто попросил о помощи Господа нашего и пресвятую Марию.

— Так вы же сами ему и подказали попросить!

— И вы просите. Никто не запрещает. Может, и вам что-то ещё перепадёт. Хотя вы и так имете много больше того, что заслужили... Ваша задача на воплощение: максимально развивать собственную душу. Пока задание. Обогрейте территорию Урала.

— Петро сейчас в «Высоцком» весь край обогреет.

— Несомненно. А вы ему помогите. Пять минут молчания и сосредоточения. Вы центр огня...

Обогрели, конечно. И окутали нежностью. Так что снег пошёл на улице. Валом повалил.

— Довольно. Ещё есть вопросы?

— Конечно! — я не унимаюсь. Я их сейчас спрощу кое о чём, что в программу явно не входит. Достали меня эти начальнички с крылышками.

— Объясните, для чего вы нас собираете? Какой смысл в этих посиделках? Заданиях? Оставили бы уже нас в покое. Сами говорите, право выбора — за нами.

Братья справа и слева от меня затихли. Кажется, мой вопрос похлеще бунта Камчадала. После долгого томительного молчания, наконец, раздался очень тихий голос Председателя нашего собрания:

— Можем вас, Пётр, больше не вызывать. Перекрыть каналы связи с вашим ангелом и с Учителями. Большинство людей на земле так и живут, тычутся, как слепые котята, в закрытые двери, не могут понять своего предназначения, бредут наугад... Хотите к ним присоединиться? Потерять ниточку связи со своим собственным высшим Я? Она не просто даёт. Вы же сами добивались этого в сотнях воплощениях, были и монахом, и воином, и... И я ведь вам не начальник и не председатель. Я просто ваше же высшее Я. Вы не со мной советуется и разговариваете. Вы сами с собой беседуете!

— Довольно. Если вы как бы наши родители, то пора предоставить детям свободу. Или мы не заслуживаем доверия? Да, я хочу освободиться от вашего наставничества.

— Вы хорошо подумали? Ангел-то, он всегда с вами. Только вы уже не сможете в сложных ситуациях попросить его совета, вот и все...

— Обойдусь без советов! Я согласен.

— Вам даётся час для того, что бы изменить решение. А сейчас я ухожу. Задание есть у каждого. Пока отдохайте. Завтра отъезд. О следующем сборе будет объявлено дополнительно. Тем, кто, конечно, будет вызван на следующий сбор, — это уже стрела в мой адрес.

Голос затих. Председатель, возможно, удалился. Но наши ангелы — они всегда при нас. Я решил проверить:

— Послушайте, господин Председатель, — заорал я, — объясните, пожалуйста, что означает словосочетание МТУ4? Почему мы клоны? Мы обычные люди!

Ответил не наш Председатель. Его-то интонации я давно изучил. В голове моей прозвучал мой собственный голос, с насмешкой:

— Вы студенты МТУ — Межгалактического теологического университета, четвёртая группа. Штамповкой сработаны. Менталка с одного образца. Потому клоны. Хотя... Безусловно, вы люди, кто спорит, конечно же, люди. Но через пятьдесят минут канал именно вашей связи будет перекрыт. И хотя из университета вас пока не исключат, я попросил для вас академику! Посмотрят, как вы справляетесь с жизненными испытаниями без прямого божественного

контакта, опираясь только на интуицию и сны...

Ох, заливаает. Попросту врёт. Истины мы всё равно не узнаем. А канал? Ну, перекроют. Буду жить как все. Тихонько сходим с Маринкой в ЗАГС...

— Спасибо, — ответил я. Значит, Председатель действительно исчез. И мы, студенты-теологи, можем, наконец, сообразить на троих. У меня фактически сейчас мальчишник перед свадьбой. И пошли мы дружененько к телеге с провизией, наложили салатов, холодца, рыбки под шубой... Икорки заказали красной и чёрной! Гулять так гулять!

Вернулись к столику.

— Наливай, Пётр Первый! — обратился я к Москвичу.

Звенят бокалы.

— За что пьём??

— Как за что, конечно, за дружбу! За счастье! Чего там, за любовь! За наш университет!

За окном по-прежнему валил снег.

Уже через час я понял, что сижу в каком-то ресторанчике с двумя совсем незнакомыми мне людьми. Как сюда забрёл? Кто эти люди? Простился по-быстрому, выложил за ужин все деньги, какие у меня были в кармане, на маршрутку только 28 рублей оставил, — погулял, называется! — и отправился скорее домой. В голове стояла какая-то звенящая пустота...

После того вечера вскоре я женился. По-современному. Гражданский брак нынче это называется. Сошёлся с красотулечкой Анюткой. Она диплом защитила и стала работат. В глянецвый журнал её взяли. Детей, правда, у нас пока нет. Но мы не переживаем, не торопимся, успеется.

Бывшие мои подруги не забывают, позванивают. Иногда встречаемся. Медсестра Марина замужем, растит сына. Назвала его, надо же, Петром. А Тамара — богатая деловая женщина, ей никого не надо. Кроме меня, конечно.

Родители мои вышли на пенсию, хотя остались на северах. Так что денежный поток перекрылся. Но ничего. Жена у меня умница. Деньги научилась зарабатывать. Ругаемся, не без того, Анюта всё плачет и грозитя уйти... Дурочка, думает, что я её не люблю... Люблю, конечно!

Да, ещё друг у меня новый появился, местный поэт. Тёзка. Рыжий громила. С Камчатки, говорит, приехал... Как-то случайно познакомился, он с товарищем ремонт у нас в подъезде делал. Книжку стихов выпустил, мне подпсал один экземпляр, странно очень подпсал: «Брату-клону от одного из группы МТУ4 с пожеланиями». Такие они, поэты, не от мира сего, чего только не напридумывают...

И всё же. Последнее время мне всё чаще не даёт покоя один вопрос, каково моё предназначение в жизни. Для чего я живу? Правильно ли живу... Такая вот ерунда...

СТЫНЕТ ПЕПЕЛ В СОЗВЕЗДЬЕ ВЕСОВ

А. Полтиночко посвящается

1

Рассыльная городского телеграфа очень торопилась домой, а у неё оставалось ещё три телеграммы. Она глянула на текст: одна — встречай, другая — жду... А на третьей было что-то странное. Девушка не поленилась вытаскивать из своей модной сумочки изящные очки, чтобы ещё раз вдуматься в содержание: «ЛУИЗА СПИРАЛЕВИДНЫЙ ВИТОК ВЕКТОРА ПРОСТРАНСТВА ВРЕМЕНИ ОКАЗАЛСЯ КРЕПКИМ ОРЕШКОМ ВИРАЖ ЧРЕЗМЕРНО КРУТЫМ ОБОЛОЧКА НЕ ВЫДЕРЖАЛА НА АРАПАТЕ СНЕГ МНЕ ЖАРКО ЖИВ ЗДОРОВ ШЛИ ДЕНЬГИ САМОЛЁТОМ АДРЕСУ ЕРЕВАН НЕЧЕРНОЗЕМЦЕВУ ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ».

Прочитала, но понятней не стало, и это внушило такое уважение, что она решила третью телеграмму доставить по адресу незамедлительно. Добравшись до четырнадцатого дома, она через некоторое время уже нажимала кнопку звонка. Дверь открыл симпатичный и ещё совсем не старый мужчина.

— Тут Нечерноземцевы проживают?

— Я Нечерноземцев.

— Вам телеграмма, распишитесь.

Из комнаты донёсся женский голос:

— Володя, кто там?

— Телеграмму принесли.

Нечерноземцев вручил рассыльной расписку, заполучил телеграмму и, закрыв дверь, стал читать.

— Господи, какая-то абракадабра!

— Ты что-то не то прочитал, — предположила жена. — Видно, ещё не здоров после того вечера. Если бы ты знал, как я благодарна Блату. До сих пор удивляюсь, как во множестве запахов он нашёл-таки твои следы, разыскал тебя на кладбище, где ты лежал, прости, как последняя скотина. Да ещё плакал... Ты был в стельку.

— Бог мой, что ты говоришь? Когда ты видела меня пьяным?

— Позавчера.

Нечерноземцев не стал спорить. В сущности, он и сам не знал, что с ним случилось позавчера, если вообще не помнил, как оказался на кладбище.

— М-может, ничего не было? — спросил он.

Жена сразу же успокоила:

— Было. Ты просто забыл. А хоть помнишь, где работаешь?

Нечерноземцев опешил, затем зло произнёс:

— Нет, а разве я где-нибудь работаю? Вот

помню, что у меня Блат — неоднократный медалист собачьих выставок. Кстати, эта медаль, которую ты нацепила, не его? Помню, что у меня сын есть, а что я работаю — не помню. А главное — не хочу!

Супруга не заметила иронии.

— Что с тобой, Володя? Я позвоню в скорую...

— Подожди. Причём тут я? Эту телеграмму тоже я подписал? Я, что, самолёт хочу купить? А если не я, то кто он? Держи телеграмму — это тебе.

За время отпуска, в котором Владимир Алексеевич сейчас находился, его не покидало чувство раздвоенности, словно двигался и действовал не почтенный отец семейства, верный муж и добропорядочный обыватель с лирическим уклоном, а авантюрист времён детей капитана Гранта и пятнадцатилетних капитанов.

Уединившись в кабинете, Нечерноземцев стал размышлять: «Значит, жена утверждает, что пьяного нашли вчера ночью на кладбище. На своём веку я ни разу не напивался. Правда, иногда выпью с заезжими поэтами... но вчера... Что же было вчера?»

На этом вопросе память каждый раз давала осечку, но Владимир Алексеевич, мучимый головной болью, продолжал искать истину.

В это же время в том же городе сидел у себя дома некто Заплесневелый и, просматривая какие-то графики и диаграммы, то и дело удовлетворённо хмыкал.

— Так, а здесь что? Любопытно, любопытно...

Он выбрал из кипы фотографий одну. Похожую на фототрюк. В центре снимка находился человек, фигура которого была обрисована чётко, но по обе стороны от неё расходились нерезкие, словно специально размытые контуры.

— Не ожидал, что всё получится так великолепно! Полное подтверждение гипотезы. Теперь уточню кое-что и буду готовить себя к славе.

2

Зиновий Алексеевич Плесневелый, которого коллеги по работе звали, сокращая имя-отчество, Заплесневелым, удивлял странностью. Например, по понедельникам с восьми до девяти он мучался, томимый великой жаждою творить. Однако, не принадлежа к творческим натурам, каковыми он считал художников и поэтов, до сих пор ничего не родил на свет. Более того, эти часы отличались резким падением

* Написана при участии Юрия Зыкова и Юрия Морковкина и микроучастии (микрорецензия) Владимира Черноземцева.

производительности труда, что вызывало недовольство шефа.

Женщины не обращали на него внимания, мужчины — тем более, привыкнув к разным бормотаниям и чертыханиям, срывающимся время от времени с уст Заплесневелого. Так что безуспешно он старался произвести впечатление чудаковатого холостяка. Но однажды Заплесневелый сам себя удивил, когда вдруг вместо бессвязных звукоизвержений неожиданно произнёс:

— Стынет пепел в созвездье Весов.

Его взяла оторопь: вот тебе раз! «Неужели свершилось?» — подумал Зиновий Алексеевич и, ничего никому не объясняя, вышел из отдела навстречу своей исключительности и неизвестности...

В это время дня улица как бы заново просыпалась. Какая-то старушка с трудом поднималась по извилистой, заросшей сорняком тропинке с ведром воды на коромысле.

«Здравствуйте!» — услышала она, остановилась и увидела мужчину, который был явно не в себе. «Здравствуй, мил человек», — хотела сказать бабуля, но из её уст вдруг вырвалось:

— Штынет пепел в шожвеждье Вешов!

Старуха ошеломлённо потрясла головой, не выпуская, однако, коромысла из рук.

— Чёрт, чёрт, поиграй и отдай... Што это шо мной случилось? Отродящъ такого не было.

Пробежавший мальчишка посмотрел на странные телодвижения бабушки, остановился и сочувственно поинтересовался:

— Вам плохо?

Старушка хотела было ему ответить, но, разинув рот, так и застыла, опасаясь, что неизвестные силы опять будут командовать её языком, однако затем решилась:

— Нет-нет, шпашибо.

Слова были нормальные, человеческие, и она вздохнула облегчённо: «Шлава тебе, гошподи!»

Поправив на плече коромысло и устремив свой взгляд на носки галоз, старушка снова двинулась в гору, всё ещё переживая случившееся и бормоча, как заклинание: «Гошподи, гошподи, гошподи!».

Заплесневелый сел у колодца. Рядом ворковала пичужка.

— А что если попробовать?

— Стынет пепел в созвездье Весов, — басом прокричала птичка и подмигнула ему левым глазом.

— Нет, и птица не пойдёт, — решил Заплесневелый, нажал на верхнюю пуговицу пиджака, выключая спрятанную в нагрудном кармане электронику.

3

О, как неудачно начинался день! Правда, радость в душе Юзикова ещё не сменилась тоской, но к ней уже примешивалась горчинка тревоги, дескать, не получится ничего из задуманного. Как бы не сорвалась поездка в Ереван — вот что теперь беспокоило Юзикова.

Ему так и не удалось купить билет в предварительной кассе. Миловидная девушка

посоветовала подъехать в аэропорт к самолёту. Легко сказать! Надо ещё добраться до областного центра, но прежде доехать до автостанции, и — вот вторая неудача дня: трамваи не ходили. Он кинулся к автобусу, но увы! Всё забито. Время шло, и Аполлон Юзиков чувствовал, что безнадежно опаздывает. А может, нет, может, ещё успеет — обнадежил он себя, когда сумел, наконец, поймать попутную машину.

Чтобы как-то отвлечься в дороге, он стал продумывать своё выступление. О, он произведёт сенсацию! Ещё никто в мире не знает, что в городе в конце месяца прибавится контролёров на всех трамвайных маршрутах, потому что... Тьфу!.. Не о том вовсе ему нужно думать, а о том, как объяснить научному миру, что во время вспышек сверхновых нельзя закрывать молодое вино. И в качестве доказательства он опробует на желающих напитков, изготовленный им в опытном порядке и существующий в единственной в мире бутылке, которую он бережно хранил сейчас в своём отеле...

ИЗ СООБЩЕНИЯ АРМЯНСКОГО РАДИО:

Вчера в Ереванском аэропорту не приземлился самолёт ИЛ-18 рейса 11028. Встречающие ушли, распространяя ложные слухи. Как удалось выяснить, самолёт во время полёта уклонился от курса и исчез над одним из районов Араратской долины. Поисковые службы прочёсывают район.

Юзиков проснулся от толчка. Посмотрел в иллюминатор и вместо ожидаемого поля аэродрома увидел другое, покрытое яркими цветами.

— Что случилось? Где мы? — испуганно спрашивали пассажиры. Стюардесса недоумённо разводила руками.

По верёвочной лестнице пассажиры осторожно покидали салон.

— Фантастика какая-то, — пробормотал Аполлон. — Надо же... Лётчику за столь сложную посадку Героя можно дать.

Но и сами пилоты были немало удивлены случившимся. Пассажиры разбрелись, разминаясь и осматриваясь.

— Тропинка! — воскликнул кто-то.

Все кинулись на голос.

После минутной дискуссии решили организовать разведгруппу, чтобы выяснить месторасположение. В ней оказался и Юзиков. Это произошло само собой и даже вопреки желанию самого Юзикова. Вероятно, импозантный вид его внушал уважение. И в самом деле, ослепительно белый пиджак на фоне скромно одетых спутников обращал на себя внимание. И тёмные пластмассовые очки чего-то стоили!

Ярко светило солнце, пахло экзотическими цветами. Вскоре окружающий пейзаж стал надоедать. Юзиков хотел было снова продумать детали своего будущего выступления, но затем понял, что конференции виноделов суждено состояться без него, и обратил своё внимание на оказавшуюся неподалёку яркую девушку.

— Разрешите вам помочь? — Аполлон протянул руку к сумке девушки.

Та улыбнулась, кокетливо поправила волосы, отдала груз.

— Не везёт,— начал разговор молодой учёный.— Кстати, как вас зовут?

— Афродитой,— ответила она.

— Надо же!? А меня Аполлоном.

— Ну что ж, тогда начнём восхождение на Олимп,— засмеялась юная богиня.

Аполлон и не заметил, что тропинка поднимается в гору. Он оглянулся— основная группа разведчиков заметно отстала, а впереди замаячила странно знакомая фигура. «Заплесневелый»,— осенило Юзикова, и он ринулся навстречу, забыв о девушке. Но он обозначился— перед ним предстал совсем незнакомый человек с чёрными блестящими усами, с такими же чёрными глазами, со ртом, наполненным золотыми зубами.

— Ну что же ты, дорогой, елдаш, держи!

Юзиков протянул руки и машинально взял тяжёлый мешок. Незнакомец подвёл его к машине цвета медного купороса и усадил на заднее сиденье. «Волга» рванула из-за кустов на дорогу и, набирая скорость, понеслась по извилистой ленте асфальта. Удивлённый и ничего не понимающий Аполлон решил посмотреть, а что в мешке. Осторожно развязав тесёмку, он сунул руку в горловину и тут же вытащил её обратно, почувствовав что-то мягкое. С пальца капало.

У поста ГАИ машина затормозила. Незнакомец прошептал:

— Сиди и не двигайся!

А сам быстро пошёл навстречу человеку в лицейской форме, поздоровался с ним. Через мгновение золотозубый вернулся, хлопнул дверцей и нажал на газ. Пять или шесть часов они ехали без остановок.

— Эй, Вася,— незнакомец засверкал зубами,— скоро финиш, не соскучился?

— Я не Вася,— обиделся Аполлон,— я Юзиков. Машину трягнуло.

— Пузик, Пузик, хорошо, ай, Пузик,— захотел незнакомец и переключил скорость. Но вдруг он спохватился:

— Что? Как, Пузик? Какой Пузик? Почему Пузик? А где Вася?

— А-а-а-а!— завопил Аполлон, заметив, что «Волга» стрелой мчится к обрыву.

4

Юзиков не шевелился, прислушиваясь к тому, как сердце всё быстрее наполняется ужасом. Надо было что-то делать. А что и как делать, если вдруг ослабли мышцы? Даже челюсть отвисла...

— Ара, э-э, ты чего кричишь? Вай-вай-вай, испугался Пузик... Ты думаешь, мне жить надоело... Семь раз в году посещают это красивое место чрезвычайно трудно объяснимые миражи. Достаточно сказать, что три всеми уважаемых человека, изучая это загадочное явление природы, получили докторские степени. С товарищем Марком Овяном я знаком лично. По прошлогоднему июльскому миру, когда на этом перевале возникло видение падающих с неба

тарелок, товарищ Марк Овян предсказал землетрясение в Лувре, которое только благодаря его предсказанию и удалось предотвратить.

Хозяин «Волги» вновь пригнулся к рулю, и Юзикову показалось, что они полетели, пожирая голубеющее внизу пространство. Он нашёл в себе силы прильнуть к дверному стеклу и увидел мерцание серой ленты асфальта. Впрочем, впереди уже не было никакого обрыва, внизу не было никакого пространства— только упавшая серпантинном среди скал дорога, дорога, дорога. За одним из поворотов они затормозили.

Аполлон Юзиков отодрал от ягодиц прилипшие к ним штанины и, следуя примеру водителя, вышел размяться. Незнакомец, взгромоздившись на камень у обочины, курил, о чём-то размышляя. Юзиков решил задать вопрос:

— Кто вы и куда вы меня везёте?

— Не спрашивай, кто я,— ответил тот, затягиваясь.— Если хочешь, товарищ по несчастью: ты, как я понял, пассажир того самолёта, что я видел с горы.

— Да, мы летели в Ереван.

— ...а я человек, у которого не исполнились планы относительно одной операции... Как там у вас говорят? Было — не было. Дорогой, ты мне заменишь Васю.

— Как я должен его заменить?

— Ты продашь помидоры, что в мешке... Садись в машину. Доедем до города.

Он снова уселся в водительское кресло, поправил зеркальце заднего обзора и включил скорость.

«Связался со спекулянтом,— думал Юзиков по дороге.— Признаться, такая перспектива меня не устраивает».

Они уже ехали по городу. Всеми своими огнями сияла гостиница «Арзни». Идея! Юзиков тронул локоть Курбавяна (так звали его новоиспечённого приятеля):

— А, может, нам?..

Тот сразу же откликнулся:

— Может,— он хорошо понял Юзикова.

Минувя швейцара, они устремились в распахнутую дверь ресторана. Швейцар, было, открыл рот, но Курбавян опередил его:

— Бареф дзец, ахпер джан!

— Бареф, бареф,— довольно закивал швейцар, пряча в карман засаленный трояк.

В зале было уютно. Оркестранты наяривали «Рупь сорок». За столиками сидели почти одни мужчины. Редкие женщины были заняты в танцах.

Они сделали заказ, оглядели зал.

— А что если попробовать винцо, что я приготовил для дегустации на конференции?— Юзиков нагнулся к портфелю, с которым не расставался, несмотря на все приключения. Поставив бутылку на стол, он подмигнул Курбавяну:

— Уральское наливное... Экспериментальное...

В нём заключена энергия сверхновых.

— Хорошо шутишь, дорогой. Наливай.

Напиток подействовал незамедлительно. Все женщины показали Юзикову прекрасными. Облюбовав одну, он весело помахал ей:

— Чао, фантик.

Мужчины в ресторане перестали есть и пить. Юзиков, пошатываясь, подошёл к даме, взял её за локоток и получил в ухо увесистый, хорошо прожаренный люля-кебаб. Юзиков схватился за спинку свободного стула и поднял его над головой...

5

— Погодите, погодите,— прервал авторов один из членов литературного объединения.— Дайте переварить то, что вы там наворочали.

Члены литературного объединения «Мерин — младший брат Пегаса» торопливо вылезли из-за столов, на ходу засовывая в чувственные губы мундштуки папирос. Разговор в коридоре длился минут пятнадцать. Наконец, заядлые курильщики посинели и позеленели. Комната для занятий вновь наполнилась поэтами, прозаиками, краеведами и дымом.

— Что ж, давайте приступим к обсуждению только что прочитанных глав,— руководитель тряхнул кучерявой головой, которая говорила о его эрудиции и добром нраве.

— Товарищ Нечерноземцев, разрешите мне?

— Пожалуйста. Слово предоставляется нашему маститому фантасту Алексу Озлову.

— Хотя утверждают, что иногда лучше говорить полуправду, чем правду, я скажу прямо: что это за фантастика? Чистейшей воды графоманство. Никакой экологической связи, никаких тебе лесных костров с размышлениями и пирамид... Я думаю, мой постоянный соавтор и единомышленник Нислав Бромойлов меня поддержит.

Компаньон Озлова кивнул головой, затем смущённо улыбнулся и откусил кончик ногтя на мизинце левой руки, забыв его выплюнуть.

— Так я продолжу. Куда суётесь вы, чистейшей воды гуманитары, которые и таблицу умножения-то позабыли!? Нет вам места в научной и ненаучной фантастике. Писали бы уж лучше стишочки про цветочки и не брались бы за столь же серьёзную, сколь и опасную вещь. Фантастика, во-первых, должна базироваться на научно обоснованной платформе, чтобы служить если не предостережением, то социальным прогнозом, если не источником идей, то хотя бы их толкователем.

— Позвольте, я добавлю пару слов,— встал из своего угла, вытаскивая поэтическую пятерню из копны жёстких рыжих волос, Нечерноземцев.

— Позвольте мне сказать,— начал он, устремив взгляд сквозь ставшую вдруг для него прозрачной стену.— Мне кажется, что было бы неправильно целиком отвергать написанное. Но образ Зиновия Алексеевича Плесневелого представляется необудительным. Где вы такого могли взять? — Эту последнюю фразу Нечерноземцев произнёс столь громко, что никто не услышал, как скрипнула дверь и в табачном дыму возникла призрачная фигура. «Неудачно, неудачно»,— хотел добавить Нечерноземцев, но приумолк, заметив незнакомца.

...Что это было? Спустя много лет, уже остыв и критически оценив случившееся, Нечер-

ноземцев засел за мемуары и, несколько приукрашив события того вечера, так описал загадочный эпизод.

ИЗ МЕМУАРОВ НЕЧЕРНОЗЕМЦЕВА:

Начинающие авторы, безусловно, нравились мне своей нахрапистостью, то есть литературной дерзостью. Понравились они и своей скромностью — ведь это тоже надо ценить: всё заседание просидеть, не подняв головы. Они симпатичны мне своим сквозящим в каждом слове талантом... Но их надо было немного поругать. Для остротки. Чтобы дух закалить.

Я сначала предоставил такую возможность ребятам. Однако им — в этом я убедился — пальца в рот не клади. Нужно было поднимать настроение молодых авторов. Немного покритиковав их, я решил похвалить, но тут случилось это... Я хотел поинтересоваться, мол, товарищ, что вам тут надо? Мне кажется, я так и спросил его. Но свидетели говорят другое. Они утверждают, будто бы я сказал:

— *Стынет пепел в созвездье Весов...*

Но вернёмся к описываемому эпизоду. После сказанной фразы Нечерноземцев, беспорядочно засовывая многочисленные рукописи, с неизъяснимой поспешностью направился к выходу, где его поджидал незнакомец. Все как за гипнотизированные смотрели на эту выходку шефа. Озлов попытался было встать, чтобы вмешаться в происходящее, но явление, под которое ещё не подвели научную платформу, прочно удерживало его за штаны, уцепив их за едва торчащий в стуле гвоздь.

— Так значит, вы не верите в моё существование? — начал незнакомец, когда они покинули здание редакции.— И это вы, бывший преподаватель, прекрасный педагог, который обязан пробуждать фантазию у людей и не давать застаиваться творческой мысли! Кстати, вы меня не узнали... А ведь я бывший ваш ученик.

Нечерноземцев внимательно присмотрелся к незнакомцу... Это был высокий, слегка горячий человек с жидкими волосами; на морщинистый лоб падала непослушная жёлтая чёлка. Бледно-серое лицо... С трудом вспомнился один из трудновоспитуемых и даже его фамилия, так хорошо согласующаяся с образом. Плесень?.. Плесный?.. Плесневелый. Нечерноземцев припомнил, как не раз ловил этого бледнолицего мальчишку с запавшими глазами, азартно дымящего сигаретой в туалете. Но на все воспитательные доводы тот отвечал неотразимым аргументом: «А вы-то!.. Сами-то!..» Да уж, Нечерноземцев и сам дымил как паровоз. И оправдывался (про себя), что курить начал только в 20 лет. Вполне осознанный возраст. Раньше не мог, а начав, уже не мог и бросить.

— Простите, а как вы попали сюда?

— Видите ли, я провожу эксперимент, и мне необходим совершенно определённый человек. Случайно получилось, что это вы.

— А какова, собственно, будет роль моей более чем скромной особы?

— Об этом чуть позже. А сейчас разрешите с вами попрощаться. Я уверен, что вы

согласитесь на моё предложение, тем более, что это, несомненно, даст пищу для новых размышлений и повестей.

6

Наука требует жертв! Хорошее дело и конспирация. Но Заплесневелый отнюдь не от добрых мыслей, захлестнувших сознание, выбрал не очень приятное время — ночь. Хотя, конечно, и огласки он не хотел. Преждевременной, поправил он себя. Преждевременная слава, как бельмо в глазу. Но тут одно вытекало из другого, эксперимент просто требовал безлюдья.

Он пришёл рано и прежде чем дождался Нечерноземцева, основательно помёрз на ветру, шелестящем хрупкими августовскими листьями. Нечерноземцев пришёл, воровски оглядываясь в темноте, как они и договорились, держа под мышкой комнатную телевизионную антенну.

— Здравствуй, Зиновий Алексеевич.

— Добрая ночь, — усмехнулся Заплесневелый, аккомпанируя себе зубами.

— Куда это?

— Давайте. Вот сюда, на могильную ограду установим. Садитесь, я вас ветками прикрою. Наденьте-ка, — он подал старый танкистский шлем, от которого тянулись провода.

— Ты хоть объясни, — просительно обратился Нечерноземцев, но тот оборвал:

— После. Пока скажу только, что я хочу разобраться в том потоке информации, которая обрушилась в последнее время на меня. Я хочу попытаться воспользоваться вашим мозгом. Клянусь, вы знаете меня — абракадабра перестанет быть абракадаброй! Я, может быть, единственный человек...

Он вдруг замолчал, прислушиваясь к чему-то.

— Началось.

7

ИЗ ДНЕВНИКА НЕЧЕРНОЗЕМЦЕВА:

Спустя несколько лет я по деталям, рассказам, воспоминаниям могу восстановить события. Возможно, мои записи сумбурны, поскольку идут не в хронологическом порядке — записываю всё, что вспомню, не дай бог, мысль ускользнёт и какой-нибудь важный нюанс забудется.

Кое-кто думает, что было несколько совершенно одинаковых Нечерноземцевых. Вздор. Нельзя войти в одну и ту же воду дважды, это знали ещё древние.

Да что вода? Нигде и никогда не будет абсолютно одинаковых деталей. Каждая деталь разнится от подобной, потому что их разделяет время. Заготовка детали на прессе. Удар — есть одна, ещё удар — другая деталь выходит из-под штампа. Но за это время, вектор которого направлен только вперёд, произошло множество событий. Дверь открыли — сквознячок подул, заготовка на сотую градуса охладилась и параметры детали изменились, потому что атомы изменили конфигурацию. Где-то рядом ахнула другая машина, и опять произошло микронное смещение. Вот и я раздваивался во времени, точнее размножался, и каждый мой двойник занимал положенный ему век.

И ещё одна аналогия со штампованными деталями. Теперь уже об их положении в пространстве.

Каждая деталь имеет отклонения в пределах допуска. Если бы не было отклонения, то вся продукция шла бы без брака, не требовалось бы ни мерительных инструментов, ни контролёров. Представляете, какая экономия для народного хозяйства! Так вот, и все мои двойники тоже были разными — я имею в виду внешность, конечно, в пределах допуска. Ведь плохо знающие меня люди и посторонние считали, что все мы идентичны, хотя у Володи-третьего был ярко выраженный грузинский нос, а у Володи-пятого сквозь густую шевелюру на затылке просвечивала лысина. Но это, как стало мне известно из записей и фотографий Плесневелого, доставшихся мне после злополучного пожара, был первый этап эксперимента. Я ничего не ведал о втором этапе.

22 августа 1977 года.

«Стынет пепел в созвездье Весов», —

Этот голос чудеснее снов,

Эта фраза теснее оков:

«Стынет пепел в созвездье Весов».

Стынет море, искрясь под луной.

Что же будет сегодня со мной?

Очарован я песней земной —

Стынет море, искрясь под луной.

Но зовут меня чаши Весов,

Я земное меняю весло

На далёкую призрачность слов:

Стынет пепел в созвездье Весов!

Вроде я и по-взрослому мудр,

Но виднеется звёзд перламутр,

И в одно из прекраснейших утр

Я покину земной наш уют.

Обо мне не напомнит гранит,

Обо мне только лес прошептит,

Только небо разок проискрит...

Непонятно, почему меня сегодня потянуло на стихи. Давненько не приходило ко мне вдохновение. Впрочем, первые строки стихотворения написаны... Уже и не вспомнить когда, но лишь сейчас я закончил стихотворение.

8

Владимир Алексеевич нехотя разбирал почту последних дней. Это была рутинная, но необходимая работа. Он её делал, потому что за это деньги получал, но не любил: господи, что ему поступало?! Лирика, которая не принесёт славы ни авторам, ни литобъединению, ни его руководителю. Хотя кое-что, пожалуй, можно будет после соответствующей доработки спихнуть в областную газету или, того лучше, в центральную. Стихи, стихи, стихи... Прозы мало, но она лучше качеством. Он бормотал:

— Это не пойдёт... Это не пойдёт... Это — если переделать...

Вестибюль, который время от времени становился кабинетом Нечерноземцева, был как проходной двор — по нему то и дело сновали люди. Нечерноземцев их и не замечал. Когда его о чём-то спрашивали, он отвечал машинально, не думая, не думая, он отвечал очередному любопытному на вопрос «Где мне найти Нечерноземцева?»:

— Где-то здесь в коридорах, а может, в кабинетах... Не знаю.

Невысокий, хилого вида мужчина сжал в кулак седоватую бороду и направился по указанному маршруту, однако вскоре вернулся в сопровождении ответственного секретаря газеты Глебовского:

— Вот, Владимир Алексеевич, вас спрашивает.

Нечерноземцев обрадовался возможности посидеть в кресле разогнувшись.

— Слушаю.

Мужичок был отнюдь не робкого десятка, чем, однако, не удивил Владимира Алексеевича, который ещё и не такое видел и не таких видал.

— Я... это... стихи напечатал. Тьфу! — гость натурально сплюнул, — написал, стало быть. Гонорар мне когда можно получить?

— Пойдите, какой гонорар?

— Ну, за стихи!

— Так мы их ещё не печатали.

Извиняюсь, забыл представить. — Он раскладывался. — Федот Гаврилович Паутинов.

Нечерноземцев пожал плечами:

— Ну и что?

— Экий вы непонятливый! Я же говорю: стихи написал. Где гонорар можно получить?

— А стихи-то? Давайте...

— Я их того... по памяти знаю.

Гость откашлялся и начал:

— Стынет пепел в созвездье Весов.

Эта фраза теснее оков,

Этот голос чудеснее снов:

Стынет пепел в созвездье Весов.

Стынет море, искрясь под луной...

Нечерноземцев с каждой строчкой, произнесённой незнакомцем, становился всё бледнее: сначала он был бледен, как молоко, потом — как сметана, потом — как мел, потом — как снег... Потом он перестал слышать голос, произносящий его собственные стихи.

9

Нечерноземцев на минуту прикрыл глаза, а когда открыл, никого не было, зато на столе лежал большой конверт. Первым побуждением было сразу же раскрыть его, но естественный страх взял верх.

— А, была не была! — он взял пакет в руки, осторожно вскрыл его, достал несколько отпечатанных на портативной машинке листов, начал читать:

«Дорогой Владимир Алексеевич, извините, что я пришёл к Вам в таком виде. Маскарад понадобился для того, чтобы меня не опознали. Я ещё не завершил эксперимента, первый этап которого мы столь успешно провели...»

— Зиновий, объявился!!!

Он лихорадочно сунул листы бумаги в папку и бросился к двери, надеясь удержать Заплесневелого. Потом понял, что занятие бесполезное, успокоился. Прочитав последние строчки письма, Нечерноземцев поглядел на часы и стал одеваться. Надвигалась гроза.

До кладбища от редакции совсем немного ходу. Владимир Алексеевич поднимался в гору,

не обращая внимания на лаявших из-за забора собак. Собак он любил, но дворняг презирал. В одной из его комнат жил боксёр по кличке Блат (Нечерноземцев любил всё оригинальное). Блат был красивым псом, но за неимением свободного времени шеф городских литераторов пустил его воспитание на самотёк, а посему соседи относили пса к трудным подросткам.

На кладбище Нечерноземцев не был с той ночи, когда проводился первый этап его раздвоения, но плиту с надписью «Ты слишком рано угляса» нашёл быстро.

— Стынет пепел в созвездье Весов! — громко произнёс Нечерноземцев, и плита сама по себе отодвинулась, обнажая квадратное отверстие.

Нечерноземцев храбро шагнул в темноту. Пахло сыростью и сквозняком, дыхание которого явственно ощущалось вспотевшей шеей. Разобравшись, откуда дует, он шагнул вправо и увидел мягкий зеленоватый свет, благодаря которому чётко обозначился коридор, словно приглашающий вглубь гробницы. «Ага, дверь, — удовлетворённо хмыкнул Нечерноземцев, — значит, за дверью. А уж как её открыть, я знаю».

— Стынет пепел в созвездье Весов!..

И дверь из чёрного мрамора отодвинулась. Теперь литературный бог города был смелее. От ворочающихся в голове мыслей было щекотно черепу, идеи носились в подкорке, как ночные экспрессы, мерцая видениями, будто окнами.

Нечерноземцев шёл, тыча руками в стороны. Подъём становился всё круче, и Владимир Алексеевич не вытерпел и глянул вверх. Над ним мерцали звёзды. «А где же Заплесневелый?» — удивился он, выходя на поверхность и оглядываясь.

В ночной мгле едва угадывались тяжёлые контуры пересечённой местности, но то, что она была совершенно незнакома, не вызывало сомнения.

10

ИЗ МЕМУАРОВ НЕЧЕРНОЗЕМЦЕВА:

Я ощущаю себя великим актёром, только актёром. Я знаменит. На мне маска. Я страдаю, я плачу, я говорю, а грудь мою распирает месть. Беснуются мужчины, сидящие на каменных ступенях, они тоже требуют отмщения! Это я, это моё искусство пробуждает в людях радость, злость, любовь, слёзы. Сейчас я всех успокою... Несколько слов на греческом языке — и бесноватаяся несколько секунд назад толпа цепенеет, умиротворённо слушая мой голос... Наслаждаясь им, люди закрывают глаза. Я тоже...

И вижу себя уже не актёром, а проповедником. Братья мои, нам надо жить в мире, нам надо любить животных, нам надо беречь леса, поля, нам нельзя стрелять в зверей. Подумайте: ваши стрелы убивают птиц, ваши плуги перепахивают столько земли, что скоро придёт время, когда природа восстанет против нас. Ради будущих поколений закливаю: остановитесь, будьте умеренны в еде и в одежде, не допускайте, чтобы железные машины заплотнили землю, чтобы бензиновые пары управляли атмосферу...

Странная метаморфоза. Словно время движется с ужасающей быстротой, пронизывая меня. Или это я пронизываю время, изменяясь и превращаясь. В проповедь мою, в сознание, в ощущения вслед за луками и сохой вклиниваются двигатели внутреннего сгорания, громада железобетонных конструкций, атомные электростанции, звёздные корабли... И ко всему я имею самое непосредственное касательство, поэтому удивляюсь, ощутив себя за столом. Прежние ощущения долго ещё не уходят, а я читаю письмо о том, что где-то вырубают лес, в другом пишут о браконьерах, в третьем — что завод отравляет реку. Я не успеваю вникнуть в них, как опять происходит временной сдвиг. Моё призвание — драматургия. Пьесы, написанные мной, идут во всех театрах страны, их переводят на многие языки мира. Центральные журналы пестрят моей фамилией... Но — снова стол, снова письма. Слышно, как тихо тикают часы. Это моё время. Голова перестаёт идти кругом. Теперь можно вздуматься, заняться работой... Но я не успеваю взять авто ручку — неслышимый щелчок внутри меня, и журналистика начисто забыта.

Эксперимент, о котором я ещё не имею понятия, продолжается. Уже не время летит сквозь меня — я сам приведён в неуправляемое вращение. Это пугает. Кто я? Журналист? Тогда почему меж строчек письма, лежащего передо мной, я рисую нотные знаки? Я забыл все правила арифметики, ничего не смыслю в драматургии, моя стихия — музыка. Бьюсь над мелодией, стараясь сделать её певучей и красивой, но какая-то нота не даётся. Какая? Я задумываюсь и бормочу: пакля, сакля, рвакля... Артикля... Нет, это не рифма!.. И уже нет музыки — есть поэзия. Я поэт, который в этот момент задумал стихи о человеческом духе. Чётко идут строки, и вдруг всё путается: журналистика, драматургия, музыка, поэзия. Некоторое время всё движется как бы параллельно, потом сливается...

Профессора Марка Овяна настолько заинтересовали события, происходящие в Араратской долине, что он отошёл от других научных дел и целиком отдался выяснению причин этих странных явлений. На время он превратился в частного детектива, поскольку для того, чтобы научно объяснить всё, что видел, слышал или знал, ему не хватало фактов и гипотез.

Однако даже то, что имелось, оказалось настолько любопытным, что Марк Овян был не в силах совладать с собой. Он уезжал на место происшествия, взяв с собой главную свидетельницу Афродиту Политиночку. Они медленно катились по улице Еревана. На одном из перекрёстков профессор затормозил. Горел красный свет. Поблизости у тротуара двое мужчин в милицейской форме меняли большие листы ватмана на стенде «Не проходите мимо».

— Аполлон? Аполлон! Там, там Аполлон! — Афродита схватила за руку профессора, который направлял свою машину в ближайший переулок.

— Какой Аполлон?

— Мой сосед по самолёту. Ну, помните, я же рассказывала... По-моему его фотография была в стенгазете, которую только что сняли.

Правда, вид у него здесь непривлекательный, но я готова ручаться — это он. Его милиция ищет? Или уже нашла?

Машина резко развернулась и рванула по старому маршруту.

Опять светофор и опять красный цвет. Марк Овян, рискуя потерять водительские права и голову, решительно двинулся вперёд, но перед капотом промелькнула зелёная «Волга», а впереди сплошным потоком двигались другие автомобили. Резкий скрип тормозов. Инспектор ГАИ, продираясь через толпу, шёл к Марку Овяну.

Стенд был пуст. Заглянули в ближайшее отделение милиции.

— Не наш участок! — сказал дежурный, назвав адрес нужного им отделения.

Время поджимало, и путешественники не стали разыскивать незнакомую улицу.

— Жаль, мы могли бы почерпнуть немало сведений.

Машина покидала городскую черту. Закат рассеивался розовой кисеей по мягкой полосе асфальта, по пробегающим мимо маленьким домикам, показавшимся фантастическими деревьями.

Мелькнули знакомые места, так памятные профессору — ведь именно в этих местах он обнаружил тропинку, которая стала торной дорогой в науку. Однако в этот час мираж отдышал.

11

Они сидели за одним из столиков кафе «Мороженое» и с сознанием честно выполненного долга пили коктейль. Профессор Марк Овян достал белоснежный носовой платок, вытер вспотевшую лысину.

— Слава богу, всё позади! — сказал он.

Афродита Политиночку с восхищением смотрела на него.

— По-моему, вы произвели впечатление на этого корреспондента.

Марк Овян удовлетворённо хмыкнул:

— Замечу вам, милочка, что мне привычно производить впечатление на разных корреспондентов. Но мы засиделись. Пойдём ко мне и послушаем передачу.

Через пятнадцать минут на веранде дачи профессора зазвучали позывные областной радиостанции. Приятный женский голос произнёс:

— Слушайте интервью нашего корреспондента с известным профессором Марком Овяном.

— Как известно, Марк Юрмихович, недавно вы предприняли поездку в один из районов Араратской долины. С какой целью?

— Видите ли, мне очень много дало знакомство с Прекрасной Афродитой... (слышен смех). Благодаря её рассказам у меня появилась идея, которую можно было проверить только там, в Араратской долине. Я весьма признателен Афродите за компанию — одному там было бы жутковато.

— Что же это за идея и что вы там видели?

— Ну, слишком смело и преждевременно было бы говорить об идее сейчас. Меня поднимут на смех. Хотя теперь есть факт

подтверждающий. Представляете, ночь... Хоть глаз выколи. Единичные фотоны, падающие на сетчатку, производят впечатление вспышки. Скалы. Где-то внизу лежит корпус самолёта. Скалы... Ах, я уже сказал!.. Ждём, час ждём... Вы знаете, ночи в горах холоднее... Два ждём... Мне уже казалось, что ничего не будет. Но я всё равно не сожалел бы о той ночи. Вдруг во мгле стали прорисовываться бледные фосфорические фигуры. О, это была пантомима! Фигуры, похожие одна на другую, являли собой занимательное зрелище. В одной я узнал артиста, стоящего на сцене. Он размахивал руками, что-то говорил. Трое будто разыгрывали сценку «на троих»... В общем, можно было подумать, что это телевизионная передача из космоса. Но тут случилось нечто, что впоследствии кое-что прояснило. Кхе-кху-кху... Простите, кажется, всё-таки простудился.

— Так что же всё же произошло?

— А произошло вот что. Фигуры начали постепенно исчезать, пока все, кроме одной, не растаяли. Последняя словно задержалась, повисла в воздухе и вдруг просыпалась дождём каких-то блестящих предметов...

Слушая радио, профессор снова вспомнил эпизод. Тот дождь отнюдь не был фантастическим. Профессор, дождавшись луны, разыскал в камнях самые обыкновенные значки с нарисованным оленем, тёмно-зелёной елью и надписью «Урал». Нашлось звено, которого не доставало. Оно могло выйти из тупика.

Ну конечно же, обследованный район Араратской долины — один из треугольников, подобных Бермудскому. В своё время Марк Овян пересмотрел уйму материала о кораблекрушениях и авариях самолётов с указанием места их гибели и нахождения останков. Однако затем, увлечшись другой темой, он не успел до конца довести рождающуюся гипотезу. Интервью по радио ничего не раскрывало слушателям, но сам Марк Овян именно при разговоре с журналистом понял, где искать разгадку. Он уехал на дачу, полностью погрузился в расчёты, схемы, чертежи.

Вскоре профессор чётко представлял схему знаменитого Бермудского треугольника. Обозначив на карте координаты катастроф, аварий, он неожиданно получил спираль, словно центр треугольника оставил след, скользя по водной поверхности! Теперь Марк Овян был уверен: Бермудский треугольник движется. О, как легко объяснить все тайны! И транспортировку объектов, в него попавших, и *удвоение*, и *растроение*. Не потому ли некоторые морские путешественники создали легенды о летучих голландцах? Профессор проверил по имеющимся у него скудным данным и это — места появления призрачных кораблей чётко вписывались в спираль.

Но куда же движется Бермудский треугольник? Марк Овян позволил себе предположить, что движение треугольника останавливалось

в другом месте океана. А если так, не существует ли и треугольник суши, Уральский треугольник, который в конце перемещения фиксируется в Араратской долине. Авария самолёта тому подтверждение.

Урал! Там живёт учёный, проводящий смелые эксперименты с переносом человека, с так называемой телепортацией. Нужно обязательно разыскать коллегу. Должно быть, величайший ум. С морем всё ясно, скорее всего, гигантское спиралевидное течение воздуха и воды с эффектом, пока не объяснимым эффектом в пространстве и времени. А какие силы действуют на суше? Кто знает, может, их причины будет легче определить.

12

Армянский исследователь стихий был близок к разгадке. Он правильно решил — пора акцент исследований перенести на Урал. Но куда? Знать бы, какой город, а там как рыбак рыбака, так и учёный учёного. И тут профессор вспомнил о Политиночке. Он же сам помогал ей купить билет на самолёт. Куда? Наверное, туда же, откуда она прилетела в солнечную Армению. В Челябинск, а там...

Зиновий Алексеевич Плесневелый шагал по центральной улице. Было почти безлюдно, потому что магазины ещё не открылись, а на работу уже ушли. Редких прохожих Плесневелый почти не замечал. Однако его внимание привлек явно приезжий человек. Густая шевелюра чёрных с проседью волос, окаймлявших голову с боков, да кривой, живописно закрученный нос позволяли сделать вывод — кавказец. Плесневелый безошибочно угадал в прохожем армянина.

«Армяне, конечно, не редкость в нашем городе, но этот представитель древнего народа наверняка не торгош — слишком благородный вид придаёт ему блестящая розовая плешь на голове», — у Зиновия Алексеевича мелькнуло смутное подозрение, что случайная встреча с незнакомцем вовсе и не случайна, но он всё-таки прошёл бы мимо. Однако незнакомец его остановил:

— Бареф дзец, любезниший. Не будете ли вы так добры, чтобы указать мне, как пройти в гостиницу вашего замечательного уральского городка?

Подражая колоритному говору южан, Плесневелый начал объяснять, и чем дольше он это делал, тем непонятнее.

— Слушай, дорогой, а зачем гостиница? Знаешь поговорку: я — тебе, ты — мне? Я устраиваю тебя у себя, а когда-нибудь воспользуюсь твоим домом. Идёт?

— О чём разговор! — обрадовался незнакомец.

«До востребования». Нечерноземцеву странно было писать свою фамилию на денежном переводе в Армению. Владимир Алексеевич получил квитанцию и вышел на улицу.

— В лес махнуть? А то свихнёшься. Наверняка

телеграмма связана с Заплесневелым. Тьфу ты, опять сказка про белого бычка. Отпуск кончается, на дворе бабье лето, самые опята пошли.

— Владимир Алексеевич, — слышался сзади чей-то голос.

Нечерноземцев оглянулся и увидел... Заплесневелого. С ним стоял мужчина.

— Зиновий? Здравствуй. Ты где пропадаешь? Я места не нахожу.

— Об этом после.

— Опять после.

— Погоди, погоди! Познакомься. Кстати, мы тоже ещё не представились друг другу, — Плесневелый повернулся к своему спутнику.

— Марк Овян, профессор, прибыл сюда по служебным делам.

— А я — Плесневелый.

У Нечерноземцева с языка слетали сотни вопросов, но присутствие постороннего сдерживало его.

«После, так после», — подумал он и заговорил о грибах.

«Определённо я где-то видел этого симпатичного молодого человека, — глядел на Нечерноземцева гость из Армении.

«Как тесен мир, — размышлял Плесневелый, — вот и встретились очно. Собственно, если бы не его выступление в одном из номеров научно-журнала... Я знаю, зачем он сюда пожаловал».

ИЗ МЕМУАРОВ НЕЧЕРНОЗЕМЦЕВА:

Не стали получаться стихи. Никакого восприятия поэзии. Меня восхищают сонеты Петрарки, образность Есенина, страстность Маяковского. Вознесенский — бред. Цветаева — заумь. Умом я знаю: поэзия — это прекрасно, но душа равнодушна.

*Крепким мускулом, глазом метким,
Нервом натянутым, как струна,
Мы досрочно десятую пятилетку
Выдадим качественно и сполна.*

Вполне приличное четверостишие получилось, но пришедший ко мне в гости Алекс Озлов почему-то недоумённо смотрел на меня, а когда он одевался в коридоре, я случайно подслушал, как он разговаривал с моей женой.

— Владимир Алексеевич не заболел?

— Вы тоже заметили? В последнее время он странен...

Афродита Политиночко, приехав домой, ходила по квартире из угла в угол. Там — она была уверена — на фотографии на листе ватмана был Юзииков. После памятного путешествия она не раз корила себя, что не задержалась на денёк, дабы выяснить, откуда она там взялась. Надо было плюнуть на работу, отработала бы задним числом или бесплатный оформила. Но вот, не сделала. Афродита боялась себе признаться, что Аполлон просто запал ей в душу.

13

Марк Овян обладал ярко выраженными чертами представителя закавказской интеллигенции. Во всяком случае, тамадой он был

отменным и сумел развеселить всю компанию из трёх мужиков.

— Держи, дорогой, за встречу, за знакомство, — подвигал профессор стопку с коньяком всё ещё смущавшемуся Нечерноземцеву. — Ну, ещё одну можно. Как сказал великий поэт Кавказа Расул Гамзатов, пить можно всем. Сегодня трезвенников быть не может.

— Да-да, не может и не должно быть, — вступал в разговор Плесневелый. — Пей, пока дают.

Нечерноземцев пытался под разными предлогами отказаться от очередной рюмки, но безуспешно.

— Пей, дорогой! — блистая обаянием, повторял Марк Овян. — В этом напитке целебная сила. Сколько, думаешь, мне лет? Клянусь моей мамой, не угадаешь. Сто шесть! А выгляжу я на шестьдесят. Я ещё на девушек заглядываю, но... Вай-вай-вай... Как жесток мир. Каждый шаг жизни — выбор, и каждый шаг — отречение. Неизвестно, что лучше — выбирать отрекаясь или уподобиться известному ослу Буридана?.. За него стоит выпить... Не за осла, вай-вай-вай... Не за Буридана... За человека!

Нечерноземцев пил. Коньяк хорош, но его слишком много. А Марк Овян неистощим на тосты и весьма вынослив на алкоголь. В конце концов замутился взгляд даже у Плесневелого, и тот начал нести всякую чушь, которую Марк Овян терпеливо и внимательно слушал.

— Я знаю, кто ты. Я знаю, что ты знаешь, кто я. Скажешь, нет?

— Пей, дорогой...

— Ты исследователь, а я творец. Я знаю, что всё в мире взаимосвязано. Когда мы научимся использовать моё открытие, мы станем всемогущее самой Вселенной. Я и сейчас могу творить чудеса. Природа придумала Бермудский треугольник, в народе придумали Вермутский треугольник, а у нас сегодня рождается Коньякский треугольник... Они все связаны. Тебе повезло, что ты встретился со мною. Сегодня ночью... Ладно, потом скажу... Время движется по спирали... Простите, о чём я говорил? Что-то где-то спёрли, что ли? Ах, о спирали. Спиральный порошок пространства-времени — это же возможность, дарованная самой природой... О, дьявол! Я засыпаю.

Марк Овян был несколько взбудоражен и удивлён: он не ожидал, что его новые друзья так быстро отключатся. Правда, он наливал себе совсем из другой бутылочки, в которой, как считал, коньяк был хуже качеством, но градусы-то одни. Нет худа без добра — вспомнил профессор старую поговорку. Какой фокус собирается показать ему его уральский коллега сегодня ночью?

Пока спали Плесневелый и Нечерноземцев, Марк Овян был само нетерпение. Он не знал, чем заняться. От нечего делать приготовил отбивную из шашлыка, который обнаружил в холодильнике Плесневелого. Раскупорил бутылку сухого вина — чтобы не мучились его товарищи по пробуждению, и стал ждать, поглядывая на большие настенные часы «Маяк». Даже секундная стрелка на часах двигалась нехотя,

а профессор Марк Овян, как загипнотизированный, не отрывал глаз от неё. И, кажется, он и в самом деле словно выпал из сознания, а когда вновь осознал себя, они все трое стояли у могильной плиты с надписью «Ты слишком рано угасла».

— Вспомнил! — Марк Овян затряс плечо Нечерноземцева. — Вспомнил, где я вас видел. Ну, конечно же, там, в Араратской долине. Вы там раздваивались. Кстати, не ваш значок?

— Действительно, мой. Вот здесь эмаль стёрта... Это подарок друга. Но как он к вам попал?

— Я думаю, товарищ Плесневельый нам сейчас раскроет все тайны.

— Конечно, времени достаточно, — Плесневельый встал в позу римского оратора. — Как известно товарищу Марку Овяну, Бермудский треугольник движется по спиралевидной траектории. Знает он также, что подобный треугольник с Уральского хребта циклически перемещается в Армению. Знает он и о двойнике, иначе зачем бы он к нам приехал? Здесь, мне кажется, ваши предположения, профессор, заходят в тупик. Но продолжаю. Раздвоение объектов, попавших в упомянутый таинственный треугольник, наблюдалось на воде, но возможно ли это на суше? Результат моего эксперимента вы, профессор, видели в Араратской долине, а вы, Владимир Алексеевич, почувствовали на собственном организме. Теперь дальше. Данная надгробная плита есть пересечение медиан треугольника, то есть его геометрический центр. В этой точке и возможно перемещение человека вместе с блуждающим треугольником, причём лишь на определённой глубине, при определённом сочетании внешних факторов, основным из которых является особым образом модулированный звук. После длительных расчётов мне удалось выявить характер модуляции, определить частоту звука. Так и родилась — случайно или не случайно — фраза...

— Стынет пепел в созвездье Весов! — внезапно воскликнул Нечерноземцев.

— Что это? — Марк Овян с удивлением смотрел на отодвигающуюся плиту.

— Да, перемещение треугольника началось. Прошу вас...

— Нет уж, увольте, в мои-то годы, — Марк Овян полез за носовым платком.

Они молча стояли, всматриваясь в зияющую чёрную дыру. Наконец, она двинулась обратно, и Плесневельый нарушил тишину:

— Что ж, нам придётся возвратиться домой. Вам, Владимир Алексеевич, я уже изрядно напакостил своими экспериментами. Пора остановиться.

Зиновий Алексеевич почтительно взял обоих своих спутников под руки, и они двинулись по усыпанной жёлтыми листьями тропинке в обратную сторону.

— А что вы чувствовали во время опытов? — обратился Марк Овян к Нечерноземцеву.

— Длинная история. Я лучше потом всё опишу. Признаться, были ощущения приятные, были и не очень.

Марк Овян повернулся к Плесневелому:

— Скажите, коллега, почему объектом ваших экспериментов стал именно Нечерноземцев?

— Вы забыли, профессор, что звуковой фактор должен быть определённой частоты, — улыбнулся Плесневельый. — Голос у нашего общего теперь друга оказался как раз самым подходящим. Иначе бы мне пришлось применять регулируемую электронику. Она опробована мной, но с ней неудобно, да и ненадёжна она. Пришлось бы совершенно посторонних людей вводить в курс дела...

14

— Мой друг, — обратился профессор к Плесневелому, — я могу быть с вами откровенным?

Профессор скосил глаза на Нечерноземцева. Тот догадался пройти подальше вперёд.

— Мне кажется, что все ваши открытия пока нужно держать в тайне. Не возражайте! Я знаю всё, что вы хотите мне сказать, и в свою очередь возражу вам. Что вы знаете об этих треугольниках? Почти ничего. Ваши опыты только начало. Очень многое предстоит выяснить. Где раньше были эти треугольники? Ведь если эти треугольники были раньше, то почему они никем не обнаруживались? Может, есть смысл покопаться в истории? Если никаких фактов не обнаружится, то не будет ли всё это означать, что в будущем наш треугольник исчезнет? С другой стороны, я бы назвал ещё одну проблему треугольника — проблему использования. Похоже, человек получает возможность перемещаться во времени и в пространстве мгновенно: насколько это реально? В каких границах можно использовать? Далее, как воздействует этот треугольник на организм человека? По-видимому, это самый серьёзный вопрос. Вы ещё не наблюдали за вашим другом? Мне он кажется странным.

Плесневельый вздохнул.

— Согласен. Чувствую, что материал ещё сырой. У меня есть в запасе ещё один эксперимент, который я боюсь пока провести, а если и проведу, то с самим собой. Потом расскажу об этом поподробнее. — Он опять вздохнул. — Как, оказывается, я устал!

— Ничего, — успокоил его Марк Овян. — Устроит вас сегодня пара бутылок знаменитого армянского коньяка, изготовленного по особому рецепту на очень древнем спирту? Вкус изумительный.

Плесневельый задумчиво посмотрел на профессора и, решив что-то, сказал:

— А что? Пожалуй, можно. Это прибавит смелости. Давайте прибавим шагу.

Они догнали Нечерноземцева и пошли рядом. Накрапывал дождь.

Если есть на свете бальзам, то вкус у него должен быть как у коньяка, который пили они в эту ночь. В эту историческую ночь, — добавил бы Марк Овян. В эту решающую ночь, — дополнил бы Плесневельый. В эту трагическую ночь, — поправил бы Нечерноземцев. И трудно сказать, в чьих словах оказалось бы больше правды. Спорящих много — истина одна. Но профессор Марк Овян, умудрённый опытом, хорошо

знал, как многообразны лики истины. Наверно, он согласился бы и с Нечерноземцевым, и с Плесневелым, но и от своих слов не отказался бы. Это была историческая ночь...

Дождь уже не накрапывал, а лил, как из ведра. Его шум навевал тревогу и сон, но трое новоиспечённых друзей были возбуждены донельзя. Чтобы успокоиться, Плесневелый встал и подошёл к окну. Унылую картину представляла собой улица: потоки воды, мокнущие в струях листья, голые или почти голые деревья, мерцающий свет фонарей... Одинокий прохожий словно не замечал дождя. Пальто висело на нём как мешок. Возможно, эту деталь дорисовало воображение Плесневелого — всё-таки было довольно темно. Поди разгляди человека... Тень. Но странно знакомая тень. Зиновий Алексеевич почувствовал дрожь в теле.

Нечерноземцев с профессором на миг прервали разговор и с удивлением стали наблюдать, как их почтенный собутыльник проворно вскочил на подоконник и заорал:

— Стынет пепел в созвездье Весов!

Но они не могли видеть, как промокший человек на улице метнулся к подъезду дома и зашлёпал по ступенькам, оставляя следы. Двери квартиры слышали шёпот: стынет пепел в созвездье Весов.

Плесневелый спрыгнул с подоконника. Он производил странное впечатление на ничего не понимающих друзей. Из-за двери отчетливо слышались чьи-то прихлупывающие шаги. Когда они стихли, Плесневелый распахнул дверь...

ИЗ МЕМУАРОВ НЕЧЕРНОЗЕМЦЕВА:

Поистине не знаю, кто пишет эти строки. И вправе ли тот, кто их пишет, говорить о потрясении, которое пережил я, Владимир Алексеевич Нечерноземцев?

Дверь открылась, и на пороге возник... я. Сперва я себя не узнал — мокрое рваное пальто и прочее одеяние, годное разве что волхву, примерно недельная щетина, волосы на голове спутались, лицо до прозрачности худое. Но когда он, то есть я, снял пальто... Я встречал людей, похожих на себя, но не до такой же степени! Помимо внешнего сходства духовная идентичность. И даже тот факт, что об этом же самом эпизоде я могу рассказать впечатлениями вошедшего в комнату мокрого человека, говорит о многом. Я словно вижу себя, сидящего в кресле, растерянного, потрясённого, испуганного. Вижу, как медленно подхожу к себе, сидящему в кресле.

— Стойте, не подходите!

Плесневелый усадил промокшего насквозь Нечерноземцева на стул в другом конце комнаты и стал рассказывать. Я, разумеется, теперь только в общих чертах могу передать суть того выступления.

Однажды он пришёл в редакцию, чтобы пригласить меня на второй этап эксперимента. Первый этап — деление человека в пространстве прошёл успешно, второй же — деление в пространстве, во времени и распределение талантов (у каждого своя муза) между двойниками получился с накладкой: во время эксперимента

разразилась гроза, молния ударила в могильную плиту. Таким образом, центр «Уральского треугольника» впитал в себя энергию молнии и передал её одному из двойников. Тот материализовался и получил право на самостоятельное существование.

Плесневелый догадался об этом, он реально представлял опасность встречи копии и оригинала, однако сумел лишь внушить тому, что остался в Араратской долине, мысль о телеграмме. Сам он за неимением денег ничем помочь не мог.

Двойник не знал, что он двойник.

Им нельзя было касаться друг друга: в момент контакта энергия молнии высвобождается и...

Заплесневелый решил принять удар на себя. Это был последний штрих в его эксперименте, вынужденный финал.

15

Все четверо сидели в напряжённом молчании. Наконец Плесневелый продолжил речь.

— Что человек? Козявка. Все мы кичимся властью над стихиями, разумом. К чему? Достаточно крохотный искорки, чтобы сгорела библиотека с миллионами томов. Лёгкий толчок — и огромный материк под водой. Прочь исследования. Атом и космос, кибернетика и бионика, философия и филология — всё к чёрту. Приходите ко мне. Простите, что я впутал вас в прескверную историю. Я ухожу из мира. Как загипнотизированные двойники двинулись к Заплесневелому, и когда подошли до соприкосновения, яркая вспышка осветила всю комнату. В распахнутую форточку вылетела шаровая молния.

Очнувшись, Марк Овян не понял, где находится. Что-то смутно напоминало ему о событиях, происшедших в комнате, где царил сейчас хаос. Перевернутый стол, открытые дверцы книжного шкафа, из которого исчезли все бумаги и книги. На полу лежал человек. Марк Овян подошёл к неподвижному телу, нагнулся над ним, дотронулся до плеча. Охнув, незнакомец приоткрыл глаза.

— Кто вы? — Нечерноземцев удивлённо посмотрел в лицо профессору.

— Профессор... Марк Овян, — учёный силился понять, что всё это значит. Он глядел в неуловимые знакомые черты, но память отказывала ему.

— Что со мной? Где я? Что случилось?

— Кто бы и мне объяснил, что тут произошло.

ИЗ СООБЩЕНИЙ АРМЯНСКОГО РАДИО:

С давних времён природа преподносит немало загадок. Одна из них — эффект шаровой молнии. Он проявляется по-разному, и до сих пор учёные всего света не могут объяснить поведения слепящего шара.

В одной из передач мы уже рассказывали о том, что может натворить шаровая молния. Сейчас же хочется привести несколько примеров местного порядка. Совсем недавно уникальный случай произошёл с гражданкой Журавлёвой,

посетившей во время очередного отпуска наши места. Впрочем, предоставим слово очевидице.

— Мы сидели с Воло Курбавяном на одной из уютных скамеек в центральном парке. Пошёл дождь, начиналась гроза, и мы перебрались в беседку. В столь поздний час народ уже разошёлся. Внезапно глаза Воло расширились от ужаса: «Химия и жизнь»,— пробормотал он и ретировался к выходу, не спуская глаз с угла беседки. Я удивилась: чего он испугался? Ослепительная вспышка прорезала ночное небо. От ужаса я закрыла глаза и почувствовала нежное прикосновение к шее. Пришла в себя, но рядом никого не было. Лишь небольшой, размером с дыню сорта «Колхозница», шар выплыл из-под моей юбки и устремился в сторону, куда исчез Курбавян. Вся моя одежда распалась на две половинки, я рисковала остаться обнажённой. Хорошо, что сюда забежали две студентки, возвращавшиеся с вечеринки, они одолжили мне плащ.

Ещё случай, имеющий связь с вышесказанным. В больницу поступил человек в состоянии шока. Долгое время он не мог прийти в себя. Врач, спасавший больного, утверждает, что на ягодице подопечного, в том месте, где располагается задний карман джинсов, отпечатались буквы. С помощью зеркала удалось прочесть: Журавлёва. Пришедший в себя больной сказал, что он взял на время кошелек у знакомой девушки, однако милиция успешно опровергла его «на время».

— Бедный Плесневелый,— думал Марк Овян,— и теперь он не может удержаться от исследований, даже будучи не в образе и подобии человеческого, проводит эксперименты, которые столь же сомнительны, сколь и опасны.

Память возвратилась к профессору, но по никому не известным причинам он отошёл от всего.

— Я всё вспомнил,— начинал свои мемуары Нечерноземцев.

— Где же Аполлон?— мучилась Афродита.

ЭПИЛОГ

Молоденький лейтенант, приоткрыв дверь, остановился и, обернувшись, спросил:

— Ну как вам Ереван?

— А что я видел?

— Сами виноваты... Больше пить не будете?

— Как все...

— А если и будете, не хулиганьте, чтоб в милицию не попадать.

Лейтенант доверительно склонился:

— Скажу честно: первый раз к нам попал научный сотрудник. По такому случаю мы сделали исключение— ни к каким работам вас не привлекали... Кстати, что это вы всё время писали в камере, товарищ Юзиков?

Юзиков замялся:

— Да так...

— Ну ладно,— сказал лейтенант.— До свидания! Нет, прощайте! Вон, кажется, вас встречают...

На другой стороне улицы мучилась в ожидании симпатичная девушка. Юзиков ахнул

от удивления: Афродита Политиночко! Как она обо всём проведала? Аполлон, смущённо улыбаясь, пошёл ей навстречу.

— Как же так получилось?— спросила Афродита.

— Случайно. Я не знал, что молодое вино, будучи закрытым во время вспышки сверхновой, так на меня подействует, наскандалил в ресторане, вот и пришлось, вместо того, чтобы выступать на конференции, а по вечерам гулять с тобой, сидеть не в столь приятном месте. Но зря времени не терял. Эту рукопись я посвятил тебе. Каждые сутки по главе. Вот и получилось пятнадцать глав.

— Спасибо, милый...

У Юзикова хватило ума опустить подробности случившегося в ресторане «Арзни», и из ловеласа и обыкновенного хулигана он превратился в благородную жертву, которую Афродите тут же захотелось спасти и жалеть.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Авторы поставили точку и думали, что она последняя, пепел остыл. Но... В одной из центральных газет появилось сообщение, которое мы приводим вместе с комментариями известного учёного:

НЕОПОЗНАННОЕ ЯВЛЕНИЕ ПРИРОДЫ

Жители Петрозаводска стали свидетелями необычного явления природы. 20 сентября около четырёх утра на тёмном небосклоне вдруг ярко вспыхнула огромная «звезда», импульсивно посылавшая на Землю снопы света. Эта звезда медленно двигалась к Петрозаводску и, распластавшись над ним в виде медузы, повисла, осыпая город множеством тончайших лучевых струй, которые производили впечатление проливного дождя. Через некоторое время лучевое свечение кончилось. «Медуза» обернулась ярким полукругом и возобновила движение в сторону Онежского озера, горизонт которого окутывали серые облака. В этой пелене потом образовалась полукруглая промоина ярко-красного света к середине и белая по бокам. Это явление, по словам очевидцев, продолжалось 10–20 минут.

С просьбой высказать свою точку зрения по этому поводу ленинградский корреспондент ТАСС обратился к директору Главной астрономической обсерватории Академии наук СССР, члену-корреспонденту АН СССР В. Крату.

— Ярко-красный шар,— сказал учёный,— стремительно прочертивший небо с юга на север над Ленинградской областью и Карелией ранним утром 20 сентября, наблюдали и Пулковские астрономы. Сейчас пока трудно со всей определённойностью объяснить его происхождение, так как сведения очевидцев и наблюдателей продолжают поступать и анализироваться».

Бедный Плесневелый! Что ему понадобилось в Петрозаводске?

Р. С. Авторы надеются, что читатели к концу повести задались вопросом: а куда делась сумка Афродиты. Помните, Юзиков взял её из рук девушки, да ведь так и не вернул. Да! В сумочке

оказались две банки маринованных грибков, что Афродита везла своим родственникам в Ереван. Так вот, грибы были с удовольствием съедены бессовестными милиционерами. Что касается Афродиты, то она по этому поводу даже не расстроилась, но после всех произошедших событий поинтересовалась-таки у Аполлона, куда делась сумка. Не грибы, а именно сумка из какой-то почти волшебной ткани, в которую был вшит заговорённый на удачу таганайский камень зелёного цвета с золотыми прожилками. Но ведь камень уже принёс удачу Афродите — пусть принесёт теперь счастье хотя бы милиционеру, а может, уборщице отделения милиции!

МИКРОРЕЦЕНЗИЯ С МАКРОНАМЁКАМИ

У ПОГАСШЕГО КОСТРА

Я с большим интересом прочёл новый роман подающих надежды авторов. В целом надо отметить, что «Стынет пепел в созвездье Весов» посвящён актуальным проблемам борьбы с алкоголизмом, лжесенсациями и псевдонаучными измышлениями некоторых псевдорепунсистов. В романе ярко обрисованы сцены, рассказывающие о местной литературной жизни, о беседах за столом в сопровождении армянских коньяков. Выпуклы и зримы образы второстепенных героев. Сочен (85% H₂O) язык романа.

1977, 2016

Но нельзя не сказать о некоторых недостатках, присущих рецензируемому роману. А именно:

1) плохо освещены проблемы телеграфной связи и ничего не говорится о перспективах беспроводной, — например, сотовой телефонной (какая же это фантастика?);

2) нет основной идеи, которую авторы, видимо, не успели или забыли придумать;

3) не затронута тема влияния лесных костров на эстетические позиции главного героя, лирическая линия которого также не доведена до логического завершения;

4) в повести имеются примеры курения и нарушения правил уличного движения;

5) недостаточно показаны перспективы использования шаровых молний в мирных целях.

Но, несмотря на несомненные достоинства и отдельные недостатки повести (очевидные как продолжение её достоинств), надо громогласно сказать, что нам нужны горящие костры разумной жизни в четырёхмерном пространственно-временном континууме (неразборчиво) наблюдаемой вселенной, а не застывший пепел где-то там в созвездии Весов. Печатали и похуже, ничего — читатель поймёт и простит, а пепел остынет и без него.

Так что в добрый путь!

У. САЗОНТОВ,

редактор «Окололитературного обозрения»

Михаил РУДКОВСКИЙ

Рассказ

МУЗЫКАНТ

Себя я помню с шести лет. Вернее, не себя, а как брал меня на руки отец. От него пахло водкой и перегаром. Он почему-то плакал и, целуя меня, уговаривал: «Сынок, расти сильным и смелым, слабым быть нельзя. Вокруг волки, одни волчары, с ними нельзя быть слабым!» Он всхлипывал, уткнувшись мне в живот. Я не понимал, почему он плачет и начинал сам реветь. Мама, забирая меня у отца, приговаривала: «Опять заныл, сколько можно? Господи, когда же это закончится? Ты со своею честностью скоро нас по свету пустишь!»

Мы тогда жили в общежитии. Отец работал бухгалтером в строительном тресте. Через год отцовское воспитание закончилось. Его насмерть сбил чёрный «Зим» при переходе дороги на зелёный свет.водителем оказался какой-то очень богатый и важный чиновник. К нам зачислили его помощники. Когда они появлялись, меня отправляли к маминому другу, который жил этажом выше. Результатом этих встреч, как я узнал значительно позже, стала наша новая трёхкомнатная квартира с мебелью, холодильником и стиральной машиной. Это была плата за отказ от судебного разбирательства. Я тихо

ненавидел все удобства и свою отдельную комнату, считая, что мы предали отца, желание которого видеть меня сильным, стали для меня главным.

В десять лет удалось упросить мать записать меня в секцию каратэ. Заниматься было очень удобно, так как зал для тренировок располагался в подвале нашего дома. Нередко я приходил домой с синяками и ссадинами, обрабатывая которые она причитала:

— Сынок, тебе же больно. Может, в лёгкую атлетику переидёшь?

Слово «лёгкая» вызывало у меня презрение. Лёгкая, значит слабая, а мне хотелось быть сильным.

— Нет, мам! Я терпеливый. Вот вырасту и всегда тебя защищать буду.

— От кого?

— Да хоть от того мужика, что к тебе в гости ходит. Противный такой, и конфеты его противные.

— Ну что ты, сынок! Он хороший человек, помогает нам. С моей работой секретаршей нам не просто выкручиваться. На одну квартиру ползарплаты уходит.

...Из секции меня исключили через год.

— Очень злой он у вас. Даже на тренировках бьёт безо всякой жалости. С одной стороны, это хорошо, а с другой... не хочу жестокость в нём поддерживать — объяснил своё решение тренер. Мама была рада-радехонька и купила мне комнатный тренажёр. Два раза в день на нём занимался. Материнская радость была не долгой. Следующими увлечениями стали бокс и хоккей. «В хоккей играют настоящие мужчины, трус не играет в хоккей!» Эта фраза стала моим девизом. Харламов был кумиром, но бокс всё-таки победил и постепенно полностью завоевал моё свободное время. В 15 лет стал чемпионом района. Но на этом карьера боксёра закончилась, так как из этой секции меня тоже исключили, за драку с соперником за внимание девушки.

— Не подходи к ней!

— К кому хочу, к тому и подхожу. Запретишь что ли?

— Смотри, я тебя честно предупредил.

— Ой, страшно... испугал.

Не надо было ему это говорить. В ушах заиграла тихая музыка. Так часто бывало у меня перед выходом на ринг. Любимый апперкот левой, и соперник рухнул на спину. К нему подскочил друг, свидетель нашего разговора.

— Ты чего? Обалдел? — Он стал тормозить приятеля. — Коль, Коль!

— Ничего страшного, минут через 15 очухается, я же его предупредил...

Вечером к матери пришёл участковый и рассказал о драке. Колька оказался в больнице с сотрясением головного мозга, а мне следовало по повестке явиться в милицию. Так я оказался в списке малолетних нарушителей.

Дрался часто. С чужаками из другого района, из-за девчонок, за право быть первым, но старался больше до больницы своих противников не доводить. Второй раз я попал в милицию из-за подонка. Встретили меня вечером в тёмном месте трое. Незнакомцы.

— Привет паря!

— Привет, — отвечаю и хочу обойти.

— Не спеши, дай закурить.

— Не курю и вам не советую.

— Смотри, советчик выискался, лучше карманчики проверь, что там у тебя.

Один из них, видать главный, щёлкнул ножичком и стал ловко крутить его в руке.

— Ребята, не надо... денег у меня нет, — говорю, а сам краем глаза вижу, как меня обходят с двух сторон.

— Надо же! Не повезло нам, братва, нету него денег, а курточка модная.

Он подошёл поближе и дистанция стала удобной. Хук левой, прыжок в сторону, удар ногой в челюсть ближайшему противнику. Третий отскочил, как ужаленный. —

— Ладно, ладно, шуток не понимаешь, мы же...

Дальше — не слышал. На короткие дистанции шустро бегать нас научили в школе. Откуда мне было знать, что один из шутников — племянник первого секретаря обкома.

Я ему зуб ногой выбил. Ну и состряпали попытку ограбления... не меня, а беззубого. Суд и год условно; смена школ. Мама очень переживала.

— Был бы отец, он бы тебе объяснил.

«Быть сильным и смелым», — промелькнуло в мозгах.

В девятом классе мама неожиданно подарила мне на день рождения малый аккордеон.

— Хватит брэнчать на гитаре. Если хочешь заниматься музыкой, вот тебе благородный инструмент. Учись, играй, может меньше по улице шастать будешь.

Материнская интуиция не обманула. Незаметно аккордеон завладел всем моим свободным от уроков временем. Самоучитель, затем кружок во дворце культуры, потом игра в заводском оркестре. Я научился разговаривать с инструментом, доверяя ему свои самые сокровенные тайны, а он отвечал мне душевной музыкой, которая вначале робко, а затем всё уверенней и уверенней убеждала меня, что мир устроен не только на силе и храбрости. Уличные бои остались в прошлом. Мать не могла нарадоваться, гордилась перед соседками.

— Мой -то вчера на свадьбе играл. Хвалят его все. Говорят, что ему надо серьёзно музыкой заниматься, в музучилище поступать. А какое училище, когда через полгода в армию. Да и с судимостью, наверное, не примут.

— Точно, не примут, — соглашались кумушки, — пушай пока играет, отслужит, а там видно будет.

На призывной пункт инструмент я взял с собой.

— Это что за балалайка, — возмутился старшина, — кто позволил?

— Это аккордеон, а не балалайка, товарищ старшина, инструмент...

— Отставить! Смирно! Не положено. Вернуть провожающим.

Мимо проходил полковник.

— Старшина, в чём дело?

Тот вытянулся в струнку.

— Аккордеон, товарищ полковник, нарушают...

— Я вижу, что не рояль. А ну-ка, нарушитель, сыграй нам «Прощанье славянки». Сможешь?

— Ударника бы...!

— Ну вот, может быть, тебе ещё оркестр в сопровождение надо. Если можешь — играй!!

Звуки марша быстро привлекли внимание и вокруг нас стали собираться призывники.

Наградой мне были несмелые аплодисменты.

— Что так скромно? Не понравилось? — спросил полковник.

— Понравилось, здорово, молодец, — слышалось из толпы.

— Ну вот видишь, старшина, понравилось, а ты — не положено. Запиши его вместе с аккордеоном в мою команду.

— Есть, товарищ полковник, записать... Повезло тебе, — обратился он ко мне. — Это же Герой России.

Так я оказался в Афганистане. Злую шутку сыграл со мной мой музыкальный друг. В учебном полку было хорошо. Больше играл, чем ходил в наряды, а когда нас бросили в дело, то к инструменту прикоснуться удавалось редко. Всё закончилось через полгода.

...Сознание вернулось только в Ташкенте, в госпитале, где я оказался после подрыва

на противопехотной mine. Нестерпимо болела правая стопа.

— Сестрица, укольчик бы, нога болит, сил нет!

— Нечему у тебя болеть — отозвался хмурый, замотанный в бинтах сосед справа.

— Как это нечему? Болит, — возразила и осёкся, почувствовав культяшки обеих бёдер. — Мне что, ноги отрезали!? — Заорал я. — Не хочу!

— Нечего там было отрезать, оторвало тебе ноги — сказала сестра, делая обезболивающий укол — денька два полежишь, а там в Ленинград отправят, долечиваться.

Два дня я молчал, отвернувшись к стене. Ничего не ел, пил только минералку. Воспалённое сознание пульсировало одним вопросом. Как жить? Как жить?

Окружающий мир погрузился во мрак, и только боль в несуществующей ноге иногда возвращала в реальность. Картины из прошлого бередили память, безжалостно напоминая о потерянных ногах. ...Вспомнился вальс на выпускном балу с рыжей девятиклассницей, за который вручили приз...

— ...Молодцы! Не устали, ноги не болят?

— Болят! Укольчик бы!

Тренер в секции бокса упрямо твердил одно и то же:

— Двигайся, двигайся, ноги нагружай, без крепких ног хорошего удара не будет... не будет, не будет, не будет, — стучало в виске...

Командир отделения, проверяя у всех обувь перед маршброском, учил новобранцев:

— Солдат с потёртыми ногами уже не боец, а одно недоразумение. Берегите ноги!

А я не уберёг, не уберёг... зачем жить... калека!

На третий день моей голодовки ко мне пришёл начальник госпиталя подполковник Костров.

— Ну что, герой! Поздравляю с орденом Красной Звезды! Что молчишь? Выжил, радоваться надо... Можно и без ног, у тебя же друг есть или прикажешь аккордеон здесь оставить. Думай, солдат, хорошо думай, матери напиши!

— Аккордеон, аккордеон, — пульсировало в голове. — Нет, его я не брошу...

В Ленинграде с протезами ничего не вышло. Слишком короткие культы бёдер не позволяли ими воспользоваться. Инвалидную коляску подарил военкомат. Писем домой не писал. Хотел на протезах вернуться — не получилось, а появиться в коляске... Однажды в палату пришёл начальник отделения.

— Сыграй что-нибудь, грустное, что ли...

— Что это, товарищ майор, вас на грусть потянуло?

— А ты, дурак, Емельян Фёдорович.

— Чево?

— Почему матери не писал?

— Не хотел расстраивать, у неё сердце слабое.

— Да, в этом ты прав... слабое.

— Вы-то откуда знаете?

Майор молча достал из кармана письмо и протянул мне.

— Твой отчим написал. Умерла мать — инфаркт, а тебя в Челябинске ждут домой, так что соберись, через день — выписка.

На вокзал меня проводила медсестра, помогла

устроиться, а у проводника нашлась водка. Дорога домой и стала началом первого запоя. В Челябинске с поезда меня сняла «скорая помощь» и доставила в токсикологическое отделение городской больницы. Откапали, подлечили. Там я узнал, что мать завещание оставила — двухкомнатную квартиру с мебелью. Она быстро опустела. Пенсии не хватало. Всё сжигала водка. Коротких периодов светлого сознания хватало только на новую закупку запасов алкоголя. Отчим уехал в другой город, моя пассия вышла замуж, и остался я один во всём белом свете. Перестал бриться, следить за собой. Квартира постепенно превратилась в ночлежку для каких-то случайных собутыльников. Как-то деньги закончились, и я стал искать, что ещё можно продать. Случайно в кладовке под ворохом рванья наткнулся на аккордеон. Тронул клавиши и вдруг в голове что-то произошло, словно свет включили в комнате.

— Господи, что же это я делаю? В кого превратился? Отец же предупреждал, что нельзя быть слабым, а я...

Весь день не выпускал инструмент из рук, вспоминали бесслёзно плакал. На душе становилось всё легче и легче. Пришла соседка.

— Душевно играешь, Емельян. Давай я у тебя порядок наведу, а ты играй, играй... С этого дня началось моё возвращение в жизнь. Я стал играть в переходе на центральной улице. Доход был неплохой, иногда даже столярник попадался. Особенно я любил импровизировать на какую-нибудь тему, чаще всего грустную. Аккордеон страдал вместе со мной...

Она походила на студентку. В очках. Всегда с папкой в руках. Белоснежная водолазка хорошо подчёркивала её почти идеальную фигуру, не гармонируя с дырявыми на коленях джинсами. Ярко рыжие волосы огненным потоком струились по плечам. На лице почти постоянно играла ироническая улыбка. Что-то далеко знакомое было в её облике, но эта мысль мелькнула и исчезла. Он не обратил бы на неё внимания, так как всегда старался не смотреть на людей, идущих мимо и даже не благодарил за подачки, но она проходила ежедневно и каждый раз останавливалась, слушала, потом что-нибудь опускала в чехол инструмента и уходила, иногда со слезами на глазах. Однажды вечером он увидел в чехле сотовый телефон с набранным каким-то номером. «Кто-то случайно выронил», — первое, что пришло в голову. Позвонил. Услышал женский голос.

— Алло!

— Здравствуйте, извините, вы не теряли сотовый телефон?

Большая пауза и затем тихо:

— Ну здравствуй, Емеля!

Он чуть не выронил трубку. Так его звали только в школе.

— Вы кто?

— Ты не помнишь меня... Вика я, Вика Лисицына, Виктория Константиновна, если тебе так удобнее, мы учились в одной школе, я классом ниже..., но это большой разговор, если

не возражаешь, давай сходим, ой, извини, ради бога, давай встретимся где-нибудь в парке и поговорим... Ну чего молчишь? Алло, алло!!

В памяти вспыхнула картина выпускного бала, дамский вальс и огненно-рыжая девчонка, пригласившая его. Проглотив ком в горле, он пересохшими губами прохрипел:

— Да-да, я слушаю, Вика... Вика Константиновна. Я не возражаю, если вы, если ты... в общем, по воскресеньям я играю до 16-00, приходите.

Всё воскресное утро не мог найти себе места.

— Чего я волнуюсь? Ну, девчонка из нашей школы, давно уже не девчонка... Пожалела!? Понравилась музыка?

Вопросы, вопросы. Но почему-то было чувство, что начинается новый жизненный этап. Или просто душа стосковалась по женскому вниманию. Играл он в тот день с особым удовольствием. И люди сразу это почувствовали. Останавливались. Слушали и улыбались. Иногда человек десять собиралось. Поят, посветлеют лицами, положат купюру и уходят по своим делам.

Она подошла незаметно и остановилась в створке, наслаждаясь его музыкой.

— Здравствуй, Емеля!

Он вздрогнул и перестал играть.

— Нет, нет, играй пожалуйста, я хочу послушать. Ты сегодня играешь как-то по другому.

— Как по другому? Я просто импровизирую.

— Ну, солнечно как-то, радостно, светло, что ли, и я бы сказала, даже озорно.

Прозвучали новые аккорды, его пальцы быстро пробежали по клавишам и остановились.

— Нет, не могу, когда вы... ты так смотришь.

— Как это — так? И перестань мне выкать, мы же почти одноклассники.

— Я не знаю. Ты смотришь...

— Влюблённо, — подсказала она. — Ладно, на сегодня хватит, поехали в парк, — тоном, не терпящим возражения, заявила Вика.

А он вдруг почувствовал радость от возможно сти подчиняться этому голосу. Только и сказал:

— Поехали.

Парк наслаждался бабьим летом. По-осеннему мягкое солнце искрилось в хвоинках задумчивых сосен. Бесстрашные, разбалованные угощениями белки шустро шмыгали по газонам, подбирая орешки, что вызывало у детей неподдельный восторг. Небольшие группы любителей водяных велосипедов нежились в прохладе каменных ломен, превратившихся в маленькие озёрки. Горожане, купаясь в прощальном тепле, пёстрым прогулочным потоком растеклись по аллеям парка. Детский городок звенел и смеялся, вливаясь в мажорную симфонию отдыхающих людей, посетивших различные аттракционы. Емельян, вернувшись в Челябинск, ни разу здесь не был. Он, как ребёнок, радовался прошмыгнувшей белке, праздничной толпе, осенним краскам окультуренного леса, шуршащим листьям и её голосу.

Она катала его и говорила, говорила не умоляя, словно боялась, что её оставят.

Виктория до третьего класса воспитывалась в детском доме, а потом жила с двоюродной

тёткой. Закончила институт, занимается небольшим бизнесом. Довольно успешно. Купила трёхкомнатную квартиру на пятом этаже. Была замужем. Разошлись. Детей нет. Он внимательно слушал, пытаясь понять, чем привлёк внимание этой красивой самостоятельной женщины.

— Ты хоть понимаешь, что у тебя талант композитора и аранжировщика?

— Так уж сразу и талант?

— Не спорь. У меня музыкальное образование, правда, только училище, но я в этом кое-что понимаю. Твои импровизации настолько необычные и оригинальные, что могли бы сделать честь любому музыканту. Ты их записываешь?

— Нет, но я их почти все помню, не до нотки, конечно, а так, основную тему.

— Это плохо. Я тебе помогу. Мы всё перенесём на бумагу, а потом я их покажу в институте культуры знакомому профессору.

— Зачем тебе это?

— Эх, Емеля, Емеля. Какой ты был в школе, таким и остался.

— Нет, — перебил он, — тогда я был на ногах.

— Не лви меня на слове, я о другом. Тогда ты не понял и сейчас не понимаешь или делаешь вид, что не понимаешь. Я же все эти годы любила тебя, и когда увидела в переходе поняла, что больше от тебя не отстану, — и совсем тихо добавила: — или прогонишь?

Его музыкальные пальцы накрыли, лежащие на ручках каталки её кисти, и совсем легонько сжали их.

— Ты где живёшь? Далеко?

— Нет. Две остановки.

— Тогда поехали, я хочу посмотреть...

— У меня там беспорядок.

— Ну, вот! Прибраться надо. Чего молчишь? Приглашай в гости, — сказала и остановилась, словно на стенку наткнулась.

— Ты не беспокойся, я не напрашиваюсь, если тебе неприятно, я сразу уйду. — Она вдруг закрыла лицо руками и заплакала. Всклипывая, открысто произнесла: — Вру! Никуда я от тебя не уйду! Ты теперь мой! Навсегда мой!

Емельян развернул коляску, обхватил Викторию за талию и уткнулся лицом ей в живот.

— Не надо, не плачь, мне хорошо, мне очень хорошо с тобой, но это так неожиданно и вообще... зачем я тебе такой?

— Не смей так говорить! Поехали. Сегодня ты узнаешь зачем, — и громко рассмеялась рассыпчатым звонким смехом.

Он с каждой минутой всё больше и больше оказывался во власти её голоса, слёз и смеха. Давно на душе не было так легко. По пути заехали в супермаркет «Карусель», купили шампанского и разных деликатесов. С забытой лихостью и щедростью музыкант наполнил корзину и, заметив её попытку приготовить деньги, резко остановил.

— А вот этого не надо! И на будущее, — смутившись, — я зарабатываю достаточно и ещё — военная пенсия, так-что угостить всегда смогу, и знай, я привык рассчитывать на себя.

— Хорошо, хорошо! Не ершишь!..

Уборкой и готовкой они занимались до вечера.

С каким-то напряжением изредка перебрасывались отдельными словами. Наконец Виктория накрыла стол.

— Прошу, мой дорогой человек.

Он взглянул на часы:

— Постой. Подожди пять минут. В это время у входных дверей звякнул звонок. — Кажется, и ждать не надо. Иди, открой.

Вика открыла дверь и замерла от неожиданности. Перед ней был букет роз в красивой упаковке.

— Виктория Константиновна Лисицына здесь проживает? Она оглянулась к Емельяну. — Это я...

— Значит это вам, получите и распишитесь.

Закрыла дверь, вошла в комнату и, прислонившись к косяку, прошептала:

— Спасибо, дорогой! Мне никто никогда не дарил цветы. Когда это ты успел?

Он, опираясь на руки, допрыгал до её ног, обнял их и выдохнул:

— Какая ты красивая! Только не исчезай, мне кажется, что я сплю.

— Не дождётся! Завтра я перееду сюда, а сейчас давай праздновать, — и взрыхлила ему причёску.

От этого движения горячая волна прокатилась по его телу, вспыхнув тупой болью в правой культе. Так частенько делала бабушка в далёком деревенском детстве, и он вдруг оказался в домике, где они жили до переезда в город. Увидел печку, вмазанный в неё бак и деда, совком досыпающего уголь. Домотканые половики и огромного сибирской породы кота, под ласковое мурлыканье которого любил засыпать. Это вспыхнувшее в нём давно угасшее ощущение детства принесло даже запахи. Пахло мамиными пасхальными куличами и плюшками, домашним квасом и бабушкиным винегретом — обязательным обеденным угощением. Видения были настолько чёткими, что он невольно встряхнул головой.

— Что-то не так? — встревожено спросила Вика.

Он поднял голову, улыбнулся и вновь спрятал лицо в её коленях, почувствовав укол совести: давно не был у стариков на кладбище.

— Всё так и даже больше, не знаю, как сказать...лучше сыграю.

Добрался до дивана, взял инструмент, на мгновение задумался и тронул клавиши. Не он играл, играла его душа, управляя ловкими пальцами. Музыка сомневалась, плакала и смеялась, уговаривала и возражала, с каждым аккордом заполняя комнату светящимся лёгким воздухом, от которого у находившихся в ней вырастали крылья.

...Свадьбы не было. Виктория настаивала на том, чтобы Емельян прекратил играть в переходе, но он уже не мог бросить это дело. Дарить людям радость стало его потребностью.

— Емеля! У меня же бизнес, хоть и небольшой, но нам средств хватит до старости. И вообще, как ты сыну объяснишь эту ситуацию?

— Какому сыну?

— Какому, какому... нашему! Готовься, папаша! От нахлынувшей радости исчезли слова, зато аккордеон запел торжественно и восхищённо.

— Ну что мне делать? Лежать на диване?

— Будешь играть в клубном оркестре, я договорюсь.

— Ты кого хочешь, уговоришь! Хорошо! Договаривайся, а пока я ещё на своём месте поиграю. Это же счастливый для нас с тобой переход.

Свою «двушку» он сдал в аренду и, уступая настойчивой просьбе Вики, переехал в её квартиру, где в одной из комнат оборудовали детскую.

Этот день был наполнен счастливыми заботами — покупками всего необходимого для малыша. Отправив Вику домой на такси, Емельян решил в последний раз поиграть для прохожих. Он исполнил свою любимую композицию, которую условно называл — «Радуга», и тут запиликал телефон. Звонила Виктория.

— Алло! Слушаю дорогая!

Трубка испуганным голосом Виктории прокричала:

— Емеля! Тут у нас... — возник какой-то шум, и вдруг мужской голос рывкнул:

— Молчи, сука!

Связь прервалась. Несколько раз повторив вызов и не получив ответа, Емельян рванул домой. Торопился. Выехав на проезжую часть улицы, чуть не попав под машину, упрямил таксиста и, уплатив двойную цену, быстро домчался домой. У дома таксист выгрузил из багажника коляску, помог Емельяну забраться. Да толку! Как назло, лифт не работал. Емельян бросил коляску на первом этаже, а сам, подтягиваясь на руках, больно ударяясь культами ног, срываясь и вновь устремляясь вверх, сдирая кожу на ладонях и от нетерпения кусая губы в кровь, он добрался до пятого этажа. Бесшумно открыв дверь в квартиру, он заглянул в комнату и, увидев Викторию привязанной к стулу с заклеенным скотчем ртом, на мгновение растерялся. Потом уже не таясь, рывком продвинулся внутрь. Какой-то громила складывал норковую шубу Вики в сумку. В голове Емельяна заиграла давно забытая музыка боя.

— Не спеши, положи всё на место! — уверенно произнёс он.

— О! Это что ещё за маленькое чудо в перьях!? Примолкни, а то я тебе ещё и руки повыдёргиваю.

Виктория громко что-то промычала, задёргалась пытаясь освободиться.

— Слышь! И тёлка твоя советует помалкивать. Я только её цацки да шубку прихватил. Наживёте ещё. — Грабитель прошмыгнул мимо него к выходу.

Ещё несколько секунд, и незнакомец скрылся бы за дверью, но у Емельяна была возможность его остановить. В роте его считали лучшим метателем ножей. Он схватил близко стоявшую вазу толстого чешского стекла и мощно метнул её в грабителя. Удар пришёлся в голову. Вор за смерть рухнул на спину...

Освободив Викторию, он сам вызвал полицию...

...Я всё рассказал вам честно, а теперь вы, уважаемые народные заседатели, решайте, как мне дальше жить. Мне, Виктории и всем, кого грабят ублюдки!

О святом праведном Симеоне Верхотурском (в сокращении)

ТЫ МНЕ ОТКРЫЛ СВЯТОЙ УРАЛ...

Как-то раз в храме я услышала проповедь священника, который говорил о том, что мы все родом из Евангелия. Если бы мы умели смотреть более внимательно, то увидели бы на каждой вещи, на каждом человеке, на всём — сияние благодати. Мы увидели бы невидимый мир гармонии и красоты, если бы умели выходить за пределы собственной ограниченности.

Это был день памяти праведного Симеона Верхотурского. Священник напомнил евангельскую заповедь: «Блаженны чистые сердцем», «только чистые сердцем узрят Бога».

Праведность святого Симеона заключалась в том, что он относился к своему образу жизни, к своей душе, как к святыне, пронизанной Божьим присутствием.

Когда я вышла из храма, во мне звучали слова проповеди о том, что каждый из нас может почувствовать свою свежесть, первозаданную красоту, чистоту, праведность, если заглянет в свою душу, куда Господь вложил свет Царства Божия. Но как увидеть это сокровище, когда внешний мир полон агрессии, жестокости, насилия? Ответ, наверное, в том, что в ряду событий, несущих зло и несправедливость, надо научиться прозревать, что зло погибнет в Боге, в Его благом промысле, в Его победе над грехом, в Его любви.

В моей жизни наступил период, когда я близко подошла к Богу. Наверное, потому, что и Он шёл ко мне. У меня появился цикл стихов, где я пыталась рассказать о том, что со мной происходит.

Своё счастье я беру из воздуха,
Из случайных радостей простых.
Я люблю того, кто любит Господа,
Кто светлей и строже остальных.
Из души идут слова воздушные,
Строго и светло как крестный ход.
Что не нужно Богу — то не нужно мне,
А что нужно — всё произойдёт!

И, наконец, произошло то, о чём так мечталось... По итогам областного конкурса меня наградили паломнической поездкой в святой город Верхотурье. Я представила на конкурс сценарий пьесы «Свет Рождества», которая была поставлена для детей воскресной школы Свято-Симеоновского Кафедрального Собора.

Настаёт день, когда мы уезжаем в Верхотурье, помолиться святым мощам праведного Симеона Верхотурского. Мне он представляется рыцарем веры, святым человеком, который

настолько полно жил в Боге, что не нуждался ни в чём земном. Вспоминаю своё стихотворение, которое я написала о рыцаре веры. Да, это о Симеоне Верхотурском, в житие которого так много кроется за простыми строчками! Это встреча с живой верой человека, из которого сияет свет вечности.

Я тоскую по рыцарю веры,
Отгоняющим холод и тьму,
Он идёт перед Господом первым,
И всегда будет верен Ему.
В темноте зажигает светильник,
Потому что владеет огнём,
Целомудренный, с Богом единый,
Благодатная радость о нём!
Исцеляет он чистой любовью,
Побеждает соблазн мятежа,
И приходит на землю, как воин,
Где вершина сраженья — душа.

За окном автобуса мелькают уральские города: Екатеринбург, Невьянск, Нижний Тагил... Дорога предстоит дальняя, среди густых таёжных лесов. Я представляю, как преодолевал эти расстояния пешком 4 века назад юноша Симеон, покинувший родные места, находящиеся где-то в центре России. Его родители были зажиточные люди, он мог прожить жизнь в роскоши и славе. Но он был их тех, кого Господь назвал «дети света». В глубине своего чистого сердца он услышал зов Господа. Он пошёл за Ним, как ещё один из Его апостолов, в край, где было язычество, идолопоклонство, чтобы принести туда веру Христову.

Он узнал, что именно в эти места Урала и Сибири последовали многие монахи, священники, чтобы просветить языческое население светом евангельских истин. Известно, что в 1604 году иеромонахом Ионой был основан мужской монастырь, а позднее архиепископ Киприан основал монастырское братство.

Рядом со мной в автобусе сидит девушка, мы разговорились, познакомились. Девушку зовут Лидия, она заканчивает среднюю школу и хочет поступить на философский факультет. Дело в том, что Лида увлекается восточными религиями, эзотерикой, её привлекает мистика, магические формулы. В Верхотурье Лида едет для того, чтобы глубже узнать православие, образ Симеона Верхотурского, надеясь с его духовной помощью разобраться с тем,

что у неё на душе. Где-то на подсознательном уровне она чувствует, что увлечение эзотерикой — это не её путь, но в этом она должна убедиться сама.

Я слушаю девушку, зная, дискуссия сейчас бесполезна. Ведь это Господь послал её к святому Симеону, и именно там откроется ей свет истины...

Когда автобус делает остановку в пути, Лида просит меня рассказать о святом Симеоне то, что мне известно. Из жития я знаю, что вначале юноша пришёл в город Верхотурье, но стремясь к уединению, молитве и служению Богу там, где он нужнее всего, он пошёл далее, вдоль реки Туры и пришёл в село Меркушино. Почти всё время он проводил в храме архангела Михаила, молился за каждого из сельчан, бескорыстно помогал им советами, делами, читал и пояснял Священное писание.

На пропитание Симеон зарабатывал тем, что летом ловил рыбу в реке Туре, а зимой шил шубы, обучившись портновскому мастерству. С особенной любовью он занимался этой работой для бедных людей, с которых

отказывался брать плату за труды. Для этого он зачастую уходил из дома, где работал, немного не дошив своего изделия, чтобы ему не платили деньгами. Он просил только краюху хлеба на пропитание. Ему нередко приходилось сносить за это насмешки и даже побои, но праведник переносил их терпеливо и со смирением.

Тут нас приглашают в автобус следовать дальше. Мы усаживаемся и замолкаем, каждый думает о своём. Ко мне приходят строки стихов, я записываю их в свой рабочий блокнот. А Лидии тоже нужно о многом подумать. Ей, наверное, кажется немного непривычным образ жизни Симеона: его бескорыстие, смирение, терпение, его полнота жизни в Боге, которая позволяла ему не нуждаться ни в чём земном. Почему? — спрашивает Лидия — почему он был таким?

Потому что он не искал ни в ком выгоды, благодарности, земной почести, ничего, кроме чудесного, данного Богом случая — сделать добро человеку, которого сотворил Господь, быть на его пути посланцем благодати Божией...

ВЕРХОТУРЬЕ

Наш автобус подъезжает к древнему граду Верхотурье. Над рекой, как большая белая птица, раскинувшая свои крылья, парят и сияют монастыри и храмы. Возле Свято-Николаевского мужского монастыря стоит золотой Собор святой Троицы. Далее находится Свято-Покровский женский монастырь, куда нашу паломническую группу определяют на ночлег.

Мы входим на территорию женского монастыря и замираем перед храмовым образом Покрова Пресвятой Богородицы. Её Покров, который она держит в руках, плотный, и в то же время воздушный, светящийся. Каждый из нас чувствует его защиту, материнское благословение, ласку.

Не о подвигах, не о храбрости,
О смирении помолюсь,
Богородице, Дево, радуйся,
Твой покров защищает Русь!

Матушка-настоятельница угощает нас в трапезной, а затем, в храме, мы участвуем в церковной службе вместе с монахинями. Какие из них чудесные, ангельские голоса, как радостно и благоговейно поют они Богородичную молитву! После службы мы подходим к чудотворному образу Пресвятой Богородицы «Умиление». Очи Богородицы прикрыты, но существует поверье, что Она откроет Свой взор человеку чистому, безгрешному, праведнику... Возможно, такому, как святой Симеоне.

Мне так хочется воспеть этот чудесный образ, и кажется, её ангельское сердце посылает мне строки:

Вижу икону Твою — «Умиление»,
Вышитый бархат, жемчужный узор,

Очи прикрыты. Но в них откровение:
Чистым и кротким откроешь свой взор!

Поздним вечером, в своих кельях, мы готовимся к завтрашнему утреннему Богослужению, которое состоится в мужском монастыре. Там, в пышно убранной раке хранятся святые мощи Симеона Верхотурского. Каждый из нас с особой теплотой читает молитвы и каноны, ведь наша исповедь и причастие произойдёт возле величайшей святыни!

Ещё только начинает светать, а мы уже отправляемся помолиться у мощей преподобного Симеона. Вместе с нами молятся монахи монастыря, мы читаем Акафист святому, поём Величание!

Перед исповедью нам открывают мощи святого. У многих на глазах слёзы, потому что каждый из нас чувствует рядом с собой дух праведника. Наша молитва сливается с молитвой, которую возносит за нас перед Богом святой Симеон.

В храм пришли мои сёстры и братья,
Симеону любовь принесли,
Этот храм освящён благодатью,
Где Господь пребывает внутри.
Наши души — Господние зёрна
Прорастают в Его небеса...
Мои слёзы, вблизи Симеона,
Душу вымыли, словно роса.

На исповеди я чувствую, что исповедуюсь не только священнику, но и самому Господу, ощущаю поддержку святого Симеона, его молитвенную помощь. Стараюсь не забыть ни один свой грех, а душа плачет... Как все мы несовершенны, как мало в нас чистоты, что носил в себе праведник.

Передо мной только что исповедалась Лидия, на глазах её тоже слёзы... Я вижу, что это слёзы

очищения и радости. Мне кажется, она рассказала священнику о своих духовных исканиях, и получила от него и от Симеонушки ласковое откровение о том, как нужна человеку православная вера, сколько в ней радости, мудрости, истинного преображения души. Монахи вносят чашу с причастием святых Животворящих Тайн. Каждый из нас подходит к чаше, ощущая свершение великого таинства, произносит своё имя и принимает в своё существо благодать Святого Духа. Я наблюдаю за Лидией. Это первое её причастие, и то, что происходит сейчас в её душе, можно назвать сотворением нового мира, где сияет свет Господа, Его любовь, чистота и праведность. Это чувство приобщения к благу свету ощущает каждый из нас. Это самый чудесный и щедрый дар, существующий на свете. Христос дарит нам Самого Себя!

По окончании службы мы с Лидией выходим на монастырское подворье. В руках у неё я вижу две небольшие иконы: Святой Богородицы и праведного Симеона. Лидия признаётся мне, что в храме дух святого коснулся её мыслей и чувств и дал понять, что жизнь христианина должна быть постоянным вниманием к самому себе, потому что каждую минуту невидимые враги и наши греховные помыслы готовы поглотить нас, увести от Бога, завести в тупик. Лидия приняла эту истину, ощутила её важность для себя. Она должна более внимательно относиться к своему жизненному выбору... Я рада за неё и уверена, что Господь ей откроет многое, как новоначалайной верующей. А пока девушка хочет рассказать мне свой сон, приснившийся ей ночью. И хотя мы с ней не особо верим в сны, но Лида уверена, что он имеет свой духовный смысл, ведь в нём присутствует Симеоне.

Во сне она увидела древний город, посреди площади шумела ярмарка, где торговали алым кумачом, мёдом, соболем, лисой. Где-то невдалеке девушки в вышитых сарафанах, в лентах и венках из цветов завели хоровод. В это время мимо проходил молодой человек, Лидия узнала его. Это был Симеоне. Девушки сомкнулись вокруг него и пытались закружить весёлым танцем. Но юноша оставался неподвижным, он держал в руках небольшую икону Богородицы и совершал крестное знамение. Вдруг одна из девушек сорвала с головы венок и с улыбкой бросила его к ногам Симеоне. Это был жест внимания, она выделяла его из толпы и ждала ответного движения. Неожиданно Лидии показалось, что этой девушкой была она сама. Это именно она хотела веселья, внимания, она хотела закружиться так, чтобы потерять голову от лёгкой победы. Симеон же поднял венок из цветов, подошёл к ней, поклонился и назвал Сестрой. Лидия

поняла, что он имел ввиду — она была его сестрой во Христе.

Юноша протянул ей икону Богородицы, помолился и отдал вместе с венком. Затем образ Симеона исчез, а она осталась наедине с чистым, прекрасным образом Богородицы. Лидия замолчала и вопросительно взглянула на меня. Что я могла сказать?

Несомненно, сон имеет судьбоносное значение для девушки, и навечно он самим Господом, ведь Лидия не случайно поехала к христианским святыням. Возможно, в этой картинке из прошлого, Лидии было зашифровано послание для её души через святой образ Симеона, некий ответ на её вопросы, предвидение её будущего...

Тогда я ещё не знала, что пребывание Лидии в святых местах, прикосновение к духовным подвигам истинных подвижников православия, окажет большое влияние на девушку и во многом определит её судьбу.

Забегая немного вперёд, скажу, что после нашей поездки Лида часто посещала храмы, исповедовалась, причащалась. Она сумела совершить свой выбор, и в будущем поступила в Духовную семинарию на регентское отделение в городе Екатеринбурге. В одном из посланий мне она написала, что живёт полной, счастливой жизнью, возглавляет хор в одном из храмов. Не забывает она и праведного Симеона, молится ему за свою семью и детей, и когда позволяют обстоятельства, совершает паломнические поездки в Верхотурье.

Я очень рада, что так замечательно сложилась жизнь молодой девушки. Она, как и Симеон когда-то, тоже совершает своё служение Господу, жертвуя развлечениями, удовольствиями, внешней стороной жизни.

И когда пришло время серьёзно работать над книгой о Верхотурье, я описала сон Лидии, и тот венок из цветов, который сам по себе был невинен... Но в руках девушки он стал означать желание обладать другим человеком, приобрести власть над ним. И как чудесно, деликатно, мягко, смиренно отреагировал на это Симеон.

В том венке увидел он — не венок,
Венец!
Поклонился в пояс ей
И назвал Сестрой...
Видел в каждой девушке
Дар, что дал Отец:
Очи Богородицы,
Чистый лик святой.

Это была та самая высота отношений, которую праведный Симеон до сих пор дарит каждому, кто общается через молитву с его духом.

СВЯТЫЕ МЕСТА СЕЛА МЕРКУШИНО

На следующий день наша группа паломников встречается с настоятелем мужского монастыря отцом Филиппом. Он благословляет нас на поездку в село Меркушино, где есть много памятных мест и храмов, связанных с праведным

Симеоне. Мы с Лидией немного задерживаемся. Я дарю ему свои книги «Свет Рождества», «Яблочный Спас», «Преображённый мир» и другие, и прошу его благословить меня написать произведение о святом Симеоне и о святынях

Верхотурья. Отец Филипп благословляет меня, но берёт обещание приехать сюда, когда книга выйдет и подарить часть тиража монастырю. Я с радостью соглашаюсь, ведь где же и быть этой книге, как не здесь?

Я отхожу в сторону, а Лидия задаёт свои вопросы настоятелю. Я не знаю, о чём идёт их разговор, но по взволнованному виду девушки я предполагаю, что спрашивает она о чём-то важном для неё.

Мы едем в Меркушино, которое находится в 60 км. от Верхотурья. Стоит золотая, багряная осень. Наш автобус останавливается в заветном месте реки Туры, у камня, где Симеон любил ловить рыбу. Теперь в этом месте установлен Поклонный Крест. Мы с молитвой подходим к благодатному месту, находим высокую ель, где он молился, разговаривал с Богом, ловил рыбу, всегда ровно столько, сколько нужно на пропитание... А я, как всегда, ухожу в сторону и быстро набрасываю несколько строк о Симеоне:

Находил он высокую ель,
Трогал небом укрытые ветки
И, вдыхая еловый елей,
Постигал, как она боголепна!
Замирал над глубокой Турой
Так молитвенно,
Как у распятия...
Ель ему вышивала иглой
Сотворённое вечностью платье!

Меня вдруг осеняет мысль, что Симеон тоже, как и апостолы Христа, был рыбаком, любил Спасителя такой же горячей любовью, совершал жертвенное служение во славу Божию. Как и апостолы, он не имел своего пристанища, проповедовал Слово Господа, исцелял людей молитвой.

Мир видимый и невидимый становятся единым целым. Времени как будто нет, праведный Симеон жив, он смотрит сейчас, как я мысленно пишу эти стихи на водах реки Туры, над которой он так часто склонялся. В мире, где существует такая праведность и святость, всё возможно. Мне хочется верить, что стихи эти когда-нибудь достигнут его вселенской волны.

Наконец, мы приезжаем в Меркушино. В облаках показался просвет в форме солнечного креста. Это святой Симеон встречает нас, благословляя небесным крестом. Мы подходим к древним храмам Меркушино. Один из них построен в честь Архистратига Божия Михаила, а другой — в честь святого Симеона, над алтарём которого находится гробница праведника с целебным источником. Здесь было первое, древнее захоронение мощей Симеона, а когда проявилась исцеляющая сила его мощей, они были перенесены в монастырь Верхотурья. Священник, сопровождающий нашу группу, рассказал нам, что гроб с телом умершего Симеона стал выходить из земли. И сколько бы его не закапывали, он поднимался на поверхность снова и снова. А затем начались чудеса исцеления больных у его гроба. Конечно,

всё это происходило по благому промыслу Бога, Который прославил Симеона, как святого, за его праведность и чистоту душевную. По просьбе паломников в 1704 году мощи святого были перенесены в Верхотурье и помещены в Николаевский храм на территории мужского монастыря.

Здесь же, в Меркушено, были обретены нетленные мощи Константина Богоявленского. Молодой священник, не желающий покориться безбожной власти, был расстрелян в 1918 году. В 2002 году святой Константин был канонизирован в лике новомучеников Российских. У его мощей также совершаются телесные и духовные исцеления паломников.

Необычное чудо произошло при перенесении мощей праведного Симеона. Блаженный Косма Верхотурский, страдающий болезнью ног, взмолился святому Симеону «Брате, Симеоне, давай отдохнём!» Дух Симеоне, находящийся на небесах, услышал эту молитву, и, как всегда, его первым движением было сочувствие, любовь. Дорога от Меркушино до Верхотурья была неблизкая, а рака с мощами святого тяжела. И пока немощный Косма отдыхал, раку никто не мог сдвинуть с места. В дальнейшем, Симеон, по своей молитве к Богу, совершил чудо исцеления, и болезнь ног у Космы прошла. В честь этого события на месте остановки раки теперь расположен скит.

Вот как богата духовная история этого сурового величественного края... Это святая земля церквей, монастырей, истинно верующих людей!

В благодатных храмах села Меркушино мы провели почти целый день, читали Акафисты, молились иконам святых. Я представляла, как приходил сюда праведный Симеон, как молился Господу в храме архангела Михаила... Мы набрали из святого источника праведного Симеона целебной воды, поблагодарили его за духовные дары. Я смотрю на чистый родник со святой водой, и мне кажется, что он тоже может перемещаться, подниматься вместе с духом Симеона, чтобы исцелить тех, кто не в состоянии сам прийти сюда...

Когда мы вышли из храма, осенний лес вдаль был похож на яркий, трепещущий парус. Этот долгожданно-алый парус как будто мчался вдоль реки Туры, увлекая нас туда, где доступно постижение воли Божией, где протекающая по Уралу и Сибири река — это река Бога, и мы купаемся в Его любви. Ключик святой воды Симеона как будто повернулся во времени и открыл мне благодатную сторону жизни, напомнил божественным знанием о том, что всегда были, есть и всегда будут праведные люди. Это наши светильники, наши ориентиры в земной жизни.

Северным ветром укрытые склоны,
Мрамор священной плиты...
Сердцу откроет любовь Симеоне
Ключик прозрачной воды!

Высокие дома в Меркушино — старинные, крепкие, основательные. Вокруг

храмов — необозримые дали с золотыми, багряными, розовыми осенними деревьями. Я заметила, что некоторые из них внутри уже пожелтели, а по бокам ещё колышется зелень листьев. Дерево становится похожим на солнечный фонарик. Кажется, сам праведный Симеон зажигает эти солнечные огни, чтобы осветить наш дальнейший путь. Я прощаюсь с этим замечательным, благодатным местом стихами:

Люди и храмы старинные
Миру несут благодать,
Чтобы смиренное, смиренное
С миром — другим передать!

С этой смиренной благодатью каждый мой новый день принесёт мне свет новых возможностей, новых связей с людьми. Я стану внимательнее относиться к новым ощущениям, краскам, запахам. В душу Господь вольёт родниковый свет, и я узнаю, что в творчестве каждое слово должно обнимать другие слова так, чтобы они стали единым целым. Я больше не испугаюсь испытывать боль, страдание, потому что боль — это тоже Его прикосновение. Я жива и счастлива оттого, что ко мне прикасается Господь. В такие минуты ко мне приходит Его Слово, Его ветер я чувствую под своими крыльями. Ветер Господа моего.

Наш автобус отправляется в обратный путь, в город Верхотурье. По приезде мы ещё раз причастились у святых мощей праведного Симеона. Я в молитве к нему прошу о помощи

исцеления моей болезни в ногах. Эта телесная боль уже давно мучает меня, я вспоминаю, как было послано исцеление немощному Косме, который также страдал этой болезнью. Я верю, что праведный Симеон поможет мне.

Священник благословляет нас крестом, и в конце службы нам дано святое помазание маслом от лампадки у святых мощей Симеона.

Нас провожает и благословляет в обратный путь настоятель, отец Филипп. Мы уже подкрепились в трапезной, и на обратном пути заезжаем на речку Актай к святому источнику и к храму Богородицы «Живоносный источник». Пока мы в пути, у меня рождаются новые строки о Симеоне.

Я знаю, ты был добр и ласков,
В душе носил ты Божий храм,
И радовался дням ненастным,
И радовался светлым дням.
Любимый брат единокровный,
Ты мне открыл святой Урал!
Своей душой неповреждённой
Весь мир ты в целое собрал.

И действительно, Господь Вседержитель и небесный покровитель уральской и сибирской земли святой Симеоне Верхотурский открыли мне дорогие моему сердцу духовные ценности. В этой поездке я узнала и полюбила святой Урал, его природу, его людей, его святые места.

Олег КУДЗОВ

Очерк

АХТЫРСКАЯ ИКОНА БОЖЬЕЙ МАТЕРИ

Эта статья посвящена истории одной из известнейших икон в Российской империи — чудотворной Ахтырской иконе Божьей матери, появившейся (найденной, «явленной») в 1739 году в г. Ахтырка Харьковской губернии на Украине, входившей тогда территориально в пределы России. В религиозной литературе она упоминается, описывается и репродуцируется во множестве изданий. Как о феномене религиозного живописного искусства о ней писали и всероссийски известные искусствоведы (к примеру Г.К. Лукомский), и местные краеведы по многим регионам нашей страны... Здесь сделаем отступление, чтобы сказать доброе слово об одном таком краеведе-патриоте из того же города Ахтырка (ныне уже Сумской области), который много лет преданно и по своей личной инициативе занимался выяснением весьма запутанной истории бытования и служения в этом мире Ахтырской иконы Божьей матери (АИБМ). Его имя — Анатолий Алексеевич Залавский (1946–2009).

Случилось так, что мы с ним познакомились заочно по выступлениям в печати, посвящённым именно истории АИБМ. А. Залавского очень удивило и привлекло, что кто-то и на Урале пишет об иконе с украинской Ахтырки... Так я неожиданно, через редакцию челябинской газеты «Танкоград», где была опубликована моя небольшая статья об этой иконе, получил первое письмо от А. Залавского. Удивительного же в моём обращении к истории этой иконы ничего нет: Ахтырка — моя малая родина, место рождения, о чём сделана и запись в гражданском паспорте, история же знаменитой иконы — в сфере моих интересов как историка искусства... К сожалению, мы с А. Залавским обменялись всего какой-то парой писем: жизнь его оборвалась неожиданно в творческой работе за столом. Он собирался написать книгу по истории Ахтырской иконы Божьей матери, но Судьба этого сделать не дала. Был он поэтом, композитором, автором замечательных песен (патриотических

и лирических), десятки лет работал педагогом. Отец его, в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., офицер и защитник великой своей родины СССР, учился и воспитывался в известном Ахтырском детском городке для детей-сирот и беспризорников, основанном после революции и Гражданской войны в комплексе Свято-Троицкого мужского монастыря на горе Ахтыр, вознёсшейся у одного из изгибов красавицы-реки Ворсклы. Педагогической деятельности по сельским школам в Ахтырском районе посвятила свою жизнь и мать краеведа... Даже по краткой переписке мне удалось почувствовать огромную преданность А. А. Залавского культуре своего родного края. В этой статье, посвящённой истории ахтырской иконы, я в соответствующих местах сошлюсь и на некоторые версии и мнения этого краеведа по истории АИБМ, что будет данью уважения к его деятельности. Далее перейдём непосредственно к истории иконы.

* * *

Датой «явления» (т. е. находки, обретения и начала службы на благо прихожан) иконы считается 1739 год. Но, разумеется, это вовсе не дата написания иконы. Точно установить такую дату уже, видимо, невозможно. Икона могла быть написана неизвестным нам иконописцем и ранее 1739 года: и на несколько лет, и на сотню, и более того... Однако во всех справочниках и в различной религиозной литературе датой «явления» (находки) АИБМ значится 1739 год. Икона была найдена священником о. Василием Даниловым, настоятелем Покровской церкви в г. Ахтырке Харьковской губернии при коше-нии им сена в своём огороде. Такова наиболее часто приводимая в печатных источниках версия «явления» иконы... Здесь мы приведём два уточнения, относящиеся к истории АИБМ, которые сообщал в письме ко мне А. Залавский. Первое уточнение касается имени священника. Икону нашёл не о. Василий Данилов, а Даниил Васильевич Полянский. Второе уточнение (версия) относится к месту находки иконы: это не г. Ахтырка, а село Лантратовка недалеко от Ахтырки, где жил священник, поэтому и фамилия священника встречается в варианте не «Полянский», а «Лантратов». В этой версии есть обоснование для её анализа желающими посвятить себя этому.

* * *

Ценнейшим печатным историческим документом, сохранившим сведения о том, какой была внешне «явленная» в 1739 г. Ахтырская икона Божьей матери, кто её курировал из сильных мира сего, оформлял ризу и проч., является книга протоиерея Покровского соборного храма в г. Ахтырке Игнатия Клементьева. Её точные выходные данные, авторство и название: Клементьев И. «История Ахтырской чудотворной иконы Божией матери и соборного Покровского храма, где она ныне находится». Книга издавалась трижды: два раза в Харькове (1862, 1903) и однажды в Санкт-Петербурге (1879). Наибольший интерес представляют издания 1879 и 1903 годов, т. к. в них

есть изображения (репродукции) исторического оригинала АИБМ.

В издании 1879 г. И. Клементьев так описывает изображение Богоматери на иконе: «Икона сия письма древнерусского. На ней Матерь Божия изображена стоящею [выделение курсивом моё.— О.К.] на Голгофе с непокрытою главою, ниспадающими на плечи волосами, согбенными к груди руками,— с прискорбием и горестию взирающею на крест и распятого на нём возлюбленного Сына Своего Господа нашего Иисуса Христа...» (с. 2). Здесь необходимо уточнение. «Стоящею» она только подразумевается, т. е. пришедшей на Голгофу к кресту с распятым на нём своим сыном. Но стоящей фигуры здесь нет, изображение Марии погрудное... Далее И. Клементьев характеризует стиль живописного изображения: «Икона сия письма древнерусского». С этим тоже согласиться нельзя. Лица на древнерусских иконах очень жёстки, схематичны: по характеру изображения глаз, очертаний лица, складок в древних иконах можно атрибутировать (предположить) авторство мастера-живописца, его школу, направление... В Ахтырской же иконе Богоматери лицо Марии в живописном плане прописано тщательно, ровно, скрупулёзно, т. е. в высшей степени реалистично. Именно реалистичный метод изображения образа Богоматери в миниатюрной по размеру ахтырской иконе поражает великой эмоциональной силой воздействия на взорающего на неё верующего. Трудно найти среди прочих икон РПЦ с образом Богоматери такой же глубоко психологический образ, с таким же лицом, поражающим запечатлённой на нём силой страдания, выраженной в глазах, мимике лица, во внутреннем состоянии Богоматери. В этой маленькой изумительной иконе — глубокая правда жизни, в прочих — предписанная иконографическими установками для соблюдения схема изображения... У известного русского писателя В. В. Вересаева, служившего земским врачом в провинции, есть удивительное сообщение о том, что в среде дореволюционной интеллигенции шли жаркие споры о том, какая из икон лучше: Ахтырской или Казанской Богоматери (см. повесть писателя «Без дороги», 1894). Здесь может несколько удивить сопоставление миниатюрной по размеру Ахтырской иконы Божьей матери и более крупной Казанской. Этому могут быть два объяснения: большое количество списков (вариантов) АИБМ, множивших её известность, и второе, о чём уже говорилось, необыкновенная сила самого образа в этой иконе.

Поскольку слава о чудотворных свойствах Ахтырской иконы Божьей матери стала широко распространяться уже при священнике Д. В. Полянском (Лантратове?) и происходило это в период царствования дочери Петра I Елизаветы Петровны, то императрица, наслышанная о чудесных свойствах иконы, посетила в 1744 г. с графиней М. Шуваловой г. Ахтырку, молилась в Покровской церкви на икону, считая сам факт появления её здесь знаком проявления милости божией к её царской власти...

А после того, как в 1751 году Святейший Синод постановил за очевидные и доказанные многими свидетелями под присягой случаи исцеления «святую оную икону почитать за «чудотворную», Елизавета Петровна повелела 26 апреля 1753 года придворному архитектору Бартоломео Растрелли составить проект специального храма для города Ахтырки, в котором главной святыней должна стать явленная здесь в 1739 г. икона. Сама царица внесла в фонд строительства собора из своих личных средств 2000 рублей серебром.

Храм вступил в строй в 1768 г., уже после смерти Елизаветы Петровны. Что касается авторства в проекте Покровского собора в Ахтырке, то здесь до сих пор есть разночтения. Например, в изданной ещё до революции многотомной «Истории русского искусства» под редакцией академика И. Э. Грабаря предполагалось, что автором проекта собора в Ахтырке был Бартоломео Растрелли (проектант и Зимнего Дворца в Петербурге), но вот в статье главного гранителя Сумского областного художественного музея им. Н. Х. Онацкого Н. Юрченко, посвящённой истории АИБМ, вначале указывается, что сама царица Елизавета Петровна державно повелевает в 1753 г. «сочинить» план Покровского собора для г. Ахтырки архитектору Бартоломео Растрелли, а далее утверждается, что собор был сооружён по проекту арх. Д. В. Ухтомского. Если сама царица заказала проект храма арх. Растрелли, то почему его «подменил» (очевидно ещё при жизни царицы) Ухтомский? Читателей нужно отсылать к каким-то печатным источникам или сослаться на чьё-то заслуживающее внимания мнение... Н. С. Юрченко сообщает интересную версию о том, что в Ахтырку икона была завезена венгерскими гусарами, — это по одной из искусствоведческих научных версий, но откуда взята версия, кто её породил, на основании чего, тоже, к сожалению, не указывает.

В петербургском издании книги И. Клементьева 1879 года содержится репродукция исторического первоисточника (вида) Ахтырской иконы Божьей матери в золочёной ризе чеканочной работы, и очевидно этому изображению Богородицы следует доверять. Правда, репродукция иконы сделана в технике гравюры, т. е. перед нами как бы гравюра, а не живописное изображение в мягких тональных градациях, порождаемых кистью живописца... Но тут надо иметь в виду, что в последней трети XIX века техника печатной репродукции не была на том же уровне, что и в веке XX: для массовых тиражей печатных изданий наиболее всего подходила именно техника гравюры, и для возможности репродуцировать изображение АИБМ в печати, приглашался художник, переводивший живописный оригинал в рисунок, а затем на его основе делалась гравюра оригинала на твёрдом металле. Такая «доска» служила в полиграфии той поры долго и качественно. Имея ввиду этот технологический «секрет» и можно утверждать, что в названной книге И. Клементьева приводится исторически

достоверное изображение первоисточника (а не какого-либо списка, варианта) АИБМ. Такой именно и была на внешний вид утерянная в дальнейшем Ахтырская икона Божьей матери, которую сам И. Клементьев ежедневно видел в Покровском соборе в городе Ахтырке. По моей просьбе сотрудники Российской госбиблиотеки в Москве (б. «Ленинки») прислали репродукцию АИБМ в ризе из петербургского издания книги И. Клементьева, за что хочется выразить им великую благодарность. В этой книге содержится и ценнейшее детальное описание художественного оформления ризы: «Риза эта, по проектированному рисунку, в 1865–1871 годах отчеканена московским фабрикантом Д. Н. Орловым [ошибка: Д. И. Орловым. — О. К.], и через посредство торгового в Харькове дома Н. Д. Шатунова и Д. Т. Губенко, украшена бриллиантами московским же ювелиром И. Д. Чечелевым [Чичелёвым? — О. К.] — из двух старых золотых риз, из коих одна доставлена была из С.-Петербурга ещё в 1760 году придворным протоиереем Гиневским, имя жертвователя которой он не объяснил, а другая пожертвована в 1816 году графиню Анною Родионовною Чернышёвою. На украшение новой ризы употреблены бриллиантовые звезда и крест ордена Св. Екатерины — дар той же графини, а равно золото и бриллианты, одновременно пожертвованные для той же цели другими благотворителями Собора. Вновь устроенная риза имеет 7 вершков длиной и 6 вершков шириной, и на украшение её употреблено 2250 бриллиантов, весом 195 ХА карат, и 1088 роз, весит она 5 фунтов 39 золотников, и вместе с бриллиантами оценена в 30000 рублей серебром. К ризе принадлежат серебряный золочёный ковчег с вензелевым изображением, на оборотной стороне, имени Божией Матери, в котором помещается св. икона Ея. Составляя, в целом и в своих частях, строгое гармоническое единство, риза эта, по чистоте, тонкости и изяществу отделки, и по эстетическому вкусу в расположении и укреплении бриллиантов, представляет одно из лучших художественных произведений современного чеканного и ювелирного искусства. Для осмотра, она ювелиром Чечелевым была поднесена Государыне Императрице Марии Александровне и Ея Августейшим детям 28 ноября 1871 года, на станции Серпухов, во время следования Ея Величества из Крыма в С.-Петербург; и Ея Величество изволила лестно отозваться об исполнении и отделке всего украшения» (И. Клементьев. История Ахтырской чудотворной иконы Божией матери и соборного Покровского храма, где она ныне находится. — С. — Пб, 1879, с. 87–88). Приведём здесь и биографические справки на людей, имевших непосредственное отношение к оформлению Ахтырской иконы Божьей матери для интерьера Покровского собора:

Дмитрий Иванович Орлов — владелец московской фабрики, специализировавшейся на изготовлении церковной утвари из серебра. Фабрика Д. Орлова, стремясь к совершенствованию выпускаемой продукции, сотрудничала

с профессиональными художниками: рисовальщиком П.И. Балашовым и мастером миниатюрного скульптурного рельефа Н. А. Блистановым. Вполне закономерно предположить участие этих художников в изготовлении ризы к Ахтырской иконе Божьей матери (на ней апостолы и другие библейские персонажи).

Иван Дмитриевич Чечелев (Чичелёв) — один из выдающихся мастеров российского ювелирного искусства второй половины 19 века. Автор золотых изделий с бриллиантами, жемчугом, сапфиром, рубином, другими драгоценными камнями и эмалью. Участник Всемирных выставок 1862 г. (Лондон), 1867 г. (Париж), 1873 г. (Вена), 1876 г. (Филадельфия). Придворный поставщик Российского Императорского Двора, короля Италии Виктора Эммануила, австрийского императора Франца-Иосифа II, Купец 2-й гильдии, кавалер ордена Святого Владимира 3-й степени.

* * *

История краж и исчезновения иконы. Датой первой кражи АИБМ называется в литературе 1903 год, когда Икона, якобы была отправлена на реставрацию в Петербург. На самом деле, этой кражи никогда не было и быть не могло, т.к. икона в Петербург не отправлялась... Первое действительное исчезновение иконы из Покровского собора произошло 1 апреля 1905 года. А. Залавский сообщил мне в письме (не называя источника этой информации), что кража была своеобразной: с иконы сняли ризу с укреплёнными на ней драгоценностями, а живописное изображение Богородицы, совсем не нужное ворами, было оставлено в одном из домов, строящихся на прилегающей к Покровскому собору территории... В ознаменование чудесного спасения иконы, как святыни, 14 августа 1905 года перед иконой был отслужен благодарственный молебен (информация о том помещена в харьковской газете «Южный край» от 30 августа 1905 года).

Икона продолжала находиться в интерьере собора и участвовать в церковных службах до времени революции и Гражданской войны, когда и исчезла навсегда из пределов Российской империи. То есть, это примерно 1918–1921 годы. Есть несколько версий о направлениях исчезновения иконы: через Китай в Америку, в Австралию, через Европу в Америку и др. Удивительно, что до сих пор никакими стараниями шустрых журналистов и ни из каких «углов» мира ни разу не была опубликована в печати репродукция увезённой за границу иконы. Это позволило бы сравнить её с той, что воспроизводится в книге И. Клементьева. Все заинтересованные в прояснении вопроса или бы убедились, что это одна и та же икона, или бы отринули версию о нахождении иконы где-то за границей... Добавлю ещё и свою, может быть очень смелую версию: у иконы может оказаться и очень страшная и прозаичная судьба: она находится в пределах Украины, в какой-либо украинской хате в каком-либо селе... Что тут нереального, фантастического?

* * *

Немного о вариантах (списках) АИБМ в мире. Вариантов (списков) Ахтырской иконы Божьей матери существует множество. Традиция «множить» ту или иную популярную икону существует с древности, причём иконописцы здесь абсолютно вольны в трактовке образа и не обозначают ни даты своей работы, ни своего имени. Так списков АИБМ существует множество как на Украине, так и в России: в Подмосковье, Москве, на Урале, в Сибири... На всех на них стоит одна и та же дата «1739» — время явления иконы, и не обозначена никогда дата написания иконописцем именно этого варианта иконы... Здесь настоятельно необходима оговорка, что по своей значимости никакие копии (списки, варианты) не могут быть сопоставимы с историческим первоисточником: это национальная святыня. Также, как, например, никакие копии не могут сопоставляться с «Джокондой» Л. да Винчи, «Рождением Венеры» С. Боттичелли или даже «Герникой» П. Пикассо, иначе мы будем сознательно узаконивать профанацию. Первоосновы икон обрели свою известность, легендарную славу благодаря тому, что они участвовали в каких-то великих общественных событиях («Казанская икона Богородицы» участвовала в походе на Казань, «Ахтырская» же известна многими приписываемыми ей исцелениями людей от различных болезней и т.д.). Однако списки (варианты) известных икон тоже могут быть по-своему интересны, как своей исторической «службой» в мире, так и гармоническим совершенством живописно-колористического и композиционного строя, дороговизной и красотой риз, окладов. К числу таких произведений (списков) относилась икона в церкви с. Иваны Валковского уезда Харьковской губернии. Её упоминает известный искусствовед Г.К. Луковский, проезжавший до революции 1917 г. по тем местам и сделавший описание тамошних достопримечательностей. Икона тоже не сохранилась, направление её пропажи неизвестно. Осталась печатная репродукция ризы этой иконы, которая в художественном отношении также совершенна, отмечена тонкостью работы её автора, мастера-чеканщика. Икона Богородицы в храме с. Иваны была приобретена Шидловскими, известными помещиками и служивыми людьми у представителей графского рода Подгоричан — Петровичей, выходцев из Далмации, генералов на службе российскому Престолу.

К числу интереснейших списков Ахтырской иконы Божьей матери необходимо отнести экземпляр, хранящийся в фондах Челябинского государственного музея изобразительных искусств. В этой иконе чрезвычайно неожидан монголоидный облик Богородицы. Эта женщина, безвольно, из азиатских пространств: черты её лица, разрез глаз — азиатского оттенка. Икона была приобретена у челябинского

коллекционера О.П. Малахова в 1987 г., который, в свою очередь, приобрёл её несколькими годами ранее «где-то в Сибири», но дать точные географические координаты, к сожалению, не может. В 1992 г. икона реставрировалась мастером В.П. Кочневым: были укреплены левкасный слой (грунт), поправлены шелушения темперной живописи. По мнению специалистов, в частности заведующей отделом древнерусского искусства Иркутского художественного музея Т. А. Крючковой, эта икона могла быть написана в среде крещёных бурят. Поразительно в челябинской иконе полное совпадение её размеров с историческим оригиналом АИБМ, находившимся в Покровском соборе г. Ахтырки — 6×7 вершков. Откуда и каким образом это совпадение могло возникнуть? До появления книги И. Клементьева об Ахтырской иконе Божьей матери размеры творения нигде не указывались. Если местный иконописец отталкивался от описания оригинала в книге, то можно

предположить временем создания челябинского списка иконы последнюю треть 19 века. В другом случае можно не отвергать версию, что икону мог написать художник-миссионер, добравшийся сюда с Украины, совершавший паломничество в Сибирь с целью обращения бурятов, хакасов и других народностей Сибири в христианскую веру... В этом случае икона по времени создания может быть много старше.

Заканчивая настоящую статью скажем, что несмотря на некоторый спад в распространении АИБМ ныне по России, она, тем не менее, является одной из наиболее, так сказать, «российских». Это подтверждают и широчайшие границы её распространения по территории России, и тот факт, что исторический оригинал образа Богородицы (т. е. икона «явленная») около полутора веков был увенчан на ризе точной копией короны Елизаветы Петровны — великой дочери великого царя России Петра I.

Это достоверный исторический факт.

Вера КИСЕЛЁВА

25.02.1940 – 24.03.2006

Киселёва (Фомина) Вера Николаевна родилась в деревне Давыдовке Глядянского района Курганской области. Окончила Челябинский машиностроительный техникум (1961), Литературный институт им. А.М. Горького (1976). В 1959–1966 годах работала техником-испытателем на опытном заводе ЧТЗ, в 1966–1976 годах в редакции детских и молодёжных программ Челябинской студии телевидения вела цикл телепередач «Мир твоих увлечений», писала сценарии для кукольных телеспектаклей, в 1977–1978 годах трудилась библиотекарем Дома советской науки в Варшаве, в 1978–1997 годах была заведующей сектором научно-технической информации и пропаганды НИИОГР. С 1998 года — литературный консультант.

Член СП России. Стихи публиковались в журналах «Урал», «Уральская новь», «Новый мир», в еженедельнике «Литературная Россия» и др.

Автор четырёх книг стихотворений. Последняя книга — «Полотно» (Челябинск, 2002; 500 экз.).

* * *

Меня накрыла осень полотном.
И эти складки плотной пустоты
Вначале обозначат, а потом
Сотрут мои мгновенные черты.
2000

* * *

Скоро кончится оно,
Этой жизни полотно:
Пряжа, нитки, узелки,
Снег курчавый, точно Пушкин,
Натали с фальшивой мушкой,
И стихи, стихи, стихи...
2001

ТОПРАК

Чуждое, тюркское слово - топрак -
Вдруг возникает знакомо для слуха,
Эхом доносится русское - прах.
И иссушённая солнцем старуха
Вечности пересыпает песок,
В мареве брезжит табун многоногий,
Пыль оседает на вялый висок,
Взгляд то спокойный, то жуткий, то строгий.
Плен и чуму насылает Восток,
Мудрость веков и отраду забвенья,
И охраняет старухин зрачок
Смерти фигуры и позы рожденья.
Старая будет доить кобылиц,
Полог небесный натянут над юртой,
Рядом праправнук - глазаст, смуглолиц,
Он наклоняется к ящерке юркой.
Кружит над степью орёл високо,
Всё замирает - и время, и звуки,
Вымя сжимают стемневшие руки,
Белое льётся в сосуд молоко...
1998

* * *

Там, за спиной, в мутной воде каменный град.
Это Челяба заgrimирована под Петроград.

Отражены в мутной воде стынувших рек
Улица, ночь, сто фонарей, двести аптек.

Ветром осенним, что ли, сюда нас занесло?
Я не припомню, что за эпоха, что за число.

Здесь над ребёнком песню поёт странная мать.
Песня знакома, только слова - не разобрать.

Ночь виртуальна, и нереален солнечный свет.
Души умерших образовали свой Internet:

Бродят, дурёхи, по проводам вечного сна,
Будто дорога очень знакома им и ясна.

На пустырях песню поёт шорох песка.
Пуля летит, как астронавт, в космос виска,

И освещает тёмную ночь яркая боль...
Голая степь, голый дворец, голый король.
2000

* * *

В саду метель шипит во тьме,
Грань меж землёй и небом руша,
И не по пояс, а по душу
Заносит нас. И слышно мне,
Как с високосной высоты,
Перекрывая вой метели,
Уже почти что долетели
Ко мне клавиры немоты.
В них несгибаемая мощь
И тишина такого ада,
Что над землей не ночь, а ночь,
И нам уже нельзя помочь
Внутри заснеженного сада.
2000

* * *

И душу, и зренье промыла гроза.
 В цветке на газоне искрится слеза.
 Серьезный ребенок по луже идёт.
 Огромный над ним и под ним небосвод.
 Торчат через мятую майку лопатки,
 Но это не будущих крыльев зачатки,
 А место, где эти кривые крыла
 Могли появиться, да жизнь не дала...
 Глядят удивлённо деревья и зданья.
 Как маленький мальчик внутри мирозданья
 Нелепое, в общем-то, сделал движенье,
 На грудь наступив своему отраженью...
 2001

* * *

Наступив своему отраженью на грудь,
 Я по луже весенней продолжила путь.

У меня за спиной без мучения
 Захлебнулось мое отражение.

* * *

Голая степь, голый дворец, голый король,
 Голая тьма, голый февраль, голая соль -
 Кто нас учил из-под руки долго смотреть,
 Как к нам ползёт целую жизнь голая смерть?
 2000

* * *

Я любила как хотела.
 Я гуляла в платье белом.
 Я жила в своей стране.
 Между прочим, между делом
 Вспоминайте обо мне.

Геннадий СУЗДАЛЕВ

1939–2015

На Русской Страже

Кто-то из древних философов, кажется, Платон либо Пифагор, заметил, что поэт не выдумывает принципиально ничего нового — его гениальность совершенно иного свойства, и заключается она в отзывчивости к музыке Божественных сфер, позволяющих ему, поэту, уловить и передать на земном языке их предвечную гармонию. Думая о стихах Геннадия Матвеевича, прежде всего хочется отметить их (и его самого) какую-то извечную РУССКОСТЬ, изначальную сопряженность со всем гармоническим русским ладом, его тихой гармонией, исповедальностью, душевностью и — в конечном итоге — постоянной оглядкой на то Слово, Евангельский Логос, что определяет само существо нашей словесности.

Осознание этой неразрывной связи, во-первых, со всем Русским Миром, а во-вторых, с духовной стихией русского Православия определило итоги творческого пути поэта Геннадия Суздалева:

Когда надоела
 До слёз суета,
 В военное детство вернулся.
 Упал на колени.
 Увидел Христа...
 И дьявольский круг
 Разомкнулся.

Сегодня, когда Геннадия Матвеевича нет рядом с нами, мы можем говорить о том, что его имя в истории русской словесности по праву должно быть вписано в славную когорту, которая уже включает в себя имена Николая Рубцова, Алексея Прасолова, Владимира Фирсова, Юрия Кузнецова, Николая Тряпкина — тех поэтов, которых можно без преувеличения назвать истинными выразителями духа народа, золотыми звеньями той Традиции, которая не может прерваться и должна продолжиться до скончания веков:

...Я хочу, чтобы внуки впитали
 Моё русское верное слово.

Юрий ПОПОВ

РУССКОЕ СЛОВО

Дал нам русское слово Господь
Для познания Истины вечной,
Для смирения личных свобод,
Для писаний простых и сердечных.

Люди шли по дорогам кривым,
А куда и зачем — позабыли.

Было слово когда-то живым —
Атеисты его умертвили.

Верным Слову, духовно своим —
И благая, и многая лета...

Сделать русское слово живым —
Это главное дело поэта.

ПРАВОСЛАВНЫЕ КНИГИ

Как Небесную ограду,
Не причастная тщете,
Мать хранила эту радость
В беспросветной нищете.

Всё наглее злые силы,
Дел заплочных мастера...
Бесы грабили Россию
В прошлом веке и вчера.

Словоблудие — в законе,
Олигархи — на слуху.

Люди тянутся к мамоне —
К самодельному греху.

Просвещения основа
Не забудется в умах.
Золотые слитки слова —
У народа в закромах.

Через узы и вериги,
Через всякое враньё
Я несу святые книги —
Всё наследие моё.

В НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

Буря бы грянула, что ли...
Н. А. Некрасов

Не красит Некрасова это:
Накаркал беду на Россию.
Зловещее слово поэта
Имеет огромную силу.

А кто не хотел этой бури? —
От разных чинов и до Блока:
Хватало классической дури
У тех, кто остался без Бога.

И грянула буря в полнеба,
И хлынула кровушка морем...
И кто призывал её слепо,
Умылись и кровью, и горем.

Уселись бесовские силы
На троне двадцатого века.

И стала голгофой Россия
Для русского человека.

Темно в авангарде идущим,
И страшно в былое смотрящим...
Спасёмся ли в веке грядущем?..
Покаявшись, Бога обрящем.

Над Суздалем снег мимолётный.
За Суздалем — русское поле
И сумрак, холодный и плотный.
А дальше — пространство слепое.

Но, как показала эпоха,
Что стало козе даже ясно:
Скотиной в России быть плохо,
Быть русским в России — опасно.

ЧУЖОГО ГОРЯ НЕ БЫВАЕТ

Чужого горя не бывает
Для тех, кто праведно живёт.
Народ мой русский убывает
Из года в год, из года в год.

Чужой отчизны не бывает,
И покупного торжества.
Чужому хору подпеваает
Иван, не помнящий родства.

И фу-ты ну-ты, лапти гнуты —
Уже до правды не дойти.
Свои-чужие баламуты
Нам перепутали пути.

Пророчит власть златые горы
В необозримом далеке...
Краснеет яблоко раздора
У внука малого в руке.

О ВЕЧНОМ

Непостижима бесконечность, Животворящий Божий свет. Живу, заглядывая в вечность. И оттого покоя нет.	А что придумают потомки К исходу крестного пути?
Я, грешный, думаю нередко О том, что истина проста. О чём мечтали мои предки До воскресения Христа?	Добро над бездною повисло. А зло берёт над миром власть. Как мало слов! Как много смысла В текущей жизни через нас. И всё трудней моя дорога Среди непознанных святынь.
Когда рассеются потёмки Моей вчерашней суеты?	Свою судьбу доверил Богу. И вразумляюся. Аминь.

ПРАЗДНИК

Какая пьянящая небыль Незримо присутствует тут. Стою под безоблачным небом И вижу, как вишни цветут.	Презревший любую карьеру, Подвластный мирской суете, Стяжаю надежду и веру, Любовь к неземной красоте.
Весна вне людского закона Пришла и ко мне наяву. В краю колокольного звона Под Вечным Покровом живу.	Всё кажется сказочно странным В начале обычного дня, Где яркие рюмки тюльпанов Наполнили светом меня.

ЛИЦЕМЕРЫ

Мысль изречённая есть ложь...
Фёдор Тютчев

Скрываясь
За масками меры,
Двойные стандарты
Творим.
По сути, мы все
Лицемеры:
Что чаем,
Не всё говорим.
Внимаем —
Что скажет поклонник
И что прощечечет
Молва.
Забыли?
«Покой» и «покойник» —
По смыслу
Родные слова.
В угоду
Лукавому слогу,
По нраву
Раба и главы,
На «ты»
Обращаемся к Богу,
А к людям ничтожным —
На «вы».

Владимир Познер подверг сомнению известное стихотворение Фёдора Тютчева...

НЕПОВТОРИМАЯ СТРАНА

Эссе

«Что же это за удивительная страна Россия? О ней написаны тысячи томов друзьями и недругами, русскими и иностранцами, учёными-историками и литераторами, но до сих пор никто не сумел ответить на вопрос, звучащий между строк знаменитого четверостишья великого русского поэта Фёдора Ивановича Тютчева. Почему «умом Россию не понять»? Что за особенная статья у неё, из-за которой нельзя понять Россию? И что значит — верить в неё? Воистину, гений может задать вопрос, ответ на который потомки будут искать в течение веков, так и не поняв до конца, нашли его или нет. «Русскую особенную статью подчёркивали такие нравственные антиподы, как Сталин и академик Лихачёв. В чём предпосылки этого поэтического феномена?»

Россия — единственная страна в мире, которая никогда не была оккупирована с потерей своей государственности. Попытки были: крестоносцы, татаро-монголы, французы, гитлеровцы... Порой большая часть страны оказывалась под пятой захватчиков, но как былинный богатырь, вставал многонациональный народ России, расправлял могучие плечи и сметал с родной земли иноземную нечисть.. Недаром в мире сложилось представление, что Россия медленно разгоняется, но если помчалась — её не остановить. Так случилось и в 1812-м, и в 1940-х годах. Не сумел Наполеон, не смогли и фашисты понять особенности русского духа, увидеть основу странного, с их точки зрения, массового героизма, с которым им пришлось столкнуться с первых дней агрессии. По большому счёту, гитлеровцы потерпели поражение уже в 1941 году, когда провалился их «блицкриг». Не подошёл ни французский аршин, ни немецкий к измерению русского предела. Не дано было понять фашистам высочайший патриотизм русских, в том числе бывших участников белого движения, среди которых были выдающиеся представители: С. В. Рахманинов, А. И. Бунин, Ф. И. Шаляпин, А. И. Деникин и другие. Раскулаченные, загнанные в колхозы крестьяне, семьи репрессированных граждан в 1936–1937 годах, бывшие офицеры царской армии за небольшим исключением встали на защиту обидевшей их Родины. Загадочная русская душа позвала их. Когда страна в опасности, все личные обиды и претензии уходят, остаются любовь к родной земле и долг защитить её от непрошенных алчных гостей. В то же время россияне всегда отличались милосердием и состраданием — даже к побеждённому врагу. Если

Наполеон* сжёг Москву, то русские, взяв Париж, сохранили все его красоты. Русских военнопленных фашисты расстреливали, морили голодом в концентрационных лагерях, а немецкие офицеры в плену носили знаки отличия и получали денежное довольствие; пленных солдат нередко кормили лучше, чем питались советские граждане в разрушенных городах и сёлах.

Пытаясь понять российский менталитет, нельзя забывать, что Россия, благодаря заботам прогрессивных царей, с конца шестнадцатого века стала самым большим по площади государством, с несметными ресурсами и природными богатствами. Черты народного характера в течение веков на 90 процентов складывались как факторы приспособления к природным условиям с суровым климатом. Андрей Паршев в своей книге «Почему Россия не Америка» пишет: «Из двухсот стран мира по суровости климата с нами может сравниться только Монголия. В Улан-Баторе в среднем холоднее, чем на прибрежных научных станциях Антарктиды». Просторы российских полей, лучшие в мире чернозёмы, огромная сеть естественных дорог — могучих рек, бескрайние разливы тайги, богатейший животный мир не могли не оказать влияния на широту загадочной русской души. А с другой стороны, такие государственные владения постоянно порождали зависть у иноземцев и желание отхватить лакомый кусочек. Россияне всегда держали «ушки на макушке» и были вынуждены непрестанно заботиться о своих боевых дружинах. Сформировавшаяся сверхдержава с выходом в Чёрное, Балтийское, Баренцево моря, в Северный Ледовитый и Тихий океаны взрастила в россиянах закономерную и обоснованную гордость за свою страну. Мало того, России исторической судьбой было суждено занять срединное положение между Востоком и Западом. Развитие стран на суперконтиненте Евразия очень серьёзно зависело от России, от её благополучия и возможностей. Именно она заслонила Европу от татаро-монгольских полчищ; именно она сумела разгромить и обескровить 600-тысячную французскую армию Наполеона; именно она спасла мир от коричневой чумы немецкого фашизма и она же соединила торговыми путями Азию с Европой. И сегодня только Россия — настоящий гарант успеха

* Если быть точным, надо отметить, что Москву сожгли сами россияне.— Ред.

в борьбе с терроризмом. Невольно обретёшь особенную статью, пройдя через горнила таких испытаний. Так распорядилась матушка-история судьбой России, что она стала для Запада и головной болью, и неразгаданной тайной, и, может быть, единственной силой, способной удерживать мир от ядерной катастрофы.

«Умом Россию не понять?» — действительно, не понять. Это же надо было умудриться на семь десятилетий стать заложницей «Интернационала» — партийного гимна, который написал француз Эжен Потье. «Весь мир насилья мы разрушим до ОСНОВАНЬЯ, а затем мы наш, мы новый мир построим...» Вот с того времени мы и живём как загипнотизированные, казалось бы, правильными словами. Строим новую жизнь только после полной разрухи! Разрушили всё во время Великой Октябрьской революции, потом — при раскулачивании... А что такое, если не разрушение, выселение татар из Крыма? А чем была Перестройка во времена Горбачёва?

Но оказалось, нельзя окрашивать действительность только одной краской — белой или чёрной; и вообще, красок у жизни намного больше. Простая до примитива мысль: оставь, не трогай, не уничтожай всё хорошее (оно всегда есть — только в разном количестве и в разном качестве)! Убери негатив, а на базе остального строй своё будущее. Так нет же! Рушить, так рушить! Просто психоз какой-то. Где ещё такое найдёшь? Я, по крайней мере, не знаю.

А вот китайцы после ужасов культурной революции сообразили, поняли совершенную ошибку и не стали уничтожать социализм, оставили его преимущества, внедрили в него законы рыночной экономики, и мир получил «китайское чудо»! А почему не состоялось российское? Сложный вопрос. Вроетно, однозначного ответа не существует. Слишком много исторически намешано в русском характере, который так и не перестаёт удивлять всё человечество. Мир уже решил в 1990-е годы, что Россия рухнула, потеряла всю свою мощь, и в который раз ошибся. «В Россию можно только верить...» И кто верил, оказался прав! Мы вышли из мрака 1990–1991 годов, поднялись с колен, возродили заводы, возродили и сделали сильнейшей в мире армию, показали всем, что Россия была, есть и будет великой державой, что она способна исправить свои ошибки, в том числе и роспуск СССР. Мы уже сейчас видим, как евразийский маятник начинает отклоняться в сторону единения. Союзное государство России с Беларусью, пусть пока номинальное, но это шаг в верном направлении. Набирающее силу и международное влияние ШОС, нарастающая тяга бывших советских республик к рублю, к взаимной торговле, к тесному взаимодействию с Россией — всё это ростки предстоящей интеграции. Так что не стоит подыскивать для России общеизвестный аршин, чтобы понять её сущность, надо просто любить широкую русскую душу, верить в неё, верить в Россию. Она ещё никогда никого не подводила.

Михаил РУДКОВСКИЙ

ЦЫПЛЯТ ПО ОСЕНИ СЧИТАЮТ

Эссе

В русском языке есть огромное количество поговорок. И все к случаю. Захочешь вспомнить специально — не вспомнишь, а к случаю, пожалуйста. Сами высказывают.

Вчера моя взрослая дочь учила внучку шить. Взялись за платье для куклы. Понятное дело, пять лет Тонечке, так что наша красавица иголку в руках держит еще неуверенно.

Прошили строчку, неровно, — приходится распарывать. «Шей да пори, не будет простой поры». Комментирует ее мама.

Обе они, и мама, кандидат наук, гуманитарий, и дочка, с врожденным интересом к языку, так и сыплют пословицами.

— Говорила я тебе, «семь раз отмерь, один отрежь».

— Но я же не резала, а просто шила!

— Так пословица не про ножницы, а про то, что надо хорошо всё продумать, промерить, а потом делать. Всего касается, и шитья, и строительства, чего угодно...

— Я устала, но знаю, «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда»... — И девочка, высунув язык, старается, шьёт.

Сколько потом радости, когда заяц примерил

новую одежду, да с пояском! Любимый заяц, старший из большой заячьей семьи.

Пословицы оказываются к месту и за столом, когда тарелка опустела:

— Хороша кашка, да мала чашка.

И когда мы уже собрались выходить на улицу погулять или по делам, а малышка ещё возит-ся с сапожками, идёт в ход другая пословица:

— Семеро одного не ждут.

Или ещё. Малышку заплетают и нечаянно сделали ей больно, потянув за запутавшиеся волосики, тогда приговаривают:

— Терпи казак, атаманом будешь... Или другое: «Расти, коса, до пояса...»

Оказывается, почти всё в будничной жизни русского человека сопровождалось когда-то остроумными выверенными афористичными фразами.

И позднее, на прогулке, мама с дочкой начинают играть в пословицы, кто больше вспомнит. Вот только несколько из самых популярных в нашей семье:

- у семерых няnek дитя без глазу;
- один с сошкой, семеро с ложкой;

- всем сёстрам по серьгам;
- мал золотник да дорог;
- хоть горшком назови, да в огонь не ставь;
- кто копейку не бережёт, сам ломаного гроша не стоит...

За этой пословицей последовало ещё несколько таких, которые человек может сказать другому, только чтобы его побольнее задеть... Мама объяснила дочке, что это пословицы злые, их знать надо, но употреблять осторожно, если уж очень тебя обидят.

Характерно, что подобного рода оскорбительные пословицы бытуют именно в русских семьях. В еврейских, например, ребёнку никогда не скажут ничего подобного. Там дитятко — всегда самый лучший на свете... А у нас запросто унижить более слабого, и ребёнка, и женщину:

- нос на семерых рос, одному достался;
- красива, как свинья сива;
- курица — не птица, баба — не человек;
- мать-кармать, полгроша дать, дороже не стоит;
- не вздыхай тяжело, не отдадим далеко, хоть за курицу, да на свою улицу...

Понятно, что родились эти пословицы не на пустом месте. При крепостном праве, например, при переписи населения женщин и девочек даже в счёт не брали. Веками униженные мужчины, сами крепостные, отводили душу, показывали свой норов и характер и утверждались за счёт младших, отсюда и жесткость некоторых пословиц. В нашей семье передаётся история о том, как после свадьбы сына свекровка сожгла в печи все шляпки молодой невестки. Чтоб отныне в платках ходила... Времена изменились. Сегодня из сокровищницы русского языка нам надо черпать тоже осторожно и с умом, чтоб кого не обидеть ненароком. Но сколько же здесь собрано истинных алмазов, которые не теряют своего блеска от времени, в этой копилке народной речи!

Слушая игры в пословицы моих дорогих дочери и внучки в пословицы, я подумала о том, как мало и редко в последние годы я встречаю эти маленькие бриллианты народной мудрости и остроумия в повседневной речи.

Я уже не говорю о радио и телевидении, откуда на головы бедных слушателей и зрителей падает такая жгучая смесь казённости и американизмов, что диву даёшься!

В нашем российском обществе неустанно трудятся *IT-специалисты и дилеры, аквизиторы и джобберы, девелоперы и дистрибьютеры...*

Я уже не говорю о менеджерах, которые заняли все этажи социальной лестницы снизу и доверху.

Но и на самом-самом верху тоже самое...

Приходится только удивляться, каким чиновникам пришло в голову назвать руководителя города мэром? Всегда были управляющие, городничие, городские головы, председатели, в конце концов, столоначальники... Но мэры!?

А департаменты вместо факультетов в университетах? А введение разделения на бакалавров

и магистров? Это зачем? Чтобы спустить наше отличное высшее образование на более низкую ступень? Уменьшить число высокообразованных людей в нашем обществе, и так задавленным ложными ценностями потребительского общества?!

Или посмотрите на среднюю школу. ЕГЭ вызывает негативные эмоции и у подростков, и у учителей. Почему? Да потому, что с помощью ЕГЭ невозможно реально оценить знания школьников, наши дети мыслят нестандартно. Оцифровать русского человека с его бесчисленными пословицами и поговорками невозможно.

Помните, «умом Россию не понять»... Прав был поэт и провидец Фёдор Тютчев.

Но очень-очень стараются перекроить души русских людей — россиян — разного рода западные пастыри, западные зазывалы и продажные СМИ.

У нас как бы рынок, значит, всё на продажу: нефть и леса, земли и заводы, железные дороги — и совесть! И русскую речь туда же! Кругом же менеджеры сидят!

Продаётся всё, что покупается! Рынок! А у нас не всё продаётся. У нас и пословицы есть: «За морем телушка полушка, да рубль перевоз!»

Все уже давно слышали о планах США в отношении России, которая как кость во рту торчит у Штатов! Однако близок локоток, да не укусишь! Господам с Уолл-Стрита совершенно невыгодно усиление нашей державы. Россия с её самобытностью, с её пространствами, которые и выковали русский характер, никак не вписывается в рамки западных стандартов. Они уж и карту издали, где показали, на какие семь штатов они бы разделили Сибирь, если бы их мечты осуществились... Как говорится, *вольному воля, а дорога мирская...* Печатают доллары, и карту напечатай какую хошь!

И помнить бы не грех особо ретивым мечтателям, что у нас «вежливые люди» есть. Наблюдают до поры до времени.

И всё же юношам и девушкам, не в меру увлечённым западными приоритетами, следовало бы задуматься. Каковы их истинные ценности?! Не потеряют ли они в погоне за внешним лоском и финансовым успехом нечто гораздо более ценное? Душу, например. Друзей. Родину. Родной язык.

На днях встретила с подругой моей юности. Делимся событиями жизни. Говорим, разумеется, и о детях. Она в печали. Единственный сын с семьёй перебрался в маленькое княжество в Европе. Торгует мазутом. Мазут в России. В княжестве — офис и бумаги.

— *Наверное, теперь они и не вернуться...*

А у неё в родне — поколения православных священников и преподавателей высшей школы... Почему же сын предпочел западный сервис и финансовую стабильность? Как говорят в России, *глупа та птица, которой гнездо своё не мило.*

Это пример не единичный. Мой однокурсник, в прошлом редактор областной партийной газеты, и теперь ещё работающей в российском

издании патриотической направленности, в нашем телефонном разговоре сказал как-то вскользь, что дети и внуки его давно в европах... А мы помним пословицу: *куда ни иди, везде одно и то же солнце светит*.

Если спуститься на родную землю, поговорить с жителями Челябинска, то мы найдём немало примеров, когда люди работают успешно и никуда не рвутся, потому что хорошо знают пословицу: *где родился, там и пригодился*.

Оглянемся, пройдем по улицам. Мат традиционный вы услышите, конечно. А вот надписи во круг всё больше на английском!

Что банки, что кафе и магазины... И вышколенные мальчики и девочки в каком-нибудь «Билайне» (перевод на русский — «кратчайшая воздушная линия») улыбаются совершенно по-западному...

И песни по радио тоже все как-то не по-русски звучат. Так что одна из челябинских писательниц однажды сказала: «Просыпаюсь утром и думаю, неужели я в другую страну переехала?» Для нас, людей, работающих со словом, физически больно, когда в русскую речь прокрадывается очередной неуклюжий джоббер или

майнстрим... Стоим на рубеже, на страже русской самобытности и красоты великого выразительного, яркого, гибкого, звонкого родного языка. Работа наша такая — защищать этот рубеж. А слова-уродцы так и ползут, так и ползут...

И всё же, я думаю, отчаиваться не стоит. Россия ещё не то видала, не то перемолола... И татаро-монголы гуляли. И французы пытались захаживать, и немцы, и шведы... Выстояла. Стоит уже более тысячи лет, и ещё простоит. И будет звучать в веках прекрасный русский язык, воспетый и прозаиком Иваном Тургеневым, и поэтом Анной Ахматовой...

А какие яркие пословицы сложены народом о своей стране, о родной стороне!

- *За морем веселье, да чужое, а у нас горе, да своё;*
- *родная земля и во сне снится;*
- *русский в словах горд, в делах твёрд;*
- *велика святорусская земля, а везде солнышко.*

А уж Южный Урал наш — поистине солнечная земля. И вспомним пословицу, что *не всегда же ненастье, проглянет и красно солнышко*. Ждём.

Галина ФЁДОРОВА-КОСАРЕВА

ПРАВО НА НЕНАВИСТЬ?

Заметки о войне

Мои родители войну не помнят: отец родился в сорок первом, мама — в сорок втором. Они не помнят, каково было быть ребёнком в годы войны. Но голод сорок шестого года оставил в их детской памяти страшный отпечаток. До сих пор во время лесных прогулок они могут прочитать целую лекцию о том, что в лесу можно найти съедобное. И ведь помнят, какую часть растения можно есть, а что нельзя брать в рот. По такому поводу могут рассказать, как собирали на опустевших колхозных полях мёрзлую картошку или даже перезимовавшую и как делали из неё «тошнотики». Сохранились фотографии того времени; меня поражают худые лица детей и взрослых, огромные глаза... И улыбки! От счастья, что всё страшное закончилось, а впереди — лучшая, потому что мирная, жизнь...

Некоторые мои родственники воевали, но они никогда не рассказывали о войне, во всяком случае я не слышал. Даже награды свои военные они отдали детям на игрушки. Поэтому первые мои впечатления о войне сложились из фильмов. И своих детских рисунках с домиком, ромашками и улыбающимися человечками появлялся танк, а по синему небу с улыбающимся солнышком летел самолёт. Звёздочки на танках и самолётах меня научил рисовать отец. Какие-то разговоры о войне возникали, но скорее назидательные. Родители объяснили, что наша страна воевала не с немцами, а с фашистами.

Мальчишки играли в войну. Мы бегали с палками вместо автоматов и пулемётов и стреляли в кого-то воображаемого: никому не хотелось играть в войну на стороне фашистов.

Детство сменилось отрочеством, потом была юность... И сейчас понимаю, что тема войны всегда была актуальной; она никогда не исчезала. Появлялись новые фильмы, новые книги, появилась традиция проводить выступления ветеранов. Такая была атмосфера, в которой мы росли и жили. Я думаю, что у всех, родившихся после, были примерно одинаковые представления о войне. Мы благородно ненавидели фашизм.

Никогда не забуду неожиданного впечатления от одной давней встречи в мою бытность курсантом киевского военного училища. Год то ли 1987-й, то ли 1988-й. В майские праздники я гулял по городу в компании с сокурсником. Одеты мы были в «гражданку», дабы не провоцировать многочисленных военных патрулей. Зашли в обычную столовую пообедать — взяли по порции пельменей и присели за столик около окна.

— Вы курсанты? — спросил нас худощавый старик; он тоже сидел с пельменями у соседнего столика.

Как он догадался, кто мы? Впрочем, нетрудно было сделать вывод. Тогда молодёжь ходила больше с длинными волосами, а у нас причёски были короткие. Да и говор мог подсказать, ведь он слышал наш разговор.

Старик оказался безногим инвалидом: к стенке рядом были прислонены костыли..

Завязался разговор, в котором мы больше поддакивали да вежливо кивали головой, чем говорили. Рассказывал он. Фронтовик. Ногу потерял на войне, которая, по сути, сломала ему судьбу, и даже спустя сорок с лишним лет он словно заново переживал горькие страницы своей биографии.

— В кино и книгах о войне не так рассказывается,— ошарашил он нас и поведал о первом бое: «Мы сначала прямо в окопах своих сволочей кончили, а потом пошли в атаку. После боя осталось от роты несколько рядовых и сержант. Офицеры погибли все. Сержанту присвоили лейтенанта, выжившие рядовые стали сержантами, дали нам пополнение — и снова в бой!»

Понимая, что мы не очень верим его словам, он пояснил:

— На войне люди быстро в званиях поднимались, если в живых оставались. Знал тех, кто начинал рядовым, а через полгода полком командовал...

Почему-то его слова о сволочах, которых они в окопах кончили, прежде чем идти в атаку, врезались в память. Мы почему-то не решились уточнить, о чём идёт речь — о трусах или о дедовщине? Видимо, дедовщина всё-таки и тогда была, но так в самом начале войны проблема дедовщины была снята.

Но после войны как-то не принято было говорить о неудобных явлениях на фронте. А началась гласность (напомним, вторая половина 80-х лет — это самый разгар гласности. Говорить стали обо всём, и получалось: о недостатках. Газеты публиковали разоблачительные материалы, чуть ли не каждый день всплывала какая-нибудь сенсация. Много материалов посвящалось войне. Вдруг оказывалось, что Александр Матросов, Зоя Космодемьянская, Николай Гастелло никаких подвигов не совершали. А события, описанные Фадеевым в «Молодой гвардии», не более чем художественная выдумка.

Наверное, доступными стали архивы*, вскрылись новые документы, о которых прежде молчали. Всё больше появлялось статей уже не о героях, а о предателях.

Конечно, они были всегда — люди, по тем или иным причинам перешедшие на сторону врага, но почему-то именно они становились «героями» многочисленных публикаций о войне. Часто появлялись статьи, обещающие заголовками раскрыть очередную сенсационную тайну времён второй мировой, но дочитаешь такую статью до конца, и оказывалось, что никакой тайны-сенсации нет. Например, мне давно было известно, что генерал Власов сдался вместе со своей армией противнику, а за спиной штрафных батальонов перед атакой стояли с пулемётами заградотряды. Это я узнал из советских фильмов и книг, и даже из школьных уроков истории.

* Виктор Иванович Илюхин доказательно показал, как во времена президента Б. Н. Ельцина масштабно изготавливались фальшивки для архивов..

Ещё не развеивалась эйфория от гласности, а уже всё больше крепло впечатление, что идёт планомерное разрушение нашей истории. И делалось это сначала под видом изменения ракурса освещения того или иного события со ссылками на факты, а потом уже давали волю фантазии, впрочем, не предупреждая об этом. Либо заставляли читателя задуматься: а что было бы, если бы... Правда, тут же спохватывались: «история не терпит сослагательного наклонения», однако вскоре и спохватываться перестали. Стали действовать по принципу: самая наглая ложь скорее пробьёт дорогу в сознание читателя. Вот уже оказывается, что это Советский Союз напал на Германию, и что концлагерей-то особо и не было, а те, которые были, вполне походили на «пионерские», а то и санатории.

Помнится мне одна телевизионная дискуссия. Молодой историк со снисходительной усмешкой доказывал аудитории, что никакого разгрома Красной армией фашистов под Москвой не было. Немцев победил «генерал Мороз»: у их танков элементарно замёрзла солярка. Ни слова не было сказано о том, что советские солдаты воевали в тех же условиях, и мороз действовал на советскую солярку тоже...

Если вспомнить химию, то в учебнике, а сейчас и в Интернете можно прочесть, что солярка застывает при минус пяти градусах по Цельсию. Это летний вариант. Есть ещё зимняя солярка с температурой застывания - 35°C. А есть ещё и арктическая солярка, которая застывает при температуре - 50! Учитывая, что в 1941 году морозы под Москвой доходили до минус сорока, то у русских, видимо, было арктическое дизельное топливо. Значит, немцы плохо подготовились к зиме... Разве такая подготовка не относится к военной стратегии? Это я продолжил логическую цепь «телевизионного историка. Ему не только химию надо бы поизучать, но и саму историю и узнать, что немецкая бронетехника, оснащённая двигателями «Майбах», работала исключительно на бензине. Для справки: бензин застывает в пределах температур от -118 до -151 °C.. Я надеюсь, что никто не будет утверждать, что в сорок первом под Москвой царили космические морозы. Да и, как я выяснил, абсолютный температурный минимум в 1941 году под Москвой достиг всего лишь -31 градуса. А средняя температура ноября и декабря была и вовсе тёплой: -14 градусов! Но это так, детали. А какую стройную и логичную теорию эти детали опровергают!

Вот такие неточности сплошь и рядом допускались и допускаются ради того, чтобы принизить героизм советских солдат и мощь Красной армии — одной из лучших армий мира.

Рациональное мышление человека европейского Запада не учитывает или просто не понимает, как можно идти в атаку на танк с винтовкой в одной руке и бутылкой с бензином — в другой? Как можно идти в атаку всё с той же винтовкой и всего с десятью патронами и парой обойм в подмышке при встречном пулемётном огне. Не иначе комиссары гнали бойцов,

как стадо,— на убой да заградотряды с пулемётами стояли за спиной. Как можно объяснить, что полностью окружённые и отрезанные от внешнего мира советские солдаты продолжали оборонять Брестскую крепость? «Низшая раса» не может обладать высшей силой духа и стойкостью...

Я ещё могу понять западных историков, пытающихся объяснить сокрушительное поражение немцев под Москвой, но никогда не пойму попытки некоторых наших «историков» приписать роль советского народа и СССР в войне. И никогда не пойму тех, кто утверждает, что слишком высокой ценой досталась победа, что не было смысла воевать и лучше было бы уступить «более культурной» нации. На каких весах измеряют они величие подвига? Что такое подвиг для них? Является ли подвигом тот шаг, который во время атаки делает солдат из окопа под свинцовый ливень смерти, зная, что в любое мгновение мир для него может погаснуть, а его изодранное пулями и осколками тело будет раздавлено траками танка? Является ли подвигом полёт на самолёте над территории противника через разрывы зенитных снарядов? Или борьба экипажа в полузатопленной подводной лодке за живучесть корабля, когда над ним кругами ходят вражеские эсминцы и удары глубинных бомб сотрясают израненный корпус лодки? Не подвиг — жить и не сдаваться в голоде и холоде в заблокированном Ленинграде? Тогда не подвиг и бросок на ДОТ Александра Матросова, и стойкая верность Родине Зои Космодемьянской, и самопожертвование Николая Гастелло! И кто такие для них, если не глупцы, молодогвардейцы? Для меня их подвиг несомненен.

Мы знаем цену жизни и нам известна цена подвига, но никогда не сравниваем одно с другим в роковое мгновение.

В 1996 году я собирал материал для радиопередачи, посвящённой 300-летию российского военно-морского флота. Беседовать довелось с разными людьми, в том числе и ветеранами флота. И с одним из ветеранов состоялся интересный разговор. Записал на плёнку его рассказ о военном времени. И тут он спросил меня:

— Ты выключил магнитофон?

Я сказал, что да.

— А теперь слушай, как всё было на самом деле,— неожиданно сказал он и принялся пересказывать заново всё то, о чём мы только что говорили.

Из его рассказа исчезла патетика, сцезли штампы, которые давным-давно усвоили ветераны — их часто приглашали в школы, к студентам, и они знали, как и что говорить. Но второй вариант выступления ветерана был более откровенен, и война предстаёт страшнее, ужаснее. Если сначала он говорил о героике, то теперь — об обыденных фактах, но в них война представляла отвратительной, страшной. Однако героизм

советских людей при этом не потускнел, напротив, стал более явным. И слава Богу, сейчас правды стало больше. Правда нужна всем.

Снова вернусь в восьмидесятые годы, когда я поступил в Киевское военное училище, меня удивили марширующие на плацу «коробки» молодых людей в серой форме. Это были курсанты из ГДР — наши союзники по Варшавскому договору. Они тоже учились в нашем училище, как и представители многих других дружественных стран из так называемого социалистического лагеря. Если честно, вид немецкой серой формы меня немного напрягал. Да и не только меня! Однажды, уже на старших курсах, нам организовали встречу с курсантами ГДР. Мы сидели друг перед другом за длинным столом и беседовали: несколько наших немецких коллег вполне прилично говорили по-русски, и даже с едва заметным акцентом. Они рассказали, как поступали в училище, как учили русский язык, как им живётся в Киеве, на какие экскурсии ходили, какие фильмы смотрели... И тут один немецкий парень назвал фильм «Иди и смотри».

Элем Климов снял действительно очень жестокий, страшный, шокирующий фильм о войне. Мы тогда под большим впечатлением вышли из кинотеатра, молча шли по улицам вечернего Киева.

— Ну и как вам этот фильм? — напрямик спросил я, жестковатым тоном давая понять, что и его виною за то, что было в той войне.. Недобро так спросил. И взгляд был соответствующий.

В небольшом зале произошло секундное замешательство. Мне вдруг стало очень неловко.

А курсант из ГДР спокойно и вполне адекватно ответил, что было очень тяжело смотреть этот фильм, сказал, что ни в коем случае такое не должно повториться, и ещё сказал, что не чувствует своей вины в том, что тогда произошло...

— Однако вопросы ты задаёшь! — сказали мне сокурсники, и я оправдался: неосознанно вырвалось.

По прошествии лет я думаю вот о чём. Те, кому довелось пережить войну лично, по-другому, нежели мы, смотрят фильмы о войне, порой буквально ощущая ненависть к фашистам. Тогда ненависть помогала им побеждать, и они это помнят. Но в мирное время она порождает жестокость. Мой сокурсник рассказывал о своей бабушке, пережившей оккупацию. На её глазах расстреляли всю её семью; сама осталась жива по причине малолетства. Как-то, сидя близко у телевизора (была близорука), всматривалась в экран сквозь табачный дым. Когда в кадре оказывался человек, говоривший не по-русски, вынимала папиросу изо рта и тушила её о «лицо на экране»: «У-у, нерусь!» В ней не умерла ненависть. Она имела право ненавидеть. У нас такого права нет. Но у нас есть право помнить, и мы не имеем права забыть!

Анатолий АФОНИН

«В МЕЖДУЗОРЬЕ ВМЕЩАЕТСЯ ЖИЗНЬ»

К 100-летию со дня рождения Л. Татьяничевой

Путь Людмилы Татьяничевой в поэзии измеряется без малого пятью десятилетиями. У её стихов обширная разновозрастная аудитория почитателей, прочная устоявшаяся репутация. Суровая нежность, мужественная женственность — так, в общем, близко по сути, определили критики существо поэзии Татьяничевой. И вдруг в 1970-е стих Татьяничевой засверкал новой, для многих неожиданной своей гранью. За «Зорянкой», получившей Государственную премию РСФСР имени А. М. Горького, последовали «Междузорье» (1974), «У рассвета сосны розовы» (1977), «Хвойный мёд» (1978), «Калитка в лес осенний» (1979), открывшие новые горизонты её таланта.

Сдержанная грусть, вглядывание в безвозвратно уходящие годы, тревожные, подчас горькие раздумья и одновременно восхищение, восторженное любование земной красотой — всё это было так ново для той самой устоявшейся репутации «певца Урала» и «величавой славянки». А между тем Татьяничева идёт в русле классической русской традиции.

Вечность у Татьяничевой метафорически представлена в образе суровой старухи, ведущей скрупулёзный учёт каждого мгновения:

Глаза красны
От напряженья.
Она стара.
Она не бог
Упустишь хоть одно
Мгновенье,
И не получится итог.

Начало лирических медитаций о времени и собственной судьбе мы относим к середине 60-х годов, когда на пороге своего пятидесятилетия поэтесса создаёт «предзимние» стихи, глубокие, раздумчивые, немного грустные («Себе кажусь я северной зимой...», «Осенние строфы», «Предзимний лес»). Побеждая тревогу, с печалью осмысливая наступающую «осень», Татьяничева остаётся верна жизнеутверждению, что пробуждает особое доверие к её оптимизму.

Исток нелёгких раздумий положен вопросом: «А я? Что я оставлю людям, Чем одарю их, уходя?» Беспокойство возникает вне заданности и рационалистичности, в ходе рассказа о гуманном таёжном обычае — в каждой охотничьей избушке оставлять небольшой запас пищи, дрова, спички («Хороший обычай»). И далее поэтесса не сбивается на отвлечённое философствование:

Светлеют сумерки седые,
Зарёй окрасили снега.
О, если б знали молодые,
Как жизнь бесценно дорога!

Любая малая минута,
Что обронули мы в пути,
Могла бы жизнь спасти кому-то,
Пшеничным колосом взойти.

Сила этих и других подобных строк в локальности зрительных ассоциаций — внутренних параллелизмов (первый шаг человека к своей осени — «сумерки седые» — сила чувств, как бы окрашивающая «зарёй снега» в открытой обращённости к молодому читателю, в поэтичности образов активного действия) «пшеничным колосом взойти», в тоне пушкинской «светлой печали».

В стихах Татьяничевой зрелой поры нет места безмятежности, они полны открытого драматизма, так как обращены к быстротечности отведённого человеку времени. Щемящая нота разочарования не мешает, однако, автору открыть величие вечного обновления:

Что вечно? —
Вопрошаешь ты в тоске.
А лето расцветает
Молодое.
Дитя режется на речном песке,
И у воды
Сидят, обнявшись, двое.

На первый взгляд, общему жизнеутверждающему настроению противостоят такие стихотворные миниатюры, как «Жизнь проходит», «Гасит смерть», «Всё остаётся людям...» и некоторые другие. Сильно выражены здесь горестные сомнения, нередко подчёркнутые анафорически организованными вопросительными предложениями, сомнения, вызванные и житейскими разочарованиями и раздумьями о высших мирах:

Гасит смерть
Дорогих адресов маяки.
Ни звонка,
Ни письма,
Ни пожатыя руки.
На любимых устах
Застывают слова.
...Неужели и в этом
Природа права?!

Однако, как почти везде в последний период творчества Татьяничевой, ответ таится в самой постановке вопросов, в их полемическом звучании. Экспрессия выражения того, что не происходит (миры свои не оставляет мыслитель, а человеческое сердце — тайный от всех дерзкий поиск, смерть разрушает любовь, близость), позволяет воспринять все эти строки как поклонение богатству жизни,

ценности каждой личности, хотя тем трагичнее прощание с ними.

В лирических размышлениях Татьяничевой есть две пограничные точки: рассвет, светлый мир юности, начала пути и «огненная черта тревожного заката». Мудрое и мужественное стихотворение «Междузорье» несёт утверждение заветной мысли поэтессы о том, как трудно, но необходимо сохранить стремление в лучезарную высь, пронести от зари до заката высоко духовные и героические помыслы и чувства:

В междузорье вмещается день.
В междузорье вмещается ночь.
Я искала траву одолень,
Чтобы утру
Родиться помочь.
Только зорь
Высоки берега.
И дорога к ним еле видна.
Быстро мчится меж ними
Река —
Днём светла,
А ночами темна.
Поняла я,—
Ты тоже пойми,
Глядя в эту рассветную высь,
Что не только все ночи
И дни,
В междузорье
Вмещается жизнь.

Замечательно, что Татьяничева последовательно обогащает символические образы природы. На раннем этапе творчества они употреблялись как «служебные», чтобы оттенить красоту созданного человеком. Теперь, наоборот, вечные явления жизни символически включают в себя разные по протяжённости и значению отрезки времени (Октябрьская заря, заря Магнитки), противоположные периоды человеческой жизни (рассвет, закат). Такое многозначное содержание ведёт к внутренним сопоставлениям разных смыслов «зорь».

Ю. Черепанов вспоминает интересный разговор с Татьяничевой о «секретах» творчества: «Она рассказала о том, что всё время снился ей тревожный сон, один и тот же: сосновый бор, а посреди поляны высокое, как струна, дерево, и она,— босоногая, прокалённая солнцем до смуглоты девчонка — встречает будто седым мохом поросшего старика. «Оно — твоё: растёт, пока ты растёшь»,— говорит он. Тревожный сон. И вот однажды ночью, разбуженная им, она села в кухоньке и написала стихи. Назвала их — «Кольца», кольца жизни на дереве, год за годом».*

В могучем солнечном бору
Есть дерево одно.
Умру — и тотчас топору
Подставит грудь оно.
Так жадно любящее жить,

Подставит смерти грудь,
Чтобы достойно снарядить
Меня в прощальный путь.
Ему как будто суждено
Дать мне прощальный кров,
Так на Руси заведено
Ещё спокон веков...

Мотив ухода из жизни стал нарастать по ходу продолжительной болезни Татьяничевой. Однако до последнего часа столкновение с «чёрным айсбергом Смерти» кажется ей преодолимым («Год кочую на раненой льдине»), и более всего заботит боль близких, чувство их утраты. Она приходит к осмыслению недопустимой несправедливости, когда юные души соприкасаются с каждой конкретной гибелью, переживают страшное узнавание, «что стопроцентна смертность на земле!» Самоотверженная позиция поэтессы рождает строки редкой проникновенности и глубины. Шестым апрелем 1980 года датировано стихотворение «Профиль»:

На срезах скал
Гроза резцом нагим
Мой профиль отчеканит.
Кем буду для тебя,
Когда меня не станет...
О, лишь не одиночеством
Твоим.

Поэт не только не драматизирует, но даже пытается снять трагическую мантию с темы прощания с жизнью:

Когда же я выроню стремя,
Во мне остановится время,
Как стрелки
На старых часах,

или:

Помахав на прощанье
Случайным прохожим,
Я с былинкой уйду
В невесомой руке.

Ощущение богатства живого мира даёт силы даже перед небытием восстать против забвения.

В зрелом творчестве Татьяничевой окончательно сложился жанр лирических медитаций, проявились в качестве ведущих многие философско-эстетические темы. Среди них немалое значение заняли: смысл творчества — назначение художника, жизнь — любовь — смерть. Многие предсмертные произведения Татьяничевой пробуждают воспоминание о признаниях Ахматовой:

* Черепанов Ю. Радуга между зорями // Известия. 1976. 20.04..

И кажется такой нетрудной,
Белея в чаще изумрудной,
Дорога не скажу куда...

Но разность установок обеих поэтесс ошущима. Ахматова являет таинство неведомого, Татьяничева стремится донести страшное противоречие между вечным движением жизни и неестественным для человека покоем, остановкой времени. Кроме того, благородная сдержанность достигается Татьяничевой, в отличие от Ахматовой, ценой невероятного напряжения душевных и физических сил, и она умеет на высокой ноте протеста против тёмных сил страдания донести это состояние:

или:
Как трудно крови
Течь,
Как больно крови
Стыть...

И лишь, когда нагрянула беда
И обнажилась бездна
Предо мной,
Я крикнула:
— Мне рано в никуда,
Ещё не завершён мой путь земной!

Эти и другие стихи, взрывные, щемящие, лишены и следа просветлённости, как, скажем, исполненные почти неземного величия духа и мудрой самоиронии ахматовские «Приморские сонеты» или «Без названия».

В лирике Татьяничевой, напротив, необычайно усиливается драматизм волевого напряжения, «яростной борьбы со смертью, борьбы, в которой последний глоток воздуха отдаётся Слову-Песне, оказавшейся способной наперекор всему пробудить всплеск жизни. Именно её бурной красоте, активной энергии (а не вечно Прекрасной, как у Ахматовой, «неба бирюзе» в отличие от тленности человека) поёт свой гимн Татьяничева:

Мне снилось,
Что лодка уходит ко дну
Кратчайшей
Из всех моих прежних дорог.
Что слов остаётся —
На песню одну,
А воздуха —
Лишь на единый глоток.
Последний глоток
Отдаю я словам,—
И лодка, влекомая к тёмному дну,
Всплывает! —

Назло всем погибельным снам,
Тяжёлым ребром разрезая волну.

Последний образ может быть прочитан как реминисценция их Ахматовой. Вспомним «Мартовскую элегию»: «И из чьих-то приплывшая снов/И почти затонувшая лодка». Ряд образных переключек можно продолжить: у Ахматовой — «И сосен царственное тело/В закатный час обнажено», у Татьяничевой — У рассвета сосны розовы,/А у вечера — красны» и др. Очевидно своеобразное восприятие творческой эстафеты старшего поколения. Но Татьяничева вкладывает в эти близкие себе образы своё, порой полемически направленное к источнику содержание. Она располагает системой глубоко продуманных взглядов, все её стремления реализуются в русле зрелого отношения к жизни, которому только помогают проявиться запавшие в сердце созвучия, соцветия.

Благородны и глубоко человечны душевные движения, отразившиеся в поздней лирике Татьяничевой. Безусловное уважение и доверие вызывает выстраданное и потому неистребимое жизнелюбие поэта. И конечно же, неслучайны кажущиеся неожиданными в «предзимье» образы: «юность новая моя», «у новых вёсен на краю», так же как глубоко органичен эпиграф к стихотворению «Вступает возраст в новые права», взятый из бессмертного «Кола Брюньона»: «Я — то что будет, а не то, что было». Источник этого жизнелюбия питает сама Вечная Природа, её законы, по-своему гарантирующие человеческое бессмертие:

У зимнего дня на виду
Солнце роняет корону...
По склону раздумий иду
Я, будто по горному склону.
Иду, ни о чём не тужу
И в облаках не витаю.
Лишь пройденный путь свой
Слежу
Да близкие судьбы
Читаю...
Вдруг,
Сердце моё леденя,
Под ноги мне падает
Птица...
А время отчаянно мчится
При мне,
Но уже без меня.

Татьяна МАРКОВА

ВОСПОМИНАНИЯ О ПИСАТЕЛЯХ

Его проза была проста!

90-летию писателя Петра Михайловича Смычагина посвящая

Помню, впервые я встретился с ним в Троицке в начале 1985 года, когда (Смычагин признался А. Фисенко) «что-то заклинило» у него с изданием четвёртой, заключительной книги романа «Тихий гром» в издательстве.

На встрече настоял Антоныч, наш незабвенный руководитель литературного объединения «Степь», ответственный секретарь газеты «Вперёд» Алексей Антонович Фисенко. Дескать, надо поддержать земляка в его трудную минуту. И рассказал, что Петру 60 лет, родом из хутора Тогузак, что в Троицком районе, фронтовик, бывший журналист, работал в Пластовской газете «Знамя Октября», автор нескольких книжек, а нынче Петро (так говорил Антоныч) — член Союза писателей СССР и года два он был руководителем Челябинской областной писательской организации.

— Ну и что, — сказал я тогда Антонычу, — подумашь, писатель! Да наши «степницы» ещё лучше пишут!

Да, иногда я встречал на страницах «Челябинского рабочего» публикации Смычагина... Не скрою, они ни особенным языком, ни стилем изложения не отличались от материалов рядовых сотрудников областной газеты. Разве что едва уловимым ухарством, каким-то мальчишеским наскоком в подходе к теме; да и у нас, «вперёдовцев», всегда сквозила некоторая амбициозность по отношению к заштатным районным газетам. Чего уж там пластовская «Знамя Октября»!

...Он появился на литературном объединении внезапно, весёлый, живой, энергичный, с шевелюрой, густо пронзённой серебряными нитями. Мужикам крепко тряхнул руки, с женской половиной галантно раскланялся. Нет, он совсем не походил на того члена Союза писателей СССР, с кем меня впервые столкнула работа в газете «Вперёд». Тот был маленький, спесивый и надутый. У меня был посетитель. Поэт прервал разговор, важно протянул свою пухленькую влажную ручку и представился:

— Известный татарский поэт...

На что моя сотрудница по работе с письмами

Наталья Константинова немедленно отреагировала, заметив мою растерянность:

— А это — не менее известный журналист СССР, неоднократный лауреат, и прозаик Столяров Анатолий Васильевич. Он сейчас очень занят, у него приёмные часы... Покиньте, пожалуйста, кабинет.

«Известный татарский поэт» как-то полинял, потоптался и сконфуженно вышел.

...Нет, Смычагин не довлел над нами во время занятия. Он не перебивал, внимательно слушал нас, лишь изредка отзывался благожелательной репликой. И критика у него была не наступательная, а мягкая.

За чаем разговорились о родных местах. Пётр Михайлович долго вспоминал о хуторе, где родился, о крохотной речушке Тогузак:

— Гнущее берёзовое удилище, леска из конского волоса, а я — голоштаный в ручье стою, а пескари упругие и вёрткие, — он задумался...

— Прочитайте что-нибудь из вашей книги «Граница за Берлином», — прервал молчание сельский учитель на пенсии тихий и скромный Николай Михайлович Харламов, наверно, они были одного возраста с писателем.

Смычагин читал. Его проза была проста и напориста огнём войны. Потом прочитал свой новый рассказ «Хлеб-батюшка» Харламов. Его проза была тонка и лирична, в ней остро ощущался запах полуденной раскалённой степи и... ни с чем несравнимый аромат свежее испечённого крестьянского хлеба. Я внимательно следил за обоими. Смычагин удивлённо слушал глуховатую речь учителя, делал пометки в блокноте. Нет, они не соперничали, думаю, они учились друг у друга.

...Он приехал в самом конце 1985 года с четвёртым томом «Тихого грома» («Наконец-то я разобрался с чинушами...») и с бутылкой коньяку. Мы выпили её втроём у Антоныча. Потом взяли ещё коньяку, и пришли ко мне домой. Едва ли не до утра разговаривали на кухне. Прощались на диком морозе. Обнялись.

— Надо ещё пожить...

Больше я его не видел.

Будь, Куница!

Памяти замечательного поэта, троичанина, члена Союза писателей России Александра Куницына

В нашей стилижэе громогласной и яркой компании он появился в конце 50-х прошлого века. Незаметный, серенький. «С боку припёку...» — сказал про него Мишка Зверев.

— Тебе чего надо? — спросил я.

— Так... — просто хочу быть с вами.

— А надо? — уже совсем недружелюбно задал вопрос Мишка.

— Надо... — уклончиво ответил он. — Зовите меня просто Сашей, фамилия — Куницын.

— Ну что ж, будь, Куница! — великодушно сказала длинноногая красавица Эмка

Долгановская.— Но не мешай.

Он не мешал. Худой, с ассиметричной осанкой, с чёрными неприбранными волосами он немного косил добрые внимательные глаза и чуть приметно улыбался. Саша был старше нас, но мы чувствовали себя с ним ровней, а его потёртые штаны на узких бёдрах и простенький пиджак нараспашку были противоположны нашей пестроте и вычурности.

— Надо переодеть его в ковбойку,— предложил Мишка.

Я принёс ему модную клетчатую рубашку, но, несмотря на наши настойчивые требования, Саша наотрез отказался даже примерить её.

— Ну что ж, ходи в фуфайке! — сказала противница всяких конфликтов Эмка Долгановская.— Но не мешай.

Он не мешал. Долбать рок не умел (или не хотел?), танцевал неплохо, но не ярко — «старорежимно», говорил невнятно, в полемику о тайнах галактики и завоевании космоса, о предназначении музыки и литературы в современном мире вмешивался редко. Но, если вмешивался, удивлял нас знанием темы и часто выходил победителем в споре.

И ещё одна странность отличала его. Задумается Саша, отойдёт в сторону и что-то пишет в задрипанном своём блокноте.

— Ты чего там всё чирикаешь? — с подозрением спросил Мишка.

— Так, для памяти...— неопределённо буркнул Саша.

— Ну что ж, бывает! — примирительно сказала красавица Эмка.— Это художественный свист Куницы...

Тайну его «художественного свиста» открыл Игорь Маликов. Он пришёл на танцплощадку со свежим номером троицкой газеты «Вперёд». На третьей полосе в «Литературной странице» под рубрикой «Проба пера» мы увидели плохонькую фотографию Саши и его стихотворение.

— Точно, Сашкина рожа! — признал Мишка.— Ну и начирикал, божья коровка!

— Хорошие стихи,— сказал я.

— Вот тебе и Куница в фуфайке! — удивилась Эмка.

Сашка пришёл навеселе со свежим номером «Вперёд» и початой бутылкой болгарского вина «Рымникское».

— Отметим, ребята, мой успех?

Мы хлебнули по глотку и отметили Сашкин успех роком «Грохот каньона». Поэт не танцевал, он по-отечески поглядывал на наше буйство и потягивал из горла красное вино.

...Вдруг он пропал. Мы не скучали по нему. Да и когда было скучать, 1960-й, надвигались выпускные экзамены в школе.

Я встретил его через полгода. Он под хмельком читал мне свои стихи на лавочке городского сада... Не помню сейчас какие. Может, потому, что в то время я был влюблён в Юлию Ларину. Помню только, что Юлька, держа мою руку в своих ладонях, взахлёб слушала Сашины стихи, восторгалась, а я восторгался её

красотою, глубиной её осиянных глаз. В вышине старого клёна позванивала ранняя синица, а ржавая листва городского сада остро пахла свежестью и вином.

— Ты знаешь, Толям,— с горечью выдохнул Саша,— меня с филфака выперли...

— За что?

— За пьянку в эстонской столице...

— Как это? — не поняла Юля, она сняла босоножки и, держа их за ремешки, брела рядом босая, шурша и по щиколотку утопая в ворохе гремучих листьев. Только мелькали её розовые пяточки.

— Песня есть такая, Юленька: «За пьянку в эстонской столице, за самовольный уход,— лишить их свободы на долгие годы и срочно отправить в расход...» Словом, Толям, выпили и разодрались в пединституте...

Помолчали. Саша поднял с тропинки лимонный лист клёна, понюхал:

— Жизньню пахнет...

— Ну и живите, Саша, и обязательно пишите! — сказала Юля,— Обя-за-тель-но! — она повторила по слогам.— У вас же стихи такие чудные!

— Обязательно буду писать, Юленька, только вспомню твои прекрасные глаза и напишу с посвящением!

...Я встретил его в 1993-м. Чёрные неприбранные волосы густо пронзила седина, преждевременные морщины избороздили усталое лицо, только те же пытливые глаза и застенчивая косяя улыбка кривила губы.

— Как ты, Толям? Говорят, пишешь?

— Пишу.

— И я тоже...— он вынул из кармана пиджака нараспашку крохотную книжечку, руки у него дрожали, стал писать шариковой ручкой, потом попросил мою...

Больше я его не встречал. Но я держу его книжицу-невеличку с заглавием «Интимные стихи». А на ней рукой светлого поэта, товарища написано: «Анатолию Столярову — Юле. На всё доброе! 4.5.93.» Открываю её:

Пошла по травам
без дорожки,
минуя взгорки и ложки,
две беленькие
босоножки
держа в руке
за ремешки.

И клевера дышали
сладко,
звенели солнечно
шмели.
И были розовые пятки
В дорожной чуточку
пыли...

Простим ушедшего поэта, ведь только ему — светлomu и чистому — дозволено обратиться дремучие аллеи городского сада во взгорки и ложки, а грустную осень — в весёлое лето с клеверами и звенящими шмелями. И на прощание его стих о родной улице Троицка:

Ты наивна, родная, с завалинками.
До всего тут подать рукой.
...Только всё ж
Не настолько ты маленькая,
Чтоб прижаться к тебе щекой...

Анатолий СТОЛЯРОВ

О «СОВРЕМЕННОСТИ» В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

Как известно, XX век был революционным в научно-техническом прогрессе. В самом деле, начала XX и XXI веков несоизмеримы в достижениях авиации, изучении космоса, радио и телевидения, кино и фото, средств связи и, конечно, военной техники.

Несомненно, это должно было сказаться и на мышлении, и на творчестве представителей современного искусства, в том числе литераторов. Но вот каким образом научно-технический скачок отражается в произведениях современных поэтов и прозаиков? Говоря о современных, я вовсе не имею в виду только молодых. Это могут быть и писатели в возрасте, и средних лет, и даже ушедшие из жизни в первые 15 лет этого века.

Как ни парадоксально, революционный скачок в науке и технике вовсе не обозначил скачка в духовном развитии человечества. Даже напротив, налицо определенная застой и даже деградация в духовном плане — в искусстве, в социальном поведении. Как бы в протест стремительно развивающемуся миру машин и электроники современные нам писатели в большинстве своём предлагают читателю героев с разрушающимся сознанием, с вымороченными жизненными установками.

Они никоим образом не созидатели, в лучшем случае — созерцатели, в худшем — разрушители. «Пофигизм», «стёб», расчленение моральных ценностей, смачные нарушения табу, ниспровержение классических авторитетов давно стали нормой для так называемой «современной» поэзии.

«Наркотизм» и суицидность творчества так называемого «пост-авангардного» также ни для кого не секрет. Я уже не говорю о воспевании в этом творчестве различных видов сексуальных отклонений. Среди «творцов» такого искусства считается «стыдным», почти позорным говорить о жизненном позитиве, о морали, о высоте духа. Налицо подобное школьному отторжению позитива: хорошие ученики — лохи, «ботаники», надо быть «плохим», чтобы быть в команде.

Всё это превратило так называемое современное искусство в страшное разрушительное оружие для молодых душ и юных умов. Никто не в силах учесть, сколько психического здоровья и даже жизни молодых людей уничтожила или подтолкнула к самоуничтожению такая литература и такое искусство.

В плане формы модерн опирается либо на разрушение слов, языка, либо на эквилибристику словами, зачастую пустую и неоправданную. Встречаются необязательные, случайные слова и образы. Встречаются произведения-ребусы, понятные только самому автору или небольшой

тусовке вокруг него. Вот о тусовке хочется поговорить поподробнее.

Некая общность дружески настроенных представителей творчества и вращающиеся вокруг них сферы почитателей создают определённую компанию, внешне поддерживающую входящего в неё творца, но внутренне подвергающего его определённому зомбированию, закабалению, отказу от собственного мнения. Всякого, несогласного с мнением, царящим внутри компании, тусовка отвергает жёстко и жестоко. Не всякий готов препятствовать этому диктату группы.

Но самое страшное то, что тусовка навязывает свои вкусы всем, как в неё входящим, так и соприкоснувшимся к ней. Стихи без рифмы и даже без ритма. Стихи без поэзии. Верлибры, скажете вы? Почитайте верлибры Николая Годиной, и вы поймете, о чём я.

Некоторые авторы-модернисты сознательно вносят в умы дезинформацию, которую неисклюшённый читатель принимает за действительность, за правду. В качестве примера приведу лишь известнейший опус Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота». В то же время среди современной нам литературы оставались и в последнее время набирают новые силы авторы, стремящиеся к духовным, Божественным высотам, к гуманным ценностям. Они исповедуют принципы и верны традициям, которые делали искусство неотъемлемой частью воспитания детей и молодёжи, их юных душ, как личностей, стремящихся к Добру, Любви, Красоте.

Как правило, это сторонники классических или даже народных форм поэзии и прозы, так

называемые традиционалисты, но среди них могут быть и творцы, использующие новые формы — главное, что дух их творчества несет созидательную составляющую.

Что же есть современность в литературе и в искусстве вообще?

Не стоит гнаться за модой и никогда не надо подстраиваться — ни под кого-то, ни под какие-то школы. Современная поэзия современна не принадлежностью к авангарду или модерну, или, прости господи, к интернет-сленгу, а СОВРЕМЕННЫМИ темами, чувствами, настроениями.

Зачастую Шекспир, например, может быть современнее, чем живущий в наше время популярный автор. Например, кинорежиссёр Андрей Тарковский вообще отрицает понятие авангарда в искусстве. Он говорит, что деление на авангард и арьергард хороши в технике, в спорте, даже в науке, но никак не в искусстве. Соревновательности в искусстве нет. Нельзя быть лучше Серебряного века или лучше Пушкина, Гомера лишь потому, что ты живёшь нынче. Можно быть только иным, и это

не только право, но и обязанность каждого творца. Даже рисунок первобытного человека ничуть не хуже Репина или Дали. Это просто другой взгляд и другой стиль. Искусство не развивается во времени, оно развивается внутри каждого творца. Благодаря развитию науки и техники могут возникать новые виды искусства, но не улучшаться или ухудшаться само искусство.

А «эксперимент, поиск» он вообще называет кухней автора, неприличной к показу на публику. Нельзя показывать читателю, зрителю недоделку, а вот модерн как раз в основном этим и занимается. Их любимая фишка, взятая у Бродского: типа «горизонт, точнее — биссектриса...» Нет уж, дорогие, давайте определимся: горизонт или биссектриса, а потом уже — к читателю.

Уважаемый мной Донатас Банионис сказал: «Не ищите в искусстве новое, ищите вечное. Костюм, вывернутый наружу — может быть, это и ново, но глупо». Полностью с ним согласен.

Олег Ник ПАВЛОВ

(2014–2016)

* * *

С фаянсовым хрустом в гнезде
Ломает птенец скорлупу.
Заметив круги на воде,
Разглажу морщинки на лбу.

Пришли перемены — не те.
Надежды ушли — навсегда.
С кукушкой в лесной колготе
Казённо итожим года.

Голимая проза весьма.
У радуги сгиб не в дугу.
Додуматься — мало ума —
До счастья никак не могу.

* * *

Огородник с садоводческим уклоном,
Омичуренным гордясь заметно клоном,
Райским яблоком блажит.
Что-то выкрикнула птица заполошно.
С осторожного куста — подумать можно:
Зверь там распушной лежит.

Социально заземлённое пространство.
За теплицей поза изгорает страстно.
Братских гряд мемориал.
Но причинно-следственную сутью стали
Дождь крупнозернистый, гул морской в металле,
В муравейнике — аврал.

* * *

Пространство общих интересов
Всё меньше, всё объятней, что ли.
Украли озеро за лесом,
Присвоили втихую поле.

Темнит ольшанник не по злобе,
По-враньи таборно баюня.
И ловит вдруг меня на слове
Чужая тишина июня.

От пафосной навзрыд гвоздики
Сады единогласьем крепки.
Но всё никак не угнездится
Душа поэта в тесной клетке.

* * *

Кривится озеро и щурится от ветра,
Попал за веко будто бы песок.

Душа нишком степной ландшафт отвергла,
Азарт повял, а интерес посох.

И свойство зеленеть не отобрать у леса,
Где поокол гнездится человек.
Всё тяжелей во мне течёт не в такт железо,
Закономерностей иначит век.

Повымеркнут луга;
как совесть в чистом виде,
Приспееет неудобная зима.
Уже ничем, лета, меня не удивите:
Я прозорлив и опытен весьма.

* * *

По чёрному вельвету поля
Жучок оранжевый пылит.
До боли солнце жжёт, тем боле
Не дух — материя болит.

Закон земного притяженья
Прижат таких, как я, шеперьь.
Ни коланхоэ, ни жень-шени
Не окрылят уже теперь.

Гляжу на небо, жду отмашки.
Вокруг не тишь, но благодать.
И белокурые ромашки
Зовут лукаво погадать.

* * *

Снежок в окне! — но это уже слишком.
Ещё календари упоино сентябрят.
В шуршании шершавом, еле слышном,
Впотай назольный совершается обряд.

Как учит диалектика, не знаю.
Погода создаёт интригу неспроста.
И тема осени теперь сквозная,
Подобно сквозняку на хворые места.

Покуда тучи лишнее сливали,
Растеребили ветры их овечью шерсть...
Другими надо бы сказать словами
Всё это — что поделаешь, какие есть.

* * *

Разночинная мелочь подлеса.
Заострённая под карандаш
Ель назорная вырвалась резко
Сквозь гербарный внизу раскардаш.

В коллективном сознании леса
Созревает осенняя грусть.
Может, говорь синичья не пресно
Вкус напомнит стихов наизусть.

Может, чувственный облик берёзы
Вдруг навеет пронзительный сон,
Где не вместе мы, но и не розно,
И о чём говорить не резон.

* * *

Привык ходить с руками за спиной,
Когда вдогон: «Продай, похоже, сено!»
Как слётки, листья кружат надо мной
Под грустную картавинку Дассена.

Рванула перелётная попса
Из летних мест на зимнюю халтуру,
Любовь звала во облацах поза —
Вчера, но я не согласился сдуру.

Теперь топчусь досужно на земле.
Заломленные, вместо крыльев, руки.
От бражной осени навеселе
Всё сущее, известное науке.

* * *

Несдержанная на язык ворона,
В которой больше чёрного, чем белого,

Подсматривает сверху, вроде дрона,
Что это я с навозной кучей делаю.

Позируя, зовёт в объятья пугало.
Во всё подряд суются осы вяло.
Бензокосилка за углом попукала
И даже некультурно навоняла.

Примеривая шаг к силлаботонике
В сердечном ритме мчащих электричек,
Пройдусь окрест — пусть птица плачет тоненько
И не меняет мир своих привычек.

* * *

Ледок сталист, как сталинист,
Будто стальной, пружинист лист,
Под ним исподний слой
Не столько илист, сколько мглист,
Где остролист больней, чем хлыст
Угрозой жалит злой.

Зернится снег, хрустит зерно,
Мукою сеется, оно
Забилло закрома.
Шуршит позёмки полотно.
И нет меня уже давно.
Окно, в окне — зима.

Салим ФАТЫХОВ

Из неопубликованного

* * *

За окном весна. Поток машин.
И такая пляска женских линий!
Ну а мне одно: «Давай, пиши —
Про Устав, Платформу —
там просили!..».

Ну а мне, как прежде, в семь ноль-ноль
Позвонят: «Давай, на совещание!».
Вроде бы, и сам себе король —
Только в королевстве обещаний...
Только годы мчат за поворот.
Только сердце каждый день навыверт!
Затопила Перестройка брод,
Дух священный, отчего ты вымерз?..

ВАМ, КТО ПРИДЁТ

Прошло сто лет, как нет меня...
Но мне под тяжестью гранита
Не каждый день, но всё же снится
Стезя земного бытия!

Как я иду — по ней, по ней
К размытой всполохами дали...
Меня в расплывах тополей
Неужто вы не увидали?

Нет, это вовсе не мираж,
Не отблески булатной стали!
Все понарошку умирали,
Когда случалось умирать...

И приходили «кто почём».
С котомкой книг,
С расстрельным списком.
И кланялись потомкам низко,
И были, вроде, не причём...

И я на время уходил за край,
где зори коромыслом,
чтоб там, где тлен, где я один
найти утерянные смыслы...

ПОЧТИ АПОКАЛИПСИЧЕСКОЕ

Скукожился двадцатый век!
Трясутся ветви старой вишни,
Под ней, как бог индийский — Вишну,
Являет жизнь другой побег!
Скукожился двадцатый век...

А мы нисколько не спешим.
Нам за чертой столетья надо

Оставить на помин души
И нашу боль, и нашу радость.
И мы нисколько не спешим...

Пусть Троей станут наши дни
Для потрясённых поколений.
И, может быть, без мук и лени
Святое вычеркнут они.
И Троей станут наши дни...

Как слепок века, как тотем,
Как осквернённую награду,
Они, кривясь, откроют всем
И нашу боль, и нашу радость...
И будет осквернён тотем...

...Стремительней и круче бег.
Земную ось от тряски греет!
Пружиной выстрелило время –
Скукожился двадцатый век!

МЕЛАНХОЛИЯ

Присядем, друг! Печальный друг...
Ты смуту в душу внёс мне вдруг.
Закурим вместе в тишине.
И пусть луна висит в окне.
Присядем, друг... И я устал!
Я, как и ты, несносным стал.
Беда вселенская меня
Гнетёт. О, бремя бытия!
Подвластны мы и тьме, и злу,
Теряем зрение и слух,
Когда любовь нам лжёт в уста.
А может, мир от нас устал?
Присядем, друг! Вот и луна,
Безмолвная, опять ушла...
Но может, тем, кто тоже ждёт,
Сердца она сейчас зажжёт...?
Присядем, друг...

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БАЗАР

Улыбка – и лень отлетает.
Насмешка – и слёзы в глазах.
Людская взаимность святая,
Тобою торгует базар!
– Почём благодарность за дружбу?
– Две сплетни за винным столом...
– Измену и трусость не нужно?
Бесплатно, за так отдаём.

У девочки думка большая,
Товар предлагают любой.
– Малышка, ты что покупаешь?
– А я покупаю любовь...

Наивная белая птаха,
Под силу ль такое тебе?

За это уходят на плаху,
Выносят три короба бед.

А вот – семьянин, озираясь,
Причёсанный, видный собой,
Бездушье домашнего рая
Меняет на малую боль...

Потеет толкучка, горланит,
Мошной ненасытности бьёт.
Садится расхлябанность в сани,
Её беспринципность везёт.

Забравшись в карман откровения,
И я осаждаю ларёк:
– Отвесьте кило вдохновения!
Но, хватъ, уже пуст кошелёк...

Покинуть бы торжище чистым
Под скрип крокодилых бахил.
Куда там...!
– Ау, пародисты!
Купите стихи...

СТРАСТЬ

– Ну, что ты копаешься в этом старё? –
Вздыхнув, незлобиво сказала.
Шипело стоглавой утробой морен
Горбатое тело вокзала.

А я уезжал к полустанкам глухим,
К забытым кострищам,
К давнишним стоянкам,
Где зори, развесив свои петухи,
Плескались над скалами ярко.
Приеду, огонь разведу у дубка,
Нарежу ломтями крупчатое сальце.
Здесь бурый гранит расписала рука
Сметливого неандертальца.

А вот и пещера. Пойду прямиком,
Пусть хрумкает сланец колючий.
Под тёмными сводами думать легко
О прошлом и о грядущем.

Здесь тысячи лет полыхали костры,
И тысяча бед пронеслось...
...Пришла электричка. Пронзительно ты
Опять на меня покосилась:

– Ну, что ты копаешься в этом старё?
К чему твоё сердце магнитит?
Двадцатый уже завершается век,
А память твоя в мезолите...

– Ну что ты, зачем? – и рукой повела...
Родная, прости меня дважды!
И к нашим жилищам, оставив дела,
Потомки приедут однажды...

Нелли ВАТОРОПИНА*О любви*

* * *

Я хочу с ума свести —
Так не сводится.
Боль руками отвести —
Не отводится.

Я хочу тебя согреть
Сердцем пламенным.
Всё равно тебе гореть,
Хоть и каменный.

* * *

Круты берега.
Неспокойна река.
Озорна река —
На подъём легка.

Над рекой мосты,
Может, полверсты...
Наводит мосты,
Ох, ленивый ты.

* * *

Ущипнул мороз щеку,
Чуть коснулся носа.
Мимоходом на бегу
Заблудился в косах.

Не забыл за воротник
Дунуть, озоруя.
Ах, мороз,
какой шутник...
Жжёт от поцелуя.

* * *

Я хочу с ума свести —
Так не сводится.
Боль руками отвести —
Не отводится.

Я хочу тебя согреть

Сердцем пламенным.
Всё равно тебе гореть,
Хоть и каменный.

А я — люблю.
Назло и вопреки
До боли,
до отчаянья,
до срыва.
Нас юность называет:
Старики...
Немолодость по-своему
красива.

А я — люблю!
Права и не права,
Не прощена,
не понята,
судима.
Я прохожу
сквозь взгляды и слова,
Не пряча глаз —
ведь я тобой любима.

* * *

Сосна горда.
Берёзка проще,
В своей наивности мила.
Отбросив разом все дела,
Спешу в берёзовую рощу.

Твои черты,
твои слова
Просты, скромны,
и даже слишком.
Короткий миг
с седым мальчишкой.
И снова
молодость
жива!

Сергей АБРАМЕНКО*ОБРАЗ***ВОЗВРАЩАЯСЬ
К ИСТОКАМ РЕКИ**

Возвращаясь к истокам реки,
Посмотри, как горят огоньки
Звёзд далёких, что смотрят в неё.
В них там детство плескалось твоё.

Возвращаясь к истокам реки,
Ты взгляни на тот луг и мостки,
По которым ты бегал босой,
Умываясь поутру росой.

Возвращаясь к истокам реки,
Вспомни вдруг, про такие деньки,
Те, когда ты учился и рос,
Чтоб в душе защемило до слёз,

В тех мгновениях прожитых дней,
Крошки счастья всей жизни твоей.
Возвращаясь к истокам реки,
Посмотри, как горят огоньки.

НЕВИДИМКА

В той далёкой туманной дымке
 Растворённых прошедших дней
 Я остался, как невидимка,
 Потерявшись навеки в ней.

Много их пролетело мимо —
 Этих лет и лавины рос...
 Где же жизни моей половина?
 Её нежный твой голос унёс.

А вторую той жизни частицу,
 В одинокой осенней мгле,
 Подарил я летящей птице,
 Чтоб тебя отыскать на земле.

А мгновенья последнего точку
 Сделал светом далёкой звезды,
 Чтобы нежно ласкал тебя ночью,
 Чтобы смог уберечь от беды.
 Я исчез средь просторов Вселенной,
 Невидимкой, на тысячи лет,
 Лишь любовь я оставил любимой,
 И звезды той немеркнущий свет.

ОСКОЛКИ МЕЧТЫ

И было всё так прекрасно...
 Но,
 В одночасье,
 Случилось,
 Случилось на свете!..
 Огромное,
 Будто бы облако!
 Огромное,
 Словно бы небо!!
 Да что там
 Какое-то облако!
 Да что там какое-то небо!
 Тут Мир опрокинулся навзничь!
 Хоть это-то Вы понимаете?!
 Тут Вечность
 В Мгновение схлопнулась!..
 А ветер?
 Да что там какой-то
 поток
 Пыльного, серого воздуха!..
 Тут Вечность
 В Мгновение схлопнулась!
 Тут Время
 Вдруг стало потеряннм!!
 Тут...
 Треснуло,
 Треснуло
 Зеркало —
 Мечты моей
 Лопнуло зеркало —
 Под мощным ударом
 События!
 И Домик —
 Мой карточный Домик,
 Что так кропотливо
 И бережно...

Рассыпался...
 Стёклышки...
 Стёклышки...
 Хрустальный мой мост,
 Что над пропастью...
 Вчера ещё ...
 Нет его...
 Нет...
 Его.
 А Домика
 Карточки кружатся...
 В порывах
 Причудливо кружатся...
 И сыплются...
 Сыплются...
 Сыплются...
 Словно бы листья пожухлые.
 Словно
 Надежды убитые.
 Словно бы мне
 В назидание...
 И только скрипучие стёклышки
 Мечты моей...
 Вдребезги,
 Вдребезги...
 Лежат
 Под ногами
 и бликами
 Играют под
 солнышком
 В зайчики...
 В жизни —
 Космическом холоде...

* * *

Далеко не лучшие поэты
 Пишут для родной моей планеты.
 Далеко не лучшие сюжеты
 В фолианты яркие одеты.
 Далеко не лучшие созданыя
 Промывают нынче нам сознание.
 Так чему ж ты удивился вдруг,
 Если предал тебя самый лучший друг?

* * *

Загудела, над землёй погудочка,
 Зашумела во хмелю головушка,
 Защемила на душе кручинушка,
 Замолчал в лесу дружок-соловушка.

Заливает землю тьма ненастная,
 Застилает путь тропу-тропинушку,
 Закатилось в тучи солнце ясное,
 Забывают в рекруты кровинушку.

— Ты прости, прости, прости, маманюшка!
 Ты не плачь, не плачь, не плачь, родимая!
 Ты пусти, пусти меня за долюшкой,
 Ты пожди, пожди меня любимая.

Я приду, приду к тебе на зореньке,
 Я вернусь к тебе, как ясно солнышко,
 Я вернусь, вернусь домой с победою,
 Я приду домой, приду до домушка.

И пошли они, да в путь-дороженьку,
И пошли они не оглядаючись,
И смотрели им в след родны матери
И крестили да во след рыдаючи...

А над миром всё горюет колокол,
А над каждым над селом, да слёзоньки,
А над звонницами — стон вдовиц — ворон,
А над полем только горе-горюшко.

Константин РУБИНСКИЙ

Новое

* * *

Ток затёк в проводах.
Обмер во сне ковыль.
Сверху рябит звезда,
Белая, будто пыль.

В море молчит волна.
В поле молчит межа.
Только она одна
Светится, вся дрожа.

Стынут вода и твердь,
Резкие, будто нож.
Так и пришла бы смерть,
Если б не эта дрожь,

Если б не этот пульс
Точки на дне небес —
Мол, трепещу, держусь,
Ночь не всеильна здесь.

Кто маяком с земли
Свет её отразит?
Камни молчат в пыли,
Корни молчат в грязи.

Кольчатый луч летит
В чёрный зыбучий зной.
Нас до утра спасти
Ей не суметь одной.

* * *

Пушкин — это наш wi-fi.
Вбей пароль: «покойиволя».
Можно даже без пароля —
Подключай!

Он доступен, он вокруг,
Ловит быстро, грузит просто,
Без айпи, без всяких прокси —
И без рук.

Гугли им хоть сказки няни,
Хоть про ножки и корсет,
Хоть куда ушли цыгане, —
Сукин сын, он всё потянет —
Без апгрейда триста лет!

Детский рай и бездны край,
Русский дух и зимний ветер...

Тятя, тятя, наши сети
Тащат пушкинский вай фай!

Да конечно, сказка — ложь,
Но такое в свете чудо...
Просто Пушкин — он повсюду,
Ты иначе не поймёшь.

* * *

О. А.

Они не заметят тебя и впредь.
Когда ты звучать начнёшь,
Они сквозь тебя подойдут смотреть
На реку, ракиту, рожь.

Откроют окно и замрут в окне,
Дивясь твоему псалму,
Готовые в страхе на всё, но не
Готовые ни к чему.

Ты будешь всматриваться в них
С надеждой, тоской, виной:
Неужто и вправду твой тихий стих
Явнее тебя самой?

Неужто, стекаясь сторожко на
Твой голос, как на ловца,
Они опять различат слова
И не различат певца?

Но полно. Виднеться меж них не тщись:
Мы не заодно с людьми.
В одну опасно сгущаться жизнь,
Мерца в сквозных семи.

Пусть смотрят на небо в потухший пруд
С неведением слепоты
И до последнего не поймут,
Что это поёшь им ты.

Не дай собрать на себя их взгляд,
Рассейся как между строк —
Такой быстрее тебя разглядят
Бессмертник, базальт и бог.

Словами звени, пропуская ток.
Не спрашивай, почему.
Пой, пой, не готовая ни на что,
Готовая ко всему.

* * *

Прижимаясь к тебе, вижу города,
 которые не увижу:
 Улицы, набережные, скверы, скамейки.
 Успеть бы туда добраться, почти добрался,
 Проливаюсь в тебя — и можно уже не ехать.

Ты моложе, ты скорее всего успеешь.
 Расскажи мне о них заранее, слов не тратя.
 В трещинах твоих губ — детали карты:
 Линии улиц, стрелки путей трамвайных.

Олд таун, бугристые стены, булыжная мостовая.
 Солнце спит, чайка взлетает с дорожного знака.
 В узкой белёной комнате на улице Дольна Брама
 С настенной фигурки Христа облезает лак.

Двигайся в такт мне, не говори,
 что и ты никогда не узнаешь
 Ниигаты, Триеста, Глазго,
 Дарвина, Кларенвилла.
 Утешь меня, что успею всюду, что уже успеваю,
 Обнимая тебя крепко, до судорог в шее.

Что с этой минуты умру, не теряя
 Мёртвой пчелы на предгрозовом лугу
 под Алкмаром,

Мандариновой корки на пляже в Краби,
 Мелкого авторемонта по дороге в Палмер.

Никто никуда не успеет,
 никто ничего не увидит.
 Ветер швыряет чайку обратно,
 о дорожный знак ударяя.
 Никому никуда не нужно.

Если заплачешь, значит, не можешь вспомнить:
 Мы так страшно друг друга сжимали,
 Что теперь не поймём и сами,
 Иерусалим это был
 Или Гаага.

* * *

Строго, трудно с меня спроси.
 В каждую мелочь ткни.
 Всё забытое перетряси,
 Вывеси, разверни.

Брось попытку свести края,
 Кротость оставь свою.
 Господи! Не прощай мне: я
 Ведаю, что творю.

Алевтина ТЕРПУГОВА

Пока идут песочные часы

МОЙ КАЛИНОВ МОСТ

Это я в холщовом сарафане
 выходила на Калинов мост.
 Это я впросонках утром ранним,
 провожала братьев на покос.

Густотравьем славились покосы,
 молодецкой статью — косари.
 Вперегонки отбивали косы
 в холодке, до утренней зари.

А один — удалый, ясноглазый,
 что коня намедни подковал —
 «Ожидай сватов», — сказал мне сразу,
 «белою лебёдушкой» назвал.

Вечеряли в поле, под курганом.
 Золотились в сумерках костры.
 Запекли рыбёшку на кукане
 да уху сварили из плотвы...

На траве медвяной спится садко.
 Ноченьки в июле коротки.
 Неспроста приметливая бабка
 всё глядела вслед из-под руки...

Это я вставала утром ранним,
 выходила на Калинов мост.

Сыновей встречала с поля брани,
 провожала близких на погост...

* * *

Песок времён струится золотисто.
 Бегут-бегут песочные часы.
 Запомнят и события, и числа.
 Запомнят — и поставят на весы...

Бывает, ветер вечности уносит
 в беспамятство иные времена.
 Но как в стерне забытые колосья,
 через века всплывают имена.

На глиняных табличках, изваяньях
 богов, царей, героев прежних дней,
 и в свитках — отголосках тайных знаний,
 их сохранил безвестный грамотей.

Не вздумайте от фактов отмахнуться,
 как мулы от назойливой осы.
 Не вычеркнуть ни войн, ни революций,
 пока идут песочные часы.

Песок времён без усталости струится.
 Безжалостны песочные часы.
 Запомнят и события, и лица.
 Запомнят — и поставят на весы...

* * *

Российский лес... Грибам раздолье,
листвы медлительный полёт.
Уединение и воля...
Здесь время потеряло ход.

Следы разрушенной кумирни,
в ней жил когда-то древний бог...
Забыт давно, заброшен мирный,
обетованный уголок.

Корням родимым поклониться.
Просить прощенья у небес.
Плывут в тумане лики, лица.
Грибами пахнет тихий лес...

ПЕЧАЛЬ ПОРУГАННЫХ СВЯТЫНЬ

В ущербной красоте разграбленного храма
извечная печать поруганных святынь.
Боюсь, не воскресят надгробие и мрамор
того, кто возгласил последнее «аминь»...

Среди сакральных стен ещё витают тени
подвижников святых — хранителей судеб.
И кажется: стоит на паперти священник,
который раздавал голодным детям хлеб...
У брошенных церковью зарубцевались раны,
в сиянье куполов — и золото, и синь.
Но в горнем алтаре отстроенного храма
мне чудится печаль поруганных святынь...

РАСПАЛИСЬ СВЯЗИ...

Худые гибкие деревья.
Болото, кочки, ломкий лёд.
Сады, коттеджи. Из деревни
в церквушку тянется народ.

А помнишь серые домишки,
где заводской селился люд,
барак, сторожевые вышки,
сортирный запах, неуют?

Послевоенные пейзажи —
картинки памяти моей —
дым из трубы, печная сажа,
глаза усталых матерей.

Но в сердце трепетно стучится
воспоминание одно:
Победа! Радостные лица,
идёт «про Сталина» кино.

Переселенец с Украины,
узбек, грузин, казах, еврей
в порыве радости единой
гордились Родиной моей.

Теперь не то. Всё изменилось.
Судьба у каждого своя.
Что, люди, с нами приключилось?
Где наша дружная семья?
Распались связи вековые,
но коль беда или война,
спешит на выручку Россия,
великодушная страна.

Белеет церковка-царевна.
Вокруг молитвенный народ.
Худые гибкие деревья.
А на болоте — ломкий лёд...

ЗА НАМИ — ПРАВЕДНОСТЬ И СИЛА...

За нами — праведность и сила,
и **крёстный** путь в чреде веков,
малюсенький кусочек сини
в прорехе серых облаков.

Ещё бескрайность и безбрежность,
разливы рек, размах полей.
Вся нерастраченная нежность
родные клики журавлей...

Русь, ты — таинственная книга —
всё «непонятна... мудрецам».
Свои пудовые вериги
никак не сбросишь до конца.

Идёшь на жертвы «ради братьев» —
таков назначенный удел.
Угрозы сносишь и проклятья
тех, кто затеял передел.

С тобой защитники — святые.
Их посылают Небеса.
Светла останется Россия.
«И расточатся врази вся»!

Владимир ШАХМАТОВ

* * *

Запомните, пожалуйста, меня
Не немощным,
а в цехе, у огня,
Где жар такой,
что плавится металл!..

Запомните, как дни и ночи
в нём
Я был на «ты»
с железом и огнём,
И металлургом,
и поэтом стал!

Запомните, пожалуйста, друзья,
 Что стал завод мне,
 больше чем семья,
 И чем душа,
 что вечно молода,
 Чем рифмы, что роятся тишине...
 Хотя,
 уверен,
 не услышать мне —
 За тяжкий труд,—
 спасибо,—
 никогда!..
 Запомните, друзья мои,
 прошу,
 Что напоследок в жизни
 напишу,
 Хотя себя за многое клянчу...
 И пусть недолог век
 у этих строк,
 Когда я всё же выйду за порог,
 Прочтите на прощанье,
 хоть одну.
 А так как жизнь моя и есть
 мой стих,
 Прошу, друзья,
 простить врагов моих!

СТАНОВЛЮСЬ СПОКОЙНЕЙ
 ПОНЕМНОГУ...

Становлюсь спокойней
 понемногу,
 Хоть и, как и прежде,
 мало сплю...
 Но, люблю Россию,
 слава Богу
 И стихи по-прежнему
 люблю!
 А поскольку тот ещё
 излишек
 У души —
 тревоги и огня,
 То она болит за ребятишек
 С каждым днём
 всё больше у меня!
 Ну а так как
 зла я,
 не приемлю,
 А всем тем, что выше,
 дорожу,
 За Россию-матушку,
 за землю
 Надо будет,
 голову сложу!..
 Ведь, хотя не очень
 на героя
 Я порой похож со стороны,
 А детей от диких орд укрою,
 Ведь без них
 не может быть страны!..
 И хотя летят быстрее звука
 На людей ракеты
 в наши дни,
 Главное оружие для внука —

Безоружный дед,
 А не они!..
 Даже если он не в духе, даже
 Не великий спец по части драк,
 Надо будет, он такое скажет,
 Что поймут и умный,
 и дурак!

ПРОИСХОДИТ ЧТО-ТО...

Происходит что-то у страны,
 Все раздражены, обозлены...
 Подурнели люди
 и природа,
 Над душой
 глумится Интернет...
 Стало меньше доброго народа
 И надежд на будущее нет!
 Происходит что-то у страны...
 А давно ли,
 были все равны
 И себя счастливыми считали?..
 И когда любили,
 то навек...
 И построить коммунизм мечтали,
 Где с заглавной буквы,
 Человек!
 Происходит что-то у страны...
 Стали люди
 власти не нужны...
 Гнут они
 на новых русских спину,
 Не жалея времени, ни рук...
 А ещё,
 Россия с Украиной
 Перестали быть друзьями вдруг!
 Всё страшнее
 от войны потери,
 Смерть, смердя,
 нагуливает жир...
 Так что я уже почти не верю
 Что когда-то был
 и будет мир!
 Так, что мне
 вся жизнь моя земная,
 Где и дом, и дети, и жена,—
 Для чего, на склоне лет,
 не знаю...
 Лишь душа, болит,
 но как нужна!

С ВОЗРАСТОМ...

С возрастом
 душе никак не справиться
 С сединой и грустью в тишине...
 Но октябрь,
 как он красив!
 И нравится
 Наблюдать за листопадом мне!
 И пускай у грусти те же козыри,
 Что и у холодной красоты,
 Но октябрь!

И дождь со снегом в озеро
 Падают, как звёзды с высоты!
 И пускай мне душу
 мучит творчество,
 Так что силы нету
 превозмочь...
 Почему-то ей всё больше
 хочется
 Чтобы вдруг
 не наступила ночь!

УКРАИНА

Украина –
 исчадие ада,
 То измена,
 то шквал огневой...
 Мне других впечатлений не надо,
 Мне и этих хватает с лихвой!
 И пускай в экономике
 плохи
 И у сильной России дела,
 Я у Бога прошу для эпохи,

Чтоб жива
 Украина была!
 И всё то,
 что в России в запасе
 Есть всегда,
 обогрело других...
 И чтоб мир
 наступил на Донбассе
 Для врагов
 и друзей дорогих!
 И пускай
 в нашей нынешней были
 Льётся русская кровь неспроста,
 Чтобы все,
 навсегда позабыли
 Тех, в ком совесть,
 как грязь нечиста!..
 Ну а к тем,
 что война погубила,
 Чтобы дальше
 работать и жить,
 Я приду,
 чтоб цветы на могилы,
 Где герои лежат,
 возложить!

Протоирей Алексей ЗАЙЦЕВ

МАТЕРИ

Меня – из рук заботливых и чистых,
 Забыв про сон, про ход привычный дней,
 Вскормила ты с любовью бескорыстной
 От колыбели крохотной моей.

Я резво рос. Во всём ли так как надо?
 Крепилась ты, надежды свет храня...
 Я на земле не знал другого взгляда,
 Что столь желанно принимал меня.

Но, ставши взрослым, занят сам собою,
 К тебе, мой ангел, духом остывал.
 О самой близкой, посланной судьбою,
 В кругу забот лишь мельком вспоминал.

Прости же мне,
 что в трудный день ненастный
 Я был далёк и твой не ведал страх;
 Что ты ждала так долго, так напрасно
 Слова сыновней ласки на устах.

Прости, что жил, столь редко утешая,
 Моих ошибок в сердце не храни.
 Прости меня...

за всё прости, родная,
 И пред Творцом в молитвах помяни.

Как счастлив я, что в мире сём, мятежном,
 Познал тебя от жизненных дверей

Той – самой доброй, искренней и нежной –
 Любимой самой матерью моей.

21.02.2010 г.

СВЯТОЙ РУСИ

Дерзок враг, о тучах зла трубя,
 Вставших над великою странюю.
 Вот и «свой» в речах клеймит тебя
 С безрассудством, ропотом, хулою...

Тот ли зряч, кто видит только грязь
 Сквозь века,
 благое умаляя,
 В трудный час над Родиной смеясь,
 О своей вине не помышляя?

Родину судить я не возьмусь,
 Рук её в день скорби не отрину.
 Но скажу: прости, Святая Русь,
 Что тебе достойным нё был сыном.

9.06.2010 г.

НЕ СУДИ

Выйдя в мир от земного порога,
 Добрых мыслей себя не лиши.
 Не суди однозначно и строго
 И взглянуть свысока не спеши.

Разберись: может, что-то не понял
Ты в чужой, очень сложной судьбе?
Или сбился — за правдой в погоне,
Иль гордыня взыграла в тебе?

Может, прежде чем вторгнуться в душу,
Ты в глаза позабыл посмотреть?
Очень редко умеем мы слушать,
Очень мало способны терпеть.

Не суди однозначно и строго —
Радость сердца храни своего.
Не суди: все мы ходим под Богом,
Все — любимые дети Его.

12.12.2009

ВЕЛИКОЕ РУССКОЕ СЛОВО

На славном пути,
но суровом —
Не бунт, не разгул, не вино —
Великое русское слово
Нам Промыслом Божьим дано;
Чтоб искренне, чтоб без обмана,
Средь жизни земной, непростой
Душевные сглаживать раны —
Любовью, теплом, чистотой.

Так было...

Но временем новым,
Как подлые тати в ночи —
Великое русское слово! —
Явились твои палачи.
За слог чужестранный радея,
Безбожия гимны трубя,
Призвав гордеца, лиходея,
Марают, ломают тебя;

Гнетут, не имея стеснения...
О Господи, это тупик?..
Мы молим: спаси от растленья
Тобой освящённый язык;
Чтоб, зла сокрушая оковы,
Ниспослано волей Отца,
Великое русское слово
Стучалось в людские сердца.

12-13.03.2011 г.

НА ПУТИ К БОГУ

Я услышал Твой голос рано,
Очень близкий и очень чистый,
Но в туманной стране обмана
Я дошёл до Тебя не быстро.

Стать не чьим-то —
Твоим желая,
Я не знал, Кто Ты есть и где Ты.
Мне хотелось коснуться рая
И на всё обрести ответы.

Я искал их в пылу полемик,
Средь высоких заумных мыслей,

Средь открытий, менявших время,
Среди сотен имён, средь «истин»...

На пути повидавши много,
Спутать просто, коль сердце глухо:
Правду мира и правду Бога,
Правду плоти и правду духа.

Я за слабость считал смиренность
И успех измерял сумою.
Ты меня направлял к спасенью —
Я уста осквернял хулою.

Ты не бросил меня средь боя,
Давши срок, чтоб душа прозрела.
Ты меня прикрывал Собою —
Нет у Божьей Любви предела.

Я всё шёл...

И однажды милость
Благодатным сошла покровом —
Это воля Отца свершилась:
Я очнулся для жизни новой.

Кто мы здесь, на земле? — калеки.
И каким Ты возвысил Чином:
Не рабом, не слугой, но сыном —
Быть Творцу Своему навеки!

10-11.03.2011 г.

* * *

У ребёнка украли детство,
А украсть оказалось просто:
Драгоценных минут в наследство
Для него не нашлось у взрослых.

Взрослых манят огни карьеры,
Взрослым важно свой быт устроить,
Кто-то склонён кутить без меры,
Не давая другим покоя.

Ну а дети?.. Сложна задача:
Каждый день их лелеять, слушать.
Откупиться легко подачкой,
Но подачка не греет душу.
Пробуждая стихию бедствий,
Так случается часто в мире:
У ребёнка украли детство
И любовь подарить забыли.

12.02.2011 г.

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Овеян писательской славой
(Нет в мире преграды стихам) —
Властитель пера светлоглавый —
Ты вновь улыбаешься нам.

Да, ныне стремленья иные,
И век наш былому не рад,
Но строки твои, как живые,
Пленительной песней звучат.

Но, право, ты сник бы, страдая,
Узрев, на мгновение пусть, —
Как в топке прогресса сгорает
Твоя родниковая Русь.

13.08.2012 г.

ЛЮБОВЬ ДУБКОВА

СЁСТРЫ

Шёл март обычным нервно-рваным шагом,
Разбрасывая точки и тире,
Волшебным словом превращая влагу
Из грязи в манну, в будущее благо!
Тридцатый лист висел в календаре.

Никто не ждал такого снегопада —
Весенний день по-зимнему белёс,
Посеребрила косы автострада,
Но белым мухам я совсем не рада —
Резину поменяла у колёс!

При всё при том — тепло, чуть-чуть на минус,
А батареи душу жгут жарой.
Наверно, от нехватки витаминов
Глаза и пасти окон поразинув,
Дома с округой делятся хандрой.

Вдруг серая, в разводах, цокотуха
Откуда-то присела на стекло,
Потом упала кверху жёлтым брюхом,
Бессильная от зимней голодухи,
А я её — в окошко за крыло.

И в силу притяженья, безучастно,
Летит со снегом на правах сестры,
Не зная, на беду или на счастье,
Ведь эти мухи не должны встречаться,
Как будто параллельные миры.

Пронзило сердце странную печалью,
На пальцах ощутила крыл фантом,
Вибрацию мелодии прощальной —
Ведь белая растает под лучами,
А серую — растопчут каблуком...

В СТАЕ НЕТ МНЕ МЕСТА

Листья под ногами,
Как термобумага факса —
Пожухли, растаял цвет.
Птицы-оригами,
Не требуя сатисфакций,
Заоблачный взяли след.
В стае нет мне места,
Брожу вампиршей полночи,
Напившись мёртвой воды.
Брошена невеста,
Аэродром заболочен,
И с крыльями нелады.
Жду несмело утра,
Надеюсь на мудрость неба,
Дарующего тепло.
Только очень смутно,
Скулит и бунтует немо

Надломленное ребро.
Дождиком искусан,
Рассвет потирает плечи,
Мобильник сыграл подъём.
Луч, глупыш безусый,
Погожего дня предтечей
Приветствует окоём.

ОДИНОЧЕСТВО

Всё очень просто!
Всё просто-просто...
Безлюдный остров —
Каркас погоста.
Душа — пустыня!
Весь мир — пустыня...
И иже с ними
Ночами стыннут.
Рассвет не скоро!
Тепло не скоро...
Зловещий ворон
Колышет штору.
Мне одиноко!
Так одиноко!
Из чёрных окон
Вниз ненароком...
Подхватит ветер!
Спаситель ветер...
Раскроет веер
Восход расцветив.
Цепляюсь взглядом!
Застывшим взглядом...
Ты где-то рядом —
Тропа из ада...

МАРТОВСКАЯ ЛИХОРАДКА

Вы весну хотели? Получите!
Ослепил капельно-снежный микст!
Отключить небесный измельчитель
Не готов весенний реформист.
Угодить пытаюсь нашим-вашим,
Реверансы делает зиме.
Мир капелью звонкой ошарашив,
Сыплет снег откуда-то извне.
Пристрочил сосульки к шляпам зданий
И к резиновым кокошникам ворот.
Вопреки мечтам и ожиданиям,
Всё идёт враскачку и вразброд!
Резко трансформируют осадки,
Небосвод — то сталь, то бирюза.
В мартовской прощальной лихорадке
Градусник меняет полюса.
Полная анархия и хаос,
Долгий межсезонный раскардаш!
Я не прячу голову, как страус —
Подаю в природный арбитраж!

Юрий ПОПОВ

СУДНАЯ ОСЕНЬ

Валентину Распутину

Судная осень, спаси наши души!
Горек прерывистый шум листопада.
Голос Руси полуночной послушай –
Будет ли сердце еще ему радо?

Судная осень. Смеркается рано.
Изморось метит уснувшую землю.
Все не затянется русская рана –
Но и ее, как судьбу, я приемлю.

Долго ль еще эти мокрые версты
Будут туманом окутаны сизым?
В вечном молчании дремлют погосты.
В небе – Господние серые ризы.

Ветер застыл между светом и тенью.
Сыплется снег из небесных отдушин.
Русская осень подобна прозренью.
Судная осень, спаси наши души!
1998

* * *

То ли Святцы, то ли Октоих...
Всё я душу свою провороних
В стуже, в пожарах,
В звездах стожарых.
Хлебца кусочек нищу на паперти –
Милости маленькой
дайте ми, дайте ми...
Доброго слова, веселья сердечного,
А под венец – жития бесконечного.
Древен колодец, да вычерпан дочиста.
Ныне вконец оскудеша пророчества.
Липкой неправде поклона не будет!
Пусть же Господь нас с тобою рассудит...

* * *

Две половинки яблока –
Яблока или облака?..
Крутится старая песенка.
То, что уже промолвлено,
То, что даровано вместе нам –
Две половинки яблока,
Да, золотого яблочка,
Прямо из сада райского,
Теплым смешным огарочком.

Горестно или счастливо –
Где ж нам узнать?..
За облаком
Две половинки яблока.

* * *

Господи, да мы же русские!
Белым звоном в небесах
Растворились дверцы узкие,
А в заснеженных лесах
Меж могилами дубовыми
Вьются скитские дымки,
Стройным пенъем очарованы,
В руки Божьи напрямки
Отлетают души праведных
Из огня да в полымя,
Из земных юдолей скаредных -
Ввысь, веригами звеня!
Русь кондовая, заветная –
Весь я твой, как ни крути,
Я с тобою – вербной веткою,
Зернышками из горсти,
И кутьёю панихидною,
И блаженными людьми...
Помяни меня молитвами,
В русский рай меня прими...

* * *

Если ты хочешь – увидишь, что лед –
Память, чей призрак тревожит округу,
Весь околоток, подстреленный влет.
Все, что мы можем сказать лишь друг другу,
Все еще в этих предместьях живет.

Место, где дом твой стоял, заросло
Летом, а ныне засыпано снегом.
Я для тебя – лишь один из послов
Времени, что задохнулись от бега,
От неименя спасительных слов.
Слишком большая цена лишь за то,
Чтоб прикоснуться, руки не отдернув,
Чтоб, нараспашку накинув пальто,
Выйти к калитке с укутанным горлом,
Чтобы не встретить за ней никого.

Нынче зима. И густой снегопад
Тщетно пытается выпасть на крышу,
Коей уж нет. На обломках торчат
Ветви сухие и, кажется, дышат
Воздухом, что не вернется назад.

Андрей БОЙКОВ

БЫВАЛО В ДЕТСТВЕ

Бывало в детстве не однажды,
Когда я падал где-нибудь,
Мать говорила мне: «Не страшно!
Тут просто надобно — подуть!»

И дула на мою коленку,
И мне казалось волшебством,
Что боль уходит помаленьку —
И дальше мы гулять идём.

Шли годы... Бед несли немало,
И мать ушла в последний путь...
А жизнь — всё была и ломала —
И было некому — подуть.

И всё ж сквозь боль я шёл упрямо —
Сквозь дней шальной круговорот...
И вот, уж сын кричит мой: «Мама!» —
Когда коленку об пол бьёт.

Беру его больную лапу
И дую, от беды храня.
Сын говорит: «Спасибо, папа!»
И боль уходит из меня...

УТРО РАННЕЕ

Утро раннее, светом полное,
Утро сильное, как река,
Что-то давнее мне напомнило —
Детства дальние берега.

Будто снова глазами чистыми
Ты глядишь в меня, синева,
Снова живы родные-близкие,
Снова мамка моя жива.

Будто снова зарёй высокою
Надо мною склонилась мать,
Улыбнулась, моя далёкая,
И сказала: «Пора вставать!..»

Просто верите, просто помните
И дождитесь того утра...
Там, где солнце, пройдясь по комнате,
Скажет вам, что вставать пора!

МЫ ЖИЛИ

Мы жили с матерью вдвоём.
А за окном — цвела природа.
Рассталась мать моя с отцом,
Когда мне не было и года.
Мне говорили про отца,
Что был он гнусным тунеядцем,
Что мать будила подлеца,
А он — не мог никак подняться.
Так без работы и сидел.
А за окном — цвела природа!
А дома... дома мало ль дел,
Когда мальчонке нет и года?

Но ждали за окном друзья,
Отец бежал из душных комнат...
А впрочем, Бог ему судья,
Отца я, к счастью, не запомнил.

Мы жили с матерью вдвоём.
Мать вскоре снова замуж вышла...
Шумела вишня за окном,
Горели ягоды на вишне.
Мать говорила мне потом,
Что был мой отчим... алкоголик:
Сидим, бывало, кофе пьём —
А он уже упал под столик...
Не то чтоб не работал — нет! —
С досугом не справлялся малость...
И вот, мне не было двух лет,
Когда с ним мать моя рассталась.
Я слышал, лет пять-шесть спустя,
Что он повесился... Похоже...
А впрочем, Бог ему судья,
Его я не запомнил тоже.

Мы жили с матерью вдвоём —
Вот это я запомнил крепко...
Двенадцать лет мне. За окном
Листочки жёлтые на ветках.
Но вот пришла с работы мать,
Сказала, бросив сумки на пол:
«А ты не станешь возражать,
Коль у тебя всё ж будет папа?»
Лица её волшебный свет,
Блеск глаз под сенью модной шляпы...
А мне уже двенадцать лет...
А мне уже не надо папы!
Привык уже всё делать сам —
Чиня розетки, ножки стула...
Взглянула мамка мне в глаза —
И только горестно вздохнула...

Мы! жили! с матерью!! вдвоём!!!
А ведь могли бы жить иначе...
Гляжу я на могильный холм,
Где мать лежит, и горько плачу.
И всё твержу, себя казня:
Что ж ты наделала, родная!
Зачем ты слушала меня —
Меня — судьбу свою решая?
Зачем несчастлива была
Ещё двенадцать долгих вёсен,
Зачем, прозрачна и светла,
В глазах твоих застыла осень?
Зачем с начала всех начал,
Тревожа спящую планету,
Ко мне ты ходишь по ночам
И, плача, требуешь ответа?

Я был не прав — по всем статьям...
Я был не прав — прости мне, мама!
А Бог — простит... хоть он Судья —
Но он Судья нам близкий самый!

Мы ЖИЛИ с матерью вдвоём...
Хотя о чём я? Мы — ЖИВЁМ!

Анна АЛФЁРОВА

ПРЕДЗИМЬЕ

Первые льдинки на луже,
 В луже — потрёпанный лист.
 Воздух обветрен, простужен,
 В трубах гудит пародист.
 Спит на скамейке бродяжка,
 Туго сжимаясь в комок.
 Рядом овчарка-дворняжка
 Лижет израненный бок.
 Два мальчугана с разбоя
 Ночью вернулись и спят.
 Отчим-отец с перепоя
 Встретил нагайкой ребят.
 Дружат, дерутся изгой,
 Делят строительный хлам.
 Беды, невзгоды и горе —
 Всё прилипает к ногам.
 Дача заброшена кем-то,
 Чудным жильцам — в самый раз.
 Новый указ президента
 Им послужил без прикрас.
 Мир экономно прогнулся...
 И, удивляя казной,
 Заматерел, затянулся
 Дьявольский строй крепостной.

ЗАВЕРНУЛАСЬ Я В СТАРЕНЬКИЙ ПЛЕД

Завернулась я в старенький плед,
 а под пледом — атласный халат.
 Он прошёл через тысячи бед,
 словно шрамы — следы от заплат.
 Разгорелась заря — маков цвет,
 расплескала надежду вдали...
 Я ждала много зим, много лет
 возвращения первой любви...
 Но халат, мой атласный халат,
 постарел от назойливых слёз.
 И, конечно же, не виноват,
 что злой рок наше счастье унёс.
 Завернулась я в старенький плед,
 а под пледом — атласный халат.
 Он прошёл через тысячи бед,
 словно шрамы — следы от заплат.

ДНИ ЛЕТЯТ

Дни летят, как будто не было
 ни весны, ни поздней осени.
 За окном рябины белые
 на себя платки набросили.
 И стоят, как сиротинушки,
 на морозе полусонные.
 Все коралловые бусины
 неумело ветром сорваны.

Было времечко счастливое
 и рябины, будто девицы,
 По весне ночами звёздными
 на судьбу могли надеяться.
 Солнце нежное, лучистое
 обнимало ветки ласково.
 Было трепетно и радостно
 от дождя и ветра майского.
 Согривало лето красное,
 заплетало косы девичьи...
 Стали тонкие рябинушки
 от любви такой доверчивы.
 А теперь стоят родимые
 на морозе полусонные.
 Красота, рубины осени
 неумело ветром сорваны.
 Скоро зимний сон закончится,
 ждут подружки пробуждения.
 Ждут, что ласковое солнышко,
 расколдует наваждения.
 И придёт весна зелёная...
 И рябины, будто девицы,
 Снова ноченьками звёздными
 будут на любовь надеяться.

ОЧЕРЕДЬ ЗА СЧАСТЬЕМ

Очередь за Счастьем,
 очередь большая...
 Становлюсь я с краю,
 тихо вопрошаю:
 «Мне хотя бы каплю.
 ожидать как долго?
 Почему в ухабах
 узкая дорога?»
 Отвечает крайний:
 «Счастье жду полвека.
 Маею обласкан
 и почти калека.
 Разве ты не видишь?
 Жажущих так много.
 И к тому ж в ухабах
 узкая дорога,
 Поднимаясь выше,
 по спирали вьётся...
 Кто-то Счастья, может,
 вовсе не дожждётся.
 А кому-то с детства
 суждено купаться
 В Радости и Счастье...
 Что тут удивляться?»
 Вижу: вам по нраву
 мнимое причастье —
 Жизнь свою потратить
 в ожиданье Счастья,
 Где соседом будет
 и слепой, и зрячий...
 Может, лучше выбрать
 очередь Удачи?»

Михаил СТРИГИН

* * *

Ты говоришь любовь не бывает вечной,
Конечно нет, это не прямая.
Это точки, знаки восклицания, касания плеч, но
Жесть, когда говоришь в марте:
«Пока — до мая».

Это не просто прерывистость,
это сингулярность.

Это не цветаевская любовь встреч
и расставаний,

А чёткая полярность, крайность —
Полгода зима и неделю лето. Наш сын Ваня
Старше стал на три сантиметра,
добавилась морщина,

Наши встречи можно измерять
перебортовками машины,
И обычно это делает чужой мужчина...
Я частенько вешаю твой пиджак новый
На трюмо, разговариваю с ним громко.
Он новый уже три года, приталенный, клёвый.
Я его разглаживаю, чтобы была
идеальной кромка,

Но он, зараза, всё равно в шкафу мнётся,
А где то на тебе любовь рвётся...

* * *

Часы баюкают на страже колыбельной.
Последние лучи покинули кровать.
В окно листвой плюёт ревушая метель, но
Секреты тишины ей не дано узнать.

Блаженно спит, светясь, младенец в колыбельке.
С ним познакомиться пришла его сестра.
Шуршат, назло, из тапок вылезшие стельки,
И нагоняя жуть, ругаются ветра.

Она прикрыла дверь, в тот час стесняясь
взрослых.

Её влекли и страх и любопытство, и
Неясные штрихи событий разных, прошлых.
Она перебрала былые дни свои.

Двухлетняя сестра не дышит и таится,
Бойтся разбудить младенца невзначай.
Метель, как в бубенцы, играет черепицей,
Пытаясь умалить начало из начал.

Сестры земная жизнь — два бесконечных года.
Младенец лишь вчера с рассветом задышал.
А старшая уже боится непогоды...
Младенец засопел... Утих безумный шквал.

«Кивни мне головой, ещё ты помнишь Бога,
А я вот, к сожаленью, стала забывать...»
Глаза в глаза они смотрели долго,
Их безмятежным светом грела благодать.

РОДДОМ

На впалых щёках старого роддома
Щетиной пророс многолетний мох.
Роддом до бетонных рёбер в груди усох.
Кто-то торопится, ставит диагноз — саркома,
Ему живучесть наших роддомов незнакома.
(За возможно последним — не один ещё вздох.)

Роддом больше волнует старая глаукома.
Он щурится сквозь чугунные решётки-пенсне.
Смотрит на парк, благородно старый.
Там на лавочках сидят молодые пары,
Как в прошлом... Они недавно пили с ним
чай во сне.

А недавно он получил пенсию, купил кашне,
Чугунную поменял на стальную оправу,
Мгновение чувствовал себя на коне.
Но деньги быстро кончились, как дождь в июле.
Их не хватило даже на шляпу,
Старую уже не один ворон обляпал...

Ему не раз хотелось, чтобы свечу задули,
Но облетая штукатуркой, говорил:
не дрейфь, дедуля,
Кто как не ты? В новых модных одни ляпы,

А в этом деле нельзя, чтобы зевнули.

ВОРОНА

Дурное прошлое под вечер налетает
То стайей, то вороною одной.
Я не прощён судьбой, не пил я из Грааля.
И шьёт пространство разгалдевшая стая.
Покой пасётся за придуманной стеной.

Шьёт настоящее зигзагом, небо в клетку,
Выкрашивая будущего плод.
Я у судьбы герой? Король? Марионетка?
Вороны страхи пришивают к сердцу метко,
Закручивая мыслей хоровод.

Одна, случается, опустится пониже,
Усядется на ветке бытия,
И взглядом острым начинает совесть крыжить,
До желваков на челюсти, сердечной грыжи...
В поту очнешься: всё ли это я?

И неизменно наступает в мыслях утро,
Из-за ограды подойдёт Пастух,
Ворон разгонит, обо всём расскажет мудро,
Присыплет соль на ране сахарною пудрой...

На сладкое слетится стая мух!

Тут у нас по орбитам
 Мчатся метеориты,
 Салютуют в полнеба мечте.
 А людей на Урале
 Выплавляют из стали.
 И душа на своей высоте.

ПРИТЯЖЕНЬЕ ЗЕМЛИ

Не дано ещё было тогда
 Не любить, не жалеть и не слушать.
 Искушением жгли города,
 И хотелось не строить, а рушить.
 И не зёрна бросать, а срывать,

Не копать и садить, а лопатить,
 Рыть траншеи, бурить и взрывать.
 Но усталость шепнула мне: «Хватит».
 Снизло просветление душе,
 Словно в поле рассвет над стогами:
 Счастье — это не рай в шалаше,
 А земля у тебя под ногами.
 Изъелозив коленями сад,
 Подноготье забив чернотой,
 Одолев бесполезность досад,
 Поняла, наконец, чего стою.
 Непомерной гордыне назло
 Упаду на колени к землице —
 В самый низкий, повинный поклон —
 За неё и себя помолиться.

Сергей РЫКОВ

* * *

Шаркает по комнате пустой,
 Может быть, последний ветеран.
 Хочется сказать ему: постой!
 Пододвинуть кресло и стакан.
 Горькая по-прежнему в цене
 И, возможно, на пяти листах
 Он бы рассказал мне о войне
 И о том, как бились за рейхстаг...
 Но не нарушая тишины,
 Не летая где-то в облаках,
 Выпьет он, чтоб не было войны,
 Да и крови на моих руках.

* * *

Двадцатилетний паренёк целует знамя.
 Ему прожить ещё 6 денёк (Москва за нами!).
 И не боится темноты его лучина...
 Сгорели юности мосты — седой мужчина.
 Двадцатилетний паренёк в бою прекрасен.
 Ему прожить ещё 6 денёк, но он согласен
 Собою заслонить Москву. И, встав меж нами,
 Он, как любимую жену, целует знамя.

* * *

Играли в детстве мы в войну...
 Нас убивали.
 Мы за Великую страну переживали.
 Кричали громкое «УРА!».
 Придёт расплата.
 И раскалялся от костра ствол автомата.
 Была жестокою игра...
 И как-то странно:
 нас отогнали от костра два ветерана.

Юрий ДВОРНИКОВ

ДОМОЙ

Вот и окончена повесть
Службы моей боевой,
Мчит меня скорый поезд:
Домой, домой, домой!
Ночью в вагоне не спится,
Думы одна за другой.
Мчит меня скорый поезд:
Домой, домой, домой!
Как там родимая мама,
Стала, наверно, седой?
Я повторяю упрямо:
Скорей домой, домой!
Встретит, скрывая тревогу,
Вскинет к небу рукой.
— Как хорошо, слава Богу,
Ты вернулся домой!
Я ей отвечу прямо:
— Сердце своё успокой.
Добрая, милая мама.
Я вернулся домой,
Добрая, милая мама,
Я вернулся живой.

Юрий КИЩЕНКО

* * *

Киму Макарову

Созревает калина к добру
И рябина к добру созревает...
Значит, жив буду я, не умру,
Хотя всякое в жизни бывает.
Значит, жить мне ещё, поживать
В этом мире, большом и прекрасном,
И не стоит, мой друг, горевать,
Что стоим на пути мы опасном.
Этот путь, он у каждого свой
От рожденья до гроба... до наста...
Я хочу, чтобы мой был прямой —
На ходу чтобы вспыхнуть — и баста!
И не плачут пускай надо мной
Не тоскуют ни в разе ни в коем...
Завтра будет мне вновь выходной,—
Значит, душу опять успокоим.
Мы опять посидим за столом,
О грядущем неспешно посудим.
Позабудем о трудном былом...
О былом никогда не забудем!

СЛУЧАЙНОЕ ТАНГО

*Российским лётчикам,
участникам антитеррористической операции в Сирии,
посвящается...*

Банкетный зал — изыск и блеск.
Со мною Серёга — мой комэск,
Имеем честь и чувство меры.
Под нами русская земля!
Мы на балу, не с корабля,
А прямиком из стратосферы.
Что будем пить? Конечно, брют!
В тайге такого не нальют,
А в тундре — даже и не снилось.
Из мира яхт, дворцов и вил
Господь красавицу явил,
И сразу всё переменялось.
И с вас уже не сводят глаз.
В ней всё элита, высший класс,
И никакого ширпотреба.
Казалось рядом неспроста
Её земная красота
И ты, комэск, — хозяин неба.
И было всё — порыв, кураж,
И танго — высший пилотаж,
И ты один во многих лицах.
Так будь смелей, ведь ты же ас,
И, кстати, крылышки у нас
Не за спиною, а в петлицах.
Но вдруг — прощайте навсегда.
Ну, разумеется, беда,
Но не библейского размаха.
Мне путь-дорожка в «Мерседес»,
А вам за тридевять небес,
А может быть, и за три маха.
Возможно, я не всё пойму,
Но всё же радуюсь тому,
Что в мире что-то неизменно.
Что мы не вышли на форсаж:
«Любой ценой!» — девиз не наш
И море нам не по колено.
Комэск — суровый реалист,
В нём мастерство и аскетизм,
Почти приказ: «Отставить тосты!»
Мы будем верить и беречь,
Хотя усталость с наших плеч
Без женской ласки снять непросто.
«Сергей, налей ещё вина!»
И мне понравилась она.
И буду долго помнить я
Её пленительный наряд
И на прощанье грустный взгляд,
И вдаль зовущий шорох платья...

КОСТЁР

Памяти Виктора Мошкина

Теперь, когда и наш редееет круг
Вокруг костра, слабеющего тоже,
И каждый уходящий в темень друг
Неповторим,
и тем ещё дороже...

Теперь, когда награды и чины
Вполне законно не на нас упали,
Поскольку мы —
из вымершей страны,
И к новой прирастём уже едва ли...

Когда кольцом кредитов и долгов,
Как волк флажками,
заживо обложен...
Когда сжигаешь алкоголем кровь,
Чтоб стать —
хотя б на промилле —
моложе...

Теперь уже понятно нам вполне,
Что в нас не целит пистолет Лепажка,
И всё, что нами скоплено извне,
Увы, не стоит юности пропажи...

И как бы жизнь ни пыжилась,
пестра,
Но только там
мы были настоящи,
Там были исты,
искристы,
горящи,
Там —
в первом круге
- детского костра.

Ноябрь 2012

РАДУНИЦА

А души, что рассеяны во мгле,
плутая, спотыкаясь, понемногу
неторный путь проложат по земле,
и все придут к Пречистому порогу,

где грозный страж допрашивает их,
выпытывает строго, но с любовью:
Что из несметных радостей земных
они б хотели вознести с собою?

Дай, господи, в тот миг душе моей
не оробеть, не впасть во искушенье,
и не просить ни пары лишних дней,
ни внеочередного воскрешенья.

Но дай ей сил и смелости поднять
и крест любви, и цепь воспоминаний,
чтоб можно было вечность коротать
наедине с родными именами.

Чтоб — не всегда, хотя бы день в году —
суметь коснуться всех, кто был ей дорог,
чьи души, будто лодки в поводе,
ещё идут, идут в небесный город.

Чтоб силою любви — не ведовства —
ей воскресать из Радуниц грядущих,
где радуги —
как мостики родства
души пришедшей
с душами идущих...

* * *

Памяти Любви Бессмертной

Так не спеша	Ещё не ведая путей,
Воздушный шар	Ведома эхом сфер,
Шар огибал земной,	Навек
Как будто	Утрачивая тень,
Чья-нибудь душа	И растворяясь
Летела в мир иной.	В свет.
Ещё стремясь	Для всех —
Небесный груз	Летел воздушный шар...
С земным	И может,
Соединить,	Только я
Как жилка,	Увидел,
Билась на ветру	Как ушла душа —
Оборванная нить.	Наверное, твоя.

Апрель 2012 г.

* * *

Мне бы в поезд, на верхнюю полку — Чтобы суток не меньше пяти Без какого-то проку иль толку Пребывать на железном пути.	А под крышей — изба лубяная, Тоже наш приметив вагон, Развернётся, сирень подминая, Будто тотчас готова вдогон...
--	--

Пребывать — и в купейной беседе, Всем вагонам кивающим в такт, Не встречать в пересуды соседей, Соглашаться на «так» и «не так».	И откуда та сладкая мука, Из каких докатилась времён? — Мы как будто узнали друг друга, Да не можем припомнить имён...
---	---

Соглашаться и краешком ока Наблюдать, как светла и странна, На экранах расшторенных окон Разворачивается страна.	И, прижавшись к окошку щекою, Буду долго смотреть я назад — Но растает изба за горою, И погаснет сиреневый сад.
---	--

Раскрываясь, как вещая книга, Или складень-иконостас, Вся для века она, не для мига — Недоступна для суетных глаз.	А вокруг будут поле да небо, И меж ними — тонюсенький лес. Был я здесь? Нет, наверное, не был — Только всё мне родимо окрест.
---	--

Только вот, на излёте селенья, В перекрестье ветров и дорог, Взгляд, царапнутый свечкой сирени, Вдруг зацепит над крышей конёк...	Задохнусь, отвернусь от соседей, Лоб — к стеклу, а глаза — в синеву: Бог ты мой, мы же Родиной едем! Бог мой, я же в России живу!
--	--

21 апреля 2003

ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ...

На календаре 12 сентября 2009 года.

Сегодня пришлось встать пораньше, чтобы успеть на первый автобус, убывающий из города Магнитогорска в областной центр в шесть часов утра. Добежал до трамвайной остановки «Сталеваров» и стал ждать редкие в этот ранний час трамваи. Но они, эти трамваи в нашем городе, похоже, не перестают курсировать никогда, только ночью у них огромные интервалы. Пять часов у нас уже не считается ночью, народ хоть и спросонья, но энергично добирается до мест работы и транспортных узлов. А на вокзалах, особенно — автобусном, и вовсе народное оживление. Вот на железнодорожном, что рядом, с некоторых пор затишье — почему-то отменены у нас почти все поезда, говорят: нерентабельно. Удивительно это, скорый поезд до Челябинска идёт не дольше автобуса, но зато, сколько в нём преимуществ! Но цена кусается, полуторная против автобусной, а народ у нас готов потерпеть, лишь бы сэкономить. Вот и трясутся все в тесноте, вместо того чтобы с комфортом расположиться в мягком купе. Но наш поезд ходит через день и сегодня его в расписании нет, а то — поехал бы по рельсам.

Автобус, везущий меня к намеченной цели, встретил рассвет на трассе «Магнитогорск — Челябинск» в районе Шелудивых гор, покрытых редкой травой и украшенных небольшими островками кустарника и берёзовых колков и протянувшихся вдаль от трассы слева от неё. Почему они вдруг «шелудивые», нигде читать пока не приходилось, но это весьма интересное наименование для неприметных, в общем-то, холмов. Наверное, местные жители за что-то их так непочтительно когда-то нарекли. Надо будет поискать объяснений в краеведческой литературе. Или спросить у кого-то из местных, если таковые эрудиты найдутся. Ведь что интересно, местные жители со временем теряют ценную информацию, редко интересуются — почему тот или иной объект природы предками назван так, а не иначе.

Вскоре промелькнул по правую руку от дороги старинный по местным меркам посёлок Сухтелинский, прикорнувший на берегу немногочисленной в это время года речки Курасан. Тоже интересные названия, речка так вообще звучит как-то по-японски.

А посёлок на восточной окраине Верхнеуральского района Челябинской области основан в 1831 году. Назван он в честь тогдашнего военного губернатора Павла Петровича Сухтелена в 1833 году. Существует легенда, по которой поселённые в том посёлке казаки послали в Оренбург прошение назвать их

номерной посёлок именем весьма уважаемого ими Сухтелена. На что сорокатрёхлетний военный губернатор собственноручно размашистым почерком, не особо соблюдая правила пунктуации, ответил, что «негоже именовать населённые пункты именами здравствующих особ» и, поблагодарив, посоветовал дать посёлку иное, достойное название и подписался «Благодарный Сухтелен». Казаки приняли слово «Благодарный» за новое название их посёлку и присвоили ему сначала его. Вскоре Сухтелен в молодом, цветущем возрасте скоропостижно скончался прямо на своём рабочем месте, и название посёлка было изменено. С тех пор и носит он его.

Лишь по счастливой, надо полагать, случайности в лихие годы двадцатого века, когда многое в нашей стране переименовывалось, название это сохранилось. А по логике горе-реформаторов, его трижды должны были переименовать. Во-первых, в годы первой мировой войны, когда даже Петербург переименовали в Петроград; во-вторых, на заре советской власти как названный именем царского генерала; и наконец в-третьих, уже в лихие сороковые годы, опять же — как носящий немецкую фамилию.

На часах восемь утра.

В Петропавловском, когда-то — славном совхозе, а теперь — подсобном хозяйстве одной из Челябинских птицефабрик да пристанище нескольких фермерских хозяйств, подсел в наш полупустой «экспресс» ещё один пассажир, и автобус помчался дальше. На мосту через речку Уй пришло сообщение (связь появилась), что звонила Ирина Вейс — беспокоится, еду ли. Эта поездка — её затея, спасибо ей за это!

В Степном плановая остановка автобуса, стояли четверть часа — у водителя завтрак в придорожном кафе. Я тоже вышел, размялся, ответил Ирине и съел любимую мороженку.

Нынешняя моя поездка инициирована Областным координационным центром и Копейским обществом немецкой культуры. Они проводят интересную краеведческую работу. Интересуются местами, где, кроме Копейска и Челябинска, жили и живут российские немцы, их бывшими спецпоселениями.

И вот решили организовать мою поездку по родным местам в Еткульский район, где я родился и прожил первые пятнадцать лет своей жизни. Там же, естественно, учился в начальной школе ЧПС (это Лесной так в те времена был зашифрован — Челябинский подсобный совхоз) и в Белоусовской восьмилетке. Был ещё период службы на передающем радиопередающем центре корпуса

ПВО под селом Калачёво, что прямо по пути нашего путешествия. Получилась у нас в итоге своеобразная краеведческая экспедиция, окрашенная биографическим компонентом.

В Челябинске на вокзале в урочное время меня встретила часть нашей группы, которая будет состоять из десяти человек во главе с Ольгой Александровной Керас и Ириной Анатольевной Вейс. Без проволочек уселись в легковой автомобиль и покатали на выезд из города по той же дороге, по которой я только что в него въехал.

Вторая машина с остальными участниками поездки ждёт нас на трассе где-то в районе посёлка Октябрьского.

Итак, всего нас в экспедиции десять человек. Потом расскажем об этой поездке своим товарищам, кто-то почитает эти заметки. Круг посвящённых окажется немалым.

По дороге решаем заглянуть в бывший военный городок, где я был замполитом, страшно подумать — двадцать пять с лишним лет назад, в 1982–1984 годах, благо он рядом с трассой, метрах в пятистах от неё. И дорога к нему пока не заросла.

Территория теперь, как мы убедились, используется какими-то строителями, вся заставлена их техникой, на воротах большой замок. Антенное поле, хоть очевидно и не используется, но не разрушено. Цел и наш двухэтажный ДОС (дом офицерского состава), правда, похоже — необитаем, о чём говорят сиротливые окна с редкими случайными выцветшими занавесками на них. Огород напротив дома, через дорогу и пустырь, правда, кем-то используется по назначению, даже пугала стоят, для устрашения вездесущих галок. Когда-то мы на этом огороде трудолюбиво выращивали завидные урожаи помидор и прочей овощной продукции, обеспечивая ими с лихвой себя и угощая ими наших подопечных — солдат-срочников.

Обошёл дом, входные двери перекошены, окна — запалённые и никто, кроме двух облаявших меня собак, не поприветствовал. Очевидно, все разъехались, а я надеялся, что хоть Плесовские, потомки нашего старшины, здесь обоснуются. На моём балконе, бывшем, конечно, сиротливо забыта какая-то бутылка. Соседний четырёхквартирный дом тоже сиротствует, на дверях бывшего магазина висит замок. Возможно, все эти помещения используются как-нибудь новыми хозяевами, но уточнить не пришлось. Радует хотя бы то, что не разрушено всё, как это случилось со многими военными городками. И здесь, вокруг Магнитки, и вокруг Уфы, и в далёкой Амдерме.

Сфотографировали всё и пустились в дальнейший путь. Съёмки всецело доверены Владимиру Андреевичу Вейсу, выполняющему роль фото- и кинооператора. Интересно, когда удастся посмотреть на всё снятое?

В Еткуль въехали через парадный въезд, мимо автовокзала проехали в центр села, где мало что изменилось после восьмидесяти лет, когда я бывал здесь частым гостем. По селу на месте старых сельских домов построено немало нового современного жилья,

и строительство продолжается. Растёт, живёт наш райцентр.

Еткуль имеет славную историю. Село появилось здесь на берегу одноимённого озера как крепость, сторожевой оборонительный форпост ещё в 1737 году. Тогда шла колонизация Южного Урала и заселение башкирских земель выходцами из различных российских губерний, в том числе — Архангельской. Но в основном население здешних селений составляли служивые люди, солдаты, драгуны, казаки. Немногочисленные крестьяне занимались земледелием и животноводством, ремесленники — изготовлением всевозможной утвари и переработкой продукции крестьян. Имелись маслобойни, мельницы, питейные заведения, процветала торговля.

Где-то уже тогда здесь поселились и первые наши соплеменники — немцы.

В годы моего детства здесь был оживлённый районный центр со средней школой, больницей, Домом культуры и множеством магазинов... В местной больнице я в 1955 году «ремонтировал» сломанную руку. Помог мне в этом молодой тогда доктор Третьяков Виктор Филиппович, ставший впоследствии заслуженным врачом РСФСР. Об этом есть упоминание в моей книге «Всеми вопреки».

Остановились у Дома культуры. Сфотографировали мемориальную доску, посвящённую уроженцу Еткуля Борису Ручьёву, уральскому поэту. Узнали, что в ДК и в библиотеке по случаю субботы выходной (странное дело), но зато работает краеведческий музей, куда мы всей компанией и зашли. Нас как будто ждали, заведующая, Елена Ильинична Вайсенбург, приветливо нас встретила, прочитала лекцию об истории музея и района, провела экскурсию по залам. Обменялись адресами, я вручил ей свои книги для музея и для районной библиотеки. Прощались уже у машин и тепло расстались. У Елены Ильиничны оказались и немецкие, и еврейские корни. Это интересно. Мои копейские и челябинские коллеги особенно заинтересовались возможностью сотрудничества с моими сельскими земляками. Смогут ли воплотить в реальные дела? Это у нас традиционно сложный вопрос.

Погода с утра располагает к приятному общению на открытом воздухе, вопреки предсказаниям синоптиков, спрогнозировавших на этот день дождички.

Выехали из Еткуля, как и въехали. На перекрёстке — прямо на Еманжельинск, вправо — на Челябинск, влево — на Октябрьский, свернули налево и не спеша покатали по трассе, боясь пропустить поворот на посёлок Лесной, до которого осталось ехать всего двадцать пять километров. Когда-то мы с двоюродным братом Владимиром Якелем шли этой дорогой пешком, и чуть было не заплутали на этих неблагоустроенных тогда дорогах. Но пропустить этот поворот теперь сложно — соответствующий указатель имеется, а на нём и Потапово, и Лесной, и Лебедёвка, и Белоусово указаны.

Показали мы по асфальтовой дороге, уложенной здесь на старый грунтовый грейдер больше

двадцати лет назад, видимо, вскоре после моей последней туда поездки в 1983 году, уже и под-ремонттировать её не мешало бы, вся в трещинах и выбоинах. В годы моего детства по этому грейдеру можно было ездить только в сухую погоду. Да и в восьмидесятые годы — тоже.

Напротив деревни Потапово, со стороны кажущейся очень старой и почти не изменившейся, огромная площадь занята плёночными теплицами, в которых китайцы выращивают всякие овощи, в первую очередь — свои знаменитые огурцы. Они, эти китайцы, своими огурцами всю область наводнили к неудовольствию местных овощеводов. Надо, однако, отдать должное гостям из «Поднебесной» — трудятся они как пчёлы. Или — муравьи. Есть, правда, один момент, который стоит проверить: местные жители жалуются, что китайцы, мало что удобряют свои посадки неведомыми удобрениями, ещё обмелили местное озеро, что приводит к понижению уровня грунтовых вод до того, что в колодцах стало мало воды. Может быть, это не китайцы виноваты, а несколько последних засушливых лет?

Потапово мне посещать не приходилось, дорога всегда пролегла мимо, и сворачивать в деревню не было нужды, а жаль. Деревня имеет солидную историю — основана в середине восемнадцатого века. Селяне занимались в основном животноводством и овощеводством.

Если бы пожил в тех краях подольше, не преминул бы побывать во всех соседних сёлах и деревнях. Но со стороны дороги потаповские дома уже в пятидесятые годы прошлого века смотрелись древними. И сейчас не видно новостроек, в отличие от многих нынешних сёл, расположенных в оживлённых местах. Может, они маскируются или место здесь, не привлекательное для обеспеченных граждан?

Но вот сквозь редколесье за полями и долами завиднелись в просматриваемые насквозь осенние кроны строения родного посёлка Лесного, в котором я последний раз был двадцать шесть лет назад. Тогда, помнится, мало что в посёлке изменилось с середины шестидесятых — прошлого моего его посещения. Тогда только несколько домов, в том числе и наш, были перестроены, да вокруг колодца на главной улице, что находился напротив нашего дома, появилась изгородь. Теперь для начала порадовал своей оранжевостью газопровод, тянущийся вдоль всей дороги и уходящий после Лесного в Лебедёвку. Значит, всё теперь у нас газифицировано? Надо будет спросить у кого-то.

Попросил водителя проехать по дороге, идущей мимо посёлка в сторону Лебедёвки, и въехать в него оттуда, с того края, хотелось посмотреть на *Суворовский тракт*, как громко называлась одна из полевых дорог, ведущих в летний лагерь для телят, где и я проводил своё беззаботное детство.

Еле признал его, этот «тракт», так незначителен и неприметен он стал на окружающей местности, а когда-то, сработанный подневольной рабочей силой вручную, величаво возвышался над ней своим грейдером, окаймлённый

глубокими кюветами. Любые осадки беспрепятственно стекали с него в эти кюветы, снег по весне тоже сходил одним из первых, и стоял наш «тракт» всегда сухой и ровный, как ни одна дорога в нашей округе. Дорога из Лебедёвки на Еткуль, может быть, была сработана не хуже, но из-за интенсивной её эксплуатации к пятидесятым годам, в которые она вошла в мою память, она уже была основательно разбита, с промоинами, съездами и объездами.

Мы, детвора, тогда недоумённо гадали, почему он так называется, уж не Суворов ли посетил наши места во времена пугачёвского восстания. Но, очевидно, всё значительно проще: в двадцатые годы, когда здесь был создан совхоз-гигант и возник наш посёлок, было построено несколько дорог: на Еткуль, в Лебедёвку и этот тракт, уходящий, как нам казалось в никуда, но по замыслам долженствовавший соединить Лесной с деревнями, находившимися к югу от нашего посёлка. Одна из тех деревень называлась Суворовкой, отсюда, очевидно, и столь громкое название дороги.

Но с теми деревнями никакой связи у нашего посёлка со временем не случилось, нашим односельчанам туда было ездить не за чем и им к нам — тоже. Вот и стоял он, наш тракт, почти не используемый. Только в уборочную страду по нему иногда ездили, как и по множеству других полевых дорог.

Зато наиболее посещаемое нами село Белоусово не было соединено с нашим посёлком никакой более или менее приличной дорогой. Так и ездили туда всякими лесными и полевыми стёжками-дорожками по пыли и грязи.

Въехали мы теперь в село мимо разрушенной перевалки (тока), на месте которой среди развалин зернохранилищ угадывается что-то вроде полевого стана с разбросанной неисправной бывшей совхозной техникой. Проехали мимо бывшей школы и одного уцелевшего из двух грандиозных когда-то зернохранилищ, построенных ещё пленными немцами. Школу сразу и не узнал, да и зернохранилище покосилось без должного ухода. И росточком вроде ниже стало. Но, видно, что ещё используется, даже кто-то копошится возле входа в него.

Проехали без остановки по главной улице до самых ферм, что у озера Сосновского, и выкатили на асфальтовую дорогу, ведущую через дальний край посёлка в Белоусово. Честно говоря, ничего, кроме расстройства, не испытал и почти ничего не узнал, так изменилось родное село. Всю дорогу до Белоусова трепетно размышлял, а не зря ли согласился на эту поездку, в памяти родной посёлок оставался более обжитым и ухоженным. Теперь же моя улица стала почему-то заметно уже, а домов на ней — значительно меньше. Даже от родного «солёного» колодца, от которого можно было бы вести отсчёт, и следов не осталось.

А когда-то моё село было довольно оживлённым, многолюдным местом. При моём рождении здесь проживало, вольно и неволью, около двух тысяч человек, вместе с военнопленными, трудармейцами и их охраной. Когда я стал

ходить в школу, народу было уже меньше одной тысячи: военнопленных отпустили, наших военнослужащих перевели в другие места службы, остались здесь жить только старожилы и мы — немцы-спецпоселенцы, да бывшие кулаки — тоже сосланные сюда ещё до войны, не нуждавшиеся уже ни в какой охране и надзоре. Куда тут убежишь? И — зачем?

А начинался посёлок Лесной, как свидетельствует областная Энциклопедия, в 1929 году, как отделение зерносовхоза-гиганта. Дома в него свезли из других селений, в основном с окрестных хуторов и заимок. Помнится, дома той, старой, части посёлка все были бревенчатые, рубленые, довольно солидные, стоявшие на высоких фундаментах. Очевидно, неплохо жили когда-то хуторяне.

Возле дороги на деревню Лебедёвку запомнилось мне с детства одно место, где в наше время были отличные сенокосы, называлось оно Богова заимка. Но ничего, кроме какого-то котлованчика, нескольких кустиков смородины и полусгнивших остатков старинного прясла, там тогда уже не было. Тоже, очевидно, всё перекочевало отсюда в своё время в сам посёлок.

За другой окраиной у озера Сосновского имелась во времена нашего детства ещё и Углежогова заимка, где сохранилась до тех наших дней землянка с берёзовыми брёвнами внутри. Мама запрещала там лазить: вдруг землянка обвалится и то ли внутри привалит, то ли сверху провалишься — ноги переломаешь. В общем, мы в неё только заглядывали через вход и обходили стороной.

Тогда же, как уже сказано выше, построили окрестные дороги. И наш Суворовский тракт, который должен был, очевидно, соединить этот посёлок с сёлами, расположенными южнее Лесного. В той стороне, помнится, расположены загадочные Николаевка и Писклово, в которых я никогда не бывал, поэтому они для меня и были «загадочными». А ещё в той стороне имелась когда-то деревня Суворовка. Возможно, эти сёла тоже планировались к вхождению в совхоз-гигант, и эта Суворовский тракт должен был соединять их все. Но время распорядилось иначе, те сёла отошли к другому кусту, к другим сельсоветам, там образовали колхозы, и связь между ними потерялась. И, насколько хранится у меня в памяти, эта дорога всегда в основном бездействовала, использовалась только в период весенних, летних и осенних полевых работ и постепенно затягивалась травой. Тогда она ещё не разбивалась техникой и не размывалась осадками и солидно возвышалась над окружающими полями.

Купили тогда, в двадцатые-тридцатые годы, для совхоза-гиганта знаменитые трактора «Сталинец», два из которых, помню, в пятидесятые годы уже стояли на приколе в углу нашей перевалки. Тогдашние, довоенные наши односельчане работали на славу и даже заслужили поездку на Выставку в Москву.

В годы войны совхоз был подсобным хозяйством городских предприятий и местом ссылки раскулаченных и других «неблагонадёжных»

граждан — спецпоселением. Примерно четверть населения посёлка составляли немцы, которым этот посёлок был определён местом ссылки «на вечные времена», как гласил один из послевоенных Указов нашего родного правительства.

Теперь же, в XXI веке, посёлок видится со стороны в большом запустении. Большинство жителей разъехались, мои одноклассники Герман Байтингер и Владимир Якель, например, как и другие немцы, — в Германию... В наших домах обитают городские бомжи, которых сюда определяют на жительство нынешние «хозяева жизни», отняв у них за бесценку их городские квартиры.

Так что — посёлок наш своего статуса не поменял, так и остался местом для высылки «лишних людей».

Белоусово тоже сильно изменилось, но хотя бы не обезлюдело. Правда, детей, в отличие от прошлых времён, почти не видно, наверное, тоже молодёжь подалась в другие края.

История этого села уходит в середину XVIII века, когда здесь, на месте заимки еткульских казаков Белоусовых, на высоком берегу озера, выросло симпатичное село. Мы всегда считали это село казачьим, но жил здесь разный народ, в основном крепкие крестьяне. В XIX веке здесь была построена каменная церковь, но я помню, в пятидесятые-шестидесятые годы она была уже деревянная, срубленная из хорошего строевого леса, но стояла на высоком фундаменте, может быть, на месте той — первой. Правда, в наше время в этом здании размещался клуб. То, что здесь когда-то была церковь, угадывалось по планировке всего здания, выстроенного в виде креста.

Память привела меня точно к стенам родной школы и интерната, которых теперь напрочь не узнал. Спросил встречную женщину, где школа, она удивлённо указала: так вот же перед вами, а интернат и вовсе рядом с машиной. Вышел из машины, всё с грустью осмотрел: школа ещё так-сяк, на себя похожа, хоть и уменьшилась росточком. А интернат и вовсе стал похожим на какой-то барак, хотя когда-то, сразу после его строительства, в котором мы, школяры, принимали самое деятельное участие, и нашего в него заселения это кирпичное здание было одним из самых солидных в селе.

На месте старого деревянного клуба стоит менее солидный, но кирпичный Дом культуры.

Школа оказалась закрытой, тоже в субботу выходной, так что не удалось послушать детского гомона в ней. В интернате расположились разные организации, в том числе сбербанк и почта. Сберкасса нам была ни к чему, а на почту мы зашли, хоть с кем-то знающим поговорить. Почтальонка оказалась приезжей, но в прошлом села несколько сведущей, рассказала, что интернат по назначению давно не используется за ненадобностью — школяров из соседних сёл не привозят и местных мало, того гляди и школа закроется.

А когда-то нас в этом интернате только из Лесного проживало больше полусотни. Даже белоусовских ребят в школе обучалось несколько

меньше, чем лесновских. Назвал почтальонке несколько фамилий белоусовских одноклассников, и, о удача! Оказалось, что Виктор Фёдорович Дубровский и моя соседка по парте Людмила Борисовна Даровская, став мужем и женой, где-то немного поколесили, но вернулись в родное село и теперь он, находясь на пенсии, возглавляет местный сельский совет. Поколесив по селу, взбудоражив некоторых его жителей, нашли их благоустроенный дом, пообщались. Но если Людмила с трудом после наводящих подсказок признала всё же своего соседа по парте, то Виктор с ходу определил, кто перед ним.

Оказалось, что многие наши одноклассники продолжили образование, стали учителями и даже директорами школ, инженерами, специалистами сельского хозяйства, как Владимир Якель и Герман Байтингер, а Тоня Меньшенина, наша отличница, окончив Московский авиационный институт, осела в столице, но не забывает родного села, приезжает иногда. Кто-то из наших сверстников, как мой брат Владимир, например, уже закончил свой жизненный путь — грустно.

Когда ходили вокруг родной школы и интерната, сфотографировался у окон своего класса и интернативской комнаты, под которым стояла моя кровать. Находившаяся рядом с той комнатой входная дверь чёрного хода, которой в основном тогда пользовались, заложена кирпичами за ненадобностью.

Прошли также по старому спуску и к озеру Большой Шантропай, благодаря которому, вероятнее всего, это село в своё время возникло, а теперь продолжает вполне успешно развиваться. Озеро целебное, на его берегах всегда существовали детские летние лагеря и базы отдыха для взрослых. Теперь это ещё и дачное место для горожан, с одной из которых также пообщались. Устроенная ею веранда живописно нависает над обрывом к озеру и с неё открывается шикарный вид. Аж завидно стало. Вот бы поселиться здесь! Хотя бы в летнее время. Но разве дадут дела и обстоятельства...

Подарил свои книги друзьям детства

В обратный путь решили пуститься той же дорогой, чтобы ещё раз побывать в Лесном — всё же не давало покоя полное отсутствие ориентиров. Въехали через соседнюю с нашей улицу, на которой проживала моя тётя Лида Шнер со своим семейством. Туда мы регулярно ходили в гости и по воду к колодцу с пресной водой, так как в ближних колодцах вода была солёной.

Выехав опять в центр посёлка, подъехали к магазину, где, кроме продавца, и поговорить оказалось не с кем. Поговорил с ней, кое-что уяснил, подарил для местной библиотеки последнюю оставшуюся в портфеле из прихваченных с собой книг.

И вообще, полное ощущение безлюдности, только в одном месте народ копал картошку, но по всем приметам — люди городские, приезжающие сюда только ради этой картошки. А картошечка у нас всегда вырастала замечательная.

По улице тенями прошмыгнуло по одиночке

несколько небритых человек несельской наружности...

Теперь немного определился на местности и понял, почему улица сузилась — просто перед рядом наших домов построили новые, а потом старые снесли: улица стала уже, а огороды, соответственно, увеличились. Старый магазин, бывшая мельница, стоит в руинах, рядом построили новый, не больше старого, и ещё одно здание, которое выполняет роль клуба, библиотеки и школы, но на дверях по случаю субботы тоже увидели замок.

В общем, расстройство да и только!

Весь день стояла изумительная погода.

В Челябинске друзья меня проводили до перрона автовокзала. Тепло распрощавшись с коллегами, я сел в автобус и отправился восвояси, любовно перелистывая приобретённый здесь по случаю томик Областной энциклопедии и обдумывая эти свои невесёлые записки.

Первые капли дождя, из обещанной синоптики непогоды на этот день, неожиданно ударились в лобовое стекло автобуса, увозившего меня из Челябинска в Магнитку, уже в девятом часу вечера где-то в районе Южноуральска. Но эти несколько капель так и присохли к нему, а небо продолжало нести на себе немногочисленные облачка, наполняющиеся к ночи лёгкой серостью.

Р.С. 12 сентября 2009

Магнитогорск — Челябинск

Прошёл месяц, вдруг раздаётся телефонный звонок. Потом — ещё... Звонят земляки, в том числе одна из наших белоусовских учительниц, бывшая в те времена ещё и пионервожатой, Галина Романовна Хакимьянова (теперь — Дубровская). Расстраивается, что не повстречались.

Прочитали мою книгу «Всему вопреки». Помнят, рады, довольны, ну и я — доволен.

Р.Р.С. Прошло ещё какое-то время, и я случайно нашёл в Интернете заметку В. Захаровой, опубликованную в районной газете «Искра» «Дорогим землякам». Вот несколько строк из неё: «...В этом году у нашего посёлка круглая дата. Может, это и осталось бы незамеченным, но в одно из воскресений наш посёлок посетил магнитогорский писатель Виктор Гринимаер. И для нас это стало событием, пусть и не фееричным, так как многие даже не знают, кто это. Но есть старожилы (а их большинство), которые вспомнили, что „жили у нас такие“. Виктор Гринимаер — наш земляк, родился в нашем посёлке (что подтверждает и Областная энциклопедия) и жил здесь до 15 лет. ... Но сам факт того, что и у нас есть очень талантливые выходцы, остаётся. ...Наша деревня живёт и не сдаётся, несмотря ни на какие трудности. ... А ещё я хочу поблагодарить самого Виктора Гринимаера за книгу, которую он подарил в нашу библиотеку с автографом и памятной надписью: „Дорогим землякам“.

В. Захарова, библиотекарь п. Лесной».

Всё это дорогого стоит.

Сентябрь 2013

Р.Р.С. Сентябрь 2009

Время неумолимо. Оно несётся всё быстрее и быстрее. В сентябре 2013 года пришлось опять побывать в Челябинске по делам областного общества немецкой культуры. Настроение околотулевое. Народ ещё на что-то надеется, спорят, строят планы. Кто — по энергии, кто — из упрямства, кто — не ведомо из каких посылов... Вот и я не все ещё надежды потерял...

Как всегда по пути следования смотрю по сторонам, люблюсь знакомыми пейзажами, такими разными на протяжении этих трёхсот километров, что создаётся впечатление преодоления нескольких природно-климатических зон от тайги до полупустыни. Но этот год не перестаёт удивлять и радовать: обильные

июльские и августовские дожди преобразили нашу природу до неузнаваемости. Несмотря на осень, наша степь вся под зелёным покрывалом. Не говоря уже о речках и ручьях, даже совершенно сухие в последние годы русла и ложа забытых озёр нынче обводнились и несут свои потоки и течения в Урал-реку, наполняя её водохранилища и пруды, пополняя запасы воды в далёком Каспии.

Особенно умиротворённо всегда люблюсь за окном на обратном пути. Если в семь часов вечера солнце катилось и прыгало по верхушкам Шелудивых год по правую сторону от автобуса, несущегося из Челябинска в Магнитогорск, то в восемь оно уже надёжно запряталось за подровнявшимся после развилки на посёлок Остроленко горизонт.

УРАЛЬСКАЯ РИЦА

Впервые на этом уникальном горном озере, которое за живописные пейзажи, высотное местонахождение и удивительно прозрачную воду часто называют Уральской Рицей, я побывала, когда в первый класс пошла, перед самым началом учебного года. Мы с дядей Васей, маминым родным братом, приехали сюда к его другу леснику Терентию ягод боярышника набрать. Мой детский ум тут же отметил, что озеро огромное, почти море, которое со всех сторон плотным кольцом окружили горы и наша уральская тайга. Воображение буквально пленила красота окрест. Торчащие выше деревьев сопки, покрытые чем-то белым (возможно, вечным снегом или драгоценными камнями, — думала я тогда), искусно обрамляли голубые, влажные, кристаллические облака. Некоторые из них плыли так низко над водой, что чудом не мочили свои пышные бока. У самых моих ног раскинулось голубое-голубое озеро, гладкое, словно паровой утюг проплыл по его поверхности, а выпущенный им пар превратился в сбитые сливки и аппетитными ключьями к воде прилип. Живая картина!

Озеро называется Зюраткуль. Оно является памятником природы и находится на территории национального парка, который тоже называется «Зюраткуль». Глубина озера небольшая — всего около четырёх метров, лишь местами достигает двенадцати. Горное озеро расположилось в окружении хребтов Нургуш, Малый Москаль, Зюраткуль и Уреньга.

В озеро впадает 29 речек, речушек, ручьёв, многие из которых в своём названии имеют слово «кыл» (Большой Кыл, Чёрный Кыл, Малый Кыл и др.). Слово «кыл» переводится с башкирского языка как «струна» или «волос». В озеро Зюраткуль действительно впадают «речки-струны», вытянутые, словно тонкий волос, между гор. Вытекает из озера Зюраткуль одна река — Большая (Озёрная) Сатка — приток реки Ай.

Озеро Зюраткуль — одно из самых пресноводных водоёмов в мире. Окрестности озера считаются самым экологически чистым местом в Челябинской области.

К озеру Зюраткуль люди потянулись ещё в глубокой древности. Археологи нашли на берегах озера 12 стоянок. У подножия хребта Зюраткуль находятся молитвенные камни, древние капища. В прибрежье озера обнаружены каменные орудия труда из кварцита. Техника обкалывания камня позволяет датировать инструменты неолитом и энеолитом (VI–III тысячелетия до н. э.). От древних поселенцев VIII–V тысячелетий до нашей эры сохранились остатки древних жилищ, скрёбки, каменные топоры, наконечники стрел, кремнёвые и яшмовые поделки, обломки сосудов с орнаментом.

В XVIII–XIX веках в глухих лесах недалеко от озера в укромных скитах жили старообрядцы.

И сегодня здесь можно встретить хорошо сохранившиеся каменные памятники на старых старообрядческих могилах. На Шаровском кордоне одно время жила самодеятельная художница, которая писала иконы.

Под кроной вечнозелёных хвойников, на горных плато и в болотистых низинах, обитает здесь около 40 видов животных. Самые крупные из них — медведь и лось. Хребты Нургуш и Уреньга — настоящий медвежий угол. Лесные великаны лоси успешно размножаются в этих местах. Их здесь около двухсот. Из пушных зверей больше всего зайцев и белок, есть норка, куница и рыжая красавица лиса.

Птиц на озере насчитывается более 150 разновидностей. В горных тундрах встречаются тетерева и луговой линь, обыкновенная пустельга и болотная сова. Ниже, в поясе елово-пихтовых и елово-берёзовых лесов, гнездятся сойка и вальдшнеп, длиннохвостая неясыть и дятел. Урочища на склонах Уреньги и Москаля облюбовали глухари. Неопишное зрелище наблюдать за их любовным свадебным токованием. Смотришь и забываешь, что перед тобой дикая птица. Так красиво ухаживает тетерев за тетёркой, так ласково и так воспитанно! При этом пританцовывает, нежно целует её своим клювиком, а счастливая тетёрка хвост веером распускает. И токуют они... токуют свои песни о любви! Но надо знать, если ты оказался в засаде и наблюдаешь за ними: не совершать ни малейшего движения, не сделать ни одного мало-мальского хруста. Случайный шорох — и птицы испуганно в панике пробегают по траве метров десять и вздымают вверх. И были таковы!

Вязовая роща на Зюраткуле является ботаническим памятником природы. В ней насчитывается около 600 видов растений. Среди них 13 видов эндемиков (не произрастающие более нигде): ветреница пермская, качим уральский, цицербита уральская, ястребинка иремельская и др. — и 26 реликтов (выжившие растения ледникового периода): ива сизая, астра альпийская, очиток гибридный, чина Гмелина и т.д.

Расположилось озеро в горах на высоте 754 метра над уровнем моря, в нескольких километрах от города Сатки. И добраться до него в те времена можно было только пешком или на попутной машине. Мы с дядей Васей часто гостевали у лесника на озере, потому что был он заядлый ягодник, грибник и рыбовод, а здесь, на Зюраткуле, всего этого навалом. Около 20 видов рыб обитает в озере и его притоках. Поэтому я охотно составляла дяде Васе компанию. С огромным удовольствием, когда он возвращался с рыбалки, запускала руку в ведро, битком наполненное лещами, окунями и плотвой. Сверху дядя всегда клал щуку-хищницу (когда удавалось её поймать). А если бы вы

знали, какой восторг испытываешь, глядя, как в чистой и холодной воде резвится уральская форель — хариус!

Здесь, на Зюраткуле, всё по-другому, не как в городе. Мне всегда чудилось, будто в другой мир попала: в загадочный и таинственный. Полей вокруг озера не было, так — небольшие поляночки-плеши. Солнце сквозь густую и мохнатую крону деревьев едва проникало к земле, а внизу росли травы выше моего роста. Настоящая что называется чаща.

Я полюбила Зюраткуль с первого взгляда. Во дворе рассказывала ребятам разные небылицы про озеро, поэтому они всегда ждали моего возвращения с нетерпением. Мне же приходилось каждый раз придумывать новые истории.

Однажды лесник Терентий рассказал легенду, будто название озера произошло от башкирских слов «зыярат» — в переводе означает «кладбище» и «кул» — переводится как «озеро». Рассказывал, что было это давно, во времена Пугачёвского восстания. Здесь, на берегу озера, принял кровавый бой против царских войск отряд народного предводителя Салавата Юлаева. Много polegло в том бою людей. Это был страшный бой. Людская память тесно связывает окрестности озера с Пугачёвским восстанием. Множество других легенд передаются народом из уст в уста, из поколения в поколение об этих исторических событиях, произошедших на озере.

Но больше всего ребята нашего двора полюбили легенду о юной Юрме и богатыре Семигоре, которую я услышала от своей мамы. Легенда гласит, что много-много лет назад в окрестностях озера, в уединении от людских взоров, жила девушка по имени Юрма. Она была так умна, что многие избегали заговорить с ней, из боязни подчеркнуть свою безграмотность и невежество. О красоте её сказочной говорили далеко за пределами Уральских гор. Сказывали: кто добрыми глазами на лесную девушку хоть разок, хоть одним глазом посмотрит, сразу и сам похорошеет и ума наберётся, а если парень — то обязательно полюбит её. Многие богатые и знатные женихи просили руки, задаривая Юрму драгоценными подарками и совершая в честь неё храбрые поступки. Но никому не удавалось завоевать сердце красавицы. Сердце девушки оставалось свободным, она отказывала всем женихам, возвращая их щедрые дары. Но однажды к ней пришёл богатырь, сильнее и красивее которого не было во всём белом свете. Это был сам Семигор. Он подарил Юрме волшебное зеркало. Взглянув в него, девушка увидела, как холодны и безразличны её зелёные глаза. Ей очень не понравилось это. Рассердилась Юрма и, размахнувшись, со всей силой швырнула зеркало в горные скалы. Один из осколков улетел высоко к вершинам деревьев и застрял в ветках косматых елей и лиственниц. Когда подул сильный ветер, осколок упал к подножию горы и превратился в прекрасное озеро. С высоты птичьего полёта водной гладью своей оно было похоже на огромное зеркало. С тех пор озеро, словно магнит, притягивает к себе и солнце, и ветер,

и облака. Люди тоже пришли к озеру. Побывав здесь, чистой своей душой раскрываются и уже никогда его не забудут, как не мог разлюбить красавицу Юрму богатырь Семигор. Говорят, будто, кто в озеро заглянет, тот, словно в зеркале, своё сердце увидит, и тогда оно наполняется горячей любовью, словно на свидание сюда приходил. Поэтому и прозвали волшебное озеро Зюраткуль — «сердце-озеро». А на географической карте появилось озеро в форме сердца.

Природа наделила озеро формой сердца. И оно было таким, пока реку Большая Сатка, вытекающую из озера, не перекрыли плотиной. После возведения плотины площадь озера Зюраткуль увеличилась в два раза, изменилась и форма озера. А в годы Великой Отечественной войны здесь построили Зюраткульскую ГЭС.

Но вернёмся на лесничий кордон к дяде Терентию. У лесника Терентия была кобыла по имени Гера. Он на ней в город по казённым делам ездил и по домашней надобности. Иногда нас с дядей Васей забирал из города к себе погостить. Жил лесник богато. Еды у них было много и вся своим трудом добыта. Молока от семи коров утром и вечером по ведру от каждой надаивали. Излишки молока лесник Терентий увозил в город в детский сад, где чужие дети воспитывались. Своих ребятшек у Терентия не было. Пропускали молоко через сепаратор — получались сливки. Со сливками чай пили. Но большую часть сливали в рубленый берёзовый бочонок и ждали, когда сливки чуть-чуть загустеют. Получалась сметана. Часть её оставляли себе на шаньги и борщи. А другую часть тётя Стеша переливала в другой деревянный бочонок, который назывался маслбойкой, и ждала, когда сметана ещё круче загустеет, а уж потом взбивала её, и получалось сливочное масло.

В этот день тётя Стеша ставила блинное тесто на дрожжах и топила печь.

— Нет блинов вкуснее испечённых на поду в печи, — приговаривала каждый раз она. — От бабушки своей это помню.

Ставила тётя Стеша посреди кухни сколоченную из дерева старую табуретку, застилала её холщовой тряпкой и бросала на неё блины с жару. Сковорода чугунная была, огромных размеров, но тётя Стеша управлялась легко. Блины получались большие, я и одного доесть не могла, всегда клочки оставались.

— А ты не стесняйся, кунай блин поглыбже в маслице, — приговаривала тётя Стеша, подбрасывая очередной из печи. — Нюхай масло-то, ароматом насытиться можно.

А мясо у них прямо на поляне за домом гуляло. Несколько коров, бычков, десятка три овец, коз, кроликов, индюшек, гусей, уток и кур — вся эта живность наращивала бока на сочных горных травах, а поздней осенью кто-то из них попадал под нож мясника. Зимой мясо тушами хранилось в снегу или, облитое водой и укутанное брезентом, висело высоко на деревьях. Такого изобилия в одном доме ни у кого и никогда больше не видела до сей поры.

Пребывание на озере воспринимала, как сказку наяву. Бывало, проснусь утром, а в доме

по деревянным половицам блуждает прохлада, смешанная с запахами трав и цветущих кустов смородины и малины. В открытое окно ветка сирени влезла с шапкой ярких цветов и назойливо дурманит меня своим ароматом. И птицы надрываясь поют, восхищая своим разноголосьем. Тут тебе и жаворонки спозаранку трелями разливаются, и дрозд трещит, и иволга насвистывает. Только соловей почему-то спозаранку смолкает. С вечера до глубокой ночи поёт заливаясь, а к солнцестоянию замолкает.

Ко всему этому примешивается перезвон колокольчиков, что к шеям лошадей и бычков подвязаны. Колокольцы у всех одинаковые, а звуки исходят разные.

— Это оттого, что забредает животное в разные места на полянах и пастбищах, — объясняет лесник Терентий. — Звуки с разного расстояния по-разному слышатся. К тому ж скотина трясёт головой не одинаково, у каждой своя сила и возраст. Иная шибко мотает мордой, того и гляди оторвётся башка, а другая — так себе, потрясывает. Только как бы они ни трясли колокольца, а звон их в горах далеко слышать. Прислухайся... слышь? Этот колоколец от нас, пожалуй, за три километра будет.

— А сейчас который звякнул? — спросил дядя Вася.

— Этот совсем рядом будет... может, в километре от нас пасётся, — улыбается Терентий, а сам на моего дядьку с прищуром смотрит. — То младой бычок так крупно трясёт головой, всё сорвать колоколец норовит. Его, как тебя, Васькой обозвали.

Вокруг озера росли огромные плантации дикой малины. В них можно было заблудиться. Спасало то, что малина росла на склонах гор, а озеро располагалось между ними, поэтому чем выше поднимаешься, тем всё яснее видишь, с какого-нибудь выступа на скале, тем увереннее знаешь обратный путь. Правда, случалось и заблудиться.

Здесь в окрестностях на малину забредают медведи. Терентий научил нас, как медведя отпугивать. Мне на шею повесил бубён, а дяде Васе — «ожерелье» из дюжины колокольчиков. Однажды собирали малину на взгорьях. Не заметили, как разошлись в разные стороны. Вдруг слышу: за кустом ветки трещат и кто-то аппетитно чавкает. «Должно быть, дядя малину ест и топчется с ноги на ногу, потому ветки трещат, ломаются», — решила я и раздвинула кусты.

— Маммочка роддная, — прошептала испуганно, увидев перед собой маленького медвежонка, который обеими лапами толкал в рот малину вместе с ветками и листвой. Он кряхтел, как старик: «хе-хе». Мне захотелось потрогать малыша, но рядом раздался хруст веток и рывканье: «ре-ре». Это точно была медведица. Она не могла бросить своего дитя, — как я об этом не подумала! По хрусту веток определила, что она совсем близко... торопится... приближается... Вспомнив о бубне, сорвала его с шеи и давай по нему стучать кулаками. Подняла такой шум, что не только медведица сбегала прочь, а за ней по пятам — двое медвежат, но и мой

дядя Вася прибежал в считанные секунды.

— Молодец... ты просто молодчина, — повторил он, еле дух переводя. С тех пор в лесу мы не оставляли друг друга ни на минуту и постоянно перекликались.

Тогда, в детстве, на озере, зародилась моя первая истинно женская мечта о шубке, да не какой-нибудь, а — кротовой. Такую шубку купила в Москве моя учительница Антонина Михайловна и носила её на зависть другим. Дядя Вася, узнав мою тайну, тоже стал мечтать о кротовой шубе для своей жены Анны.

— Сначала накопим шкурок и сошьём Аннушке шубу, а потом тебе, — уговаривал он меня. — Тебе-то мы быстро наловим, тебе в пятьдесят раз меньше шкур надо.

Всё лето ловили мы с дядей кротов, которые возле озера полчищами по вечерам из нор вылезали. Их норки-убежища буквально испещряли побережье и склоны гор. Иногда нога буквально проваливалась в их домики и подземные лабиринты, так плотно располагались они рядом. За сезон мы выловили триста кротов.

Терентий смеялся над нашей идеей.

— На шубу навряд ли наловите, а дело полезное сделаете. Кротов здесь столько, что местами их норами километры прорыты. К тому же кроты чистюли знатные, потому нередко меняют местожительство и снова роют длинные ходы в корнях деревьев. Так что ловите сколько вздумается, — выговаривал нам Терентий, помогая снимать с тушек шкурки и доводить их до готовности.

Триста! Это ж ой-ё-ёй как много! Пошли мы с дядей Васей в ателье. Но мастер мгновенно разрушил наши мечты, сказав, что этого едва хватит на пару рукавов.

— А сколько на шубу шкурок надо? — спросила я у дяди Васи, когда на улицу вышли.

— Шут его знает, — ответил он с улыбкой. — Наверное, миллион... или больше. Дальше-то что делать будем, племяшка? Если за лето поймали триста кротов, за десять лет — три тысячи, за сто лет — тридцать тысяч... а нам нужен миллион шкурок...

— Да ты не переживай, дядя Вася, — сказала я жалостливым голосом и взяла его за руку. — Анна у тебя и так красивая, а я куплю себе шубу, когда вырасту. Обязательно куплю.

На этом и сошлись.

...А ещё мне нравилось, когда посылали меня с корзиной к роднику. Родником называлась широкая и довольно глубокая яма. Она находилась в нескольких метрах от озера прямо за рубленой баней, возле торчащего из-под земли огромного валуна. Вода в яме была ледяная, она широким ручейком вытекала в Зюраткуль. Терентий говорил, что на дне ямы около десятка живых, бьющих из недр земли родников. В проточную воду на верёвках спускали продукты: молоко, сметану, масло, мясо, домашний сыр. Всё упаковывали во фляги, алюминиевые баклажки, стеклянные сосуды. На другом конце верёвки крепился металлический крюк, который прицеплялся за жердь, прибитую между деревьями, стоящими по краю родника. Яма

служила чем-то вроде современного холодильника. Хранились здесь продукты летом отменно, даже в самую жару.

...Но больше всего я любила, когда жена Терентия, тихая, почти бессловесная тётя Стеша, варила летние щи из сушёной солонины-конины со щавелем, добавляя туда, помимо картошки, всякой дико выросшей пряности. К столу собирали мы с ней лесную черемшу и пиканы. Пиканы (их ещё называют «пучками») она тут же заливала кипятком на несколько минут. А уж после томила их на углях в сметане. И щи с кониной, и «пучки» в сметане, и квас на медоносных травах — всё это было невероятно вкусно и съедалось подчистую до мельчайшей крошечки.

— Ну, будя! Пора рыбу чистить, — заканчивала каждый раз застолье тётя Стеша.

— Какую рыбу? — от удивления рот разеваю.

— Да ту, что утречком Василь поймал, — улыбнётся хозяйка и даст мне в руки острый нож-скребок. — Чистить будем лихо, а то тесто перестоится. К ужину пирог с карасями печь станем.

— Какое тесто? — удивляюсь ещё больше, и рот ещё шире открывается.

— А вон то, что в кадушке посередь поляны под солнцем греется, — отвечает тётя Стеша, а сама таз алюминиевый в руки берёт, куда рыбу класть будем. — Под солнцем тесто разом подходит, глазом моргнуть не успеешь. А вку-у-у-сное-е-е! Пальчики заглотнуть можно.

Но пришёл час, когда всё изменилось разом. Сначала лесник Терентий перевёлся работать в другое лесничество, которое находилось далеко, даже не в нашей области. Расставание с другом тяжело перенёс мой дядя. Он часом стих, захандрил, а потом ему сделали операцию, и он умер. Я тоже тяжело пережила расставание с Зюраткулем.

Сказка же, когда-то придуманная детским воображением от ярких впечатлений увиденного и прочувствованного на озере Зюраткуль, жила во мне долгие годы. Сегодня сюда не ездят на лошадях и телегах, не добираются пешком. Из города по расписанию ходит «маршрутка», встречаются в пути иномарки, отечественные «жигули». Дорогу в горах давно вымостили асфальтом. Многочисленные группы туристов Челябинской области, нашей огромной страны, даже гости из-за рубежа приезжали в эту сказочную обитель, чтобы отдохнуть и насытиться девственной природой горного озера.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ТВОРЧЕСТВО НОВЫХ ПРОЗАИКОВ И ПОЭТОВ — ЧЛЕНОВ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Александр ШУБИН

Стихи

НОЧНОЕ ОЗЕРО

Ночное озеро колеблется беззвучно.
Под гулким колоколом звёздной тишины
отчётливо слышны
и дальний плеск волны,
и чей-то смех,
и плач,
и жалобы уключин,
и женский голос —
чувственный, певучий,
и призрачный, как отблески луны...

И сердце — в тесноте предчувственной истомы —
так всё до странности здесь близко и знакомо,
как будто я проник в предел души,
где зыбкий свет, мерцая, ворожит,
и светлый лик глядит и тайным знаньем дышит,
и матушка слова
печальной песни нижеет,
и голос, словно зябнет, —
чуть дрожит...

ЧЕРНОЗЁМ

Виктору Коврижных

Темна и голодна дернина дней созревших:
им отданы миров огни и голоса,
и времена, где ты, застыв, остался прежним
на тверди, что не раз меняла полюса.

И жизнь моя — в прирост, в исподник травостоя,
где память бытия — всеобщий кровоток,
таинственный замес, творящий всё живое.
Как щедро в нём разлит божественный желток!

Став притчею веков — мы у порога дома,
где ал-раскаян лист к отечеству припал.
И первый снег — простак и простоты потомок —
скатёркой тишины весь белый свет убрал.

Мы — горняя капель, живущая полётом,
с дарующей руки берущая взаём
мгновенный облик лиц и душу как работу,
которую так ждёт небесный чернозём.

СЛОВО

Ярился под ярмом бесправия, бессилия
и душу, как дитя из пекла выносил.
И каждый божий день мне даровал не крылья,
но слово — лишь оно мне и давало сил
жить по крестьянской вере и традиции,
жить каждый день захлёб — накоротке
с космической иронией провинции
и умирать — на русском языке.

ПО ЖИВОМУ

Тонкий лёд прогибается с треском,
сплох молний под тяжестью шага:
по-над водами с верою детской,
по-над страхом — с недетской отвагой.

Так и помню морозное чудо,
улыбаясь и на небо глядя,
даже, если целую иуду,
что жуёт втихомолку проклятья.

С этой верою так и шагаю —
век страстной прогибается с треском.
Не умею втихую по краю:
по-над бездною — с силою крестной.

По гранитам родимого дома,
что мне кровью отцовской завещан
и, что рвёт на куски по живому
набегающей гибельной трещиной.

СОВРЁТ

Ещё до смерти музыканта
его душа гостит в раю,
и ей поют все птицы сада,
приняв по праву за свою.

А музыкант сидит бездумный
в прихожей ада — в кабаке,
упёршись взором, как безумный
в содом теней на потолке.

Худые выцветшие руки
бессмысленно лежат ничком,

как отслужившие в прислуге
товарки в дрёме, под хмельком.

И — за мгновение до краха,
земным на грош не дорожа,
он слышит сквозь припадок страха,
что возвращается душа:

какой-то простенький мотивчик,
полнейший вздор, шестнадцать нот —
но оживает он, счастливчик!
И — подпевая ей — соврёт.

Владимир СТОГ

Рассказ

Лечение от учения

Начиная борьбу, я понимал, что
вступаю «во владения Кощея».
Я еще не знал правил этой борьбы.

Г. Каспаров

У меня знакомый есть — химик. Химик в правильном понимании этого слова. Нормальный мужик, прекрасный специалист, кандидат наук. Обычная рабочая лошадка — всю жизнь преподавал в различных вузах. Мы не виделись с ним лет, наверное, десять — он уезжал работать в Карачинск (небольшой городок недалеко от столицы), но через несколько лет снова вернулся в родные пенаты. А встретиться довелось у общих знакомых на дне рождения. Сидели рядом, разговаривали под рюмочку — ля-ля-тополя — словом, беседовали «за жизнь». А через месяц встретились уже целенаправленно на его поле. Он меня пригласил на разговор, узнав, что я пишу.

Мы сидели в его небольшой комнатке, которую он называл своим кабинетом. Общаться нам никто не мешал — жена куда-то уехала по своим делам, дети были на занятиях, и только дымчатый котик возлежал на диване, иногда вздрагивая в своих, наверное, полных приключений и впечатлений, чёрно-белых снах.

— Я хочу тебе рассказать не совсем обычную

историю, произошедшую со мной в Карачинске, — приступил к рассказу мой собеседник. Началась она с того, что... Не помню, у кого — то ли у Бредбери, то ли у Кларка — я прочитал фантастический рассказ, в котором один учёный изобрёл вещество, которое, воздействуя на сознание человека, позволяло определять, скажем так, степень его нравственности или, если хочешь, безнравственности, ну а совсем попросту — насколько он правдив или лжив. Причём экраном, на котором были представлены результаты этого воздействия, являлось собственное лицо испытуемого. Если не вдаваться в подробности, то когда вам ввали, внедряли ложь по полной и «на совесть», то кожа лица лгуна принимала ярко выраженный фиолетовый оттенок, заметный, как говорится, невооружённым глазом. У самых отчаянных врунов-нечестивцев цвет лица становился тёмным, фиолетово-бурым, как у закоренелых пьяниц.

Сначала учёный проводил испытания на своих знакомых, на добровольных пациентах,

которые, чтобы получить воздействие от препарата, специально влезали в шкуру то кристально честных правдолюбцев, то отчаянных лгунов, и, как сейчас говорят, прикалывались. Но смех смехом, а краска держалась на лице несколько дней. Вскоре очередь дошла и до высших чинов, до самых верхов, которые на собственной шкуре прошли испытание на прочность, то есть на наличие совести. У подавляющего большинства из них лицевой фиолетовый окрас был значительно ярче и обычно держался гораздо дольше, чем у простого люда и чиновников рангом пониже. В верхах началась паника. Многие срочно брали отпуска и отсиживались на своих куршевелях и майорках, пока не приходили в норму. В конце концов терпение власть имущих подошло к закономерному концу — учёного сначала изолировали от общества, признав сумасшедшим, а его снадобье сильным ядом, а затем он вообще исчез.

Так вот, меня заинтриговал этот фантастический рассказ, и я решил заняться разработкой подобного препарата. Прекрасно понимал, что даже сам для себя буду выглядеть последним дураком, таким идиотом в собственном соку, но вот втемяшилось в голову — и всё тут. А уж чтобы кому-то рассказать о своей работе в этом направлении, даже и подумать было страшно! Правда, снадобье я решил создать не совсем такое, а точнее совсем не такое. Если учёный из рассказа хотел разоблачить пороки, то я решил действовать методом от противного...

Года два добросовестно вечерами и в выходные, как обезьяна, которой дали мольберт, краски и кисточку, смешивал и смешивал различные компоненты растительного, животного и прочих миров, пытаюсь достигнуть задуманного. Проверять же полученные снадобья на своих домашних, чем замучил их сначала основательно, а потом и окончательно. И вот однажды понял — случилось! Мой препарат определял правдолюбцев, никак не реагируя на лжецов...

Вхождение в народ поначалу было прекрасным — появилось много довольных, я бы даже сказал, счастливых людей, лица которых излучали какой-то чистый золотистый отсвет, очень приятный на вид, некую светящуюся ауру. У многих житейская пасмурность с лица просто улетучивалась. Этими качествами были наделены в основном люди преклонного возраста, а также часть студенчества, школьников, рабочего и служивого люда. Действие препарата сохраняется достаточно долго при продолжении праведной жизни. Если же человек по какой-то причине начинал врать, изворачиваться, злословить, то золотистость с лица спадала — оно становилось обычным.

Первый неприятный звоночек прозвучал месяца через два. Недалеко от дома, где я проживал, сильно избили парнишку, избили ребята из нашего же района. Мальчишка не захотел участвовать с ними в каких-то сомнительных делишках и высказался открыто — честно и прямо. И засветился в самом прямом смысле.

— Не будешь выёживаться! — так заявил после расправы бугор компании. — Смотри-ка ты,

он один светленький, а мы, значит, фуфло тёмное, поганое, так, по-твоему? — Запомни, ты, козёл: мы — реальные пацаны, а ты и все другие светящиеся — просто дерьмо вонючее, усёк?

Второй раз мне пришлось столкнуться с неприятием моего изобретения, когда один знакомый отказался от препарата, потому что устраивался на работу.

— Ты сам подумай, кому у нас нужен работник, который режет правду-матку! — втолковывал он мне. — Даже, если и примут, всё равно будут избегать, остерегаться сказать лишнее, да и работу дадут самую примитивную — бери больше, кидай дальше. Нет, спасибо, ищи дураков в другом месте.

И пошло, и поехало. Тем не менее, возник какой-то паритет: были и сторонники (достаточно много), и ярые противники (тоже немало) моего препарата. В течение, наверное, года я несколько раз выступал на различных предприятиях, рассказывая о своём изобретении с упором на абсолютную безвредность препарата. Мою персону стали узнавать на улицах. Кто-то здоровался с улыбкой, иные отворачивались с усмешкой.

Так продолжалось до тех пор, пока меня однажды не пригласили на беседу в городскую администрацию. Встретили вроде бы приветливо, даже извинились за то, что порушили мои рабочие планы. Разговор со мной вёл сам мэр Карачинска, человек лет сорока — сорока пяти, с цепким колючим взглядом.

— Людочка, организуй нам чайку-кофейку и какие-нибудь конфетки-бараночки, — распорядился он.

Людочка с длинными-преддлинными жирафьими ногами в шоколадных колготках в клеточку, мелькнув тряпочкой, изображавшей юбочку, отправилась выполнять ответственное поручение.

— Ну, так что вас подвигло на создание такого необычного препарата? — спросил меня хозяин кабинета после того, как был продегустирован людочкин чай.

— В первую очередь, сделать людям приятное, относиться к жизни более оптимистически, — ведь если их внутреннее светлое отражается на лице — это любо и им самим, и окружающим.

— Так-то оно так, но ведь препарат уж очень по-разному воздействует на окружающих. И это надо понимать так, что вы специально противопоставляете друг другу две группы людей: на которых препарат воздействует строго положительно и на которых не воздействует вообще. Вы же не будете этого отрицать?

— С точки зрения воздействия — не буду. А вот с противопоставлением не соглашусь. Скорее та группа людей, на которую препарат влияет, служит примером другой группе, на которую препарат пока не в силах воздействовать. Другими словами, слабый в этом отношении должен подтягиваться к сильному.

— Значит, по-вашему выходит, что контингент этих светящихся старичков и людей в спецовках в морально-этическом плане реально сильнее молодых, энергичных представителей

управленческих учреждений типа нашего?

— Выходит, что так.

При этих словах хозяин кабинета сразу помрачнел.

— А вы, уверены, что не ошибаетесь?

— Я думаю, что и в вашем, и в любом другом учреждении есть люди, как положительно реагирующие на воздействие препарата, так и нейтрально расположенные к нему, — попытался я как-то разрядить обстановку.

Однако собеседник был явно раздосадован. По ходу разговора он мрачнел всё больше и больше, причём прямо на глазах. Повисло молчание.

— Это всё лисьи уловки, — наконец в раздражении выдавил он из себя. Мне сдаётся, что вы специально хотите опорочить властные структуры города в глазах народа.

— Неужели наш народ такой дурной, чтобы не видеть, как работают властные структуры города без моих, как вы их назвали, лисьих уловок?

И тут, видно, его терпение лопнуло, и он сорвался на крик:

— Да мне плевать, как он видит, твой народ. Если называть вещи своими именами, то у нас вообще не народ — и даже не электорат — самое натуральное быдло. И это быдло приходится как-то увещевать, уговаривать, успокаивать, а перед выборами ещё кое-кого и подкармливать. Сунешь перестарку банку тушёнки из запасника да кило гречки — твой с потрохами! И это, по-вашему, народ? К тому же, российские пенсионеры — бездельники в натуре. Просто заноза какая-то! На пенсию в 55–60 лет! Нигде в развитых странах такого нет. Но ша-а-а! Эти твои светящиеся будут, бу-у-у-дут ещё вьё...(он отхлебнул из стакана), будут пахать до 65 лет! И мужики, и бабы. Пусть это кое-кому и не нравится, даже наверху. Говорят, нет оснований для повышения срока выхода на пенсию. Нет — так мы найдём — а то и без основания обойдёмся.

Ладно, пенсионеры — это так ещё, цветочки. Да мало ли ещё из-за чего ты и тебе подобные постоянно хотят выставить нас в чёрном цвете!

Тут меня тоже прорвало.

— Во-первых, эти, по-вашему, «бездельники», участвовали, в отличие от современных «умников» и прощелыг, в нескольких войнах, выпавших на их долю, пахали от зари до зари в поле, на заводах и фабриках, восстанавливали разрушенное врагом хозяйство. Да и потом, уже в мирное время, работали не жалея сил, пахали на совесть и вполне заработали заслуженный отдых и пенсию, причём, не те крохи, которые получают сейчас. Во-вторых, никого и никуда я не собирался выставлять, да ещё в чёрном цвете. Тем более, что для народа не так уж и важно, кто у них будет бал править — вы или другие из такой же, как ваша, колоды.

— Это, может, тебе и твоему народу всё равно, а вот нам очень даже не всё равно! — всё более распалялся хозяин.

— По-моему, мы отвлеклись — снова попытался я залить костёр — из моего простого

эксперимента вы слепили какой-то негатив. И потом, народу ничего не известно по поводу использования городскими чиновниками моего препарата.

При этих словах у собеседника глаза стали как у рака при варке, а пальцы слегка стали подрагивать. Я почувствовал, что хозяин сейчас просто взорвётся.

— Он ещё и издевается! Да в городе только об этом и говорят! Мы же тебе пошли навстречу, помогли в чём-то с производством препарата, а значит и в стороне не остались, а ты, сука, нас всех идиотами выставил — злыми, тупыми, недалёкими! Была б моя воля, я бы тебя вот этими руками прямо здесь... и сейчас так отоварил — твоя баба тебя и за неделю бы не собрала, даже по инструкции. Чего, паскуда, уставился — страшно стало? И не смотри на меня так. Никуда и никому ты не пожалуешься, никто тебе не поверит, да и говорить с тобой никто не будет. Я ведь не шучу. Хочешь, я тебя вообще невменяемым сделаю? Будешь как та девка из анекдота, которая при совокуплении орала: «Только не в меня, только не в меня!» Такая вот невменяемая! Он усмехнулся. Но я-то тебя настоящим невменяемым сделаю.

— Вы вообще отдаёте себе отчёт, что вы говорите, с кем вы говорите, а главное, как вы говорите? Представляете, насколько сейчас вы бледно выглядите?

— Да хрясть твою масть, мы здесь с тобой разговор ведём тет-а-тет, поэтому откровенно всё тебе и говорю. И ещё скажу: «Да, во властных структурах сейчас действительно есть, и их немало, и тупые, и наглые, и самонадеянные, и изворотливые, и откровенные воры — такая наша действительность сегодня. Но труха со временем отсеется — останутся умные и настойчивые, что называется, ребята с головой. Они и сейчас стремятся правильно жить, умело работать, делать деньги, а такие, как ты, светящиеся, этого не понимают, к большому сожалению.

Он навис надо мной, с распарившимся, каким-то усталым лицом цвета выжатой половой тряпки, в глазах его мелькали сполохи явно нездорового огня. Я видел совсем близко перед собой тюремное мурло, физиономию материализовавшегося из зоны натурального, самого настоящего урки, по какой-то чудовищной ошибке сменившего лагерную робу на дорогой модный костюм.

— Да, эти люди, которые сейчас у власти, — продолжал он в запале, — это крутые люди, это реальные пацаны, деловые и жесткие, и они никогда не позволят вам вернуть то сучье время, когда можно было «капусту» стричь лишь в подвалах. Никогда! Ты понял?

— Ну это вряд ли! — как мог спокойно, парировал я. — Один господин с усиками и с косою челкой тоже вещал о тысячелетнем рейхе.

— Сравнил хрен с пальцем! Мы долго запрягали, и будем долго ездить, и никто не сможет нам помешать — никто, ты слышишь — никто! А вот ты, дерьмо, со своими давно отжившими

честью, совестью, засветился у нас. Засветился, вроде как с лучшими намерениями!

— Да, моё изобретение делалось с прицелом на добро,— согласился я,— но, увы, тщетно. Коту под хвост. Тем не менее, не сделаю открытия, если скажу, что ваше время, время беспредела, всё равно скоро закончится, и к власти придут новые силы, скорее всего, левые.

— Снова социализм с коммунизмом строить собрался? Или ещё какой «изм» товарищи придумают?

— Да не об «измах» речь. Просто к власти придут нормальные люди, люди, любящие людей, люди-созидатели добра и, самое главное, не хищники. И во главу угла будет поставлена вовсе не прибыль, а целесообразность. Скорее всего, целесообразность — не экономический термин. Говорю как понимаю. Она станет краеугольным камнем и в экономике, и в остальных жизненных сферах.

— Снова будете жить без конкуренции и прибыли? Вы уже жили без них, да что-то вот у вас не срослось. И Союз ваш грёбаный развалился к чертям собачьим.

— Да, верно, развалился, только это все ненадолго. Вскоре возникнет новая общественно-экономическая формация, в корне отличная от существующей, но в которой и конкуренция, и прибыль по-прежнему будут на должной высоте. Более того, прибыль как была, так и останется главным экономическим показателем, просто она будет вторична по отношению к целесообразности, и в строгом соответствии и сочетании с ней.

— Что ты мне всё съёшь какую-то целесообразность!? Хотя, понимаю — это ваше «ноу хау».

— Повторяю, я не экономист, и не хочу с вами ввязываться в дискуссию, но всё же скажу: «У таких, как вы, в жизни есть одна единственная и главная задача — это личное обогащение. Это цель любого индивидуума из вашего клана. Чтобы хоть как-то оправдать свою хищническую сущность, вы оперируете такими понятиями (придуманными, кстати, такими же, как вы), как «деньги не пахнут», «цель оправдывает средства», «лучше быть здоровым и богатым, чем больным и бедным», и так далее. Это личная цель любого из вас. А целесообразность в моём понимании — это тоже цель, но цель, присущая группе людей, несущая пользу не одиночке, а большому коллективу. Более того, цель, необходимая к немедленной реализации прямо сегодня. Чтобы не быть голословным, приведу простые примеры: возвращение растительному и животному миру нормальной экологии, переход к бесплатной для любого человека высокоэффективной медицине, возвращение подрастающему поколению всех слёз общества счастливого детства. Ну и так далее. По-моему, примеров достаточно.

А чтобы реализовать всё это — засучив рукава, вперёд всем миром!

Хозяин кабинета расхохотался, но потом вдруг резко оборвал смех, как-то даже сник, хотя глаза по-прежнему метали молнии. Тем не менее, надо отдать ему должное, он взял себя в руки и стал говорить спокойно.

— Короче, базар кончаем. Если бы не скорые выборы, я бы тебя засунул, куда надо. Да вот в городе ты известен. Ладно, живи, хрен с тобой. Только пургу гнать не советую, и чтобы духу твоего светящегося в Карачинске не было! Даю тебе неделю. Промедлишь — закопаю. В институте завтра заберёшь трудовую. Всё, свободен... пока...

— Вот так я и оказался снова в родном городе. Ну и как впечатление — будешь писать?

— Написать-то я могу — а не боишься, что он прочтает и захочет закопать?

— Да нет, и время какое-то прошло, и его уже в Карачинске нет.

— Что, перевели с повышением в область?

— Бери выше, в столице он теперь. Ну, не на самом верху, конечно, но в «ящике» иногда мелькает. Причем, что интересно, активно пересекается с левыми силами.

— Шустрый мужичок. Может, уже светиться начал?

— Боюсь, что свет и цвет в его лице совсем не золотистые! Ладно, иди думай, и не бери в голову.

— Давай, встретимся через месяц,— предложил я, пусть немного в голове уложится, как говорится, устаканится. А что касается твоего снадобья, то отдавая тебе должное, как учёному-экспериментатору, вот что хочу сказать, не в обиду, конечно: «Как ты сам убедился — ни разоблачение порока, ни вознесение добродетели — ни к чему хорошему и положительному не привели, да и привести не могли. Силёнок маловато. На свете давным-давно известно единственное на все времена верное средство. Или, если хочешь, лекарство — оно называется кратко и ёмко — ЛЮБОВЬ. Если бы в человеке процветало это чувство, то люди бы вели себя как люди, и жили бы в радости. А церкви, храмы, монастыри и всевозможные культовые предметы просто-напросто были бы не нужны, потому что любая конфессия служит единственной цели — возвращению искры Божией в сердце человека, коей и является любовь. И вот это мы все должны и понять, и принять, и чем скорее, тем лучше.

Перефразируя Николая Островского, можно сказать: «Жизнь даётся человеку один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, за совершённые поступки, и, чтобы уходя из нее, ты мог сказать: «Всё время и все силы были отданы самому главному и прекрасному на земле — ПРИВЛЕЧЕНИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА К ЛЮБВИ!..»

Включите тьму

Ури жил на красном острове. Маяк, служивший ему домом, многие годы освещал путь кораблям, скитавшимся в тёмных водах Бесконечного океана. В те времена, когда он был построен, в мире ещё случалась ночь, а когда она перестала наступать, надобность в маяке отпала. Рыбак Спириус, получив этот маяк в наследство, поселился здесь. Добраться до материка на утлой лодчонке Спириуса можно было за двое суток. Иногда Ури выбирался туда с ним для того, чтобы продать рыбу и закупить продукты, материк представлялся ему одним нескончаемым пёстрым базаром. Мальчик, выросший в глуши и уединении, побаивался крикливых торговцев и быстро уставал.

Молчаливый и угрюмый Спириус был потомственным смотрителем Маяка, даже когда он стал не нужен мореходам, а вечно всем недовольная, сварливая Лоти была его, наверное, тоже потомственной, супругой. Они представляли собой пожилую пару, сплочённую общими трудностями, но большего несовпадения характеров было трудно себе представить, и их ссоры со временем не утратили накала молодости. Ури знал, что они не были его родителями, но они не знали о том, что сей факт известен ему, и ласково называли его Ури-сынком. Дни проходили за днями. Океан шумел и бранился, бросая в окна солёные брызги, а в небе сияло два солнца: белёсый загадочный Скавотт — покровитель странников, заходил за горизонт, а тёзка мальчика — яростный и холодный Уринделл, светил круглые сутки. Однажды, догоняя своего единственного питомца — чешуекрылого кролика с королевским именем Антариус второй (первый попался в когти саблезубого харпиуса несколько лет назад), Ури случайно услышал разговор, который вели его приёмные родители, сидя на древних ступенях маяка и допивая свой вечерний чай.

— Не выдумывай Спириус! Звёздные странники никогда не вернуться. Они тогда кое-как починили свой корабль и взлетели только на честном слове! Он, наверное, шлёпнулся и поллиги не пролетел! — горячилась Лоти.

— Почём тебе знать? — отвечал её немногословный супруг.

— А хоть бы и так! Я не отдам им Ури, и пусть убираются, откуда пришли!

— Но ведь мы обещали.

— Да я лучше тебя им отдам, старый ты пень! — Лоти поднялась, грозно уперев руки в бока. — Ури хоть сказки занятно рассказывает, а от тебя какой толк? Ты вот обещал привезти из города этакую полезную штуковину, чтобы включать тьму, и отчего же не выполняешь своего обещания?

— Привёз,—коротко ответил Спириус,

Лоти удивлённо расширила глаза:

— И до сих пор не показал мне!?

— Забыл.

— Забыл он, видите ли, память у него отшибло! А ну показывай!

— Я покажу тебе, Лоти. Но при одном условии: если звёздные странники вернуться, мальчишка сам решит, отправляться ли ему с ними. — Спириус не был настроен на ссору и упорно не желал выходить из себя, чем ещё сильнее злил Лоти.

— Вот ведь что удумал, старый пень! Условия мне выдвигать! Только бы отнять у меня единственного сыночка!

— Успокойся,— Спириус вдруг обнял Лоти, хотя такая сентиментальность была ему совсем не свойственна. — Неужели ты думаешь, что я не буду по нему скучать? Но ведь он не наш! Он принадлежит им, я внимательно за ним наблюдал, и если тебе интересно знать — он всё помнит!

— Быть того не может! — испуганно сказала Лоти. — Ведь он был такой маленький!

— Он с Земли! Ты ведь знаешь, земляне разрушили эту планету только лишь грубой силой своих мыслей. И его сказки, Лоти, очень не нравятся мне, в них он вкладывает свои воспоминания о Земле. Никто не знает, как отреагирует планета.

— Но ведь мы тоже земляне, мы их потомки, и он нам не чужой! — сказала Лоти, всхлипывая.

— Мы другие. Мы не знаем ночи. Только день. Два солнца не дают нам отдыха, высвечивают всё как есть, и мы почти утратили дар воображения, который так губителен для нашей планеты.

— Ну тогда... — Лоти принялась нервно снимать с бельевой верёвки сушившуюся одежду. — Тогда выброси эту штуку, которую привёз из города. Я не хочу никакой тьмы, от неё один вред!

— Это прирученная тьма, и вреда от неё не будет. В любой момент мы сможем её выключить. Зови Ури, и мы вместе посмотрим, как она работает.

Лоти тяжело вздохнула, но послушалась.

— Ури, сынок! — крикнула она. — Иди сюда! Твой папка привёз нам подарок из города и забыл показать, дырявая голова!

Мальчик явился на зов, держа на руках вырвавшегося кролика. Он чувствовал себя виноватым в том, что невольно подслушал этот разговор. И был очень встревожен тем, что именно услышал, но виду не подал. Они прошли в большую светлую комнату, служившую им и гостиной и столовой. Ни занавески, ни ставни не спасали от света, он проник даже сквозь малейшие щели. Спириус поставил на стол диковинный прибор с чёрной

лампой, щёлкнул выключатель и от прибора начали распространяться мягкие волны тьмы, вскоре заполнившие всю комнату. Лоти восторженно взвизгнула, Ури закружился на месте от радости, кролик испуганно прижался к нему, даже сдержанный Спириус выразил своё одобрение, промычав нечто нечленораздельное. Кролик вырвался и бросился наутёк, а непривычное к темноте семейство долго ловило его, разбивая посуду, прежде чем Спириус догадался выключить тьму. Лоти не стала оплакивать разбитые тарелки, и все были веселы как никогда.

— Скажи, а почему нам так нравится тьма, если на нашей планете её не бывает? — Спросил Ури на следующий день, когда они со Спириусом отправились рыбачить.

— Видишь ли, Ури-сынок, раньше после дня наступала ночь, Скавотт был единственным светилом, и когда он заходил за горизонт, небо становилось темным, а потом ночи прекратились. А мы — люди, потомки тех странников, что прибыли на эту планету много веков назад, мы ещё не успели привыкнуть к жизни без ночи. Я не больно-то учёный, чтобы всё объяснить, но знаю одну старинную легенду: из-за нас погибло местное население. Это были полупрозрачные, очень чувствительные существа. Они умели читать наши мысли, которые дурно на них влияли, в особенности, если это были мысли недобрые. За это их божества прокляли нас, и зажгли на небе яростный Уринделл, который светит в полную силу и днём и ночью. Видишь ли, земляне в древние времена считали тёмное время суток временем злых сил, и боги этой планеты как бы посмеялись над нами, даровав один сплошной день. Но если кто-то из землян принесёт жертву во имя этой планеты, то есть совершит какой-нибудь благородный поступок, ночь, может быть, и вернётся.

— Откуда ты столько знаешь?

— Я читал книги древних. На маяке они сохранились до сих пор.

— А почему ты мне их не показывал?

— Я боялся, что они дурно на тебя повлияют, — пожал плечами Спириус.

— Я слышал, о чём вы говорили вчера, — сказал Ури, виновато опустив голову. — И ты прав, отец, я помню, как меня оставили здесь. Скажи, если звёздные странники вернутся и захотят меня забрать обратно, а я соглашусь навсегда вас покинуть, чтобы не разрушать эту планету и дальше, боги посчитают это благородным поступком?

— Откуда же мне знать? — со вздохом сказал Спириус. — Я в них не очень-то и верю, но если ты веришь, то поступай так, как велит тебе сердце. Вера истинного землянина дорогого стоит, мой мальчик.

— Тогда мы договорились, — сказал Ури трянув тёмными кудрями. — Я улечу с ними, если они вернутся. Только маме пока не говори.

— Как скажешь, — ответил Спириус, отвернувшись чтобы забросить удочку в море, только почему-то она двоилась перед глазами, на которые набежали слёзы.

Больше они не возвращались к этому вопросу. А вернувшись домой, включили тьму и Ури стал рассказывать свои сказки, которые складывались в темноте особенно легко. Зелёные деревья, голубое небо, кролики без крыльев, а люди включают свет, а не тьму. Обучившись грамоте, Ури стал записывать их на бумаге, а Спириус продавал их в городе вместе с рыбой. Мир не разрушился, и боги не зажгли ещё одного Уринделла, но вскоре Спириус и Лоти смогли построить рядом с маяком новый дом, куда часто приезжали незнакомцы с материка, чтобы послушать истории от самого Ури.

Когда звёздные странники вернулись, ему исполнилось уже шестнадцать. Лоти сразу узнала капитана корабля, хотя он и сильно постарел в своих странствиях. Его силуэт обозначился в дверях.

— Тёмного вам Уринделла и тёплого Скавотта! — сказал он, полагая, что именно так ково традиционное приветствие местных, хотя у них уже давно было принято говорить при встрече просто «Здравствуйте».

— И вам не хворать! — сварливо отозвалась Лоти. — Явились не запылились! Бросили мальчонку, а теперь вам его обратно подавай?

— Довольно вам, любезная хозяйка! Мы не могли взять его с собой. Сами понимаете, поломка звездолёта грозила многими опасностями. Но теперь я считаю необходимым спросить его самого.

— Я не поеду. — Сказал Ури, незаметно вошедший в дом. Молчавший до сих пор Спириус удивлённо поглядел на него. — Видите ли, я нужен здесь, мне кажется, я нашёл своё призвание на этой планете. И я нужен своим родителям.

— Ури, я вижу, ты вырос, — сказал капитан корабля, — и уже должен кое-что понимать. Мы плохо совместимы с этой планетой. Здесь жили только мутанты... — чешуекрылый кролик вцепился ему в палец острыми зубами, но капитан невозмутимо, насколько это было возможно, стряхнул его, и продолжил. — Если ты останешься здесь, то станешь таким же. Твои родители — влиятельные люди на Земле, и они очень хотели бы тебя видеть. Ты многим пожертвуешь, если останешься!

— Я не поеду, — твёрдо повторил Ури, усевшись за стол и принимаясь за приготовленный Лоти обед.

— Ну тогда не найдётся ли у вас чаю или чего-нибудь покрепче? — спросил капитан, без приглашения устраиваясь рядом.

Несколько часов спустя враждебность пропала сама собой, и вся компания вполне мирно беседовала, сидя за столом, как вдруг случилось непредвиденное.

— Кто включил тьму? — спросила Лоти. — Выключите, батарейки садятся! — Спириус и Ури недоумённо переглянулись, и пожалли плечами. Не сговариваясь, всё семейство и гости вышли из дома и увидели необычайное зрелище. Величественный Уринделл плавно садился за горизонт.

ОСТЫВШИЙ КОФЕ

Остывший кофе...
 И дождь холодный
 Вбивает струи,
 как гвозди, в крышу.
 Душа озябшая,
 утлой лодкой,
 О камень сердца
 скребётся днищем.
 По циферблату
 крадутся тени
 Часов, крадущих
 мой сон упрямый.
 Уткнуться б маме
 родной в колени:
 «Погладь, родная!..»
 Но нету мамы ...
 В остывшей кружке –
 моё причастье.
 А счастье в лунной
 живёт подкове.
 С рассветом солнце
 сотрёт ненастье
 И утро
 свежее
 сварит кофе.

* * *

Его Величество Мгновенье
 А мы отчаянно спешим,
 Закидывая ногу в стремя.
 Впередгонки с судьбой бежим,
 Но оседлать не можем время.
 За выпрямление кривизн,
 За безалаберность решенья,
 На взлёте, обрывает жизнь
 Его Величество Мгновенье.

* * *

Чёрно-белое (белый стих в черновике)
 Белым по-чёрному рассып звёзд.
 Чёрным по белому зеброй жизнь.
 Вечный квадрат малевала смерть:
 Руки нагие раскинул крест.
 Белым по белому стелет снег...

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Поздняя осень каликой убогою
 Еле бредёт непролазной дорогою.
 Пообносила одежда её.
 Зиму накаркивает вороньё.
 Стылое небо в прорехах из ветоши.
 Кротость в глазах, что как синие светочи.
 Поздняя осень в калитку вошла...
 Не пожалею печного тепла!

* * *

И жизнь пестра и холодна.

Н. Седова

А жизнь пестра и холодна.
 Но я не жалуясь, не плачу.
 Волчицей ржавая луна
 Облезлый бок за лесом прячет.
 Она беззуба и стара,
 Одна в ночи небес... в опале.
 Не дичь – хохлатая заря,
 Бока голодные опали.
 Достану битый молью плед.
 В нём память детства греет плечи.
 Выть на луну резона нет,
 Она тоску души не лечит.
 Придут другие времена,
 Начертят звёзды судеб руны.
 В сыр вызреют другие луны.
 А жизнь – пестра и холодна!

НАСТОЯЩЕЕ БРАТСТВО

Литературному объединению «Элегия» при Еманжелинской районной газете «Новая жизнь» столько же лет, сколько самой газете, которую читатели знают с августа 1952 года. С первых номеров газеты (ещё под названием «Еманжелинский рабочий») на её страницах публиковались стихи и рассказы местных авторов.

Обозрение*

С 1986 года началась осознанная эпоха литературного объединения: тогда его возглавил Виктор Николаевич Максимов — блестящий литературовед, журналист и, как мне кажется, глубокий психолог: бывало, камня на камне не оставит от твоего стихотворения, а обиды на него нет. Там я и познакомился с нашими стихотворцами, которые на всю мою жизнь остались для меня кем-то вроде названных братьев и сестёр. С Павлом Мартыновым... Владимиром Сазоновым... Анатолием Демидовым (который не только неистово профессионально трудился над каждой строкой, но и вкладывал в каждое стихотворное слово всего себя, и его стихи невозможно классифицировать: «патриотические», «любовные» и прочие, в них — сам Анатолий Петрович: и в «Чернобыле», и в «Белой птице», и в «Солдатском автографе»... Иногда он совершенно незначительным штришком рисовал целую картину; вот, например, его весна: *В стороне, за оградой, / Ютится снега горсть. / Ничьей души не радует / Он... Отгостивший гость*... Людмилой Согриной (*Ах, жизнь сельская, избитая, / Ты любима мной всегда. / Слово я к селу прибита, / Без него я никуда*)... Михаилом Кутеповым... Изредка «заходил на огонёк» Илья Бареев (Ильгиз Ахатович, отец известного гроевского Евгения Бареева). Довольно активно в те годы писала и Галина Петровна Русакова (*Мой забытый горсад. / Листопад. / Листопад*...).

Было интересно: мы нещадно критиковали друг друга, обижались, но понимали, что даже внешне не имели права показывать обиду; каждому хотелось больше печататься, но публикации готовил Максимов, а он был непререкаемым авторитетом. Помню, правда, один эпизод. М. А. Кутепов, ветеран войны, чьи детские стихи ещё в 70-е годы появлялись в «Челябинском рабочем», кажется, считал себя уже состоявшимся поэтом, и, когда я робко высказал мысль, что вот в этом стишке про утёнка рифма не совсем точная, резко отчитал меня, дескать, знай, кого критикуешь. Конечно, я расстроился, но зато впредь и по сей день нахожу для любой критики такие слова, чтобы не обидеть автора. Кажется, во многом это мне удаётся.

27 марта 2014 года в Еманжелинской библиотеке прошёл вечер памяти ушедших из жизни местных стихотворцев. На вечер пришёл В. Н. Максимов, и я высказал ему давно приготовленные добрые слова. Он выступил с воспоминаниями, и мне показалось, что не было этих

25 лет, которые отделяют нас от нашего литкружка времён Мартынова, Сазонова, Кутепова, Демидова. Тот же аналитический ум, та же глубокая философия, то же прекрасное знание русской поэзии.

Максимову, я не сомневаюсь, признательны все стихотворцы, прошедшие через его наставническую «кухню». И сам я если на этом поприще и достиг каких-то успехов, то благодаря литературному руководителю.

Тогда наше литературное братство собиралось дважды в месяц, и нам действительно было интересно встречаться. На фоне производственных, далеко не поэтических будней — литературные дискуссии казались увлекательным занятием.

У меня было впечатление, что нет на свете стихотворения, которого Виктор Николаевич не знал бы наизусть. «Разбирали» один мой стих — он говорит: «Почти как у Левитанского», и цитирует Юрия Левитанского, которого я знал тогда только понаслышке. Но намёк на то, что мой стих напоминает чей-то, написанный раньше, означал: так не годится. Не годится подражать другим и заимствовать чужие строки, не годится повторять одно и то же слово в одном и том же стихотворении, не годится размазывать мысль — стих должен быть лаконичным, стих должен быть понятным... Уже потом, по прошествии лет, я удивлялся: как многому я научился у этого человека за несколько лет общения! В сборники своих стихов я каждый раз старался включить акростих, посвящённый (кажется, в 1989 году) В. Н. Максиму:

Мы все лишь пасынки у муз.
А он, с пропиской на Парнасе,
Как сотворил он братство наше!
Сильнее не бывает уз.
Изящнейшему из персон,
Магистру ложи рифмокопов,
От благодарных стихоплётов —
Восторг великий и поклон!

Он и в самом деле человек, которого в России принято называть интеллигентом. В ходе наших многочасовых бесед, когда мы все участвовали в анализе стихов друг друга, стиль его общения с нами — прямота в сочетании с высоким тактом. Предельно толково и логично покажет и убедит автора, что вот эту строку никто не поймёт, кроме самого её сочинившего;

что вот к такой рифме уважающий себя поэт не прибегнет; что, когда в 12-строчном стихотворении слово «любить» в разных склонениях — «люблю», «влюбиться», «любя» и т. д. — повторяется четыре раза — это беспомощность автора, бедность словарного запаса.

Шли годы, менялась эпоха, другой становилась страна, и наше литературное объединение тоже изменялось. Приходили новые руководители и новые авторы, по разным причинам уходили прежние, но братство не умерло. Причиной такой мощной живучести нашего еманжельнского литературного коллектива — не только в одержимости пишущей братии, но и в мудрости главного редактора газеты «Новая жизнь» Ивана Михайловича Ряполова, который, возглавив газету в 1991 году, в наступившем тогда лихолетье не оттолкнул от себя «некоммерческих» поэтов, а продолжал поддерживать, регулярно публикуя новые произведения. Газета «Новая жизнь» никогда не жила без поэзии. И литобъединение словно магнитом притягивало к себе талантливых людей.

В эти трудные годы поэзия становилась волшебным спасительным средством от депрессий и неврозов. К читателям городской газеты пришли стихи Мартынова, Сазонова, Кутепова, Демидова, Согриной (стихи Людмилы Согриной в те годы В. Н. Максимов, я думаю, публиковал без поправок — такие они были... как бы точнее сказать... самородочные, что ли: *Побегу за деревню, постою, звенящий послушаю воздух./По узенькой тропке с угорья сбегаю я к реке./Поднимусь на грозую разбитое дерево возле старых черёмух./Раскачаюсь на ветке, спрыгну, разденусь — и ныряю в реке...*), Русаковой, Бареева и Ларисы Павловны Мудрой (Ларисины стихи я и сейчас частенько перечитываю — от них становится легко на душе: *...и набрали кузовок:/Раз, грибок, и два, грибок...*) или «Я не заметила, когда пришла весна. Открыла форточки — она уж в гости просится...»). В 1991–1995 годах стали активно печататься Владимир Елышев (помню его строки, высмеивающие иноязычные «консенсусы»); Николай Николаевич Дунаев, «есенинообразный» в манере стихосложения (*Ах вы, кони мои вороные,/Ах вы, годы мои-скакуны,/Пролетели, как тройка, шальные,/Отзвенел колокольчик вдали...*); прекраснодушная Надежда Николаевна Машченко; всегда с нескрываемым сверхнапряжением ожидающая суда читателей Людмила Ивановна Рожкова (*Стараюсь дружить я с бессонницей,/Особенно в летнюю ночь. /И как меж друзьями водится, /Приходит она, чтоб помочь...*), которая в первых публикациях подписывалась как Людмила Зайцева. Именно в эти годы я «услышал» и голос Валентины Игнатьевны Меркеевой из Красногорского (*Я несу тебе солнце, весну и цветы... или: Не промелькни бесцельно, день! Не дай мне в лености забыться...*).

А. П. Демидова, к сожалению, уже нет в живых. Память о нём дорога мне не потому, что он — в какой-то мере историческая личность: в 1945-году имел отношение к тайному литературному обществу студентов Челябинского пединститута «Снежное вино» и одноимённому машинописному

сборнику. Для меня Анатолий Петрович — образец чрезвычайно серьёзного, кропотливого, щепетильного отношения к стихотворному творчеству. Этому я все годы учился у него.

Во второй половине 1990-х появились Лидия Ивановна Грознецких, которая, придя на наши сборы с пустыми руками, могла сочинить-составить десяток строк там же, в ожидании своей очереди читать (*Заснежирила вновь зима, закрасногрудила...*); гармонист и любитель казахских песен Василий Попов (*Ну-ка, друг, возьми гармошку,/Растяни, сожми меха./И сыграй ты нам немножко,/Сердца струны тронь слегка...*); бескорыстно отдавший свою молодость строительству БАМа Владимир Яковлевич Колганов, и молодая эксцентричная (талантливая!) художница Елена Росып (*Признавали нехотя,/Предавали походя,/Замарали похотью,/И в итоге — нет меня...*).

Живёт в моей памяти с последних лет XX века Коммунар Семёнович Кириллов, самое удивительное (для меня, во всяком случае) явление в поэзии; поразившей меня его первой строкой было: *...но сладок... щемящий поцелуй стареющей любви...* Ему было далеко за семьдесят, когда он «влился» в литобъединение. Я знаю немало людей, которые начинают заниматься творчеством, выйдя на пенсию. Коммунар Семёнович удивителен тем, как быстро, придя к нам поэтом-любителем, он вырос до зрелого мастера слова. Он развивался, словно был не семидесятилетним ветераном, а семнадцатилетним юнцом. В литобъединении «Элегия» он перепробовал все известные поэтические жанры; ему было интересно сочинять, главным его стремлением было — создавать хорошие стихи. И он их создавал. Изучал и постигал рифмы и стихотворные размеры, художественные приёмы, философию поэзии. И экспериментировал. Помню, одним из первых плодов его творческих опытов был веночек сонетов, который он прочитал нам. Я тогда осторожно заметил, что веночек — это когда первая строка очерёдного сонета совпадает с последней строкой предыдущего, и т. д. В «венке» Коммунара Семёновича правила «венка» не были соблюдены, он смутился и признался, что не знал этих правил. Но сами те сонеты были прекрасны. В его сборнике «Время любви и надежды» (который, к глубокой печали, сам он не успел увидеть) есть много совершенно уникальных сонетов, в том числе и несколько веночков, сделанных мастерски.

Приблизительно в те же годы мы стали общаться и с восторженно-наивной Татьяной Баланцовой (*Я верю в Слово, в Доброту, в Любовь!/Я верю в Дружбу и в себя, конечно!/А также в жизнь, которая не вечна./Я верю так, что закипает кровь!*); и с Элиной Григорьевной Столле, романтическое с грустинкой перо которой иногда (впрочем, можно сказать: частенько) выдавало (впрочем, и сейчас выдаёт) удивляюще свежие светлые строки; и с Николаем Алексеевичем Чернолиховым, мальчишеская память 1940-х годов которого сохранила воспоминания о фашистской оккупации на всю его долгую жизнь.

Жизнь и судьба Н.А. Чернолихова заслуживает и преклонения, и сострадания. Образец самого рядового советского труженика, солдата социализма, готового беззаветно трудиться во имя Родины, не требуя ничего взамен, кроме возможности жить. Но достигнув пожилого (уже и очень пожилого) возраста, он как будто начал удивлённо озирается: чего же я добился своим многолетним бескорыстным трудом, почему люди вокруг до сих пор несчастливы? И вся эта боль читается в его строках. Катя Перова писала стихи, когда была школьницей. Стихи были разноуспешными, как у любого стихотворца, но она утверждала, что это её стиль. Я «причёсывал» её стихи, но она была упрямой и иной раз создавала чистые, как родниковая вода, строки (*Люблю Урал — седой, могучий, / Со злою, лютою зимой. / Когда летишь на санках с кручи, / То мир становится иной...*).

Пётр Дмитриевич Забелин, ветеран Вооружённых сил, писал политические, как он сам считал, стихи. Но там, кроме гнева (несомненно, справедливого) против мерзостей современной жизни, ничего не было. То есть не было поэзии. А любовная лирика у него получалась замечательная, будто писал совсем другой человек. Теперь его нет с нами — похоронили в марте 2014-го.

Давно в наших рядах Лидия Ивановна Алексеенко, в стихах которой, даже в самых ностальгических, «разлучных», есть восхищение жизнью, какая-то необъяснимая притягательность: *От лампы свет через стекло подобен весточке в конверте*; или вот, из Рождественского стихотворения: *В смятении душа моя, / Не зная веры, хочет верить! / И бьётся, словно лбом, о двери / Закрытых таинств бытия...*; или: *Как пахнет снег далёкими дождями!*.. Наверно, она обыкновенная женщина, каких вокруг нас тысячи. Но литературное объединение — это особая среда, которая позволяет быть человеку открытым, правдивым, искренним. То есть — не стесняться показывать, вслух высказывать свои истинные мысли и намерения. В другой среде обыкновенная женщина так и остаётся обыкновенной, привычной, шаблонной в выражениях чувств, в разговоре. То есть — как все.

Уже никогда не прочту телеграмму,
Где давний твой зов —
словно рана в груди.
Бывает, приснишься — как падаю
в яму!
И сердце стучит безнадежное
«жди»...

Про неё редактор литературной страницы нашей газеты Н.Н. Ряполова как-то написала, что «она заболевает ненаписанным стихотворением, и продолжается недуг до тех пор, пока ощущения не выльются в зарифмованные строки». По-моему, это и есть главный признак настоящего поэта.

Где-то на рубеже 2003–2004 годов появилась (опять же — как я помню) Татьяна Андреевна Ядренникова. Это — человек из той же породы, что и К.С. Кириллов, и С.Н. Николаева-Казанцева (о которой я ещё расскажу). Насколько я чувствую, в таких людях живёт сильнейшая страсть, которая побуждает их не застывать с возрастом, но совершенствоваться, искать новое, учиться. Не говорю, что вначале Татьяна Андреевна писала недостаточно привлекательные стихи, но как она работала над строкой, как изменяла каждый стих (при этом неизбежно меняя и частичку себя, поверьте мне!), — на такое способны только молодые сердца и гибкие умы. Стихи же Ядренниковой... Там даже печаль светла. В них она как на ладони: чистая, светлая, с некоторой грустинкой, страстно любящая жизнь.

Примерно в тот же период влились в «Элегию» Надежда Дмитриевна Руденко, сочиняющая довольно симпатичные песни и, кажется, однажды немного обидевшаяся на моё замечание о том, что тексты, созданные как песенные, — как правило, имеют невысокие поэтические достоинства (но в её лирике много и строк, которые и без музыки трогают чувства: *Мне что-то нынче нет покоя, / И снова, видно, не уснуть. / Поиду в безмолвие ночное / Наполнить ветром свежим грудь. / Порхают тихо хлопья снега...* или: *Чу! Ранний жаворонок звонко / Рассыпал радостную трель, / И в лепестках ромашки робко / Жужжит, хлопочет первый шмель...*); Алексей Ширшитских работает сварщиком (*Посреди ночного мира / Я — хозяин, раб и бог. / Властелин сварного пира, / Раб пленительных оков...*). Примерно с этих же лет помню Оксану Шильке, которая одно из своих стихотворений начала строками: *Мне увидеть бы Жар-птицу / Или Феникса вдали...*, а завершила: *...сказки в жизни исчезают, / Все мечты — из глупых снов: оказалось, что она и в жизни такая же противоречивая: ищет, находит, не довольствуется найденным и продолжает искать; Евгения Мастера (*Прощай! Увидимся ль мы снова? / Когда судьбе угодно будет нас свести? / Две половинки целого, земного... / Знать, не дано! Прощай! Прости!*), который искренно убеждён, что его стихи «совершенны несовершенством» и не подлежат «причёсыванию».*

Где-то в середине 2004-го появились Валентина Федоровна Киселёва (приходят на память её строки об умерших земляках: *Мы помним о вас, и вы тоже порой / Свой город родной посещайте — / Дождём благодатным, снежком иль грозой, / Иль вещи сны навевайте...*) и Настя Попова: *А как все началось: меня любовь пьянила, / Я в блеске глаз твоих восторг лишь находила! / Бродили не спеша по улочкам знакомым... / Признанья в SMS (а как ещё влюблённым!?)*. В том же 2004-м мы слушали, как лирическая героиня Светланы Летуновой воспринимает бабье лето: *...Меж осенью и летом вдруг свиданье... / И нет на свете ничего важней, / Чем возвращение тепла, как прежде, / Когда в погасших чувствах все сильней / Проблещивает искорка надежды*».

Тогда же, в 2004-м, пришла Наталия Дерксен. Какие строки: *Сердце выжато, как лимон,/Да не в чай./В угол спрячу я вещей сон —/И прощай...*

Я всегда считал, что, если человек решил попробовать свои силы в сочинении стихов, то ему следует в первую очередь пройти школу русской классической поэзии. Потому что стихи — это прежде всего ритм и музыка. Читая Пушкина и Тютчева, Лермонтова и Блока, Есенина и Твардовского, и даже Маяковского, человек настраивает свою душу, как музыкальный инструмент, готовит её к благозвучию. И вот когда душа настроена, когда человек, не напрягая память, на слух, безошибочно ориентируется в хореях-ямбах-дактилях и через его сердце, не прерываясь, течёт и течёт нежная музыка, — тогда можно начинать хулиганить с жанрами стихов: пробовать писать белым стихом, или же верлибром, или изобретать новые жанры.

Но поэты — народ амбициозный и самоуверенный, и я нередко встречаю активное сопротивление в своих наставнических стремлениях. Они наив но думают, что, коль талант даётся свыше, то стихи должны получаться сразу, без «причёсываний». Так же или почти так случилось в самом начале и с Наталией Ивановной. Не сразу она научилась работать над строкой.

Николай Хаймович Засепский пишет сердцем. Хотя и разумом тоже. Этот, пронизывающий светлой грустью, парящий в небесной силене язык берёт за душу...

Татьяна Петровна Непомнящая на публику выдаёт два-три стихотворения в год. Но каких!

Взгляд озабоченный, взгляд озадаченный,
Ни для кого уже не предназначенный.
Взгляд — равнодушная к жизни пустыня,
Взгляд — неприкрытая спесь и гордыня.
Взгляд — озорник, вызывающий смех.
Взгляд — командир: «Вот сейчас я вас всех!..»

Году в 2006-м пришла в литобъединение Ирина Светлова. Слушая её, слёзы на её щеках и вибрацию в голосе мы воспринимали слитно с безумной динамикой стиха. Её стихи похожи на горные реки!

Мне не снится Война.

Мне её даже трудно представить.

Здесь у мирного неба другой
по масштабу размах.

Только где-то внутри вдруг включается
генная память

И швыряет меня прямо в холод,
и в голод, и в страх!

Там горят города и деревни,
деревья и... лица.

Мне в глаза — не мои — сыплет пепел
Вселенских костров.

Там, в единой Беде, невозможно
друг с другом не слиться.

С этим чувством во все времена
побеждали врагов!..

Примеряют берёзки/Золотые серёжки,/ Старый клён украшает/Золотая парча./И кокетки осинки/Повязали косынки...» — это Татьяна

Александровна Аверкина. Примерно тогда же мы познакомилась с Сашей Сырчиным. А потом пришла Светлана Николаевна Николаева-Казанцева — ещё одно удивительное явление в истории Еманжелинского литобъединения. Стихи этой немолодой женщины были совершенны по форме, оригинальны по философскому ракурсу и народно-поэтичны в звучании: *Накинул дождь пиджак в полоску —/Наряд, конечно, не ахти,—/Закосолапил к перекрёстку,/ Хотел куда-нибудь уйти,/Но передумал и остался,/И от сирени — ни на шаг./Зачем вот только наряжался,/Она ждала его и так.../...А я стояла, вся в печали,/По эту сторону стекла,/Они меня не замечали,/А я была...*

Тут вот о чем я должен сказать. Если большинство из нас — были сочинителями, стихотворцами и таковыми остались, то С.Н. Николаева и К.С. Кириллов были уже поэтами: я говорю даже не об уровне мастерства и таланта; они поэты по их отношению к поэзии как к миру, где есть бесконечное число возможностей, форм, вариантов, цветов, и нет истинному поэту покоя в этом мире до тех пор, пока он не познает всё это разнообразие; а поскольку бесконечность познать до конца невозможно, то поэт не знает покоя никогда.

А вот Любовь Власова:

В душе весна, в природе осень,
А в грозном небе хмарь и синь.
Нам было вместе сорок восемь,
И впереди ещё вся жизнь.
Нам было вместе девяносто,
И счастье на двоих одно,
С любовью жить легко и просто,
Как выпить сладкое вино.
Теперь нам вместе сто четыре,
Почётный возраст на носу,
Зима бушует в целом мире,
А мы, как дети, ждём весну.

Иван Дьяконов и Сергей Романцов имеют, кроме поэзии, одно общее увлечение: они поют свои песни. В авторской песне решающее, значение имеет текст, смысловая глубина, созвучие со слушателями. Всё это есть в их стихах. Дьяконов, пожалуй, более лиричен, мелодраматичен: *Давай поговорим — несказанного много,/А может, помолчим — нам есть о чем молчать./Превратности судьбы и дальняя дорога/Не разлучают нас — мы можем вспоминать...* Романцов играет словами, иногда выдаёт каламбурные рифмы, что требует труда и хорошего словарного запаса: *Кто ищет брод — находит только бред,/Кто ищет мост — отыскивает месь...* или: *Рассвет бесстрашный/Осыпал землю./Раз свет — бесстрашный,/То я приемлю...* Вот как он пишет о ревности: *Быть может, это нож, а может — ночь./Но если нож, то обоюдоострый...*

В целом «нулевые» годы привели в «Элегию» немало увлечённых сочинителей. Кроме постоянных участников наших сборов, есть ещё и «заочные» авторы, которых мы видим редко. Вячеслав Лапченко жил в Красногорском и недавно ушёл из жизни. Вот какой энергичной

представляет он летнюю грозу: *Давай, давай! / И можно с градом. / Сшибай с деревьев / Ржавый лист. / Пусть зелена пылают садом / Под соловьиный щёлк и свист. / И дождь шипит / Бараньим жиром, / Асфальт крутым потоком рвёт. / Так обновление над миром / Всегда в коллизиях идёт.* Время от времени напоминают о себе Валера Горяинов (*Опять зима. / Опять надолго ночь. / Опять тоска. / Опять стихов смятенье...*) и Александр Шимков (*Еманжелинск, к 100-летию приди, пусть небольшим, но чистым и достойным...*). Обозначили себя стихотворными публикациями в девяностые и «нулевые» годы Адольф Гайсюк и Виктор Антонов, Федор Венцов и Сергей Громов. В последние три-четыре года в газете «Новая жизнь» рубрика «Вдохновение» пополнилась новыми именами: Веры Киреевой, Юлии Плотниковой, Надежды Щербахо.

Собираемся мы не только для чтения и обсуждения своих сочинений. Редактор литературной страницы «Вдохновение» в газете «Новая жизнь» Наталья Николаевна Ряполова делится с нами интересными новостями из мира литературы, придумывает поэтические состязания, творческие задания на дом и тому подобное. Я всегда считал, что, если человек решил попробовать свои силы в сочинении стихов, то ему следует в первую очередь пройти школу русской классической поэзии. Потому что стихи — это прежде всего ритм и музыка. Читая

Пушкина и Тютчева, Лермонтова и Блока, Есенина и Твардовского, и даже Маяковского, человек *настраивает* свою душу, как музыкальный инструмент, готовит её к *благозвучию*.

Теперь думаю, что этого недостаточно. Надо встречаться и с современными поэтами, тем более что это могут быть живые встречи. Эту идею мы начали претворять в жизнь с середины двухтысячных, а к сегодняшнему дню уже встречались с Николаем Годиной, Сергеем Семянниковым, Олегом Павловым, Ниной Ягодинцевой, Ниной Пикулевой, Лилией Кулешовой. Полезны не только такие мероприятия, но и встречи с такими же, как мы, литераторами — с литературными объединениями. Настоящими праздниками стали встречи с литераторами Троицка, Южноуральска, Увельского и Коркинского районов. Надо работать в том же направлении. Не замыкаться! Кстати, многие наши поэты участвуют в работе литературного клуба «Светунец» и студии «Вдохновение» при Челябинском региональном отделении Союза писателей России.

Несколько лет назад благодаря Ирине Светловой в «Элегии» появилось детское крыло. Мы ревностно наблюдаем за стараниями Яны Горшениной, Вики Кулаковой, Кати Трой и других наших девочек (мальчиков пока нет). Очевидно: чем больше детей берутся за перо, тем больше у нас будущего. «Элегии» долголетие обеспечено.

Ирек САБИРОВ,
руководитель литературного объединения
Еманжелинского района «Элегия»

ДЫХАНИЕ ТВОРЧЕСТВА

Отклик читателя

Кировка — пешеходная часть улицы Кирова в центре Челябинска (2004). Это имя, ставшее уже нарицательным, воплотило в себя идею Челябинского Арбата и некоторое время её именно так и называли. А сама идея Арбата в Челябинске возникла в 2000 году. И сегодня Кировка стала настоящим культурным памятником, достопримечательностью, которую непременно посещают все туристы: улица украшена бронзовыми статуями, приближенными к натуральной величине, и различными элементами, относящимися к истории города. На этой улице расположены магазины, бутики, а также уютные кафе и прочие места развлечений. На ней же находятся главпочтамт и нулевая верста.

Улица Кирова — одна из старейших улиц города. В историческом прошлом она называлась Уфимской, Екатеринбургской, Рабоче-Крестьянской. Здесь располагались дома именитых купцов, многочисленные купеческие лавки; многие из старинных домов по-прежнему века сохранились и по сей день. Дореволюционный Челябинск в далёком прошлом имел более 1500 лавок, магазинчиков

и мастерских, и был настоящим царством товарного изобилия. Примечательно, что на Уфимской улице размещалось много торговых точек башкирских купцов. Особенно выделялся торговый дом башкирского купца М.Ф. Валеева. Его магазин был открыт 14 октября 1911 г.

Имея крупные связи с английской швейной фирмой, товары пользовались большим спросом у горожан. Да и само здание резко отличалось своей изысканностью и оригинальностью дизайна. В помещении размещалась электростанция, которая обеспечивала освещением витрины с манекенами и торговый зал. Большие, запоминающиеся витрины, в одной из которых была сконструирована льдина с белым медведем, держащим в лапах валенки со смушками и шубу из медвежьего меха. Ассортимент товаров был очень разнообразен и отличался высоким качеством и эксклюзивностью услуг, и поэтому дом Валеева приобрёл особый, почётный статус. И даже спустя годы, чтобы не проходило вокруг, торговый дом Валеева не выглядит застывшим памятником архитектуры. Позже здесь находился текстильный комбинат,

«Молодёжная мода». Сегодня в этом здании находится магазин одежды.

Кинотеатр «Знамя» (архитектурный памятник с 1977 года) раньше предназначался для оптовой торговли и складирования товаров. Раньше здание принадлежало Александру Францевичу Бейвелю — городскому голове, который единственный в истории Челябинска избирался трижды.

Где-то посередине Кировки стоит монумент танкистам-добровольцам: Именно здесь, около почтамта, в 1943 году провозжали на фронт Уральский добровольческий танковый корпус.

Улица Кирова по-прежнему играет значительную роль в торговой жизни города: от реки Миасс и до самой площади Революции её лицо — магазины, супермаркеты, банки и т. п.

Кировка является эпицентром самых ярких событий города. Здесь проходят многочисленные концерты, мероприятия, инсталляции, презентации социальных проектов, открытия фестивалей и различных соревнований. Есть к Кировке и претензии, и наверное, справедливые, но хочется отметить как факт то обстоятельство, что эта улица притягивает к себе людей творческих и, более того, сама становится источником вдохновения.

Это отметил и талантливый прозаик и поэт Михаил Семёнович Рудковский: слова о ней сами складываются в «стихи седые и музыку веков», «они звучат в скульптурах, как призыв».

В этом году М. С Рудковский отметил своё 75-летие со дня рождения, но писатель полон сил и больших планов.

Михаил Семёнович в настоящее время является заместителем председателя правления Челябинской областной организации Союза писателей России; по образованию — он врач-эндокринолог, хирург. Имея 35-летний стаж на кафедре общей хирургии ЮУГМУ, он стал кандидатом медицинских наук, доцентом и автором 50 научных работ. Заядлый путешественник, его страсть — покорение гор, изучение тайги и увлекательные сплавы по рекам. Расписывая свои впечатления о странах, он долгое время оттачивал своё мастерство, а главными читателями стали его близкие ещё в 1970-х годах. Они всячески поддерживали его и подталкивали показать прозу профессионалам. Но Михаил Семёнович не решался и откладывал это «в долгий ящик». Отправной точкой стали заседания литературного клуба «Светунец» при Челябинской городской писательской организации, куда его привёл друг. На данный момент Михаил Семёнович — автор многих прозаических и стихотворных произведений. Он также лауреат литературной премии имени Вячеслава Богданова и, помимо всего, — член редколлегии детского литературно-краеведческого журнала «Подорожник». Все его произведения пропитаны позитивом и заставляют прочувствовать романтическую натуру.

Я вас ещё не написал,
Мои таинственные строки.
Ещё души моей накал
Не обозначил ваши сроки...

Слова плывут, как облака,
Стремясь сложить стихотворенье.
Я вас не написал пока,
Но близко сладкое мгновенье.

Прекрасно выражена мысль — творить, творить всегда и только талантливо. И он творит весьма плодотворно в различных литературных жанрах, и в первую очередь — в поэтическом.

Нам кажется, что одной из его характерных черт — обращение к истории и памятным местам нашего города. Об этом говорят такие произведения, как «Рифмованные строчки у памятника» и брейк-поэма «Прогулка по Кировке». Каждая глава поэмы посвящена достопримечательностям пешеходной зоны улицы Кирова, а точнее-скульптурам Кировки. Произведение было посвящено 275-летию Челябинска, и оно отличается своим торжественным стилем.

Стихотворное произведение Михаила Рудковского «Прогулка по Кировке» состоит из 25 глав по 20 строк. Выбор такого количества строк в каждой главе автор объясняет в эпиграфе: он отдаёт дань XX веку, который во многом повлиял на современный облик улиц Челябинска и теперь уже всецело остался в истории. В книге два эпиграфа — Александра Блока и самого Михаила Семёновича:

Двадцатый век диктует двадцать строк,
Он весь уже в истории остался.
А двадцать первый молод — малый срок,
Который в целом в строчки не вписался.

Жанр «Прогулки по Кировке» был определён Михаилом Рудковским как брейк-поэма. В основе такого авторского жанрового определения сложное слово, в котором присутствует одно жанровое обозначение, вторая же часть авторского термина — это своего рода характеристика специфики не просто новой жанровой формы, а произведения в целом. Слово break в переводе с английского обозначает ломание, разрыв, перерыв. Главы в «Прогулке...» сюжетно не связаны, как бы разорваны, не вытекают одна из другой. Каждая из них описывает какую-либо достопримечательность (скульптуру, памятник, фонтан и др.) главной пешеходной улицы Челябинска. Таким образом, можно сделать вывод о том, что жанровое определение «Прогулки по Кировке» как брейк-поэмы обусловлено её структурой и замыслом автора. Поэма-брейк ассоциируется у нас с движением, создаёт впечатление, что автор идёт по улице от одного монумента к другому, с выразительным, энергичным чтением стихов.

«Прогулку по Кировке» можно отнести к ряду описательных поэм. Кировка здесь воспринимается не как декоративный фон, а как способность человека ощутить себя частью этого исторического места. Поэма написана пятистопным ямбом, который характерен для стихотворений строгой формы. Рифма используется перекрёстная-наиболее употребительный вид рифмовки. В данном случае такое решение придаёт произведению напевность,

плавность, строки перетекают одна в другую. Смена образов происходит также постепенно, вместе со сменой глав.

Особенно примечательны стихотворения «По улицам Челябинска пройди», «Верблюды», «Танкисты» и «Стелла в честь основания города», символизирующие исторические события.

Во вступлении автор призывает замедлить шаг, «где замерли истории страницы», прислушаться к мелодии улицы — пению птиц, которое невзначай переплетается с шумом осенней листвы. В резных и каменных узорах он видит свет, дыхание прошлого, а также — отпечаток лихолетий. Михаил Рудковский призывает раскрыть сердца для бури чувств, что дарит она нам — и пусть бытуют разные мнения о ней, она воодушевляет его, он слышит призыв скульптур и «седых стихов».

Стихотворение «Верблюды» связано с одним из основных исторических символов нашего города, оно уносит нас в далёкие времена, когда пристанище караванов получило название Челябинска. Он воплотил в нём картину долгожданного пристанища, и сумел выразительно описать засушливую степь с живописной рекой Миасс. Расписывая во всех красках «дары восточных городов», мы представляем оживлённых купцов, торгующих необычными, разнообразными товарами, смесь культур и нравов, воплощение Востока в лице мальчика с птицей. И по сей день «одногорб» украшает наш герб, который отдаёт дань прошлому.

Стихотворение «Танкист» произвело на меня, безусловно, приятное впечатление. Мне нравится читать стихи о войне — глубокие и выразительные, они берут за душу своей простотой и никого не оставляют равнодушными. Так и здесь — просто и трогательно рассказывается о танкисте, направляющимся на фронт, в полк, где будет плечом к плечу с отцом — воевать, о его вере в машину уральской сборки, которая ведёт его к победе шаг за шагом и в Танкоград; где «каждому рабочему есть награда — они взойшли на пьедестал».

И наконец мы подходим к заключительной главе поэмы «Стела в честь основания города». Вы все, наверное, представляете эту стелу, которая изображает казака с пикой, башкира, крестьянина с пилой и офицера Тевкелева. На ней также установлены информационные доски, с выдержками из архивных документов, рассказывающие о значимых событиях жизни первых поселенцев крепости. Стихотворение затрагивает далёкие времена, когда «башкиры-табунцы ставили юрты у речки Миасс» и возводили крепость по приказу царицы, выбирали место, опираясь на «советы Таймаса о речке Селябке» и одновременно возвращает нас в настоящее, к прохожему, который уважает первых строителей города. Не все проходило успешно «в урочищах тёмных уральской земли», но город поднимался, расцветал, становясь «оплотом для России».

Таким образом, в поэме «Прогулка по Кировке» на первый план выдвигается чувство, вызываемое городским пейзажем,

не улица сама по себе, а реакция человека, способного её по-своему воспринять. Автора привлекает способность запечатлеть тончайшие реакции личности на внешний мир.

Самая красивая и интересная улица Челябинска — это, безусловно, Кировка. И поэтому она является источником вдохновения для творческих людей нашего города, писателей и музыкантов.

Мне хочется обратить внимание на одно из красочных творений, выплеснутых на бумагу — стихотворение «Гимн Кировке» поэтессы Елены Янышевой, члена творческого объединения «Талисман».

Елена Петровна Янышева родилась в казачьей станице Верхние Караси на Южном Урале, но училась в селе Кулуево на берегу реки Миасс. Завораживающая, величественная природа, живописные места, грибные и ягодные поляны — всё это детство Елены, источник её вдохновения и достижение внутренней гармонии. Она рассказывает, что часто лицезрела Уральские горы из окон родительского дома, она писала первые стихи и в качестве детской забавы пела придуманные песенки для мальчишек и девчонок.

Если исходить из того, что гимн — это стихотворение, представляющее собой восхваление кого-либо или чего-либо, то мы считаем, что название произведения, данное автором, полностью оправдывает себя. Для неё Арбат — улица Встреч, место свиданий и расставаний, прошлое, олицетворенное в определённых образах Кировки: «петровская карета», «уральский Левша», ««Татищев, казак и башкир»...

В этом стихотворении чувствуется гордость за земляков, за Урал и за «дух и веру, что крепче брони», оно пропитано искренней любовью к родному краю и к «былинным героям» пешеходной улицы:

Вот замерли в струях воды Терсихоры,
Задумчиво Пушкин взирал на них.
И рядом, в театре, слышались хоры,
Для милой Татьяны признания миг.
Вот улице нашей конец. Нет. Неправда!
Началу стоит дорогой монумент:
Татищев, казак и башкир — как отрадно!
То предкам всем память! Труд — комплимент!
В годы ненастий и в мирное время
Растил ты, Урал, лишь отважное племя.
И здесь, на Урале, наш город любимый
Не только богатый, но самый красивый!!!

В моём сознании поэзия всегда ассоциировалась с чем-то прекрасным. Как сказал английский поэт-романтик Перси Шелли: «Поэзия — это памятник, где запечатлены лучшие и счастливые мгновения самых лучших и счастливейших умов». И как же замечательно, что эти моменты напрямую связаны с Челябинским Арбатом! И необыкновенно, когда поэзия и музыка сливаются воедино, образуя настоящий шедевр. В рамках нашей работы нельзя не сказать об уникальном мюзикле, первом в истории Челябинска. Его особенность

состояла в том, что Кировка стала героиней этого мюзикла.

Идею нового спектакля предложил директор государственного ансамбля «Урал» Владимир Карачинцев. На Кировке сосредоточены все известные скульптурные композиции, ставшие отправной точкой в развитии сюжета мюзикла. Музыкальным руководителем проекта является Владимир Ошеров, а режиссёром — Олег Хапов. У команды создателей мюзикла была цель — воссоздать сказочную челябинскую, ни что не похожую, мифологию. Развитие сюжета мюзикла сосредоточено в олицетворении и «воскрешении» скульптурных композиций. Премьера состоялась 25–26 мая 2010 года.

Автором либретто мюзикла «Кировка» стал челябинский поэт Константин Рубинский. Поэт уже имел опыт в написании сценариев, поэтических текстов, музыки и аранжировок к операм, хореографическим и драматическим

спектаклям. Например, для Свердловского академического театра музыкальной комедии он написал три либретто для мюзиклов.

Коренной челябинец, окончил Челябинский музыкально-педагогический колледж и Литературный институт имени А. М. Горького, является членом Союза писателей России. Неоднократно был представлен к национальной премии «Золотая маска». Все его работы пронизаны переживанием «обыденной ситуации, он всегда старается посмотреть на мир по другим углом».

В музыкальной партитуре нет строго выдержанного стиля. Лиричные, ритмичные, с элементами джаза, вокальные номера разнообразны, как и состав исполнителей. Пятнадцать полноценных вокальных номеров, плюс три больших танцевальных. Немалую роль играла живая музыка и прекрасная хореография ансамбля «Урал» — они придают постановке неповторимую атмосферу.

Ирина РУНКОВА,
ученица 11 класса

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО РОМАНУ

Писательский отклик о романе Зои Прокопьевой «Своим чередом»

Достойное место в ряду творческих обретений занимает роман Зои Прокопьевой, изданный в 1986 году Южно-Уральским издательством. Через многие препоны и мытарства прошла автор, прежде чем книга пришла к читателям. Вспомним конец восьмидесятых годов. До романов ли было властям предрержащим, когда начинали сознавать, что вот-вот рухнет великая советская империя.

Прокопьева вполне овладела жанром романа. Герои её произведения с честью проходят сквозь эпические испытания лихолетий, которые выпали на их долю. В книге «Своим чередом» нашли художественное осмысление и коллективизация, разорившая русское крестьянство, и индустриализация, руками того же «раскулаченного» крестьянства, и годы военного лихолетья.

Перед взором читателя проходит череда героев романа; они из народной глубины, из жизни: таких не придумывают.

Великолепно показана воистину былинная натура главного героя, Никола Краюхина, народного вожака, ставшего знаменосцем эпохи. Вылепить такого — делает честь автору.

Судить о прочих литературных достоинствах романа пока не берусь: это материал большого многостраничного исследования. Впрочем, уверен: оно (что именно?) у любого ответственного критика будет благожелательное.

Для нас, уральцев, ценность романа особенно высока. В книге «Своим чередом» показаны не просто люди труда — они нашли земляки. Это они, первостроители, возводили индустриальные гиганты Челябинска, превратили некогда захолустную Челябину в Танкоград — опору

военной мощи в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Книга «Своим чередом» увидела свет в 1986 году. Это стало целым событием в литературной жизни города, стало подарком читательской публики (тогда еще читали).

Я помню, как проходило обсуждение книги в нашей писательской организации. Народу собралось много. А ещё присутствовал сам секретарь обкома по идеологии, Соннов Николай Иванович. Вот каково... Было тогда внимание к нашему брату-писателю. Это всё равно как если бы пришёл в нам в писательскую организацию, в переводе на нынешние понятия, один из замов губернатора, скажем, на презентацию новой книги стихов одного из наших авторов.

Проходит время, годы уходят, а роман Зои Прокопьевой продолжает жить своей жизнью. А недавно он даже переиздан — и это в наше «неиздаваемое» время. Разве это не чудо!

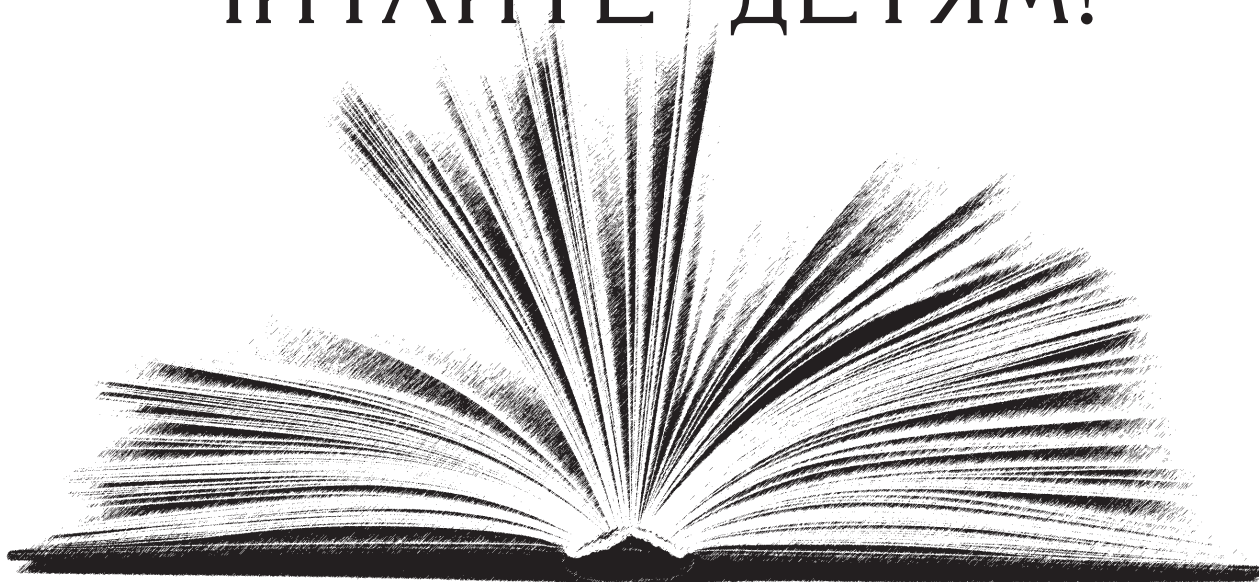
Отшумит юбилей нашей писательской организации, отзвучат речи. А жизнь продолжится своим чередом. Как бы нам сохранить в смене будней внимание к творческим удачам товарищей. Не забывать о наших праздниках пера.

А книга Зои Прокопьевой — это праздничное событие. Полагаю, неплохо было бы нам запланировать нечто вроде конференции по этой книге. С участием библиотечных работников, Академии культуры, просвещённой писательской публики. Могло бы получиться интересное, толковое обсуждение.

Айвенго СИРАЗИТДИНОВ

ЧИТАЙТЕ ДЕТЯМ!

Нина ПИКУЛЕВА

Стихи для детей

Вместе плакать – веселей!

ВМЕСТЕ ПЛАКАТЬ — ВЕСЕЛЕЙ!

Кто тут плачет? Воробей?
Плачь, плачь, не робей!
Хочешь, вместе будем плакать?
Вместе плакать – веселей!

Будем плакать, плакать, плакать,
Пусть наплачется – ручей!
Или море с кораблями,
С кораблями – веселей!

Приплывём на кухню к маме,
Вытрем нос платочком сами,
Скажем: «Мама, не грусти
И, пожалуйста, прости!»

ГОЛОВАСТИК

Из икринки – здарсьте! – Вырос головастик. Правда, очень прост: Голова и хвост.	А для цапли тёти Цаци – Фу, такая мелкота! Головастик рос, рос, Появился нос, нос, Появились лапки, Ой! Где хвост?
Он для мамы – красота И для папы – красота,	

ДЕДЫ МОРОЗЫ

Двадцать Морозов к нам прилетели,
Нас напугать хотели!

А мы им тёплые песенки спели —
Раз! И они — улетели!

Тридцать Морозов к нам прилетели,
Всех пощипать хотели!

А мы Морозов домой пригласили,
Тёплым чайком напоили.

Сорок Морозов к нам притрещали!
Ой, заморозить, ой, обещали!

А мы трещалочек не испугались,
Бегали, прыгали и смеялись!

Глядь, возле ёлки... румяный такой!
В шубе и шапке! Мешок за спиной.
Весело пляшет, трясёт бородой!
Не заморозит нас тёплый, родной!!!

КУЛАКИ

Кулаки нам с тобой
Для чего?
Чтобы силой хвалиться
И драться?

Нет, мой друг, кулаки
Для того,
Чтоб друзей — защищать!
И врагов — не бояться!

ШЁЛ СОЛДАТ,
ШАГАЛ СОЛДАТ!

Шёл солдат,
Шагал солдат
Сто пятнадцать дней подряд.
Сто пятнадцать дней подряд
Ничего не ел солдат!

Как так? Охо-хо!
Сто пятнадцать дней подряд?
Как так? Охо-хо!
Ничего не ел солдат?

Вот бы в поле,
А-ха-ха!
Кухня полевая!

В ней бы кашка,
А-ха-ха!
Вкусная такая...

Вдруг откуда ни возьмись —
Бабушка родная:
— На, солдатик, подкрепись,
Ждал меня, я знаю.
Кашка масляная,
Ложка крашена...

Долго бабушка меня
Не упрашивала!

БУДЬ!

Будильник входит прямо в сон
И говорит мне: — Будь!
И я встаю, как чемпион,
И отправляюсь в путь.

Два первых шага в полусне,
Потом ещё чуть-чуть,
Качаюсь, будто на волне,
В пути готов уснуть.

И вот — вода, вода, вода!
Как просто сон стряхнуть...
И прав будильник, как всегда,
Сказавший утром: — Будь!

ТЫНЦ-ТЫНЦ-ТЫНЦ

Каждый год, примерно в середине декабря, когда мамы весело покупают ёлочную мишуру, красную икру и форель, в детском саду № 452 у некоторых детей случаются дополнительные — предновогодние — каникулы. Такая традиция. Каникулы называются непонятно — «карантин по гриппу и ОРЗ».

Воспитатели и родители почему-то не радуются карантину. Всё время говорят про какие-то вирусы. В раздевалке с полу убирают ковёр. Надеются, что эти вирусы не захотят жить в группе на голом полу... И испугаются блюдец с резаным чесноком и луком, и градусников, которые букетиком стоят в стакане на шкафчике.

В этом году традиция не нарушилась. В коридорах, раздевалках, спальнях и даже в умывальке надолго обустроился забористый чесночный дух. Утром он просыпался в блюдцах, неспешно потягивался и отправлялся по садику, по всем группам и закоулкам с ревизией. Не встретится ли где заваливающий вирус гриппа или хотя бы ОРЗ? Чесночный дух чувствовал себя хозяином. Он с достоинством шествовал по садику, будто депутат на заводе. Порой чесночный дух перебивал даже терпкий ёлочный запах и аромат благородных мандаринов, что частенько раздавали детям на предновогодние полдни.

Стася грипповала уже второй день. У неё поднялась температура. Не помогли ей ни самоуверенный чесночный дух, ни мандарины.

Павлентий грустил. Не радовали его карантинные каникулы без Стаси. Он, задумчиво упершись лбом в холодное стекло спальни, оглядывал унылый садичный двор и бурчал себе под нос:

— Тынц-тынц. Тынц-тынц-тынц...

Павлентий с утра напевал это «тынц-тынц». Какой-то развесёлой группе приспичило спеть новогоднюю песенку. Слов Павлентий не запомнил, да и мотивчик был так себе. А вот «тынц-тынц» привязалось. И Стаси не было рядом, чтоб отвязать от него это самое «тынц-тынц». Нос Павлентия активно общался непосредственно с чесночным духом.

Сегодня мама привела Павлентия в садик рано. За окном ещё стояла настоящая ночь, подсвеченная фиолетовым фонарным светом да сверкающая редкими снежинками, которые спешили по своим снежиночным делам. Павлентий разглядывал снежинки, производил «тынцев» и наблюдал, как родственники подвозят на санках к крыльцу неповоротливых утренних детей.

Вдруг Павлентию почудилось, что с кленовой старческой ветки на жестяной подоконник-приступочку, что бывает с той стороны окна, спрыгнул снежный человечек. Ростом с Пашкин кулак. Человечек был совсем как большой снежный человек. С широкими ступнями и ладошками, с розовым жизнерадостным личиком. И весь — с головы до ног покрытый длинной белой шерсткой. Шерстяной белянчик приветливо

помахал Павлентию рукой и пошевелил микроскопическими пальчиками.

Павлентию с утра не хотелось удивляться, да и настроение неподходящее — карантинное по гриппу и ОРЗ. Он только рассеянно покачал головой: «Надо же... Я-то думал, что они больши... В кино про мумию точь-в-точь таких же показывали. Только огромных и зубастых... Чего только не почудится без Стаси...»

Павлентий постучал пальцем по стеклу. Стекло сказало «тынц».

— Тынц-тынц. Тынц-тынц-тынц! — уверенно проговорил Павлентий. И снова постучал по стеклу. Тут снежный человечек вытащил откуда-то из-за спины резиновую сантехническую присоску, какой раковины от засора чистят. Мама Павлентия назвала её «ваннус». Видимо потому что её присоска-чистилка жила под ванной. У человечка был в ручках такой же ваннус только, разумеется, маленький. Павлентию, наконец, стало интересно. «И где же у него раковина?» — подумал Павлентий и снова сделал «тынц-тынц» по стеклу.

А человечек тем временем живо присосался ваннусом к стеклу и стал ритмично дрожать под павлентьевы «тынцы». Палентий от удивления «тынцать» престал, зато вытаращил глаза. Снежный белянчик соорудил недовольную гримаску. Павлентий снова сделал «тынц-тынц». Человечек снова присосался к стеклу. Павлентий «тынцал», снежный человек — трясся на ваннусе. Павлентий «тынцал» до тех пор, пока Оксана Михална не позвала его мыть руки перед завтраком. Павлентий отвлекся. И, когда снова посмотрел в окно, то снежного человечка с присоской там уже не увидел. «Точно почудилось! На грипп-ОРЗовом фоне. Надо будет обязательно Стасе рассказать. Уж она найдёт объяснения всяким снежным человечкам с тынцами», — решил Павлентий, и послушно отправился мыть руки.

А снежный человек по имени Йени-олки бережно упаковывал тынцесбиратель в снежную ракету. Снежная ракета взмыла в посветлевшее утреннее небо и стрелой полетела к детскому саду № 444. В соседний квартал. В детском саду № 444 у окошка в раздевалке грустила Иринка. Она думала о своей маме, которая сегодня утром страшно закашляла, затемпературила. И мама не пошла на работу. И пришлось папе отводить Иринку в садик. Иринка стояла. И в задумчивости делала по стеклу «тынц-тынц-тынц».

За утро снежный Йени-олки насобирал в трёх садиках достаточное количество «тынцев», чтоб вышла отличная сверхновая. Ракета Йени-олки летела всё дальше от садиков, от Земли, от Солнечной системы.

...Известный телескоп «Хаббл» днём зафиксировал вспышку крупной сверхновой звезды в знаменитой туманности «Конская голова». ТЫНЦ!!!!

Северина ШКОЛЬНИКОВА

ЗАЧАРОВАННЫЙ ЛЕС

Уткнулись пирамиды пихт
В белёсый край небес.
Сурово мрачен, странно тих
Настороженный лес.

Следов ни строчки на снегах,
И дятлы не слышны...
Наверное, в таких лесах
И жили колдуны.

Вот выйдет,
Страшен и космат,
Пронзительный
Уставит взгляд...

И жуть, и хочется свернуть,
Но что-то тянет всё ж.

И замечаешь как-то вдруг,
Как этот лес хорош,
Как пихта каждая стройна,
И как белы снега,
И как серебряно-черна
Молчащая тайга.

С душой встревоженной скользишь
На крыльях лёгких дум,
И в зачарованную тишь
Ведет, ведет колдун -

Туда, где сказку намело,
Подальше от людей,
Где берендеево село
И сам он - берендей...

Янис Грантс

КОМНАТА СТРАХА

Страшилка

Вова трясся под кроватью,
А вокруг сгущалась тьма —
Шли по комнате два платья,
Но без бабушки и ма...

Вова спрятался за шторой.
Успокоился едва,
Только скоро, очень скоро
Кто-то сзади Вову схва...

И забегали мурашки
Табунами по спине.

Жутко! Больно! Страшно! Тяжко!
Не спастись! Не выжить! Не...

С потолка спускались к Вове
Паучищи в три ряда,
Чтоб напиться вдоволь крови,
Вове кости обглода...

Всё закончилось прекрасно!
Вова жив! Доволен он,
Потому что вместе с классом
Посетил аттракцион.

Юрий КИЩЕНКО

ПЧЁЛКА

Пчёлка летала,
Пчёлка трудилась...
Под дождик попала
И простудилась.
Ну кто ей поможет,
Такой одинокой?

Солнышко, может,
Иль день синеокий?
А может, поможет
Ей ложечка мёду...
Ну где его взять
В грозовую погоду?

Лилия ГАФАРОВА

ВЕСНА

«Весна, весна на улице»,
Щебечет воробей.
Об этом пёстрой курице
Летит сказать скорей.

«Смотрите, тётя Курица,
На улице весна.
От этого вся улица
Проснулась ото сна.

Деревья сарафанчики
Готовятся надеть.
И море одуванчиков
Готовятся желтеть».

«Весна, весна на улице»,
Щебечет воробей.
А курица волнуется
И жёлтых ждёт детей.

Рафаэль ВАЛИТОВ

ВЕСЬ ДЕНЬ ГАДАЕТ ДЕТВОРА

Весь день гадает детвора,
Не знает ничего –
Он в клетке был ещё вчера,
А нынче нет его.

Уже готовый зареветь
На стенку сторож влез –
Лохматый северный медведь,
Пушистый северный медведь
Куда-то вдруг исчез.

Гремит директор словно медь,
Уже багровый весь –
Любимый северный медведь,

Бесценный северный медведь
Куда-то вдруг исчез!

А через месяц вдруг – глядим:
Медведь вернулся сам.
И обо всем, что было с ним
Признался честно нам.

И за переполох скорей
Он просит всех простить –
На полюс к бабушке своей
На полюс к бабушке своей
Он ездил погостить.

Ирина ЕЖОВА

ОБИЖЕННАЯ ЖАБА

Меня считают гадкою!
Противной! Безобразною!
А я бываю доброю!
А я бываю разною!

Ква-ква! Прошу прощения,
Но так порою хочется

Простого обращения,
По имени, по отчеству!

Сижу, глазами лупаю,
Пупырышками кожица,
И очень рада случаю
Проходим строить рожицы!

Елена РАННЕВА

ДОЖДИК, КАК ИЗ ЛЕЕЧКИ

Дождик, как из леечки,
Поливал скамеечки,

И берёзку, и дубок,
И букашек, и цветок.
Кап-кап, капельки,
Дождик маленький.

Дождик, капель не жалей,
Лей, пожалуйста, сильнеей,
Напои землю
свежею водицей!

Елена СЫЧ

КАШКА

— Вот честное слово,
Ребята, не лгу!
Бывает, что кашка
Растёт на лугу.

Не манная кашка
Молочная.
Особая кашка —
Цветочная!

Растёт на лугу
И качается.
До самой зимы
Не кончается!

Антонина ХРАМОВА

КТО НА ЗАВТРАК БУДЕТ КАШУ?

- Кто на завтрак будет кашу?
- Света.
- Вика.
- Саша.
- Кто же будет чай с конфетой?
- Саша!
- Вика!
- Света!
- Кто будет на обед рагу? —
- Не я!
- Не буду!
- Не могу!
- Куда же нам девать рагу!?
- Накормим Бабушку Ягу!

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ВЕК В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Идея

Город — наш дом. Надо жить в красивых, удобных домах, видеть широкие, чистые улицы и проспекты. На них хотелось бы видеть зрелищные, запоминающиеся, креативные художественные композиции от классики до авангарда. Их крайне мало. Редкие постаменты в центре города украшены знаковыми, потемневшими от времени историческими фигурами. Непростая история нашей страны нередко рождала сомнительных героев.

В тоже время Челябинск — один из перспективных миллионников России, который можно сделать по-настоящему красивым городом. У нас удачно, в отличие, например, от Омска, сочетается компактная жилая зона с тихой, живописной, рассекающей центр рекой и уникальным сосновым бором. Нам повезло, что в сороковых годах прошлого столетия плеяда талантливых московских архитекторов — Е. В. Александров, Ф. Л. Серебровский, Д. Л. Бернштейн и другие — задала столичный уровень парадигме развития городского пейзажа. Сегодня их последователи, выпускники уральских архитектурных факультетов подхватили творческую эстафету, повернули северо-западную жилую зону на юг и замкнули кольцо вокруг лесного массива. На смену серым, невзрачным коробкам семидесятых годов пришли симпатичные, цветастые высотки на Тополиной Аллее.

Вспоминаю начало шестидесятых. Выхожу из поезда на площадь. Слева забор. Новый вокзал ещё только строится. Взору открывается самострой деревянных, покосившихся от времени разноэтажных домиков, магазинов, лавочек, забегаловок. Вдалеке заводские трубы. Это район «колюхи», прямо — «переселенка». Деревянные срубы домов на вокзальной площади пошатываются и скрипят, когда трамвай, иногда деревянный, пробирается на конечную остановку. Слышен гудок паровоза — это маневровый, в облаках пара медленно тащит несколько грузовых вагонов по будущим улицам Курчатова (район назывался «шешнадчик», Энтузиастов, через проспект Ленина к элеватору на берегу Миасса. Ближе к центру города, по улице Свободы, пейзаж меняется, на узкую асфальтированную улицу ложатся тени многоэтажных домов, тогда их ещё не называли «сталинками». Ну а в центре, вдоль проспекта, с востока на запад, уже выстроились громады пяти-шести-восьмиэтажных домов с незатейливой, но эффектной лепниной, строгими карнизами античных пропорций, стройными пилястрами, балконами, вивьютками с серпом и молотом.

Город — это открытая книга, которую невозможно захлопнуть. Идёшь ты или едешь, страница за страницей. Иллюстрации этой книги — событийные объекты. Памятники, стелы,

монументы, барельефы — это наша история, память, след во времени, послание потомкам, миру.

Километры улиц, громадные столешницы площадей, перекрёстков, если раздвинуть густые заросли назойливой рекламы, могут стать носителями полезной информации, напоминанием об историческом событии, источником положительных эмоций, судьбоносной подсказкой детским фантазиям. А мы забываем подумать: что подрастающее поколение, покидая песочницы и дворовые «грибки», видит из окна трамвая или папиной машины по пути в школу? На чём задержится детский взгляд, если всё свободное пространство залеплено рекламной коростой? Безудержная карнавализация нашей жизни даёт первые результаты. «Солнце вращается вокруг земли» — утверждают 28 процентов молодых людей, низкобальники ЕГЭ переведены в льготную категорию, 77 процентов молодёжи процентов не читают книг. Наркомания косит молодых, как на войне.

Человечество перевалилось в двадцать первый век. На дворе фотонная революция, умножающая наш интеллект, генерация живых органов, продляющих жизнь, роботизация, смешение рас и народов, рождение новых смыслов. Отчасти ответы на эти вопросы мы должны находить в городском пространстве. Если не героизмом, то хотя бы интеллектуальным содержанием можно наполнить улицы города. Эстетика улиц, культурная, эмоциональная составляющая отстала от поступи жилой застройки. Проблему не решают ни редкие формальные, для галочки, конкурсы дизайнеров, ни точечные появления инсталляций — слоников, машинок с цветочками, буквочек. Даже талантливые памятники великим и достойным людям иногда неуместно смотрятся на оживленных перекрестках в круговороте спешащей по делам толпы, рядом с торговой сутолокой. Безусловно, нужна серьёзная городская программа развития уличного дизайна наряду со строительством жилья.

Правильной была реплика нашего сити-менеджера С. В. Давыдова о столбах на центральных улицах, обвешанных гирляндами чёрных проводов, о дверях подъездов, завешанных лохмотьями объявлений. Недавно мелькнул в прессе запрос, весьма своевременный, на въездные ворота в наш город. Причём, не надо забывать о деловых визитах иностранных делегаций, участников чемпионатов, инвесторов, бизнесменов, рука которых вряд ли потянется к кошельку при виде примитивного пейзажа, как выразителя интеллектуального уровня нашего социума. Вообще ребрендинг Челябинска назрел давно. Повисла в воздухе, в прямом и

переносном смысле, хорошая идея астронома Н. Н. Горькавого о создании культурного центра «Метеоритный след». У нас должна быть не просто большая рабочая слободка для ночёвки между сменами, как раньше говорили, а современный, привлекательный во всех отношениях мегаполис со своим стилем, памятными знаками, яркими, оригинальными архитектурными объектами. Каждый городок ищет достойный повод, событие, поступок, чтобы рассказать об этом своим потомкам, туристам, привлечь внимание. Город Мышкин, как это ни смешно, создал музей и установил памятник мышши, город Муром — хлебному калачу. Это, отчасти, и есть составляющая настоящего патриотизма, уважения к родным местам, о котором бесконечно говорят, призывают, но мало делают. Реклама как двигатель прогресса иногда превращается в скрипучий тормоз цивилизации. Объём рекламы и место установки в других странах строго дозируется городской архитектурой. Такого безобразия, которое устроили на стенах и окнах нашего магазина «Детский мир», там не увидишь. А ведь это здание — шедевр архитектуры.

Недавно в недрах кафедры архитектуры ЮУрГУ родилась и оформилась идея создания астропарка на улице академика Королёва. На широком бульваре по центральной аллее размещаются объекты, связанные общим смыслом — стремлением человека познать и изучить мир, покорить высоту и космос. Первыми должны быть установлены *солнечные часы*, — созданные на заре человечества с целью упорядочить время и собственную жизнь. Выполненные из металла с минимальным орнаментом, высотой шесть метров, они смогут показывать не только время, но и дистанцию между прошлым и сегодняшним днем. Следующими объектами такого же масштаба станут *астролябия*, а за ней *квадрант* — приборы для морской навигации. Далее в любом порядке последуют: *макет метеорита*, *небесная сфера* /взамен планетария/, *шестиметровый пространственный глобус земли*, *рельефная карта* нашей области длиной двенадцать метров, *макет солнечной системы*, *модель атома*,

радиолокатор нашего завода и, наконец, *оболочка баллистической ракеты* миасского завода. Представьте себе восторженные детские глаза, радостные возгласы восхищения достижением инженерной мысли. Мальчишка после знакомства с такими игрушками дома в интернете будет искать ответы на загадки вселенной, а не рецепты спайсов. Этот эскизный проект, выполненный студентами ЮУрГУ под руководством архитектора А. Ю. Алёшина, имеет продуманные композиции, стилизованные постаменты. Нынешнее увлечение парками в стиле «милитари» с пушками, танками и «катюшами» неплохое и недорогое мероприятие, но как бы деструктивно, ибо ассоциируется с войной, подсознательно направлено на разрушение.

Падение метеорита в 2012 году — настоящий повод создать «метеоритную линию» для гостей и туристов нашего города. Редчайшее событие, техногенное космическое происшествие — тема ряда художественных композиций для установки на пустынных перекрёстках и улицах нашего города. Яркие, в прямом смысле, запоминающиеся изображения метеорита могут быть размещены на больших развязках, на прогулочных бульварах, на входах в парки или скверы, у здания аэропорта. Носителями памятного происшествия могут стать и трамвайная остановка, и мост, и здание любого типа.

Продолжая тему уличного дизайна, хотелось бы напомнить, что в нашем городе живёт и работает плеяда талантливых художников, скульпторов, дизайнеров. Мне приходилось бывать в мастерских В. Митрошина, В. Авакяна, Е. Щетинкиной, А. Разбойникова. Эти талантливые художники — сокровище нашей области. Жаль, что на улицах нашего города мало их работ. Хотелось бы, например, увидеть на одной из площадей памятник-инсталляцию из бабочек Александра Разбойникова в исполнении Елены Щетинкиной. Во дворе жилого дома по улице Мебельной ждёт своего часа многотонный обломок скалы, чтобы стать постаментом для работы Виктора Митрошина.

Всё-таки красивый город надо построить для будущих поколений.

Олег ЧЕРНЫШЁВ,
выпускник аэрокосмического факультета (ДПА) ЮУрГУ (1970);
автор проектов памятника метеориту

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ.

К 80-летию Челябинской областной писательской организации 3

О ПОВЫШЕНИИ РОЛИ ПИСАТЕЛЕЙ В ОБЩЕСТВЕ. Пресс-конференция 6

ПРОЗА

- . Рустам Валеев. Павлик. *Рассказ* 7
- . Ким Макаров. Атака. *Рассказ* 9
- Былое. *Рассказ* 10
- . Валерий Мякушко. Взорванное время. *Отрывок из повести.* 11
- . Анатолий Столяров. «Мужичок» с семью усами. *Рассказ* 12
- . Александр Романов. Цена вопроса. *Рассказ* 14
- Вспоминая Авла Персия 18
- . Наталья Крупина. Рекламное чудо. *Рассказ.* 21
- Подарок от Снегурочки. *Рассказ* 22
- . Вероника Черных. Хризантемы. *Рассказ* 25
- . Наталия Левитина. Шапочка с помпоном. *Рассказ.* 26
- . Владимир Натансон. Выйти из комы. *Рассказ* 32
- . Ольга Егорова. Последняя война. *Рассказ* 35
- . Елена (Лёка) Егорова. Молодой старик. *Рассказ* 38
- Голод. *Рассказ.* 39
- Немного о вечном. *Рассказ* 40
- . Галина Фёдорова-Косарева. Встреча клонов. *Современная сказка* 40
- . Владимир Курбатов. Стынет пепел в созвездье Весов. *Ироническая фантастическая повесть* . 45
- . Михаил Рудковский. Музыкант. *Рассказ.* 57

ДОРОГА К ХРАМУ

- . **Лилия Кулешова. Ты мне открыл святой Урал.**
Повесть о святом праведном Симеоне Верхотурском (в сокращении) 62
- . Олег Кудзоев. Ахтырская икона Божьей Матери. *Очерк* 66

ИМЕНА НАШЕЙ ПАМЯТИ

- . Вера Киселёва. *Стихи* 71
- . Геннадий Суздеlev. *Стихи. Предисловие Ю. Попова* 72

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

- . Михаил Рудковский. Неповторимая страна. *Эссе* 75
- . Галина Фёдорова-Косарева. Цыпляти по осени считают. *Эссе* 76
- . Анатолий Афонин. Право на ненависть. *Заметки о войне* 78

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕХИ

- . Татьяна Маркова. «В междузорье вмещается жизнь». *К 80-летию со дня рождения Л. Татьяничевой* 81
- . Анатолий Столяров. Воспоминания о писателях. Его проза была проста.
90-летию писателя Петра Михайловича Смычагина посвящаю.
Будь, Куница! Памяти замечательного поэта, троичанина,
члена Союза писателей России Александра Куницына 84

Трибуна

- . Олег Павлов. О «современности» в литературе и искусстве. *Эссе* 86

Поэзия

- . Николай Година. *Стихи последних лет* 88
- . Салим Фатыхов. *Из неопубликованного* 89
- . Нелли Ваторопина. *О любви.* 91
- . Сергей Абраменко. *Образ* 91
- . Константин Рубинский. *Новое* 93
- . Алевтина Терпугова. *Пока идут песочные часы* 94
- . Владимир Шахматов. 95
- . Протоиерей Алексей Зайцев. 97
- . Любовь ДУБКОВА. 99
- . Юрий Попов. 100
- . Андрей Бойков. 101
- . Анна Алфёрова. 102
- . Михаил Стригин 103
- . Юрий Елизаров 104
- . Алла Федосеенкова 104
- . Сергей Рыков 105
- . Юрий Дворников 106
- . Юрий Кищенко 106
- . Владимир Коровин 107
- . Олег Павлов. *Из неопубликованного* 108

Край родной, страна родная

- . Виктор Гринимаер. *Вот моя деревня. Очерк* 111
- . Валентина Сиволапова. *Уральская Рица. Очерк.* 117

Представляем творчество новых прозаиков и поэтов — членов Союза писателей России

- . Александр Шубин. *Стихи* 121

. Владимир Стог. Лечение от учения. <i>Рассказ</i>	122
. Мария Андреевских. Включите тьму. <i>Рассказ</i>	126
. Ольга Фомичёва. <i>Стихи</i>	118

ОБРАЗ ЖИЗНИ: ЛЮБОВЬ К СЛОВУ

. Ирек Сабиров. Настоящее братство. <i>Литературное объединение «Элегия»</i>	119
. Ирина Рункова. Дыхание творчества. Читательский отклик	123
. Айвенго Сиразитдинов. Похвальное слово роману. Писательский отклик о романе Зои Прокопьевой «Своим чередом»	126

ЧИТАЙТЕ ДЕТЯМ

. Нина Пикулева. Вместе плакать веселей. <i>Стихи</i>	137
. Марина Юрина. Тынц-тынц-тынц. <i>Рассказ из цикла «Золотой орех»</i>	139
. Северина Школьниковая. Зачарованный лес. <i>Стихи</i>	140
. Янис Грантс. Комната страха. <i>Страшилка</i>	140
. Юрий Кищенко. Пчёлка. <i>Стихи</i>	140
. Лилия Гафарова. Весна. <i>Стихи</i>	141
. Рафаэль Валитов. Весь день гадает детвора. <i>Стихи</i>	141
. Елена Раннева. Дождик, как из леечки. <i>Стихи</i>	142
. Елена Сыч. Кашка. <i>Стихи</i>	142
. Антонина Храмова. Кто на завтрак будет кашу? <i>Стихи</i>	142

АКУПУНКТУРА ОТЕЧЕСТВА

. Олег Чернышёв. Двадцать первый век в городском пространстве. <i>Идея</i>	143
--	-----

